

Журнал

Редактор Евгений Беркович

**СЕМЬ
ИСКУССТВ**

Наука

Культура

Словесность

9/2012

Журнал
«Семь искусств»

Сентябрь 2012

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник Дорота Белас

2012

Журнал

«Семь искусств»

Сентябрь 2012

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная вёрстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер

Издательство «Общества любителей еврейской старины»

Содержание

Евгений Майбурд	
Экономика коллективного действия	5
Наталья Завойская	
Современники <i>Sine ira et studio</i>	51
Эдуард Бормашенко	
О Толстом	108
Максим Кантор	
Правила хорошего тона	118
Артур Штильман	
Американцы в Москве	124
Виктор Юзефович	
«Многоуважаемый Николай Густавович...»	149
Лев Мадорский	
Александр Бакиши – посланник из будущего?	173
Геннадий Несис	
Вернуться в прожитую жизнь	180
Юрий Фельдман	
Сорок лет спустя	203
Игорь Ефимов	
Филипп Рот (1933-)	209
Илья Куксин	
Василий Васильевич Леонтьев	237
Юлия Драбкина	
Полбеда	252
Борис Гулько	
Призрак коммунизма	260
Борис Курланд	
Фантик	267
Фреда Калин	
Мы с тобой два берега	293
Елена Матусевич	
Отпущение грехов	306
Владимир Савич	
«Табуретка Мира»	313
Алекс Гарн	
Треугольник рационализма	362
Юрий Магаршак	

Космос русской речи	377
Соня Тучинская	
Лети, корабль, неси меня к просторам дальним... ..	385
Об авторах	407

Евгений Майбурд

Экономика коллективного действия

Теория коллективного действия есть центральный предмет политической науки.

Здесь – корень оправдания государства.

Проблемы коллективного действия возникают в международных отношениях, встают перед законодателями, формирующими бюджеты, пронизывают государственную бюрократию и являются стержнем в объяснении выборов, образования организованных интересов и контроля гражданами правительства в демократиях.

Если политологи не располагают эмпирически обоснованной теорией коллективного действия, тогда мы отмахиваемся от самой сути.

Боюсь, мы только этим и занимаемся.

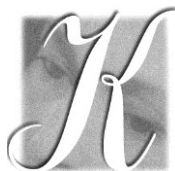
Элинор Остром.

Нобелевская премия по экономике 2009 г.

Как бы мы ни старались, мы никогда не найдем по-настоящему сильного общества, не опирающегося на свободное волеизъявление людей.

Алексис де Токвиль. «Демократия в Америке»

Коллективное действие

*К*оллективным действием здесь называется совместное действие организованной группы индивидов, то есть, их добровольное сотрудничество ради достижения общей цели. Нередки ситуации, когда группа людей может достичь какой-то

цели или общей выгоды только путем объединения в коллектив – путем *кооперации*. Выгода, таким образом достигаемая (в чем бы она ни выражалась), называется *коллективным благом*. Частным случаем коллективных благ являются *общественные блага*. Примеры общественных благ: оборона страны, служба наблюдения и предсказания погоды, интернет, пожарная охрана, охрана правопорядка, уличное освещение, государственные школы, волонеры в портах и т.п.

Проблемами кооперации, то есть, свободного объединения индивидов в целенаправленную группу, занимаются социология, антропология, математическая теория игр и, с некоторых пор, экономическая наука. Область, где возможны и наблюдаются коллективные действия, весьма и весьма широка, сами формы коллективных действий очень разнообразны. Общая тема, заявленная в названии главы, фактически представлена здесь только четырьмя самостоятельными сферами социальной действительности: организованные интересы, ресурсы общего пользования, системы предоставления общественных благ, административное устройство и политическая структура... А можно сказать, что это разные грани общей проблемы самоорганизации индивидов.

I. Организованные интересы

Мэнсер Олсон

Его достижения до такой степени уже вошли в общественное сознание, что многим могут казаться как бы само собой разумеющимися. Но нужно представить себе, в какой контекст угодили эта идеи в свое время, в середине 60-х годов XX в.

Например, в политологии существовал консенсус относительно того, что действия и конкуренция *групп организованных интересов* есть одно из проявлений существа самой демократии. Какие-то группы добиваются своих целей, какие-то – нет. Что ж, значит, у первых больше членов, или они лучше организованы, или они более целеустремленны, или все вместе. Это - плюрализм в действии, а лоббирование есть нормальный институт демократии.

Теперь глянем на дело следующим образом. Общий интерес потребителей автомашин (продуктов питания, одежды, хозтоваров...) состоит в том, чтобы цены были как можно ниже. Общий интерес производителей (автомашин, одежды, продуктов, хозтоваров...) в том, чтобы цены были как можно выше. Кого в стране больше – производителей или потребителей? Понятно,

вторых. Значит, демократическое государство – институт, наиболее организованный и целеустремленный, располагающий самыми большими ресурсами и *представляющий большинство населения*, – будет на стороне потребителей и не станет способствовать росту цен на товары массового потребления, верно?

Абсолютно неверно. В ситуациях подобного выбора, государство, способствует росту потребительских цен чаще, чем их понижению. Это – эмпирический факт. Почему и как такое происходит, никто не мог объяснить, пока не появилась блестящая работа Олсона.

Говорят, что он на всю жизнь сохранил легкий скандинавский акцент и простые манеры, иногда веселившие друзей. Мэнсер Олсон¹ родился в 1933 г. в семье фермера в штате Сев. Дакота – крайний север США, совершенная «деревня» (там и жил Роки-Раун из баллады Битлз). Учился сперва в фермерском колледже Сев. Дакоты. Затем еще в одном из колледжей штата, после чего оказался соискателем-докторантом в Гарварде. После защиты в 1965 г., был профессором в Принстоне, а с 1969 – профессором в Университете штата Мэриленд. В 1998 г. Мэнсер Ллойд Олсон скорострительно скончался от инфаркта.

Докторская Олсона называлась «Логика коллективного действия», ее тепло одобрил «сам» Гэлбрейт. Вслед за защитой вышла книга под тем же названием и немедленно стала бестселлером². Книга переведена на множество языков, включая японский и русский.

Парадоксы Олсона

Действительно, не разумно ли предположить, что если все члены группы разделяют общий интерес, группа будет стараться продвигать этот интерес? И потому, развивая тему, не естественно ли ожидать, что граждане с общим политическим или экономическим интересом организуются и будут лоббировать в пользу своего интереса? Скажем, потребители, ощущая вред от

¹ В некоторых русских изданиях имя ученого передается как «Мансур» Олсон. К такому в компанию сразу присяются какие-нибудь Махмуд Хёлстром, Мустафа Свенсон и прочие Абдуллы. Может, там скоро будет и такое, но это не относится к нашему Олсону, который произносил свое имя как Мэнсер. Будем же его уважать.

² Mansur Olson. *The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups*. Harvard University Press, 1965

какой-то монополии, создадут свою ассоциацию, которая будет добиваться защиты интересов соответствующей группы, не правда ли? В подобных предположениях нет ничего экстраординарного. В самом деле, если люди некоторой категории или класса населения чувствуют общий интерес, и если этот интерес дает себя знать достаточно явно, тогда, скорее всего, группа скооперируется и будет действовать соответственно.

Увы, на деле эта логика работает далеко не всегда. Можно сказать, она работает выборочно.

Подойдем к проблеме с другой стороны. Допустим, при Конгрессе есть сильное лобби Ассоциации производителей молока. Эти производители обожают государственные программы поддержки цен на молоко. «Поддержанные» цены выше уровня цен свободной конкуренции (для того и нужна им эта поддержка). Они выгодны молочникам и бьют по карману потребителей, особенно многодетных. Отчего бы такому сильному лобби не пробивать какую-то программу, которая повысила бы общую эффективность в стране и была бы выгодна всем? Почему они так не делают? Обычный групповой эгоизм?

Нет. Оттого, что *даже если им тоже будет выгодно вместе со всеми, им будет невыгодно на особицу*. Этот парадокс и объяснил Олсон.

Допустим, численность «молочной ассоциации» составляет 1% населения страны. Допустим, они преуспеют в лоббировании какой-то «программы всеобщей эффективности». Они пробили билль, затратив 100% своего времени и ресурсов, а получают 1% всеобщей выгоды. Допустим, они затратили на пробивание билля 50 тыс. долл. и в результате все население страны стало богаче на 1 млн. долл. Их доля составит всего 10 тыс. долл. Прямой убыток. При данном соотношении чисел, им будет выгодно пробивать подобный билль только, если на их долю придется больше 50 тыс. долл. Для этого билль должен увеличить богатство страны больше, чем на 5 млн. долл. Иначе расходы не окупаются.

Теперь нарисуем более реалистичную картину: ассоциация молочников пробивает билль, выгодный только молочникам, - скажем, «поддержка цен на молоко». Расходы на лоббирование составляют те же 50 тыс. долл., и доходы производителей молока вырастают на 10 млн. долл. Молочники оплачивают 100% расходов на пробивание билля, но получают уже не 1% выгоды, а всю выгоду, все 100% . При этом, их суммарный ущерб (как покупателей молока) от этой меры составляет 1% общего ущерба всех потребителей.

А ведь подобной деятельностью занимаются не одни только молочники. «Никому не уберечься, когда заседает Конгресс, включая конгрессменов. Лоббисты преследуют их и их помощников, пробивая предпочтения, налоговые льготы, гранты, протекции»³.

Почему деятельность групп давления, или *групп организованных интересов*, по общему правилу, вредит обществу? «Общество, насыщенное группами специальных интересов, подобно посудной лавке, заполненной борцами, - пишет Олсон. – Они дерутся за ее содержимое, разбивая больше, чем могут унести с собой». Ниже увидим, как это выглядит с точки зрения экономики.

Однако, если активность таких групп ведет к грабежу потребителей, почему бы и этим не организовать ради защиты своих интересов? Здесь ответ Олсона еще более парадоксален: потому что *им это не выгодно*.

Возьмем те же цифры. Потребителям нанесен ущерб в сумме 10 млн. долл. Если население страны считать в 250 млн. чел. (как было в 60-х), ущерб на одного человека составит, в среднем, 4 цента. Выгода же одного молочника составит 4 долл. Его стимул в сто раз сильнее стимула потребителя. Если последний захочет заняться защитой своих интересов, ему нужно для начала (только для начала!) собрать определенную информацию. Это стоит денег, времени и усилий ума. Одни лишь звонки своему депутату обойдутся ему гораздо больше 4 центов.

Более разумным выходит игнорировать специальные блага, даваемые другим за твой счет, если тебе это обходится всего в 4 цента.

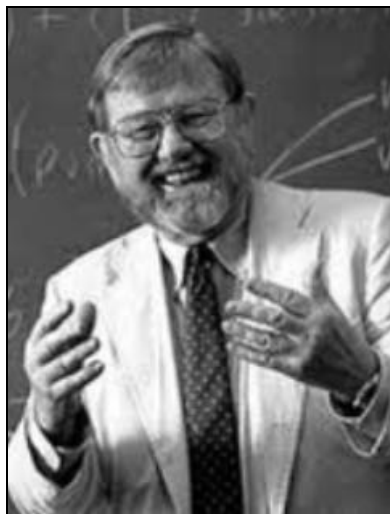
Однако сказанным дело не исчерпывается. В принципе возможны другие соотношения чисел, при которых ущерб потребителя может оказаться существенно выше 4 центов. Да и вообще, возможны ситуации, когда сильный стимул налицо, и людям было бы явно выгодно скооперироваться для общего дела. Ну, теперь-то потребители сорганизуются и начнут свою кампанию? Ответ Олсона: совсем не обязательно, а скорее - нет.

Группы большие и малые

Потребители какого-то блага теряют, например, от монополии или от тарифа. Им бы стоило объединиться, чтобы

³ Todd Buchholz. *New Ideas from Dead Economists*. Plume/Penguin Books. 1999 // Тодд Бакхолз. «Новые идеи от умерших экономистов».

лоббировать отмену тарифа или бойкотировать монополию. Это требует от каждого пожертвовать на общее дело какое-то количество денег и времени. Успех подобной акции даст каждому некую долю общей выгоды. Но тот факт, что выгода достается всем, порождает то, что ученые назвали *free rider problem*. По-русски это обычно звучит как *проблема безбилетника*. Здесь существенно, что *безбилетник* норовит проехать не просто бесплатно, но, именно *за счет своих компаньонов*⁴.

Мэнсер Ллойд Олсон

Когда я подростком ездил «зайцем» в автобусе, я знал, что обманываю *государство*, и не считал это грехом. Что такое «государство» для пассажира советского автобуса? Пустая абстракция. Но вообразим другой случай. Жители отдаленного микрорайона недовольны работой городских автобусов (редко ходят и пр.). Они избирают совет, который решает завести свою базу автобусов и содержать ее за счет продажи автобусных билетов (кто чаще ездит, тот больше платит). Если Иван норовит ездить «зайцем», он обманывает уже не абстракцию, а своих соседей.

Таков смысл *проблемы безбилетника* в теории поведения групп. Проблема здесь больше и серьезнее, чем этичность (или

⁴ Об этой проблеме писалось в статье о теории игр. См. <http://7iskusstv.com/2012/Nomer7/Majburd1.php>

неэтичность) Ивана. Сама возможность такого поведения часто приводит к тому, что коллективное действие может не состояться. Одни выбирают «проехать зайцем» - получить коллективное благо «на халяву». Другие, предполагая такое поведение со стороны каких-то незнакомых им членов группы, выбирают вообще не участвовать в коллективном действии.

Наиболее высока вероятность такого исхода, когда речь идет о больших группах, где не все знакомы между собой. Такой большой группой является в нашем примере совокупность потребителей, страдающих от монополии или тарифа. Количество их может исчисляться миллионами. Скинувшись «по чуть-чуть», они собрали бы очень приличные деньги, на которые можно было бы провести успешную кампанию, добиться успеха и принести выгоду всем членам группы. Однако, каждый, зная лично только ничтожную долю общего числа членов группы, подозревает, что многие захотят быть «зайцами», и потому воздерживается от участия в акции⁵.

Тем не менее, мы знаем немало примеров больших групп, успешно защищающих свои групповые интересы. Достаточно назвать профсоюзы и другие профессиональные ассоциации (врачей, адвокатов...), ассоциации производителей по отраслям (фермеры, фармацевты...). Их множество. Каким образом удается им коллективное действие?

Ответ Олсона: такие группы успешны, потому что *их скрепляет нечто иное*, нежели обеспечение коллективного блага. Олсон называет это: *selective incentives – селективные стимулы*. Они могут быть негативными или позитивными.

Негативный стимул – это ущерб или наказание того, кто не поддерживает коллективное действие. К примеру, в американских профсоюзах членские взносы взимаются либо принудительно, либо автоматически – через конторы. Открыто же выражать несогласие бывает по-настоящему опасно для здоровья.

Пример позитивного стимула – уплата взносов страховыми компаниями, связанными с данной ассоциацией. Так бывает (или было) у фермеров. В иных случаях позитивные побуждения обеспечиваются различными льготами (так называемыми «клубными» благами), доступными только «своим», только членам группы, – от возможности публиковаться в

⁵ Существуют, тем не менее, ассоциации по защите потребителей. В основном, как я понимаю, они занимаются качеством потребительских благ.

журналах ассоциации и до групповых выездов, скажем, в круизы или в Лас-Вегас.

Заметим, что группы с селективными стимулами, в основном, и представляют собой группы специальных интересов. Такие группы (так сказать, «доильщики») организованы, целеустремленны и энергичны, потому что у их членов стимулы высокой эффективности. Те, кого «доят», разобщены, и группы эти недействительны. Потому что у их членов нет достаточно сильных стимулов для борьбы против эксплуатации со стороны первых. Или/и потому еще, что существует и не решается проблема «халявщика». Так что, в общем случае, вторые обречены проигрывать в этой игре, а общество – терпеть ущербы и снижение совокупной эффективности.

Общее правило Олсона: *При прочих равных, чем больше число участников, получающих выгоду от коллективного действия, тем меньше доля выгоды, приходящейся на одного участника. Поэтому, в отсутствие селективных стимулов, с ростом численности группы побуждение к групповому действию уменьшается, так что большие группы менее способны действовать в общих интересах, чем малые.*

В малых группах могут быть добавочные селективные стимулы – как отрицательные, так и положительные. Большинство из нас предпочитает для себя среду людей, близких нам по духу, пристрастиям, взглядам или иным свойствам. Остракизм или просто отчуждение будет сильным отрицательным стимулом для того, кто не захочет участвовать в общей нагрузке (в чем бы это ни заключалось), необходимой для коллективного действия. Напротив, для особо активных членов, берущих на себя больше средней доли нагрузки, положительным стимулом будет одобрение или восхищение коллег.

Все сказанное до сих пор о трудностях организации коллективного действия справедливо в предположении, что имеется полный консенсус членов группы в вопросах о том, какое благо желательно, в каких количествах и каков наилучший способ его получить. По наблюдениям, большинство *реальных* групп взаимодействующих индивидов довольно однородны социально, и многие люди не очень стремятся к взаимодействию с теми, кто существенно отличается от них статусом, вкусами и пр. Поэтому, даже если некоторая категория индивидов могла бы получить выгоду от коллективного действия, если в группе имеет место большая неоднородность, это может воспрепятствовать взаимодействию, которое необходимо для эффекта селективных стимулов. В неоднородных группах труднее достичь согласия о

том, чего именно они ждут от коллективного действия или какое количество коллективного блага заслуживает того, чтобы из-за него стараться. А если нет консенсуса – нет и коллективного действия. Или, если действие все же удастся организовать, это требует дополнительных затрат на переговоры, убеждение и согласования.

Информация и поведение

Выше упоминался индивид-потребитель, которому махнуть рукой на то, что его «доют», выгоднее, чем собирать информацию о том, как с этим бороться. Такая позиция характерна вообще для члена большой группы, не обязательно потребителя. Если бы он посвятил изрядную долю своего времени изучению политики вне своей группы и поведения лидеров, он мог бы отчетливо представлять, за кого или что лучше голосовать, чтобы получить эффективный результат. Однако он знает, что его голос практически не имеет никакого влияния на исход голосования, так что его знание и расходы, потраченные на приобретение информации, – все это «напрасный труд». Поэтому он выбирает то, что ученые называют *рациональным неведением*. «Рациональное», потому что это является предметом более или менее осознанного выбора индивида. Типичный член большой группы – *рациональный невежда* в делах публичной политики.

Так как сбор и обработка информации требуют издержек, информация есть *ограниченное благо*. В том числе, информация об общественном благе, которая сама *является общественным благом*. И есть такие категории населения, которые могут – благодаря своему положению или особому умению – извлекать выгоду из такой информации. Это – политики, лоббисты, журналисты и ученые социальных наук. Какую выгоду? Всякую – деньги, власть, престиж... Иногда некая исключительная информация может принести (и приносила) большие деньги на бирже.

Налицо асимметрия информации об общественных благах между вышеуказанными категориями населения, с одной стороны, и обычными гражданами, выбирающими рациональное неведение, с другой. Как раз в силу такой асимметрии становятся возможными лоббирование и соответствующее поведение депутатов. Если бы широкая публика была достаточно осведомлена, политикам было бы гораздо труднее сговариваться с лоббистами в ущерб ей, так как это угрожало бы их переизбранью.

Эта асимметрия информированности многое объясняет. Например, интересные вещи в налогообложении. Прогрессивное

подходящее обложение в демократических странах *как бы* выполняет функцию некоторого сглаживания неравенства доходов. Так принято говорить, во всяком случае. Однако, лазейки в системе налогов имеют явный уклон в сторону высоких доходов. Прогрессия обложения, говорит Олсон, вещь, всем заметная и понятная, но мало кто из публики разбирается в деталях законов, регулирующих всевозможные списания с облагаемых сумм.

Программы типа Медикер и Медикейд, принятые в некоторых демократических странах, были мотивированы желанием облегчить положение слоев населения с низким доходом. Однако, указывает Олсон, введены они были так и построены таким образом, что наибольшая доля этих фондов идет на рост доходов врачей и других категорий занятых в медицинском обслуживании. Для чего и почему были придуманы эти программы, знает большинство населения, а детали их устройства и механика работы были и остаются понятными небольшому меньшинству.

Общие выводы

Из анализа Олсона следуют выводы довольно пессимистические. Организации коллективного действия в демократических обществах, в подавляющем большинстве ориентированы на *перераспределение* существующих доходов и богатства, а не на *увеличение* этих показателей. Притом, перераспределение идет в пользу групп специальных интересов за счет основной массы населения. Это – *перераспределительные коалиции*, или коалиции *погони за рентой*. Результатом их деятельности является не только увеличение доходов их членов, но также и *снижение совокупной общественной эффективности и величины общественного продукта*. Откуда следует последнее?

Допустим, речь идет о некоей отрасли. Если перемещение добавочных ресурсов в эту отрасль из других вызвано игрой рыночных цен и прибылей, это значит, что ресурс попал туда, где его использование наиболее эффективно. Тогда результатом должен стать прирост общественного продукта. Но если добавочная порция ресурса поступает в отрасль только потому, что искусственно, путем законодательных установлений, поднята цена на ее продукт, либо снижен налог, тогда пользы обществу от этой добавочной порции ресурса будет меньше, чем в том сегменте экономики, откуда она перемещается сюда. Ибо она осталась бы там, если бы не искусственные меры вне рыночного происхождения и характера. И это значит, более эффективным

остается ее использование там, откуда она изъята, чем здесь, куда ее переместили.

Таким образом, с ростом количества перераспределительных коалиций в стране, общественная эффективность и прирост богатства, *при прочих равных*, становятся меньше. Также искусственное, не отвечающее условиям максимальной эффективности, распределение ресурсов неизбежно снижает способность общества применять новые технологии и приспосабливаться к изменению условий. Тем самым, темпы экономического роста замедляются.

Подходящий момент заметить, что эта общая безрадостная картина не обязательно фатальна. Безусловно, явления, о которых говорится, существуют, тенденции имеют место, и анализ Олсона – великолепен. Однако сам же Олсон напоминает нам, что его выводы справедливы *при прочих равных*. Иными словами, это – довольно условная модель, которая показывает, *что может выйти из обнаруженных ученым вещей и тенденций при определенных условиях*, которые редко наблюдаются в жизни в чистом виде. Не бывает в социально-экономической действительности, чтобы все остальное, помимо того, что рассматривает автор, оставалось всегда неизменным. Всегда присутствуют противоположные тенденции и противоборствующие силы. В каких-то случаях они слабее, чем нужно, но они есть и могут возобладать при изменении условий.

Анализ и выводы Олсона – это напоминание о реальной опасности, подстерегающей высокоразвитые общества, и своего рода призыв к дальнейшим поискам решения сложных проблем.

II. Ресурсы общего пользования

Социальные дилеммы

Теория Олсона рассматривает один из частных случаев гораздо более общей *проблемы кооперации* (самоорганизации людей ради сотрудничества). Когда взаимозависимые индивиды оказываются перед выбором – скооперироваться или нет, – перед ними встают определенные вопросы. Без решения этих вопросов кооперация не получается. Общее название таких вопросов – *социальные дилеммы*. Каждая дилемма предлагает выбор – часто, из двух вариантов.

Самый первый вопрос: зачем нужна кооперация? Как правило, необходимость выбора возникает перед членами группы из-за того, что они оказываются перед лицом проблемы, общей для всех. По сути, это и есть дилемма: кооперироваться или нет? Налицо два альтернативных варианта поведения членов группы.

Важно иметь в виду, что *выбор всегда индивидуален* – каждый выбирает для себя самостоятельно, исходя из своих личных предпочтений. Термин *«социальная дилемма»* относится к обширному числу ситуаций, в которых индивиды делают независимый выбор в условиях взаимозависимости.

В одном варианте каждый просто действует на свой страх и риск, стремясь к максимизации своего ближайшего интереса. При этом, как результат его выбора, положение его товарищей (соседей) может ухудшаться сравнительно с иными возможными вариантами его поведения. Пример такой ситуации: человек протискивается вне очереди, чтобы влезть в автобус в числе первых.

В другом варианте может быть достигнута польза для всей группы, но ради этого ее члены должны действовать коллективно, согласовывая свое поведение. То есть, каждый поступается чем-то личным ради общего блага (от которого он, конечно, тоже вкушает). Например, водитель автобуса объявляет: никого не посажу, пока не встанете по порядку, и люди волей-неволей, не без споров и третейского их урегулирования, все же занимают места в организованной очереди.

Насколько рациональные индивиды, преследующие собственный интерес, способны предпринимать коллективные действия, дающие дополнительные преимущества каждому, но взамен требующие от каждого какой-то «платы»? Иначе говоря, способна ли такая *дискретная система* добровольно самоорганизоваться? Этот вопрос занимал Олсона, и тот же вопрос, в различных формулировках, то и дело возникает в науках о человеческом поведении – экономике, социологии, антропологии...

Все аспекты жизни человеческих обществ пронизаны социальными дилеммами. От способности решать такие проблемы зависит выживание и благополучие любого сообщества. Не говоря уже о повседневной жизнедеятельности.

Один из самых простых примеров уже приводился в статье о теории игр⁶. В Новой Зеландии газеты распространяются посредством открытых и не охраняемых ящиков. Газету можно унести, не платя, но мало кто так делает, потому что большинство осознаёт: если все станут воровать газеты, их доставка прекратится. Налицо кооперативное поведение.

Другой пример все мы видели в кино.

⁶ См. http://7iskusstv.com/2012/Nomer7/Majburd1.php#_ftnref2

Семь самураев

Или, на тот же сюжет, – «Великолепная семерка». Обратимся к завязке драмы. Отдаленная деревня с каких-то пор стала объектом набегов бандитской шайки. Бандиты отнимают деньги, уводят скот, а протестующих убивают. Все помнят, что жители деревни решают нанять смелых людей, умеющих хорошо стрелять, и все помнят, чем кончается фильм.

Попробуем, однако, вообразить, какие варианты поведения могли предшествовать исходному решению о кооперации.

Для большей наглядности, представим себе русскую деревню - назовем ее Большие Пряники - в аналогичной ситуации. В эпоху гражданской войны и безвластия такое могло иметь место, особенно где-нибудь в глухой провинции.

Допустим, после первого набега состоялся сход: будем что-то делать или стерпим? Ясно: делать что-то можно только совместно. Решают: нужно что-то предпринять. Защита деревни здесь является *коллективным благом*.

Дилемма первого порядка: кооперироваться ради коллективного блага или нет? Дилемма решена. Что дальше?

Идея посылать людей в город, чтобы нанять охрану, отвергнута единогласно – ага... нанять охрану!.. хе-хе... деньги-то, конечно, возьмут... Согласились, что нужна самооборона. Но почти все мужики где-то воюют, кто за белых, кто за красных... Остались, в основном, старики, подростки да бабы. Ружья есть, это да (закопаны в огородах), а как воевать против банды? Кто-то вспомнил: за рекой живет инвалид – воевал в германскую, без руки вернулся. Если его нанять, он организует правильные укрепления, научит баб стрелять, расставит людей и прочее. Значит, нужно скинуться.

Стали собирать деньги. И тут началось... Один кладет рубль. Другой дает гривенник. Третий вынимает полушку и клянется, что больше нет.⁷ Кто-то говорит: «Почему я должен давать больше других? Для всех одинаковая охрана - со всех и причитается поровну!» Другой: «Не поровну, а по числу домочадцев!» И т.п.

Дилемма второго порядка: выработка правил кооперации - каждый хочет остаться в стороне, переложив расходы (или большую их часть) на других.

⁷ Для простоты принимаем, что в той местности имели хождение деньги, притом царские. Допущение не очень правдоподобное, но и не совсем абсурдное.

Стали раздаваться голоса: а может, они больше не придут... авось, пронесет... *Дилемма не решена.*

Спустя неделю – новый набег. Ясно, что так и будет продолжаться, пока не отберут все, что смогут найти. Опять собрались. Согласились: каждый дает, сколько может, но по совести. *Дилемма решена.*

А как проконтролировать «по совести»? И как наказывать тех, кто хитрит?

Дилемма третьего порядка – контроль соблюдения правил. Если эту дилемму не решить, проваливается решение дилеммы второго порядка, а это влечет провал решения дилеммы первого порядка. Самоорганизация не удастся, кооперация не состоится. Суть проблемы: хитрящие и уклоняющиеся надеются, что другие будут соблюдать правила, и тогда они получают возможность пользоваться общественным благом на равных с другими. Все та же проблема «халявника». В итоге выходит, что общественное благо не производится.

Члены группы заперты в ловушке отрицательного варианта. Вот и возникло оно - *равновесие Нэша*.⁸ Всем плохо, но никто не может улучшить свое состояние односторонне. А вместе не получается. Одна из центральных проблем теории коллективного действия – как и почему рациональные индивиды могут совместно прийти к иррациональному результату.

В научной литературе можно найти множество моделей социальных дилемм. Изученные Олсоном проблемы коллективного действия мы только что видели. Вспомним "дилемму заключенного"⁹. Ниже мы столкнемся также с "проблемой общественных благ" и "трагедией общедоступности". В основе почти всех этих дилемм лежит проблема «безбилетника». Все перечисленные модели, в общем, отличает пессимистический вывод о возможности кооперативного поведения членов группы для решения общей проблемы.

Беда свободного доступа

Одной из серьезных и распространенных проблем в сегодняшнем мире является проблема ресурсов общего пользования (*common pool resources* – CPR, или просто *commons*). Примеры ресурсов общего пользования: леса, пастбища, водоемы,

⁸ Об этом тоже писалось в статье о теории игр. См. http://7iskusstv.com/2012/Nomer7/Majburd1.php#_ftnref2

⁹ См. там же.

охотничьи угодья, зоны рыбной ловли, ирригационные системы и мн. др.

Бесконтрольное использование CPR неизбежно ведет к их истощению и даже исчерпанию – таково общее мнение социальных ученых, а также всех, кто сталкивался с этим в любой форме. Действительно, наиболее вероятным поведением индивидов представляется такое, когда выгоды достаются одному или немногим (браконьерство, например), а страдают все или большинство (основная масса охотников или рыболовов).

И не только наиболее вероятно такое теоретически, но также и наиболее часто наблюдается в жизни. Исчезновение (или угроза такового) определенных видов рыб, птиц и животных, «красные книги», разрушение природных ландшафтов, обезлесение территорий, истощение водных ресурсов и другие экологические бедствия - все это широко известно.

С другой стороны, крайне трудно обеспечить содержание и охрану таких ресурсов. Например, кто будет платить лесничему или егерю за охрану леса и его фауны? Разве только богач, который приезжает сюда охотиться? Или группа активистов скинется под молчаливые усмешки большинства? Это характерно для всех подобных случаев – издержки ложатся на кого-то одного, а выгода достается всем. Так что, кругом только антистимулы. В отсутствие же охранительных мероприятий возникает своего рода «гонка на опережение» - проще говоря, рвачество, что ускоряет истощение ресурса. Так и происходит эрозия почв, истребление популяций животных, птиц и рыб, обмеление рек из-за нерегулируемого водозабора, гибель Аральского моря...

Налицо противоречие интересов - между частными и общественными выгодами, с одной стороны, и между частными и общественными издержками, с другой.

Биолог Г. Хардин (1968) предложил читателям представить пастбище, «открытое для всех» и ход мышления «рационального скотовода». Он получает прямую выгоду от своих животных и постепенно терпит ущерб от вырождения ресурса общего пользования, когда стада его и других скотоводов увеличиваются в численности. Каждый скотовладелец стремится поэтому все больше и больше прибавлять к своему стаду, чтобы успеть получить от пастбища как можно больше, пока оно еще способно кормить скот. Его выгода прямо пропорциональна его поголовью, а ущерб его от порчи пастбища есть всего только доля от общего ущерба.

«Тут трагедия, - заключает Хардин. - Каждый заперт в системе, заставляющей его наращивать поголовье стада без

ограничений. Конечное состояние есть разруха, и к ней впергонки стремятся все люди, когда каждый гонится за своим интересом - в обществе, которое верит в свободу доступа к ресурсам общего пользования». Так в науку вошло выражение *трагедия общедоступности* (tragedy of commons).

Интересно, что об этом писал еще Аристотель: «О том, что доступно для большого множества, заботятся меньше всего. Каждый думает главным образом о себе и редко, если вообще, думает об общем интересе»¹⁰.

«Благо, открытое для всех, ни для кого не представляет ценности, - указывал в 1954 г. социолог С. Гордон, - потому что тот, кто окажется настолько неразумен, что станет дожидаться подходящего времени для его использования, обнаружит, что оно уже использовано другими. Травяной покров, который пастух оставляет нетронутым на общинном выгоне, не представляет для него ценности, потому что завтра он пойдет на корм чужому скоту; нефть, остающаяся в земле, когда уходит нефтяник, не имеет для него ценности, потому что другие имеют законное право ее выкачать; рыба, остающаяся в озере, не имеет ценности для рыбака, потому что нет никакой уверенности, что оставленная там сегодня, она достанется ему завтра...

Природные ресурсы, находящиеся в общей собственности, являются свободными благами для индивида и редкими благами для общества. При нерегулируемой эксплуатации частными лицами они не приносят никакой ренты; исправить это положение можно только обратив их либо в частную, либо в государственную (правительственную) собственность, то есть, поставив их тем или иным способом под контроль единой распорядительной власти».

Короче, бесхозные блага воспринимаются как «ничьи», и *рациональные* индивиды, преследующие каждый свою выгоду, стремятся урвать как можно больше, пока ресурс не исчерпан.

Достаточно очевидно, что «трагедия общедоступности» возникает вследствие *отсутствия четко определенных и надежно защищенных прав собственности*. Пользователи говорят между собой «наш лес» или «наша река», но фактически это для них не свое – это «ничье».

В русской культуре описанная ситуация, по-видимому, явление нередкое. Есть даже поговорки: «кто смел, тот и съел», и «кто не успел, тот опоздал».

Что же мешает пользователям самим скооперироваться и предотвратить сверхпотребление CPR? Допустим, они захотят

¹⁰ «Политика». Книга II, гл. 3.

вести правила разумной эксплуатации «своего леса» или «своей реки». Но перед ними тут же встанет то, что выше было названо *дилеммой второго порядка*. В лучшем случае, разработка правил, будет оплачена группой энтузиастов, а выгоду получают все. Если им удастся эту дилемму решить, тут же возникает, как мы помним, *дилемма третьего порядка* – контроль над соблюдением правил и выявление нарушителей. «Трагедия общедоступности» выглядит неизбежным и универсальным исходом свободной эксплуатации ресурсов общего пользования.

Дилеммы ресурсов общего пользования

Нобелевскую премию по экономике 2009 г., вместе с Оливером Уильямсоном, получила Элинор Остром (род. в 1933). В решении Нобелевского комитета специально отмечены достижения Остром в решении *дилемм ресурсов общего пользования*.

Частный пример таких систем (и один из объектов, исследованных Э. Остром) – ирригационные системы крестьянских общин. В одних случаях они создаются и поддерживаются самой общиной, в других – государственными (или муниципальными) органами.

Работа и достижения Элинор Остром связаны с Блумингтонской школой институционализма, которую основал ее муж, профессор Винсент Остром (Университет Индианы, г. Блумингтон). Супруги много работали вместе, но широта области исследований часто приводила к разделению труда в рамках общего направления. Здесь тот редкий случай в науке, когда муж и жена – звезды одинаковой величины. О собственных достижениях мужской половины поговорим потом.

Обычно принято делить блага на *частные* и *общественные*. Такое разделение основано на двух характеристиках: (1) *доступность*¹¹ и (2) *уменьшаемость*. Свойство (1) определяется тем, насколько легко или трудно предотвратить доступ других индивидов к данному благу. Свойство (2) определяется тем, уменьшает ли потребление блага его физический объем (вариант: увеличивает ли износ). Обозначим свойства (1) и (2) первыми буквами соответствующих слов, притом, если свойство выражено в сильной степени, буква

¹¹ В оригинале, у Остром – «эксклюзивность» - свойство, противоположное доступности, так что большая эксклюзивность соответствует малой доступности и наоборот.

идет полужирным (bold), а если в слабой степени - курсивом (italic).

Общественным благам присущи сильная степень доступности (**Д**) и слабая степень уменьшаемости (**У**). Представим: атмосферный воздух, национальная оборона, противопожарное обслуживание, школьное образование, уличное освещение, телешоу¹² ... Получаем признак общественных благ: **Д & У** (где знак «&» означает логическую операцию *конъюнкции* - объединение двух элементов, читается как союз «и»).

Частные блага характеризуются слабой доступностью (**Д**) и сильной уменьшаемостью (**У**). Например, пироги, которые печет хозяйка дома, ее флакон духов, чей-нибудь личный автомобиль... Признак частных благ: **Д & У**.

Супруги Остром заметили, что формально здесь определены не два класса благ, а четыре: два свойства, каждое из которых может иметь две степени. Дважды два – четыре.

Наука привычно обходилась двумя классами благ: общественные, или **Д & У**, и частные, или **Д & У**. Существуют ли реально классы благ, отвечающие признакам (**Д & У**) и (**Д & У**)?

Да, отвечают Острома, если выделить два особых типа благ: из категории частных – *клубные*, а из категории общественных – *ресурсы общего пользования!*

Примеры *клубных* благ – собственно закрытые клубы; другие группы ограниченного доступа, например, масонское общество; группа друзей постоянного состава для походов на байдарках; банкет у Президента страны¹³.

Все *ресурсы общего пользования* объединяет в один класс то, что (1) они могут совместно использоваться теми или иными группами, (2) от их воспроизводства на протяжении веков напрямую зависело выживание различных человеческих сообществ и (3) как правило, их объем не беспределен, то есть, это – *ограниченные ресурсы*.

¹² Здесь - как объект потребления. Понятно, что для создателя шоу это обычный продукт труда.

¹³ Могут возразить: на банкете количество того, что подается на стол, непременно уменьшается. Однако напитки и яства (даже самые изысканные) не представляют отличительной характеристики этого мероприятия как блага. Что отличает этот банкет как благо слабой доступности и слабой уменьшаемости – это привилегия быть в числе гостей. Объем *данного* блага не меняется в зависимости от числа приглашенных и не зависит от него.

Действительно, клубные блага обладают слабой доступностью (*Д*) и слабой уменьшаемостью (*У*), а ресурсы общего пользования – сильной доступностью (*Д*, как у общественных благ) и сильной уменьшаемостью (*У*, как у частных благ).

Получается простая матрица 2×2 . (см. таблицу 1)

Таблица 1. Классификация благ

		<i>Уменьшаемость</i>	
		<i>Слабая, У</i>	<i>Сильная, У</i>
<i>Доступность</i>	<i>Сильная, Д</i>	<i>Общественные блага</i>	<i>Ресурсы общего пользования</i>
	<i>Слабая, Д</i>	<i>Клубные блага</i>	<i>Частные блага</i>

Указанные свойства CPR - сильная доступность и сильная уменьшаемость вместе порождают проблему *сверхпотребления* (нет стимула беречь ресурс – он «не мой», «на наш век хватит» и т.д.), грозящего истощением ресурса, и необходимость его восстановления. Но первое, *Д*, само по себе, порождает еще и проблему *недоинвестирования*. Здесь те же дилеммы, что были описаны выше на примере охраны деревни Большие Пряники: от сохранения или улучшения ресурса выигрывают все пользователи, но трудно добиться всеобщего участия.

Сюрприз от Остром

«Добровольная самоорганизация ради предоставления общественных благ или управления ресурсами общего пользования является практически невероятной» - такова была ходячая мудрость.

На основе исследований – полевых, экспериментальных, теоретических – Элино́р Остро́м показала, что приведенное выше заявление, по меньшей мере, излишне категорично.

А пока суд да дело, уже подоспели непогрешимые эксперты и международные экономические организации. Следуя их рекомендациям в отношении CPR, правительства многих

развивающихся стран стали осуществлять национализацию природных ресурсов, традиционно находившихся в распоряжении различных локальных общин.

Однако, как показала Остром, практические результаты национализации CPR оказались далеки от ожидаемых. «Многие политические решения, исходившие из убеждения, что рациональные индивиды безнадежно заперты в социальных дилеммах, из которых они неспособны выбираться сами, без стимулов и санкций извне, потерпели полный крах, усугубив те самые проблемы, на смягчение которых они были направлены», - подытожила она результаты своих наблюдений.

Прежде всего, Элинор Остром показала сомнительность общей парадигмы. Недопустимо предполагать, что каждому типу благ соответствует вообще некая наиболее адекватная форма собственности. Все определяется конкретными обстоятельствами – в одном случае наиболее эффективной будет государственная собственность, в другом – частная, в третьем – коммунальная (общинная), в четвертом – даже отсутствие собственности (режим открытого доступа).

Далее, третий и четвертый случаи не следует смешивать. Тут-то и было показано, что CPR есть отдельный класс ресурсов. Может иметь место режим доступа, открытого только членам конкретной группы и на определенных условиях. И есть режим всеобщего доступа без исключений, как это имеет место с мировым океаном, например. Не следует применять выводы одного случая к другому. Но именно на таком отождествлении основаны были многие рекомендации западных экспертов развивающимся странам.

Затем настала очередь эмпирических исследований и результатов. И тут открылась ошеломляющая картина.

Уже существовал гигантский массив эмпирической информации! Оказалось, что были проведены (разными людьми, в разное время) сотни конкретных исследований различных случаев управления ресурсами общего пользования. Предметами исследований были самые разнообразные ресурсы – водные, лесные, земельные. Относились они к самым разномастным сообществам - от общины в несколько десятков человек до групп в десятки тысяч членов. Изучались группы в развитых странах (США, Канаде, Испании, Японии, Швейцарии) и в развивающихся. Множество изучаемых объектов охватывало как институты, появившиеся лишь недавно, так и институты, просуществовавшие много столетий (в некоторых случаях свыше тысячи лет!).

В частности, изучались альпийские пастбища и леса – предмет коммунальной собственности жителей швейцарских деревень, коммунальные луга и леса в деревнях Японии и местные системы ирригации в Испании.

Исследования эти не координировались, да и ожидать такого было нельзя. Проводились они в разное время, и осуществляли их специалисты самых различных дисциплин – экономисты, социологи, политологи, антропологи, биологи. В каждом случае преследовалась какая-то своя научная цель и ставились свои конкретные задачи.

Этот гигантский массив информации – разрозненной, разновременной, по-разному представленной и оформленной – ждал своего часа, чтобы быть сведенным воедино, обобщенным и проанализированным, дабы открылись общие для всех закономерности. Остром проделала все это, и результатом явилась книга «Управление ресурсами общего пользования: эволюция институтов коллективного действия»¹⁴.

Хотячая мудрость – об универсальной неспособности общин самим решать социальные дилеммы – оказалась ложной. Обнаружилось множество примеров, когда ресурс веками находился в пользовании общин без малейшего истощения. Метафора «трагедии общедоступности» была ошибкой. Результаты исследований Остром выглядят следующим образом:

1. Эмпирически доказана способность локальных сообществ к самоорганизации и самоуправлению, то есть, в принципе, они в состоянии сами решать дилеммы первого, второго и третьего порядков.

2. Эффективность правил совместного пользования и контроля над их соблюдением оказалась настолько высокой, что общинам удавалось избегать истощения CPR веками и даже тысячелетиями. Напротив, попытки государственных властей заменить эти «архаичные» институты современными системами на основе последних достижений инженерной и управленческой мысли, как правило, приводили к обратным результатам. Ресурсы, которые успешно сохранялись и воспроизводились в течение целых эпох, начинали быстро деградировать. Особенно наглядно это проявилось в развивающихся странах, где системы, существовавшие с незапамятных времен, дожили до наших дней,

¹⁴ *Governing the Commons. The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge University Press. NY. 1-е издание: 1990, 29-е издание: 2011.

чтобы в считанные годы быть доведенными до грани исчезновения вмешательством благонамеренных бюрократов.

Разрушение древних институтов, которые формировались методом проб и ошибок на основе самоорганизации, завершилось разрушением самой ресурсной базы.

3. Обнаружено поразительное разнообразие исторически сложившихся институтов самоорганизации и самоуправления. Не выявляется какого-либо универсального набора правил, пригодного для любых сообществ и любых типов ресурсов.

4. Общинные системы доступа к CPR, сформированные поколениями пользователей, обычно учитывают мельчайшие особенности местной физико-биологической среды и вырабатывают оптимальные правила пользования (например, ротация семей при доступе к воде или рыбной ловле). Чиновники и сторонние наблюдатели такие задачи решать просто не в состоянии, потому что в их распоряжении отсутствует информация о локальных тонкостях, приобретенная опытом поколений местных жителей и чаще всего не поддающаяся вербализации. Это то, что Хайек назвал *рассеянным знанием*.

5. Бывали все же случаи, когда проблема коллективных действий не была успешно решена самими пользователями CPR, и тогда наступала «трагедия общедоступности». Последняя, таким образом, из универсального сценария для всех случаев, превратилась, скорее, в исключение.

Наиболее известное исследование Остром сама провела в Непале. Там ирригационные системы, созданные и поддерживаемые самими крестьянами (камни, бревна, глина), можно было сравнивать с системами, построенными и регулируемые государством (железобетон, инженерные решения). Выяснилось, что первые находятся в лучшем состоянии, лучше обеспечивают поля водой и способствуют более высокой производительности сельского хозяйства. Кроме того, крестьяне считают их более справедливыми.

Множество деталей и правил, говорит Остром, могут быть почти неразличимы для внешнего наблюдателя, особенно когда в глазах участников они настолько сами собой разумеются, что те даже не считают нужным о них упоминать.

Институциональный дизайн

Почему самоорганизация оказывается успешной в одних случаях и неуспешной в других? Анализ, проделанный Остром в последующие годы, показал, что успех самоорганизации при использовании таких ресурсов, зависит от множества факторов:

величина группы, степень ее однородности, стабильность состава и т.п.; размеры ресурсов, их стационарность/мобильность и т.п.; используемая технология; а также более широкая институциональная и культурная среда, в которую погружена группа.¹⁵ Число возможных комбинаций, которые могут быть получены при различных значениях этих параметров, настолько велико, что *это делает саму идею проектирования и внедрения «типовых» или "оптимальных" институтов управления CPR заведомо нереалистичной.*

На основе многочисленных исследований и наблюдений, Остром выявила восемь общих принципов институционального дизайна, которые повышают вероятность успеха.

В целом, правила, регулирующие доступ к CPR, оказываются эффективными в тех случаях, когда –

- они разрабатываются самими пользователями и защищаются либо самими пользователями, либо ответственными перед ними агентами с применением четкой шкалы санкций;

- однозначно определено, кто, когда и при каких условиях имеет право пользоваться ресурсом, разграничена область коллективных решений, принимаемых всей группой, и область частных решений, принимаемых каждым ее членом самостоятельно;

- издержки вменяются пропорционально получаемым выгодам и для быстрого разрешения споров предусмотрены специальные площадки.

- эти правила данной группы должны быть признаны остальным обществом.

При таком институциональном дизайне проблема коллективных действий начинает решаться с возрастающей эффективностью. Запускается механизм положительной обратной связи: чем больше оказывается общий выигрыш от сотрудничества, тем сильнее становятся стимулы к взаимному мониторингу; чем действеннее оказывается взаимный мониторинг, тем значительнее становится общий выигрыш от сотрудничества. Со временем это способно приводить к настолько глубокому усвоению норм кооперативного поведения, что дорогостоящий

¹⁵ Остром не согласна с тем, что правило Олсона – об уменьшении шансов на решение социальных дилемм по мере увеличения численности группы и усиления ее внутренней неоднородности – может быть распространено на все случаи жизни. Она показывает, что использование эффективного набора правил способно в значительной мере элиминировать действие этих факторов.

внешний контроль над соблюдением установленных правил может стать излишним.

Итоги

До определенного момента, в наличии были два различных и полярно противоположных подхода к проблемам ресурсов общего пользования. Один из них – традиция пигуанства.¹⁶ Видимая нерешаемость дилемм CPR была причислена к «провалам рынка». Как мы знаем, лекарством от всех болезней пигуанцы считали меры централизованного регулирования и/или налоги, скроенные особо, чтобы направить частные стимулы к социальной эффективности. Подход этот, провальный в теории, обнаружил полное банкротство на практике.

Второй подход связан с *теорией прав собственности*. Прямолинейное применение этого подхода предписывало бы ликвидировать порядок общего доступа к ресурсам. Взамен надлежало бы установить *товарные* (то есть, реализуемые на рынке) права *индивидуальных* владельцев, которые имели бы исключительное право на использование таких ресурсов (например, допускать других за плату) и распоряжаться ими вплоть до продажи своих прав.

Конечно же, далеко не на все подобные ресурсы – даже при очень большом желании – так уж просто установить права индивидуальной собственности. Такой подход существует теоретически, хотя не похоже, чтобы кто-то всерьез предлагал подобное решение проблемы CPR. О нем упоминают, скорее, чтобы подчеркнуть оригинальность Остром.

Действительно, Элино́р Остро́м нашла *третий подход*, который заключается в *отсутствии универсального подхода*. Не так просто принять подобный подход нам, привыкшим к тому, что наука как раз ищет общие закономерности для изучаемого круга явлений и общие правила, ими управляющие, с конечной целью создать некую работающую модель. Однако в данном случае научный результат состоит именно в том, что выработать какую-то типовую (эффективную, конечно) модель или схему *принципиально невозможно*. И не нужно.

Такой подход требует прежде всего признать широкое разнообразие CPR и, соответственно, могущих возникать проблем их использования. Признав это, следует отказаться от априорного

¹⁶ От имени Артура Пигу, наследника А. Маршалла в кресле завкафедрой экономики Кембриджского университета (Англия) и автора влиятельной книги «Экономика благосостояния».

стремления регулировать использование таких ресурсов внешними силами – будь то государство, муниципальные органы или благонамеренные международные организации. Такие вещи не исключаются, но лишь как крайнее средство. Корень решения проблемы ресурсов общего пользования – *самоорганизация и саморегулирование общин, которые ими пользуются*. «Никакая в мире внешняя сила или судебная система, - пишет Остром, - не в состоянии ни отслеживать какие-то правила, ни проводить их в жизнь, – без индивидов, которые считают, что эти правила им подходят».

Что же нужно делать? Изучать каждый конкретный случай и, если ситуация требует вмешательства, помогать пользователям решать проблемы примерно так, как подсказывают правила Остром. Да и следовать этой схеме лучше не формально, а творчески.

"Локальные, самоорганизующиеся институты являются важнейшим активом в институциональном портфеле человечества и они должны продолжать существовать в 21 веке, - пишет Э. Остром. - Зачастую действуя под флагом защиты окружающей среды, международные доноры и неправительственные организации, равно как национальные правительства и благотворительные фонды, непреднамеренно разрушают тот *социальный капитал* (курсив мой – *ЕМ*) – общие отношения, общие нормы, общие знания и представления, - который веками служил для пользователей CPR опорой, помогая им поддерживать производительность природного капитала. Стремление сохранить биоразнообразие не должно вести к разрушению институционального разнообразия. Эти институты находятся сейчас в огромной опасности либо потому, что центральные правительства их просто не замечают, либо потому, что они считаются неэффективными. ... Отсутствие таких институтов в 21 веке приведет к огромным экономическим и социальным проблемам. Институты CPR ни в коей мере не являются реликтами прошлого. Чем больше со временем мы о них узнаем, тем выше вероятность, что будущая более эффективная политика будет строиться с учетом сильных сторон этих институциональных форм, избегая политических ошибок недавнего прошлого". Так заключает Элинор Остром.

Нужно добавить, что вместе с Остром все большее число ученых стало проводить исследования проблем самоорганизации групп – как полевые, так и экспериментальные, подобные экспериментам в теории игр. Общими усилиями стала складываться *теория коллективного действия*. Как указала

Остром, «вопрос этот важен не только для нашего научного понимания, но также для дизайна институтов с целью помочь индивидам достигать более высокого уровня результатов в социальных дилеммах».

III. Системы предоставления общественных благ

Множество благ, потребляемых людьми, можно делить по разным признакам. Например, *индивидуальные* и *коллективные* блага. Такое разделение было нужно нам выше, когда мы имели дело с проблемой кооперации. Сейчас обратимся к разделению благ на *частные* и *общественные*. Последние тоже, большей частью - коллективные, но это уж само собой разумеется.

Частные блага принято определять двумя признаками:(1) они делимы на однородные единицы или порции и потому их можно измерять в дискретных и однородных единицах (в штуках, килограммах или тоннах, погонных метрах, кубометрах, киловатт-часах...) и(2) их источник – конкурентный рынок, где любой потребитель может их получить, если готов за это заплатить. Не все товарные услуги можно расфасовывать и хранить, но измерять в однородных единицах можно почти все, например, услуги такси – в километрах пробега, услуги бебиситера – в часах работы и пр.

Общественные блага обычно неделимы, и потенциальный потребитель, как правило, не может быть исключен из множества пользователей этими благами. Оборона страны, пожарная охрана, полицейская служба, школьное образование и подобные им блага не могут предоставляться выборочно. Коль скоро они функционируют на определенной территории, они обеспечены для всех живущих на этой территории. Даже иностранец, временно посещающий какую-то страну, извлекает пользу из обороны этой страны и из службы водоснабжения города, хотя он не платит здесь ни федеральных, ни местных налогов.

Вообще говоря, многие ученые согласны в том, что приведенные определения довольно условны, потому что между определенными выше двумя классами налицо *континуум* благ, для которых характерны некоторые признаки частных и некоторые – общественных благ. К примеру, водоснабжение. С одной стороны, это явно общественное благо. С другой стороны, потребление воды измеряется однородными единицами (куб. м, куб. фут...), оно оплачивается по количеству потребленных единиц, оно может быть рационировано, и не платящий за воду может быть легко исключен из числа потребителей. Тем не менее, практически остается удобным придерживаться дихотомии «частные –

общественные». Особенно потому, что, как станет ясно, эти блага следует рассматривать не чохом, а по отдельности.

Следует отличать также *производство* общественных благ от *предоставления* их. До поры, до времени ученые молчаливо отождествляли одно с другим. Действительно, если, скажем, городские власти производят некое благо (ну, уборка и вывоз мусора, к примеру...), они же его и предоставляют своим избирателям – зачем наше различие? Затем, что далеко не во всех случаях бывает целесообразно, чтобы предоставляющая блага сторона была их производителем. Откровенно говоря, тут корень многих проблем, к чему мы и переходим. Ниже различие между производством и предоставлением будет развито глубже.

Работа Элинор Остром по изучению проблем CPR явилась продолжением совместных ее с мужем предыдущих исследований систем предоставления общественных благ. Одно из таких исследований посвящено было предоставлению общественных благ органами местного самоуправления – на уровне города, графства,¹⁷ других муниципально-территориальных единиц. Предоставление одного и того же типа коллективных благ может быть организовано различным образом. Блумингтонская школа делает акцент на альтернативности систем организации общественных служб.

¹⁷ County – буквально «графство», промежуточная административная единица между общиной и штатом. Обычно (включая русский перевод книги Токвиля) передают это слово как «округ». Однако нам придется принять слово «графство», так как слово «округ» используется применительно к системам предоставления общественных благ: школьный округ, полицейский округ и др. Община (community) может быть инкорпорирована как «город» (township) или «деревня» («village»). Какая-то разница есть, но она не связана прямо ни с численностью населения, ни с родом занятий жителей. Различия имеют место в степени власти муниципалитетов и, соответственно, в обязательствах по предоставлению общественных благ. Город в обычном смысле административной единицы называется city, что тоже не связано прямо с численностью населения. В разных англоязычных странах значения этих и подобных им терминов не всегда совпадают. Даже в разных штатах Америки наблюдаются различия в статусе и иных вещах.

Укрупнение колхозов

В главе V своей знаменитой книги «Демократия в Америке». А. де Токвиль указывает, что здесь «община – это основа основ управления обществом. Она является тем центром, где сосредоточены как все интересы, так и все чувства людей. Однако положение существенно меняется, когда попадаешь в штаты, где люди менее образованны и, следовательно, община в целом менее способна к разумным действиям, и у нее все меньше возможностей обеспечить надлежащее управление. Итак, по мере удаления от штатов Новой Англии та роль, которую играла община, до некоторой степени переходит к графству».

Дальше Токвиль пишет: «Несмотря на то, что общины и округа устроены не везде одинаково, можно утверждать, что повсюду в Соединенных Штатах в основе их организации лежит одна и та же идея: каждый человек есть лучший судья тому, что касается лишь его самого, и поэтому он лучше, чем кто-либо другой, способен позаботиться об удовлетворении своих потребностей. Следовательно, в обязанности и общины, и округа входит обеспечение своих собственных интересов». Прежде всего и преимущественно это относится к обеспечению общественными благами.

Исторически, система предоставления общественных благ в США сложилась, можно сказать, стихийно. В том смысле стихийно, что это было в полном смысле «живое творчество масс». Общая схема примерно такая. Люди селятся более или менее кучно, возникает основа общины. Знакомятся (в салуне, например), обсуждают местные дела – что их объединяет, какие у них общие нужды, какие проблемы и т.д. Нужно обеспечить повседневный порядок? Решают выбрать или нанять шерифа. Скидываются. Возникает местное (коммунальное) обложение. Нужно учить детей? Нанимают учителя. И так далее. Со временем, если поселение разрасталось, постепенно появлялись полиция и школа, возникали новые службы – пожарная охрана, поддержание дорог, уличное освещение и пр.

Все такие службы создавались решением общего схода или выборного органа самоуправления. Одновременно решали, сколько нужно собрать средств и как разверстать налоги. Так было у первых поселенцев на Восточном побережье, и так же, в общем и целом, обстояло позже, при движении на Запад.

Жизнь упорядочивалась, разрастались поселки, росла плотность населения, появились города, графства. Затем появились еще более крупные административные единицы,

названные штатами¹⁸. В деталях многое могло быть по-разному в разных местностях, но принцип везде был один: административно-территориальная система складывалась и развивалась снизу, а не инициативой каких-то вышестоящих органов власти, которых еще не было и которые также возникали эволюционно - чем выше, тем позже.

Естественно, система развивалась без какого-либо общего плана или дизайна. Различные виды обслуживания предоставлялись в рамках таких территориальных границ, какие были наиболее удобны для каждого отдельного вида с точки зрения эффективности работы данной службы. Скажем, шериф мог быть в каждом поселке свой, школа – одна на две-три общины, а суд – один на все графство. По свидетельству Токвиля, организация регулярной полиции была не под силу общине, и полицейские услуги с самого начала стали обязанностью графства. Поэтому границы, скажем, ареалов обслуживания полиции могут не совпадать с границами образовательных, а те - с границами транспортными и т.п. Службы разного уровня подчинения могут работать на одной и той же территории. Территориально, сферы для разных служб могут частично пересекаться. И тому подобное.

В силу сказанного, сложна и запутана сложившаяся система коммунального обложения. Налоги не сливаются в один котел (не консолидируются). По отдельности они идут в бюджеты различных уровней и юрисдикций, согласно системе предоставления общественных благ. Есть налоги у поселков, городов, графств, штатов (все это помимо федеральных, о коих здесь вообще речи нет).

К примеру, могло где-то так сложиться, что (условно) пожарная охрана – функция самых «низовых» общин, а школы – функция администрации графства. Тогда граждане этих общин платят налоги в свои общины и, одновременно, налоги в графство. При этом графство ничего знать не хочет о налогах общин, как штат ничего знать не хочет о налогах графства. Налоги разных уровней устанавливаются и взимаются без учета и независимо друг от друга. Потому что они оплачивают разные службы общественных благ.

Европеец часто отмечает отсутствие общих правил, пишет Токвиль и продолжает: «Этот бросающийся в глаза поверхностный беспорядок убеждает его с первого взгляда, что в этом обществе царит полная анархия, и, лишь внимательно

¹⁸ До обретения независимости, это были самоуправляющиеся колонии Великобритании.

всмотревшись в то, что происходит, он начинает понимать, что его первое впечатление было совершенно ложным».

Да, начинает понимать, если этот европеец – Токвиль...

Однако, времена меняются. И вот уже в самой Америке появляется тип внешнего наблюдателя, для которого все рассказанное выше выглядит хаотическим и запутанным нагромождением территориальных юрисдикций и систем обложения.

Ну и что за дело нам (им) до какого-то мнимого или даже реального внешнего наблюдателя, если все это работает? - Ну, не скажите, укажут нам (им). Работу такого рода служб очень трудно оценить объективно. Уверены ли вы, что сложившаяся система оптимальна с точки зрения максимально возможной эффективности? – Да как сказать... Строго говоря, полной уверенности быть не может. Вроде бы, работает все, и не жалуемся, а оценить-то трудно, сами говорите... – То-то и оно! Оценить трудно, но зато у нас есть научные модели и общие выводы. Наука, брат, о! – она умеет много гитик! Например, доказано, что при укрупнении производств или служб может быть получена экономия на масштабе. Вместо нескольких бухгалтерий и сторожей будет одна бухгалтерия и один сторож! При слиянии нескольких мелких служб устраняется дублирование функций. И вообще, пересечение юрисдикций это плохо, а множественность центров принятия решений, как правило, – признак неэффективности организации.

...И с кем это у нас идет диалог? Кто это тут такой грамотный и деловой? О, много лиц у него. Это может быть экономист-социолог-политолог из Лиги Плюща, или губернатор штата, или глава федерального, скажем, министерства образования.

Не столь важно занятие, как умонастроение. В смысле последнего, он – иностранец, только он не понимает и не хочет понимать про демократию в Америке того, что понял Токвиль.

Двадцатый век отмечен, кроме много другого, еще и такой напастью, как неконтролируемое размножение бюрократии, и таким видом сумасшествия, как административная лихорадка. Подстать тому была и Теория Государственного Управления.

Короче, пошли волны укрупнения административных единиц, предоставляющих общественные блага. Широкая кампания на десятилетия охватила США и Европу. Главным было выстроить четкую административную иерархию.

Скажем, в Штатах в период 1910-1950 годов число школьных округов было сокращено со 120 тыс. до 15 тыс. Предлагалось сократить общее число полицейских округов страны

с 40 тыс. до 500 всего. Последнее не прошло, но заслуживает упоминания потому, что обнажает нечто существенное. Инициатива всех этих кампаний проистекала и реформы проводились отнюдь не снизу.

Здесь суть всей истории: *систему, исторически сложившуюся снизу, начали реформировать сверху*. Или сбоку? Неважно слово, важно существо.

Намерения реформаторов, как водится, были самые благие. Тем более, что они были заранее избавлены от ответственности за все дрова, которые могут наломать. От всякой ответственности, нужно подчеркнуть: от юридической, финансовой, а также от ответственности за снижение качества общественных благ после реформы.

Последнее понятно: реформы делают одни, а потреблять эти блага другим. Но не было даже мысли о возможности неудач – ведь сверху (или со стороны) всегда виднее!

Характерные качества мышления этатистов суть: абсолютная уверенность в своей правоте и абсолютная безответственность в отношении результатов. А главное - безусловная убежденность в том, что в деле обеспечения общественных благ административно-бюрократическая система превосходит систему самоорганизации общин по части знания, умения, способности и эффективности. Особенно прелестно смотрится такая убежденность, когда наблюдается у лиц, считающих себя и считающихся учеными.

Издержки благих намерений

Скажем сразу, супруги Остром, а затем одна Элинор (исследование заняло десятилетия), обнаружили, много любопытного. Первым делом они обратили внимание на то, что сторонники реформ ни разу не снизили до того, чтобы найти и представить какие-либо эмпирические свидетельства в пользу их целесообразности. Вся аргументация носила исключительно «научный» (то есть, абстрактный) характер. Более того, не обнаружилось никаких следов попытки оценить последствия преобразований уже после их проведения. Наделали и ушли. Одно слово: ученые!

Подобные реформы полагалось бы начинать с экспериментов. Но здесь даже этого не требовалось. Преобразования совершались не одновременно везде. Первые результаты могли бы дать эмпирическую базу для сравнения. Отсутствие даже попыток в этом направлении есть очень серьезная претензия к научной доброкачественности.

Интересно, что сама действительность давала в руки реформаторам эмпирическую «информацию к размышлению». Например, в 1967 г. вышла толстая книга «Сопrotивление реорганизации школьных округов и органов управления в крупных агломерациях» - итоги широкого исследования четверых социологов.

Но такая же картина наблюдалась по всему спектру общественных благ. Реформы практически повсеместно наталкивались на сопротивление. Особенно в США они шли с большим трудом. Конечно, это можно было списать на нежелание мелкого чиновничества расстаться со своими местами и привилегиями. Однако, если предложения об укрупнении и консолидации локальных систем общественных благ выносились где-нибудь на местный референдум, они неизменно проваливались. Большинство населения видело от укрупнения только вред. Можно сказать, что фактически реформы совершались насильно. И потому очевидно, что движущей силой реформ был раж интеллектуальной и политической элиты навязать всем остальным свое представление о том, «как нам обустроить Америку».

В 60-70-х годах Элино́р О́стром провела широкое сравнительное исследование полицейского обслуживания – сначала в Индиане, а затем еще в 80 регионах страны (только сбор информации занял около пятнадцати лет).

Коротко о результатах

1. Полицейское обслуживание не является однородной услугой населению. На деле оно представляет собой целый комплекс услуг различного рода, от крайне капиталоемких и до существенно трудоемких. Эффективность работы полиции (и ее реорганизации) фактически следует оценивать по каждому виду ее услуг в отдельности.

2. Экономии на масштабе показала только централизация *капиталоемких* служб, таких как лаборатории криминалистики. Но для такой централизации не обязательно укрупнять и централизовать весь комплекс полицейских услуг.

3. Одна из наиболее *трудоемких* услуг, которая непосредственно затрагивает население, – это патрулирование улиц. В рамках небольших территориальных единиц качество этого рода услуг оказалось значительно выше, чем в укрупненных районах.

По каким показателям сравнивалось качество данного вида услуг? Быстрота реагирования на поступающие сигналы. Насколько охотно население обращается к полиции за помощью.

Насколько информировано население о работе полиции и насколько удовлетворено ею. Степень активности и соучастия населения в деле обеспечения безопасности. И наконец, уровень преступности. В малых округах оказались выше все показатели - кроме последнего, которому и положено быть ниже.

В совокупности, по заключению Э. Остром, ни в одном случае эффективность крупных полицейских департаментов не оказалась выше, чем у малых. И наиболее эффективной оказывалась деятельность полиции, организованная по «ужасному» принципу пересекающихся юрисдикций. То есть, когда разные виды полицейских услуг обеспечивались в рамках административных единиц разного размера.

Больше того, легко представить себе, что даже услуга одного и того же рода может более эффективно обеспечиваться полицией разных юрисдикций.

Например, борьба с преступностью. Если возникает банда или сериальный убийца, орудующие в разных городах штата или страны, это ставит задачу для полиции штатного или федерального уровня. Однако с задачами профилактики или расследования уже совершенных преступлений «уличного» или «домашнего» масштаба лучше всего справится полиция небольшого полицейского участка, где знают лично многих людей – с хорошей или не очень хорошей стороны. Удачной в этом смысле, по-видимому, можно считать систему участковых офицеров полиции в СССР и России, заимствованную из царской России (институт квартальных надзирателей).

По заключению Остромов, общий подход реформаторов-этатистов можно описать такой схемой: (1) все общественные блага однородны (скажем, полиция – она и есть полиция: «закон и порядок», чего там еще?); (2) все местные жители есть *масса* - сборище однотипных человечков с одинаковыми предпочтениями и идентичными ожиданиями, все они – пассивные потребители общественных благ; (3) все они имеют возможность однозначно выражать свои предпочтения и ожидания через механизм выборов; (4) крупные административные единицы гораздо лучше справляются с задачей обеспечения общественными благами; (5) чиновники способны точно определять оптимальный объем общественных благ и оптимальный же объем налоговых сборов для их финансирования; (6) производство общественных благ – дело исключительно государственных контор (*public bureaus*); (7) руководство госучреждений способно эффективно контролировать деятельность рядовых чиновников, которые при заданных

бюджетных ограничениях будут производить максимально возможный объем требуемых благ.

Это **принцип моноцентризма**. Здесь все сигналы идут в одну сторону: от избирателей – к выборным администраторам, от этих – к руководству госучреждений, от них – чиновникам-исполнителям... Конец связи. Информация на всех звеньях имеется полная и передается без искажений. Все ведут себя строго по законам, правилам и уставам.

Остроумы нашли, что все наоборот. Блага неоднородны. Люди не одинаковы в своих предпочтениях и редко способны выразить их посредством выборов. Для большинства благ экономия на масштабе – либо фикция, либо не единственное и даже не главное, что от них требуется. Располагаемая главами администраций информация всегда неполна и неточна; контроль их за деятельностью бюрократов неэффективен. Участие граждан в предоставлении общественных благ часто имеет принципиальный характер – будь то содействие полиции в поддержании порядка на улицах или участие родителей в делах школ, - а пассивность граждан часто оборачивается заметным снижением качества общественных услуг. Блага могут эффективно предоставляться частными организациями на контрактной основе.

Выходит, что фрагментация власти, пересекающиеся юрисдикции, дублирование функций – не аномалии и не пороки, а системное свойство естественных социальных порядков. В этом – **принцип полицентризма**.

Множественность полуавтономных центров принятия решений есть следствие свободы индивидов вступать в ассоциации, свободы кооперироваться ради достижения общей цели, *как они ее понимают*. Это способствует сохранению институционального разнообразия применительно к нерыночным процессам – таким, как производство общественных благ.

С точки зрения Остроумов, моноцентризм – ошибка не только научная, но и политическая. Он в принципе враждебен идеям самоорганизации и институционального разнообразия, характерным для американского пути социального развития. Фактически моноцентризм направлен на их уничтожение и подавление инициативы граждан.

Административная централизация и унификация просто не могут быть ответом на проблемы больших агломераций. Чтобы справляться с проблемами разного типа и разного масштаба, человеческие сообщества нуждаются в разнообразных типах ассоциаций, и для этого необходима возможность свободной

самоорганизации. Еще раз вспомним Токвиля: «Каждый человек есть лучший судья тому, что касается лишь его самого, и поэтому он лучше, чем кто-либо другой, способен позаботиться об удовлетворении своих потребностей».

IV. Проблемы федерализма

Институциональный анализ Винсента Острома

Пора уже, наконец, представить читателю супруга прославленной нобелиатки. Винсент Остром (род. в 1919), стал профессором в Университете Индианы (г. Блумингтон) в 1964 г. До этого он преподавал в ряде университетов, одновременно занимаясь исследованиями в области, которую называют *public administration*, что можно передать как «руководство государственными и местными органами власти», или «управление на государственном и местном уровнях». Если использовать термин, вышедший из употребления, можно передать термин буквально: *публичная администрация*¹⁹.

В начале своей научной работы В. Остром особенно плотно занимался вопросами образования и водоснабжения, совмещая исследовательскую деятельность с консультативной, то есть, умея приложить к практике свои научные результаты. Степень бакалавра Остром получил в 1945 г. за работу по вопросам организации образования, а докторскую - в 1950 г. за исследование эволюции Центрального Округа Водных ресурсов (Metropolitan Water District) Южной Калифорнии.

Вскоре имя Винсента Острома получило широкую известность. В 1955-56 гг. он был одним из главных консультантов на конституционной конвенции новообразованного штата Аляска. Остром составил для штатной конституции проект статьи, где указывается, что естественными ресурсами штата владеет и распоряжается не государство, а народ штата Аляска. Эта работа признана одним из его важнейших достижений.

В тот период Остром преподавал в Университете Калифорнии, Лос-Анджелес (UCLA). Он поощрял старшекурсников к исследованиям того, как местные группы населения справляются с практическими проблемами в области образования и водоснабжения. К примеру, одна из групп его студентов исследовала конкретный вопрос: как реагирует община на растущую угрозу истощения и засоления подземных вод в долине соседствующих графств Лос-Анджелес и Орандж.

¹⁹ Похоже на то, что этот термин сейчас возвращается в оборот.

Одна студентка защитила у него докторскую по этой теме. Она показала, что местные жители смогли скооперироваться, составить историю водопотребления и в итоге прийти к соглашению об ограничении откачки воды. В некоторых местах добывающие воду агентства создали специальные округа и сами обложились налогом на откачку ради возобновления водных ресурсов. Студентку звали тогда Элино́р Эйвен.

Остром с самого начала тяготел к междисциплинарным исследованиям. Одним из первых он стал членом Центра Перспективных Исследований Науки о Поведении в Стэнфордском университете. Там ему довелось общаться со знаменитым Россом Эшби.

Закон необходимого разнообразия Эшби пришелся очень кстати Остро́му. Ведь если «разнообразие можно уничтожить только разнообразием», тогда эффективная система управления должна уметь охватить такое же разнообразие форм и сигналов, какое присуще управляемой системе! То есть, сложность управляющей системы должна быть того же порядка, что и сложность управляемой. Отсюда у Остро́ма возник интерес к *полицентризму* в публичном администрировании.

В 1961 г. вышла пионерная статья В. Остро́ма (в соавторстве с Ч. Тибо и Р. Уорреном) «Организация органов управления в крупных агломерациях – теоретическое исследование»²⁰. Еще прежде Чарльз Тибо опубликовал статью о том, что *исход* граждан и частных фирм из определенных ареалов («голосование ногами») служит средством давления на местные органы власти в сторону большей ответственности. Теперь Остром с соавторами обобщили и преобразовали идею Тибо. Граждане и общины должны иметь возможность выбирать между альтернативными системами обеспечения общественных благ на месте, не прибегая к переселениям.

В университете Индианы супруги Остром создали Лабораторию Политической Теории и Анализа. Объявленной целью Лаборатории является «развитие междисциплинарного изучения институтов, стимулов и поведения в применении к политическим вопросам». Так была заложена основа признанной ныне Блумингтонской школы институционализма.

Блумингтонская школа отличает себя от Вирджинской школы институционализма. Ее отличают, прежде всего, неохотное применение - фактически, отказ от применения - математики (в

²⁰ «The Organization of Government in Metropolitan Areas: A Theoretical Inquiry». *American Political Science Review* 55 (4), 1961

противовес Public Choice, где методы анализа все более и более формализуются и математизируются), широкое использование полевых исследований (принятых в социологии, но не применяемых в экономике) и междисциплинарный диапазон.

Отличаются блумингтонцы и предметом изучения: основными темами стали проблемы коллективного действия и саморегуляции групп. Поэтому здесь не работают ни подход Бьюкенена-Таллока, ни методы и модели Public Choice. Одно дело – изучать максимизирующее поведение политиков, а другое – самоорганизацию групп. И еще одно отличие подчеркивает Остром: у Бьюкенена *государство* как объект анализа – это однородная и, так сказать, первичная единица. В анализе Острома *государство* есть сложносоставная и многоуровневая система органов управления.

Элинор и Винсент Остром

В. Остром предпочитает для своего подхода название: *институциональный анализ*. Заслужой Винсента Острома является разработка вопроса о полицентризме в публичной администрации.

По мысли Острома, необходимыми и неотъемлемыми элементами административной жизни являются неопределенность, конфликт интересов, торг и экспериментирование. Это находится в прямом противоречии с существующей теорией публичной администрации.

Идеал последней – иерархия строго определенных единообразных административных единиц. Граждане выражают свои предпочтения, выбирая своих представителей, эти пишут

законы, которые интерпретируются административными агентствами и проводятся в жизнь бюрократами низших уровней. То есть, иерархический централизм.

Об этом книга В. Острома «Интеллектуальный кризис в американской публичной администрации» (1973 и несколько переизданий).

Моноцентризм как принцип

Согласно общепринятой теории публичной администрации, идеальная система – это иерархия строго определенных единообразных административных единиц. Граждане выражают свои предпочтения, выбирая своих представителей, эти пишут законы, которые интерпретируются административными агентствами и проводятся в жизнь бюрократами низших уровней. То есть, иерархический централизм.

Господство принципа моноцентризма в политических науках и публичной администрации Остром возводит к Вудро Вильсону, президенту США и, к тому же, университетскому профессору.

В своем эссе «Вопросы администрации» Вудро Вильсон предлагает различать между политикой и администрированием. По своим политическим принципам, правительства могут сильно различаться, но принципы хорошей администрации едины для любой системы правительства. «Что касается административных функций, то структурно все правительства весьма схожи. И более того, если они действенны и эффективны, они все должны быть структурно схожими».

Такая единая для всех эффективная структура есть иерархически упорядоченная система, восходящая к центру государства. Все уровни административной системы должны быть заполнены технически тренированными гражданскими служащими, «подготовленными специальным образованием и тренировкой» для работы «в совершенной организации, с соответствующей иерархией и характерной дисциплиной». Знакомый идеал бюрократии по Максуд Веберу.

Идея Вильсона была повсеместно принята в политических науках и столь же повсеместно претворялась в жизнь. Любими уровнями администрации и формами ассоциации, если они не были прямо связаны с централизмом власти, пренебрегали или рассматривали их как маргинальные. Глубокие идеи таких авторов, как Токвиль, были забыты. «Несовпадения между образами демократии в Америке у Токвиля и у Вильсона громадны и

радикальны, хотя между двумя публикациями прошло всего пятьдесят лет», - пишет Остром.

С его точки зрения, полицентричная система принятия решений и есть подлинно демократическая администрация.

Поли vs. Моно

Применительно к предоставлению общественных благ, принцип полицентризма объяснить очень просто. Это возможность выбора между альтернативными производителями без необходимости перемещаться из одной юрисдикции в другую.

Один вариант: община сама решает организовать производство и распределение данного вида общественных благ. Или же община подписывает контракт с какой-нибудь организацией по своему выбору. Или же она решает, что какой-то вопрос лучше оставить для властей более высокого уровня администрации.

Еще вариант: община решает, что лучше всего создать условия для приватизации данной службы и предоставить дело рыночной конкуренции. Наконец, община может использовать все перечисленные выше возможности одновременно, выбрав самое подходящее для каждого вида услуг.

В противовес моноцентричному подходу, диктующему предоставление всех общественных благ в рамках единой юрисдикции, полицентризм более практичен. Он допускает, что для разных видов благ наиболее эффективное их производство может быть обеспечено организациями различного уровня и масштаба. Ключевым понятием здесь, конечно, является свободный выбор общины.

В упомянутой выше статье Острома, Тибо и Уоррена (1961) авторы приводят пример так называемого Лейквуд-Плана. Эту программу разработала новообразованная община в Южной Калифорнии в 1954 г. без какой-либо подсказки со стороны. Перед общиной был выбор: пойти под юрисдикцию округа Лос-Анджелес, на территории которого она расположена, или *инкорпорироваться* как самостоятельная административная единица – скажем, город. Первое решение означало платить налоги в округ и фактически не иметь голоса в том, сколько и каких благ община получит взамен. Община предпочла второе решение, которое и получило название Лейквуд-Плана.

Авторы пишут, что новая инкорпорированная община (в лице своего муниципалитета) заключала с округом Лос-Анджелес (или другой подходящей организацией) контракты о производстве муниципальных услуг, необходимых общине. Они отделили

производство благ от *предоставления*, и в результате производством занимались одни агентства, а предоставлением – другие.

К примеру, округ Лос-Анджелес предлагал полицейские услуги «пакетом» - постоянно патрулирующая машина со всем комплексом вспомогательных услуг. Это – *производство* общественного блага. На данную единицу устанавливалась цена, включаемая в контракт муниципалитета с округом. Община реально покупала такой пакет, и уже сама распоряжалась его использованием на улицах (занималась *предоставлением* общественного блага).

После 1954 г. в Южной Калифорнии началось бурное развитие жилищного строительства и рост населения. Росло число общин с их потребностями в общественных благах. Пример Лейквуд-Плана побудил иные другие общины – не только в Калифорнии, но и в других местах - инкорпорироваться в форме городов и вступать в контрактные отношения с графством. Некоторые из таких городов активно привлекали в качестве подрядчиков частных производителей определенного рода общественных услуг (к примеру, вывоза мусора), а также заключали контракты друг с другом для совместного производства некоторых видов услуг.

Конечно, нашлись и ученые критики Лейквуд-Плана. Писали, например, что это уловка богачей из пригородов, чтобы избежать налогов в связи с растущим бременем проблем городской бедноты. Как видим, и такой подход возможен. Кто чем озабочен более всего: одни – свободой выбора для граждан, другие – налогами в пользу бедных...

Отделение производства благ от их предоставления стало важным моментом в теории публичной администрации В. Острома. *Предоставление* определяется как процесс, включающий решения о том, сколько, какого качества и по какой цене доставляются услуги или блага в данный населенный пункт. И такие решения не зависят от того, какая организация или фирма те услуги *производит*. Между этими двумя процессами есть разрыв. Здесь и располагается контракт, связывающий одно с другим.

Остром и его соавторы также настаивают на необходимости множественных критериев оценки полицентричных систем общественных благ. На рынке частных товаров экономическая эффективность – главный критерий. Но в области публичной политики необходимо еще и оценивать адекватность представления разнообразных общественных интересов и защищенность принципов местного самоопределения.

Множественность управляющих центров дает гражданам наибольший выбор в принятии решений о том, какие услуги им нужны, в каком ассортименте и количестве и какой ценой. В такого рода системе открывается также много возможностей для переговоров граждан с чиновниками графства о решениях, которые устроили бы как общины, так и графство.

Полицентричная система принятия решений по природе своей не может быть застывшей формой. Необходимое разнообразие в ней поддерживается нескончаемым процессом экспериментирования, который постоянно активизируют *публичные предприниматели* на всех уровнях – от местного до федерального.

Возвращаясь к случаям использования общинами природных ресурсов, нужно отметить, что редко бывает, когда границы биофизических районов совпадали бы с границами административного деления. Поэтому жителям необходима возможность создавать новые организации на пересечении юрисдикций. То же самое можно сказать и применительно к другим общественным благам.

Специальные округа по видам благ, разного рода пересечение юрисдикций есть критические компоненты федерализма, считает Остром. Он, правда, признает, что для ученых-федералистов все это спорно, так как они привыкли анализировать отношения между строго очерченными административными единицами разных уровней иерархии. Тем не менее, он считает, что «степень совпадения масштабов событий и области юрисдикции есть критический момент разработки федеральных решений».

Составная республика²¹

«Я не вижу причины ограничивать дискуссию об американском федерализме только отношением между федеральным и штатными правительствами, – пишет Остром. – Принцип федеративности может использоваться (да так оно и есть в американском контексте) для организации многочисленных одновременно действующих режимов». И далее: «Я называю Высоко Федеративной политическую систему, имеющую богатую структуру пересекающихся юрисдикций с существенной автономией между ними и существенной степенью

²¹ Прямой перевод термина Compound Republic.

демократического контроля внутри каждой из них, подлежащую правовому обеспечению системой конституционного права»²².

Полицентризм, указывает Остром, дает гражданам больше свободы, и широкое поле выбора, если нужно прибегать к помощи властей. Он порождает более богатый массив информации, доступной гражданам, и упрощает доступ к квази-рыночным структурам, наиболее близким по эффективности к конкурентным рынкам.

На протяжении всей карьеры Винсент Остром вдохновлялся больше всего двумя книгами – «Демократия в Америке» А. де Токвиля и «Федералист»²³, отталкиваясь от третьей – «Левиафан» Т. Гоббса.

1981-82 годы Остром провел в Центре Междисциплинарных Исследований одного из университетов Германии. Контакты с учеными из разных стран укрепили его во мнении, что разрабатываемые им идеи применимы далеко за пределами только Америки. Например, к случаю ЕС. Или России. Итак...

Демократия! Все хотят демократию. Но что это такое? Прямой смысл: *власть народа*. Однако правительство²⁴ – это явно не народ, напоминает Остром. Люди избирают своих представителей в правительство. И совсем уже не очевидно, что посредством выборов народ правит. А по прямому смыслу, что выходит? Правительство – то, что правит. Есть и термин: *представительная демократия*.

Считается, что граждане достаточно компетентны, чтобы избирать своими лидерами лучших представителей, но недостаточно компетентны, чтобы самим решать свои собственные проблемы.

Вспомним кстати: традиционно полагают, что прямое самоуправление народа осуществимо только в небольших

²² *The Political Theory of a Compound Republic. Designing the American Experiment*. 3rd ed. Lexington Books, 2008.

²³ «Федералист» - сборник из 85 статей, написанных Александром Гамильтоном, Джеймсом Мэдисоном и Джоном Джеем. Обсуждался принципы Конституции Союза Штатов Америки, которой предстояла ратификация Конгрессом. Статьи публиковались поочередно в двух журналах, прежде чем выйти двухтомником в 1788 г.

²⁴ Слово «правительство» здесь и далее означает государственную власть вообще (government). Русскому слову «правительство» в английском отвечают слова administration или cabinet (the Cabinet).

общинах, какими были древние Афины или Великий Новгород. Вопрос: можно ли представить себе современное общество, где народ действительно управлял бы сам собой? И что могла бы являть собой такая политическая система?

Прежде всего, это будет не та система, которая имела место в Афинах или Новгороде, где, как считается (верно или нет), государственные вопросы решались общим собранием граждан по большинству голосов. Ключевое слово у Острома: *федерализм*. Главная идея Острома: федерализм, как он воплощен в Конституции США, не есть просто форма государства, это нечто большее. Это способ решения проблем, даже образ жизни.

Общий принцип нам знаком по предыдущему изложению. Это полицентризм с возможностью пересечения юрисдикций. В своей итоговой книге²⁵ Остром развивает идеи Гамильтона и Мэдисона, показывая, что выдвинутые ими принципы федерализма справедливы не только на уровне отношений федеральной власти и штатов.

Последний вопрос, заметим от себя, был главным для «федералистов», потому что речь шла о создании Союза Штатов. На местном уровне в те времена все обстояло вполне, так сказать, полицентрично.

Теперь недостаточно просто призывать вернуться к тому, что было за два века до нас. Теперь нужна теория, которая показывала бы возможность и преимущества полицентризма. Остром находит такую теорию у «федералистов».

В конечном счете, пишет Остром, «основной конститутивный элемент каждой единицы управления – это индивид». И каждый орган управления должен быть в состоянии артикулировать ожидания людей, реагировать на запросы индивидов и обеспечивать решения для индивидов, а не коллективов. Каждый управленческий орган должен быть автономным и обладать как исполнительной, так и юридической властью, чтобы проводить свои решения в качестве законов.

Когда создавалась Конституция США, все внимание было сфокусировано на двухуровневой системе: отношения между федеральной властью и штатами. Точно так же, однако, могут выглядеть отношения между правительством штата и составляющих его общин. Именно по такому пути пошла Конституционная Конвенция штата Калифорния в 1879 г.,

²⁵ Винсент Остром. «Что такое – американский федерализм» // *Meaning of American Federalism. Constituting a Self-Governing Society*. ICS Press. 1991.

сообщает Остром. В литературе также описаны примеры федеративных городов.

Общий принцип в том, что решение инкорпорироваться, то есть, организовать самоуправление, собственный муниципалитет, принимается местными гражданами. У них - власть формулировать и изменять учредительные документы (хартию корпорации). И в этом – «все атрибуты, которые я связываю с федеративной системой правления».

Основные особенности федерализма, по Острому, таковы:

- *Принцип «союза», или «завета»* в библейском смысле слова. Он относится к отношениям между членами общества и между ними и административными единицами. Это принцип взаимности обязательств и обоюдной ответственности.

- *Плюрализм институтов управления.* Многообразные органы управления, отвечающие различным группам интересов, могут сосуществовать друг с другом. Люди сами формируют правила и устанавливают взаимно приемлемые условия поведения. Это способствует укреплению верховенства закона. Власть широко распределяется между членами общины.

- *Конституционные правила.* Из двух предыдущих признаков следует, что в обществе должны существовать четкие и понятные правила, при которых люди используют основные прерогативы управления своими собственными делами и могут спрашивать со своих выборных все, что полагается. Последнее называется: *normative inquiry* - нормативный запрос, или нормативная проверка.

- *Состязательность.* В противоположность обычной системе иерархии команд «сверху вниз» и рапортов «снизу вверх», полицентризм и многообразие институтов управления создают условия для состязания и взаимных «сдержек и противовесов». Метод нормативных запросов и проверок позволяет цивилизовать конфликты и открывать новые пути их разрешения.

- *Активное участие граждан в публичных делах.* Не выборы и не ходатайства характеризуют способность общества к самоорганизации и самоуправлению, а участие граждан в организации мероприятий ради достижения определенных целей. «Характер демократического общества проявляется в готовности людей самим иметь дело с проблемными ситуациями, вместо того, чтобы ждать решения таковых от кого-то другого».

- *Реформируемость.* Способность к самореформированию – залог устойчивости самоуправляющихся обществ. Основная задача здесь – мобилизовать интеллектуальные способности граждан ради перестройки структур человеческих ассоциаций в

контексте многообразного взаимодействия коллективов и общин. Существование множества автономных публичных предприятий и органов управления создает большие возможности для экспериментов и инноваций. «Федеративное общество есть экспериментирующее общество». Проблемы институциональных слабостей и провалов решаются путем испытания новых идей, включая изменения институциональных структур.

- *Дополняемость*. «Порядок и соперничество совместно формируют человеческую цивилизацию». Кооперация случается, когда люди действуют совместно, имея в виду взаимную выгоду. Конкуренция происходит, когда налицо альтернативные возможности выбора между потенциальными партнерами по кооперации. Конфликт возникает, когда участники создают потенциальную угрозу деятельности других или вмешиваются в нее. Разрешение конфликта происходит, когда вовлеченные в него стороны находят способы обеспечить взаимоувязку своих несовпадающих интересов.

Идеалом является самоуправляющееся общество свободных людей

Токвиль в своей книге упоминает «одного талантливого писателя», который сравнивал финансовую систему в США и Франции. Тот указал, что бюджеты общин в Америке беспорядочны, и привел в пример бюджет одного из департаментов Франции.

«Благодаря централизации, этому достойному удивления творению великого человека, муниципальные бюджеты как больших городов, так и самых скромных, расположенных как на одном конце королевства, так и на другом, составлены на основе единой методики и по единой схеме», - цитирует Токвиль. И продолжает уже от себя: «Конечно, я восхищаюсь подобным результатом централизации, но в то же время вижу, что большинство французских коммун²⁶, чья бухгалтерская отчетность столь совершенна, абсолютно не знают своих истинных интересов и находятся во власти столь глубокой апатии, что общество здесь скорее прозябает, нежели живет. С другой стороны, я наблюдаю, что в аналогичных американских общинах, бюджет которых составлен без всякой методики и, тем более, не по единому образцу, население образованно, деятельно и предприимчиво; я вижу, как общество непрестанно трудится. Это явление не перестает поражать меня: на мой взгляд, основная цель хорошего

²⁶ Коммуна – то же самое, что община (community).

правительства состоит в том, чтобы добиться благосостояния народа, а вовсе не в том, чтобы установить некий порядок среди нищих людей».

Наталья Завойская

Современники Sine ira et studio

(окончание, Начало в №6/2012 и сл.)

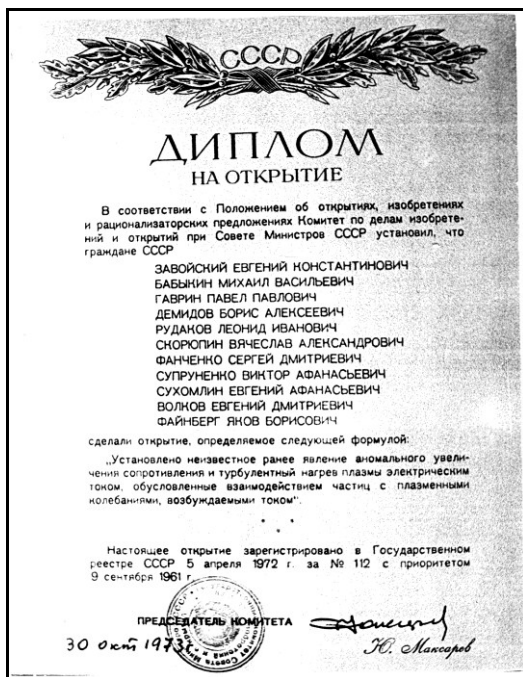
ОТКРЫТИЕ № 112

112-е апреля 1972 г. в Государственном реестре под номером 112 было зарегистрировано открытие турбулентного нагрева и аномального сопротивления плазмы, и в дипломе значились два коллектива во главе с Е.К. Завойским и академиком Украинской Академии наук Я.Б. Файнбергом. Это М.В. Бабыкин, П.П. Гаврин, Б.А. Демидов, Л.И. Рудаков, В.А. Скорюпин, С.Д. Фанченко (ИАЭ) и В.А. Супруненко, Е.А. Сухомлин, Е.П. Волков (ХФТИ). В формуле открытия говорилось: «Установлено неизвестное ранее явление аномального увеличения сопротивления и турбулентного нагрева плазмы электрическим током, обусловленное взаимодействием частиц с плазменными колебаниями, возбужденными током. Научное значение открытия состоит в том, что обнаружено и исследовано фундаментальное свойство плазмы, которое может быть использовано для получения высокотемпературной плотной плазмы с целью решения проблемы управляемого термоядерного синтеза. Практическое значение открытия заключается в том, что оно в настоящее время является одним из наиболее эффективных методов нагрева плазмы до термоядерных температур. Эффективность турбулентного нагрева достигает 30%, причём нагретая плазма может быть удержана в магнитных ловушках в течение времён, определяемых свойствами ловушек». Приоритет открытия был установлен по дате доклада на Зальцбургской конференции МАГАТЭ – 9 сентября 1961 г.

Сохранился «Отзыв на работу Е. К. Завойского и др., объединенные в цикле с названием «Турбулентный нагрев», представленные для регистрации в качестве открытия». Отзыв был написан академиком Украинской ССР Я. Б. Файнбергом: «В настоящее время наиболее эффективными методами нагрева

плазмы до термоядерных температур являются бесстолкновительные методы нагрева, основанные на использовании коллективных взаимодействий потоков заряженных частиц с плазмой: пучковый и турбулентный.

Диплом на открытие явления турбулентного нагрева плазмы

В основе этих методов лежит явление потоковых неустойчивостей, обусловленное резонансным взаимодействием заряженных частиц с волнами, распространяющимися в плазме. В результате развития неустойчивостей происходит возбуждение интенсивных колебаний и волн в плазме, сопровождающееся очень быстрым и сильным уменьшением упорядоченной энергии потоков электронов. При этом электроны и ионы плазмы приобретают в электрических полях возбуждаемых волн значительную энергию. Наиболее важными потоковыми неустойчивостями являются пучковая неустойчивость, теоретически предсказанная Ахиезером и Файнбергом в 1949 г. и экспериментально обнаруженная при взаимодействии первоначально немодулированных пучков с плазмой в ФТИ АН УССР, в Сухумском ФТИ (1959 г.), неустойчивость Будкера

(1956 г.) – Бунемана, ионно-звуковая неустойчивость. Так как в электрических полях возбуждаемых колебаний и волн электроны и ионы плазмы приобретают значительную энергию, то естественным явилось предположение о возможности использования потоковых неустойчивостей для нагрева плазмы. Такое предположение высказывалось не только Бунеманом (1952 г.), как указано в заявке, но Р.З. Сагдеевым, Е.К. Завойским. Центр тяжести в решении проблемы коллективного нагрева несомненно находится в области эксперимента. Пучковый нагрев был экспериментально обнаружен в работах ФТИ АН УССР (1961 г.), турбулентный – Е.К. Завойским и сотрудниками (1961 г.).

Основными особенностями турбулентного метода нагрева является то, что потоки электронов, возбуждающие в плазме колебания и волны, создаются с помощью внешних электрических полей (сильные магнитозвуковые волны, импульсные поля), а нагрев плазмы обусловлен ионно-звуковыми и будкеровско-бунемановскими неустойчивостями. В работах Е.К. Завойского и др. было впервые экспериментально обнаружено явление турбулентного нагрева электронов и ионов плазмы как с помощью сильных магнитозвуковых волн, создающих потоки электронов перпендикулярно магнитному полю, так и с помощью электрических импульсных полей в прямых сильноточных разрядах и тороидальных системах, в которых потоки электронов движутся вдоль магнитного поля. Авторами была впервые установлена связь между аномальным сопротивлением и развитием неустойчивостей в этих системах и построена соответствующая теория. В экспериментах производилось измерение электронной температуры тремя различными способами, ионной температуры, проводимости плазмы, эффективной частоты соударений. Измерены спектры возбуждаемых колебаний, произведена идентификация неустойчивостей, определен уровень возбуждаемых колебаний, поставлены специальные эксперименты, позволившие исключить влияние парных соударений на процессы нагрева и проводимость плазмы. В результате проведенных экспериментов установлено:

1. Существует критическое значение упорядоченной скорости электронов плазмы, выше которого возбуждаются неустойчивости, в результате чего сопротивление плазмы становится аномально большим.

2. Благодаря диссипации энергии тока на аномальном сопротивлении плазмы в течение очень короткого времени происходит интенсивный бесстолкновительный нагрев плазмы с

плотностью 10^{12} - 10^{14} до 10^{16} - 10^{17} . Эффективность турбулентного нагрева достигает 30 %, причём нагретая плазма может быть удержана в магнитных ловушках в течение времён, определяемых свойствами ловушек.

3. Явление аномального сопротивления и турбулентного нагрева объясняется теорией (Л.И. Рудаков), основанной на возбуждении в плазме током ионно-звуковой неустойчивости.

Следует сделать следующие замечания. В.А. Супруненко, М.Д. Борисовым и др. представлена на открытие работа, в которой авторы впервые наблюдали эффект аномального сопротивления в прямом сильноточном разряде. Первое экспериментальное доказательство того, что этот эффект обусловлен ионно-звуковыми и будкеровско-бунемановскими неустойчивостями, было дано в работе Е.К. Завойского с сотрудниками. Считаю правильным, если не поступит возражений авторов, включить заявку В.А. Супруненко и др. в рецензируемую работу.

В заключение необходимо отметить, что Е.К. Завойским и сотрудниками был впервые экспериментально обнаружен турбулентный нагрев, являющийся в настоящее время одним из наиболее эффективных методов нагрева плазмы до термоядерных температур. Работа Е.К. Завойского с сотрудниками представляет собой одно из важнейших достижений в области физики плазмы и управляемого термоядерного синтеза. Считаю возможным зарегистрировать эту работу в качестве открытия с такой формулировкой: «Экспериментальное открытие явления турбулентного нагрева, заключающееся в том, что при движении электронных потоков, созданных внешними электрическими полями, через ионный остов плазмы, в результате возбуждения ионно-звуковых и будкеровско-бунемановских неустойчивостей происходит интенсивный бесстолкновительный нагрев электронов и ионов плазмы до термоядерных температур, а сопротивление плазмы становится аномально большим». 30 июля 1970 г. Член-корреспондент АН УССР Я.Б. Файнберг».

ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ ООФА В МИНСКЕ

Весной 1972 г. отец мой дал согласие на участие в выездной сессии Отделения общей физики и астрономии АН СССР в Минске, где он должен был выступить с докладом «Энергетика на быстрых термоядерных процессах». Позже доклад его был опубликован в журнале «Успехи физических наук»¹. Вообще-то он подготовил обширный, состоящий из трех частей

¹ УФН. 1972. Т. 108, вып. 4. С. 752-755.

материал, две из которых были направлены им в журнал «Доклады АН СССР», но напечатаны они почему-то не были. Недавно В. А. Скорюпин, которому я принесла «Часть II» для планирующейся публикации, спросил, где же первая. Я не смогла ничего ответить. Припомнились только слова академика Н. Н. Сироты о том, что доклад отца в Минске произвёл на него лично глубокое впечатление из-за анализа возможных последствий от аварий на атомных станциях. Николай Николаевич написал об этом в своей статье уже после Чернобыльской катастрофы². В архиве отца сохранился черновик, озаглавленный «Энергетика на быстрых термоядерных процессах. Краткое содержание доклада на заседании ООФА, Минск, 1972». Но речь в нём шла не об атомных, а о термоядерных станциях, т. е. о станциях будущего. Вот что тогда писал Евгений Константинович: «Если говорить о ближайшей перспективе термоядерной энергетики, то следует иметь в виду 2000 год. К этому сроку мировая потребность во всех видах топлива определяется приблизительно в 10^{21} Дж/год. Весьма вероятно, что будет необходимо построить с этой целью примерно 100 термоядерных станций, так что мощность одной станции составит пр. $3 \cdot 10^{10}$ Вт. Станция такой мощности будет сжигать ~ 1 см³ *D-T* – смеси в секунду.

По современным представлениям стационарная термоядерная станция такой мощности должна иметь удерживающее магнитное поле не менее 10^5 Гс при плотности плазмы 10^{15} см⁻³ и температуре 10^8 С. Отсюда можно определить объём горячей плазмы – $3 \cdot 10^9$ см³. Если для термоядерного реактора будет использована тороидальная ловушка, то малый диаметр тора будет не меньше 10 м, а длина внутренней оси тора примерно 10^2 м. Хотя сооружения такого масштаба привычны, однако вся эта гигантская камера сначала заполнена сильным магнитным полем, которое затем вытеснено горячей плазмой из камеры и прижато к её стенкам. Заметим (для масштаба), что тепловая энергия плазмы реактора достаточна для нагревания 10 тонн меди до температуры 1000^0 С. Состояние такой системы должно быть устойчивым в такой степени, чтобы станция могла работать долгие годы без единого внезапного крупного нарушения равновесия между плазмой и магнитным полем. Действительно, быстрое нарушение этого равновесия приведёт к проникновению магнитного поля в область, занятую горячей плазмой, что возбудит внутри камеры и в соленоиде, создающих магнитное поле, перенапряжения, энергия которых эквивалентна взрыву

² Чародей эксперимента... С. 38.

около 200 тонн взрывчатки. Если такой взрыв разрушит стенку тора, то в атмосферу из плазмы может поступить сразу до 8 г трития. Нарушить это равновесие может развитие макроскопической неустойчивости плазмы, связанное, например, с «дужением», быстрым охлаждением плазмы за счёт локального испарения стенки тора, срывом со стенки камеры металлических частиц, нарушением питания магнитного поля (замыкание витков соленоида) и пр. Пока не будут найдены совершенно надёжные защитные средства, термоядерная станция с магнитным удержанием будет представлять заметную опасность для окружающей местности, и каждая авария такого масштаба будет наносить значительный экономический урон. В этой ситуации, учитывая также многие другие нерешённые проблемы удержания и нагрева плазмы, кажется маловероятным сооружение 1000 таких станций до 2000 года.

Альтернативой стационарной термоядерной энергетике являются микровзрывы, которые будут иметь и специфические области применения. Физической основой получения энергетически выгодной термоядерной реакции при взрыве служит следующее соображение. Быстро нагретая конденсированная $D-T$ -мишень за время разлёта $\tau = r_0 / c_s$, где r_0 – радиус мишени, $c_s = \sqrt{kT / m}$ – скорость разлёта мишени, успеет, согласно критерию Лоусона, $\tau N_0 = 10^{14}$, где N_0 – концентрация ядер в мишени, выделить больше энергии, чем было затрачено на нагревание $D-T$ смеси. В последнее время появились два возможных способа осуществить нагрев микромишени до термоядерных температур. Имеются в виду сверхмощные лазерные импульсы света и пучки релятивистских электронов. Хотя ни в том, ни в другом методе, как известно, пока не достигнуты необходимые энергии и мощности, но нет сомнения, они могут быть получены. Если при том удастся сделать ядерное или электронно-лучевое устройство работающим без разрушения периодически, то это должно существенно изменить представление о роли быстрых термоядерных процессов в энергетике ближайшего будущего. Обсуждению этого вопроса будет посвящён предложенный доклад»³.

Об этой поездке остались мамины дневниковые записи. Вот, например, запись от 8 июня: «С утра осматривали Институт физики твёрдого тела и полупроводников, директором которого является академик Н. Н. Сирота. Мы ходили около шести часов.

³ Личный архив Е. К. Завойского.

Очень-очень интересно, особенно мне: я ничего никогда не видела. Плёнки, нейтронография, рентгенография, ЭПР, ЯМР, масс-спектрометрия, печи – донная плавка (на них обиделся Верещагин, так как они разработали метод получения деталей к фрезерным станкам), криогенная лаборатория, магнитные плёнки, образование доменов и т. д. Жене подарили гексагон нитрида бора. Мы без ног. Я обещала прислать рефераты...»⁴

ГОСТЬ РЕСПУБЛИКИ

В июне 1972 г. родители собирались поехать в Казань. Папе надо было выяснить какие-то дела. В один из дней у нас в квартире раздался телефонный звонок. Звонил Б.М. Козырев, он хотел узнать, в каком составе мы приедем в Казань. Я сходу выпалила: «Все», т. е. родители и мы с дочкой. Отец, уже подходя к телефону, услышал моё «все» и тут же высказал своё неудовольствие. Так мы всей семьёй попали в Казань и провели там три чудесных дня. Надо сказать, что папа был приглашён туда по научным делам как гость республики, а мы оказались «примкнувшими». Нас поселили на Новиковой даче, в доме для высокого начальства. В первый день состоялся великолепный обед в узком кругу в присутствии папиных друзей Б. М. Козырева и С. А. Альтшулера. Стол ломился от вкуснейших национальных блюд, приготовленных под руководством знаменитого на всю Казань повара Ю. А. Ахметзянова. В тот же день родители ездили по делам в КФАН, а у нас с дочкой была своя программа: нам показывали город. Погода была жаркая. Пятилетняя дочь поднывала от усталости. Я же наслаждалась тем, что спустя четверть века снова вижу город моего детства.

Едва я окунулась в казанскую атмосферу, у меня возникло смутное предчувствие, что это наша последняя совместная с папой поездка в Казань. Оно завладело всем моим существом, и я ни о чём другом не могла уже думать. Любое внешнее впечатление – будь то роскошные розы в саду на Новиковой даче, будь то поездка на волжский остров на теплоходе, встречи с папиными друзьями, – всё это, как песня припевом, сопровождалось тоскливой мыслью: «Это никогда больше не повторится. Никогда!»

22 июня ранним утром мы отплыли на теплоходе в Москву. Казанцы смогли исполнить папино желание: среди лета достать билеты на теплоход – это было настоящим чудом! В порту

⁴ Личный архив Е.К. Завойского.

нас провожали родственница Н.С. Ачкасова с дочкой Таней, М.М. Зарипов, С.Ф. Коротков и Р.Ш. Нигматуллин.

Теплоход – не пароход старого образца. Его металлическая конструкция раскалялась под солнцем, как сковородка на плите. Спасть от дикой жары было негде. Выручали только остановки в городах Чебоксары, Горький, Углич, у древнего Ипатьевского монастыря под Костромой...

Я знала, что с Чебоксарами у моего отца связано было ужасное воспоминание о том, что в 1932 г. он был направлен в тамошний университет читать лекции. И всё было бы ничего, но командировочных денег ему не выдали. Знакомых в Чебоксарах не было. «В Чебоксарах я едва не умер от голода», – рассказывал он.

АВГУСТ 1972 ГОДА

5 августа у моего отца случился сердечный приступ, закончившийся тяжелейшим инфарктом миокарда⁵. Тот невероятно жаркий август был первым на нашей жизни в Москве, когда весь город окутал дым торфяников, горевших где-то на востоке от него. Отвратительный запах был разлит в воздухе, и от него нигде не было спасения. Отцу моему пришлось очень трудно. Дышать и так-то было нелегко, а тут приходилось вдыхать эту гадость. За четыре месяца нахождения в обычной городской больнице он пережил многое. После больницы он поехал в академический санаторий «Узкое», а затем к брату: у него в доме был лифт, а папа без жуткой одышки не мог подняться и на три ступеньки. Мы жили на третьем этаже в доме без лифта, построенном пленными немцами в 1947 г. Четыре года, что были отпущены отцу моему судьбой, были годами борьбы за жизнь. Сердечные приступы случались часто. Были врачи, больницы, были горы лекарств. И всё это время, как часовой на посту, рядом с папой была мама.

В моем рассказе я почти не упоминаю маму, ведь моей задачей является описание работы отца. Но это вовсе не значит, что я недооцениваю её роль в нашей семье. Её любовь к папе и к нам, детям, не знала границ. Для меня родители были образцом супружеской пары. Я долго никак не могла понять, что в жизни это очень-очень редкое исключение. Мне казалось, что иначе и быть не может! Их связывали глубокая любовь и уважение друг к другу. Восемнадцатилетней девушкой моя мама влюбилась в папу

⁵ 11 августа 1972 г. заместителем начальника объекта был назначен доктор физ.-мат. наук Л. И. Рудаков. (Архив РНЦ «Курчатовский институт». Ф. 1. Оп. 1 л/д. Д. 30161).

с первого взгляда, в тот самый момент, когда она принесла подавать свои документы в приёмную комиссию Казанского университета, а он, тогда молоденький доцент, как раз дежурил. Просто сказать, что мама любила папу, – это слишком мало: она его обожала. Я не помню ни одной «сцены» между родителями за всю свою жизнь. Мама была помощницей папе всегда и во всем. Химик по образованию, она недолгое время работала с ним вместе как раз в те годы, когда папа трудился над электронным парамагнитным резонансом. Она очень хорошо училась и мечтала осуществить своё желание – создать лекарство, чтобы люди жили как можно дольше. В Казани вся тяжесть довоенного, военного и послевоенного быта лежала на ней (хождение с ведрами за водой, колка дров, многочасовое стояние в очередях за хлебом, «отоваривание» продовольственных карточек, обмен на базаре водки, которую вместо зарплаты выдавали преподавателям КГУ, на что-то съедобное и т. д.). По приезде в Москву мама очень тяготилась тем, что не могла пойти работать. Здесь надо сказать, что место, где располагалась Лаборатория № 2, не было связано с Москвой, транспорт к нему не подходил. Таксисты же не хотели ехать в эту глушь, особенно вечером. Все жители нашего посёлка – «Академии», – так его называли жители соседнего «военного городка», так и говорили: «Еду в город». От Покровского-Стрешнева к самому ближайшей станции метро «Сокол» ходили трамваи, и это было всё. Был, правда, служебный автобус, ходивший до метро «Сокол». Он имел остановку прямо напротив старого, а тогда единственного выхода станции «Сокол». Шофёр, если его спрашивали, куда идёт автобус, насмерть молчал. Своеобразным паролем была плата за проезд: «Сорок копеек». Произнесёт входящий «сорок копеек», значит «свой». Добираться, скажем, до улицы Горького, теперешней Тверской, требовало столько сил и времени, что разговор о работе мерк сам собой. Ни школы, ни больницы, ни магазинов, ни аптек, ни ремонтных мастерских, ровным счётом ничего не было рядом с нашими домами. К этому надо добавить существование продуктовых карточек, по которым в то время советские граждане получали продукты питания только в определённых магазинах. Мы с мамой (папа жил в Сарове) были прикреплены к магазину где-то в области метро «Автозаводская».

ВЫДВИЖЕНИЕ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПРЕМИЮ

Осенью 1972 г. руководства Института атомной энергии и Харьковского физико-технического института начали оформление документов на выдвижение Е.К. Завойского и Я.Б. Файнберга с их коллективами на Государственную премию 1973 г. Руководителем

и инициатором работ был назван Евгений Константинович. Работа шла под названием «Открытие и исследование аномального сопротивления и турбулентного нагрева плазмы». В группу номинировавшихся входили М.В. Бабыкин, П.П. Гаврин, Б.А. Демидов, Л.И. Рудаков, В.А. Скорюпин, С.Д. Фанченко (ИАЭ) и Е.Д. Волков, В.А. Супруненко, Е.А. Сухомлин, Я.Б. Файнберг (ХФТИ). В представлении, направленном в Комитет по присуждению Ленинских и Государственных премий, говорилось: «Представленный цикл работ был выполнен в ИАЭ им. И.В. Курчатова и ФТИ АН УССР в период с 1961 по 1971 гг. Результатом этого цикла работ явилось открытие, исследование и применение для получения высокотемпературной плазмы в крупных экспериментальных термоядерных установках неизвестного ранее явления эффективного нагрева бесстолкновительной плазмы электрическим током, диссипирующим свою энергию на аномальное сопротивление, которое возникает в результате развития в плазме мелкомасштабной турбулентности, возбуждаемой самим электрическим током.

В представляемом цикле работ получены фундаментальные результаты в области физики турбулентной плазмы и обнаружен ряд принципиально важных эффектов. Было установлено, что при достаточно больших электрических полях и плотностях тока удельное электрическое сопротивление плазмы аномально велико и определяется не парными, а коллективными взаимодействиями заряженных частиц. При этом было экспериментально показано, что в плазме развивается сильно турбулентное состояние с широким спектром колебаний. В этих условиях диссипация энергии тока на аномальное сопротивление приводит к быстрому и эффективному нагреву плазмы, названному авторами «турбулентным нагревом». Явление аномального сопротивления и турбулентного нагрева плазмы было объяснено в рамках теории, основанной на механизме возбуждения в плазме током ионно-звуковой неустойчивости.

Главными направлениями исследований, входящих в представляемый цикл работ, является, во-первых, изучение фундаментальных свойств турбулентной плазмы и, во-вторых, применение аномального сопротивления и турбулентного нагрева для получения высокотемпературной плазмы в опытах по управляемому термоядерному синтезу.

Для изучения свойств турбулентной плазмы авторами развиты оригинальные и тонкие экспериментальные методы, которые обеспечили возможность детального исследования

сложной картины физического состояния плазмы и его эволюции во времени. В теоретических работах цикла были развиты общие физические представления о коллективных взаимодействиях и нелинейных эффектах в плазме при развитии токовых неустойчивостей и дана количественная интерпретация результатов экспериментов.

Возможности применения турбулентного нагрева для получения высокотемпературной плазмы были исследованы авторами в магнитных ловушках различного типа. Было экспериментально показано, что новый метод позволяет за короткое время и с высокой эффективностью нагревать плазму до температур электронов и ионов в несколько десятков миллионов градусов как в открытых, так и в замкнутых системах магнитного удержания.

Работы представляемого цикла имеют большое значение для развития исследований в области управляемых термоядерных реакций. Эти работы докладывались на многих научных конференциях как в нашей стране, так и за рубежом и получили широкое признание...» Это представление подписано директорами и председателями Учёных советов ИАЭ и ФТИ АН УССР академиками А.П. Александровым и В.Е. Ивановым⁶.

Судя по выступлению А.П. Александрова на заседании Учёного совета ИАЭ (14 ноября 1972 г.), он и был инициатором этого выдвижения. «Эти исследования в настоящее время общепризнанны во всём мире как крупнейшее научное достижение в физике плазмы», – заявил он. По завершении Совета было проведено тайное голосование. Из 23 присутствовавших «за» проголосовали 21, «против» – 2. Голосование прошло также и в Филиале ИАЭ (председателем Научно-технического совета там был тогда член-корреспондент Е.П. Велихов).

Интерес представляет справка о творческом вкладе Завойского Е.К. в цикл данных работ: «...Е.К. Завойский предложил и впервые осуществил постановку опыта по турбулентному нагреву плазмы интенсивной магнитно-звуковой волной. Этот опыт был задуман так, что волна проходила через плазму за время, меньшее времени кулоновского столкновения. Поэтому экспериментальное обнаружение диссипации энергии волны и нагрева плазмы позволило Е.К. Завойскому ярко и убедительно доказать практическую возможность нагрева плазмы за счёт коллективных взаимодействий без участия обычных парных столкновений. Эти результаты имеют выдающееся

⁶ Личный архив Е.К. Завойского.

значение не только потому, что с них началось развитие нового направления в физике плазмы, но также и в связи с тем, что новым методом был осуществлен эффективный нагрев плазмы до температур, представляющих интерес с точки зрения проблемы управляемого термоядерного синтеза.

В дальнейшем Е.К. Завойским была выполнена широкая программа исследований турбулентного нагрева плазмы в разнообразных вариантах с целью выявления основных закономерностей и природы явления. Он лично участвовал в постановке и проведении экспериментов, а также проанализировал и обобщил данные, полученные в результате проведения программы исследований в целом.

В развитие первого опыта по турбулентному нагреву плазмы волной Е.К. Завойским были поставлены эксперименты по адиабатическому сжатию турбулентно нагретой плазмы, продемонстрировавшие возможность длительного устойчивого удержания и сжатия такой плазмы в открытой магнитной ловушке.

Затем Е.К. Завойским была высказана идея турбулентного нагрева плазмы током, текущим вдоль удерживающего магнитного поля открытой или замкнутой ловушки. Эта идея, впервые осуществленная на опыте Е.К. Завойским и возглавляемым им научным коллективом, оказалось весьма плодотворной. Если опыт по турбулентному нагреву магнитно-звуковой волной стимулировал постановку экспериментов по нагреву плазмы волнами в ряде термоядерных исследовательских центров, то метод турбулентного нагрева током вскоре получил широкое применение для повышения эффективности и скорости нагрева и ныне успешно используется для получения высокотемпературной плазмы в крупных термоядерных установках.

Важным этапом исследования турбулентного нагрева плазмы током, направленным вдоль магнитного поля, явились поставленные Е.К. Завойским на установке ТН-5 опыты по изучению турбулентного нагрева ионов. Е.К. Завойский провёл тонкие измерения энергетического распределения ионов плазмы, используя предложенные им оригинальные методики диагностики, в частности. Измерение энергии и импульса нейтральных атомов перезарядки методом конденсаторного микрофона. Он впервые показал, что при турбулентном нагреве током ионы плазмы с плотностью порядка 10^{13} частиц на см^3 могут быть нагреты до температуры 30 миллионов градусов, сравнимой с температурой электронной компоненты плазмы. Этот результат имел первостепенное значение как для развития

теоретических представлений о природе аномального сопротивления и турбулентного нагрева, так и для выяснения перспектив применения метода в термоядерных исследованиях с целью получения плазмы с горячими ионами.

Анализ экспериментальных результатов по турбулентному нагреву плазмы позволил Е.К. Завойскому сделать фундаментальные выводы о высокой эффективности нагрева этим методом как электронов, так и ионов, о возможности удержания турбулентно нагретой плазмы в магнитных ловушках, о механизме явления, связанном с переходом плазмы в турбулентное состояние за счёт развития токовых неустойчивостей...»⁷.

Кроме приведённого представления интересен отзыв директора Института ядерных исследований АН УССР академика АН УССР М.В. Пасечника, подписанный им 24 октября 1972 г.: «...Открытие ФТИ АН УССР и ИАЭ им. И.В. Курчатова вызвало огромный интерес среди учёных всего мира. Свидетельством этого является появление специальных секций по турбулентному нагреву плазмы на всех международных конференциях по УТС последних лет (начиная с 1968 г.). В настоящее время работы по турбулентному нагреву плазмы интенсивно развиваются в крупнейших лабораториях США, ФРГ, Японии, Англии, Голландии. Эксперименты, выполненные там, подтверждают данные, полученные авторами открытия, и способствуют ещё большему развитию работ по турбулентному нагреву плазмы за рубежом.

Идеи авторов открытия используются в настоящее время для объяснения ряда явлений в космосе (солнечные вспышки, магнитные бури, взаимодействие «солнечного ветра» с межзвездной средой и т. п.).

Пока ещё трудно оценить полностью значение данного цикла работ, выполненных учёными ФТИ АН УССР и ИАЭ им. И.В. Курчатова. Однако уже сейчас ясно, что их исследования положили начало новому направлению в физике плазмы и дали ряд новых идей для других разделов физики...»⁸

Работа была послана также на рецензию профессору М.С. Рабиновичу (ФИАН). Он писал: «Новым фундаментальным явлением в физике плазмы явилась возможность использования коллективных процессов для нагрева плазмы. Эти методы, таким

⁷Личный архив Е.К. Завойского.

⁸Личный архив Е. К. Завойского.

Филиал РГАНТД. Ф. 180. Оп. 3. Д. 3103. Л. 76-78.

образом, противопоставляются классическим соударительным или ускорительным методам (омическому, циклотронному и т. п.).

Совсем неочевидным является возможность использования коллективных методов для нагрева плазмы, так как обычно коллективные процессы приводят к неустойчивостям и, следовательно, не только к нагреву плазмы, но и к ускорению процессов переноса. Боязнь неустойчивостей в шестидесятых годах настолько сильно укоренилась в среде физиков, что, естественно, предложение об использовании неустойчивостей для нагрева потребовало от авторов смелости и большой физической интуиции.

В основе предложенных методов лежит явление потоковых неустойчивостей, обусловленное резонансным взаимодействием заряженных частиц с волнами, распространяющимися в плазме. В результате развития неустойчивостей происходит возбуждение интенсивных колебаний и волн в плазме, сопровождающееся очень быстрым и сильным уменьшением упорядоченной энергии потоков электронов. Наиболее важными потоковыми неустойчивостями являются: пучковая неустойчивость, неустойчивость Бунемана, ионно-звуковая неустойчивость.

Впервые идея использования потоковых неустойчивостей предложена была Е.К. Завойским (потоковая неустойчивость во внешних полях), Р.З. Сагдеевым (потоковая неустойчивость на фронте бесстолкновительной ударной волны), Я.Б. Файнбергом (пучковая неустойчивость).

Е.К. Завойскому и сотрудникам принадлежит концепция турбулентного нагрева, получившая мировое признание. Турбулентный нагрев плазмы, по определению авторов, – это «трансформация упорядоченного движения частиц в плазме в хаотическое тепловое за счет диссипации энергии на турбулентных пульсациях возбуждаемых этим упорядоченным движением» (Труды Международной конференции по УТС и физике плазмы. Мэдисон. 1971. Т. II. С. 4). Под это определение попадают не только потоковые неустойчивости, упомянутые выше, и ВЧ, и СВЧ аномальный нагрев плазмы.

«Таким образом, – пишут авторы, – турбулентный нагрев в настоящее время охватывает широкий класс экспериментов, объединённых между собой по тому признаку, что диссипация энергии внешнего электромагнитного поля в плазме происходит не за счёт парных, а за счёт коллективных взаимодействий. Прогресс в столь широкой области исследований связан, с одной стороны, с установлением общих закономерностей для явлений,

которые могут различаться в деталях, с другой стороны, в детальном анализе частных случаев с теоретическим объяснением всех особенностей механизма явлений».

В рассматриваемой работе из всех методов турбулентного нагрева довольно искусственно выделяется наряду с первой работой М.В. Бабыкина, Е.К. Завойского, Л.И. Рудакова и В.А. Скорюпина, в которой рассматриваются общие принципы, только работа по токовому турбулентному нагреву.

В своей одной первой работе указанные авторы ссылаются на своих предшественников Р.З. Сагдеева и Я.Б. Файнберга. В частности, они пишут: «Ниже излагаются результаты исследования нового принципа нагрева плазмы без столкновений, в основе которого лежит явление, известное под названием «пучковой» или «поточковой» неустойчивостей. Впервые предложение о возможности такого механизма диссипации сильной волны в плазме было высказано Сагдеевым» (ЖЭТФ. 1962. Т. 43. С. 411). После первых работ Е.К. Завойского, Р.З. Сагдеева и Я.Б. Файнберга и их сотрудников появилось такое несметное количество работ (разного качества), поэтому нужно было при отборе ограничиться каким-либо признаком.

Из сказанного ясно, и при желании можно было бы ещё написать очень много, что само открытие и исследование турбулентного нагрева представляет одно из крупнейших открытий в области физики плазмы, создавшее новое направление. Приоритет советской школы в этом вопросе признан.

Но я как рецензент должен ограничиться работами, представленными на премию.

Представлено 35 работ очень неодинаковых по значению и качеству. Авторами этих работ вместе с 11 учёными, выдвинутыми на премию, являются ещё более 20 учёных, среди них много широко известных имён. Среди представленных работ есть лишь косвенно относящиеся к делу.

Полностью поддерживая выдвижение работы на премию, я бы категорически возражал, чтобы на всех представленных работах стоял штамп: «Работа получила Государственную премию». В качестве примера можно привести работу тринадцати авторов «Поведение высокотемпературной плазмы при токовом нагреве в стеллараторе с большим широм «Ураган» или работу двух авторов «Оценка степени турбулентности плазмы по собственному излучению и комбинационному рассеянию электромагнитных волн» (Атомная энергия. 1966. Т. 20, вып. № 6. С. 518) и другие.

Эти работы не могут претендовать на премию, и каждый, кто прочтёт их, может легко в этом убедиться.

Основные выводы:

1. Работа, безусловно, заслуживает Государственной премии.

2. Следует ещё раз вернуться к авторскому коллективу. По-моему, в составе авторов должен быть Р.З. Сагдеев.

3. Следует критически рассмотреть 35 статей, представленных на премию, и оставить среди них не более 10 самых основных и принципиальных.

8 мая 1973 г.»⁹.

Государственная премия выдвинутому коллективу присуждена не была¹⁰. Абсолютно точно могу сказать, что отец мой никакого участие в составлении бумаг, обсуждении и т. д. не принимал, так как в это время состояние здоровья не позволяло ему этого делать. Я, например, и не слышала тогда о выдвижении на эту премию и о неудаче с ней. Значительная часть документов, поданных в Госкомитет, в архиве отца оказалась случайно: сотрудница его сектора Т.А. Косинова после кончины Евгения Константиновича передала их на время моей маме, а она их переписала.

СМЕРТЬ АКАДЕМИКА Л.А. АРЦИМОВИЧА

1 марта 1973 г. от болезни сердца скончался академик Л.А. Арцимович. Со стороны Академии наук его некролог был подписан А.П. Александровым, Б.Б. Кадомцевым, В.Д. Шафрановым, Е.П. Велиховым, И.Н. Головиным, М.А. Леонтовичем, П.Л. Капицей, Р.З. Сагдеевым и С.П. Капицей¹¹. В «Правде» – всей самой высокой советской номенклатурой, включая первое лицо государства.

В августе того же года в Москве состоялась шестая Европейская конференция по исследованиям в области УТС и физики плазмы, и по решению Европейского физического общества первое её заседание было посвящено памяти выдающего советского учёного и организатора науки академика Л.А. Арцимовича. «По общему признанию, – писала газета «Правда», –

⁹ Филиал РГАНТД. Ф. 180. Оп. 3. Д. 3103. Л. 72-75.

¹⁰ Филиал РГАНТД. Ф. 180. Оп. 3. Д. 3103. Л. 2 об. 14 мая 1973 г. было проведено голосование, 42 голоса было подано «за», 45 «против» и два бюллетеня оказались недействительными.

Документы, в которых аргументировался бы отказ, не выявлены.

¹¹ УФН. 1973. Т. 100, № 4. С. 677-679.

он оказал огромное влияние на развитие термоядерных исследований»¹².

СОГЛАШЕНИЕ ПОДПИСАНО

21 июня 1973 г. в «Правде» было опубликовано Соглашение между СССР и США в научно-техническом сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии. Оно было подписано генеральным секретарём ЦК КПСС Л. И. Брежневым и президентом США Р. М. Никсоном сроком на десять лет¹³. Среди прочего Соглашение предусматривало разработку высокоэффективных источников энергии.

ТРАВЛЯ АКАДЕМИКА А.Д. САХАРОВА

Летом 1973 г. отец жил на даче в академическом посёлке Ново-Дарьино, которую он приобрёл за несколько лет до этого у вдовы академика В.А. Каргина. Мы часто ездили с папой на ближайшую станцию Перхушково встречать приезжавшую на электричке маму. Она продолжала работать в своём ВИНТИ¹⁴.

Вечером отец слушал радио и узнавал новости. Тогда в Ново-Дарьино хорошо ловился «Голос Америки», а «Свобода» редко и плохо. Отец особенно ценил взвешенные передачи «Би-Би-Си». В один из последних дней августа мы приехали на станцию Перхушково, и я увидела, как папа сразу направился к газетному киоску. К машине он вернулся чем-то встревоженный. Оказалось, что в купленной им газете «Советская Россия»¹⁵ было опубликовано письмо членов Академии наук по поводу академика А.Д. Сахарова. «Своё» возмущение и осуждение его позицией и выступлениями выразили академики Н.Г. Басов, Н.В. Белов, Н.Н. Боголюбов, С.В. Вонсовский, Б.М. Вул, Н.П. Дубинин, М.В. Келдыш, Г.В. Курдюмов, А.А. Логунов, М.А. Марков, Б.Е. Патон, А.М. Прохоров, Ю.Б. Харитон, П.А. Черенков и другие. Фамилии всех академиков-подписантов, как тогда их окрестили (было и другое слово), были хорошо известны в стране. С ними со всеми мой отец был так или иначе знаком.

Письмо коллег-учёных разделило Академию на тех, кто письмо подписал, и тех, кто по той или иной причине этого не сделал.

¹² Правда. 1973, 7 августа.

¹³ Правда. 1973, 26 июня.

¹⁴ Всесоюзный институт научно-технической информации.

¹⁵ В тот же день, 29 августа 1973 г. «Письмо членов Академии наук СССР» было опубликовано в «Правде», а также других газетах, т. е. приказ на публикацию исходил из одного центра.

Меня всегда интересовал вопрос, могли ли столь высоко стоявшие академики противостоять решению ЦК КПСС «выпороть» прилюдно своего коллегу. Академия наук не выступила в защиту Сахарова. Она покорно уступила его «верхам», но сначала сама надавала ему своих академических пинков. Или это был манёвр: может быть, сдав Сахарова, Академия спасала себя от роспуска?¹⁶

Чем же объяснить появление подписей академиков против Сахарова? Убеденностью, что он неправ? Страхом? Равнодушием? Слышала версию, что так его думали защитить (!). Я видела и Б.М. Вула, и С.В. Вонсовского, и А.М. Прохорова, и А.Н. Тихонова, и М.Б. Храпченко, и М.А. Маркова¹⁷. Спокойные, уверенные в себе люди. Милые и умные собеседники. Я могла бы понять, если бы письмо подписали одни философы, историки, филологи. Им в недавние времена приходилось подписывать и не такое. Но основная масса подписавших то письмо – это физики, математики, химики, биологи.

За несколько дней до конца августа в нашей московской квартире раздался телефонный звонок из Академии наук. Спрашивали отца. Я, ничего не подозревая, ответила, что он находится на даче по болезни. Это была сущая правда. Больше меня ни о чём не спросили. Отец, узнав о звонке, разволновался и тут же спросил, что хотели и что я ответила. Он, оказалось, знал о начавшейся травле Сахарова, а меня не успел предупредить.

Газета «Известия», считавшаяся в то время более либеральной, чем «Правда», также запустила ляпуху грязи в крамольного академика¹⁸. Некто К. Петров писал уже «О поведении академика А. Сахарова». Тут же появились новые подписанты в виде членов ВАСХНИЛ. Порцию подписантов добавила и «Правда». Ну, а за ними вприпрыжку побежали

¹⁶ Новиков А.В. Вокруг юбилея академика А. Д. Сахарова в 1981 году // Вопросы истории. 2006. № 5. С. 3-6.

¹⁷ Сегодня (15. 11. 2009 г.) прошла уже неделя, как не стало Виталия Лазаревича Гинзбурга. Пару лет назад в телефонном разговоре я осмелилась спросить его о событиях того времени. Виталий Лазаревич не оборвал меня, как мог бы, вообще говоря, сделать любой из академических «небожителей», он, помню, сказал, что доля вины разыгравшейся травли лежала на тогдашнем президенте АН СССР, а сам он с Ниной Ивановной находился в Сортавале на отдыхе, поэтому его подпись отсутствует. «Ещё неизвестно, как бы я тогда поступил», – добавил он.

¹⁸ Известия. 1973, 1 сентября.

бригадиры, трактористы, поэты, маресьевы, товстоноговы, симоновы, разные академии наук. Да, ещё композиторы и актёры. Наверное, многие сожалели потом о содеянном, но что-то их извинения мне на глаза не попадались, кроме слов академика С.В. Вонсовского.

Я понимаю, что можно заставить рабочего кондитерской фабрики или токаря с фрезеровщиком подписать то, что кем-то «сверху» было написано и спущено «в низы». Но что могло или кто мог заставить таких независимых людей, какими я помню тех милых, умных академиков, подписать явно «нехорошее» письмо?

Сахаров ли позорил имя учёного? Может быть, всё получилось как раз наоборот? Передо мной статьи из газет, которые собрал в то время мой отец. Будучи молодым, сколько таких «завываний» и «улюлюканий» он повидал. И вот на склоне лет – снова 37-й? Каждая газета, видимо, покопалась в своём архиве и вытащила на свет божий заголовок типа: «Гнев и презрение народа», «Цена предательства», «Позор клеветнику»... Наверное, так оно и есть: деньги, получавшиеся за эти «шедевры», для газетчиков ничем не пахли ни в 1937-м, ни в 1973-м.

Я поняла бы, если бы Сахарова позорили, припомнив ему создание смертоносного оружия и желание применить его как можно скорее на враге. Но нет. За создание водородной бомбы он стал национальным героем. За вмешательство в политику ему грозили расправой.

Отец мой хотел выступить на стороне Сахарова. Он позвал нас с мамой к себе и поставил перед нами вопрос: как мы посмотрим на то, если он выступит в его защиту¹⁹. В то время папа уже был тяжело болен, он не смог бы выдержать то напряжение, которое потребовалось бы ему в новой ситуации. Нам с мамой, возможно, грозило бы увольнение с работы. Не говоря уже о мерах к взбунтовавшемуся академику.

Наверное, больше мамы испугалась я, так как я одна растила дочь, и оказаться без работы не могла никак. Мама поддержала меня. Будь отец здоров, он, и, не спрашивая нас, сделал бы то, что задумал. Увы, силы его были уже на исходе.

Помню, в те же годы, то ли в том же 1973, то ли в 1974 году мама послала меня в Академию наук оформить подписку на

¹⁹ Знаю, что Евгений Константинович лично и прилюдно поздравлял А.Д. Сахарова с присуждением ему Нобелевской премии мира.

газеты и журналы²⁰. Тогда выписать на почте юмористический журнал «Крокодил» (это был любимый «научный» журнал отца), например, или «Неделю» было практически невозможно: в очередь вставали с вечера, отмечались, устраивали переключки, писали номерки на ладонях. А в Академии наук с этим было просто: каждый член Академии выписывал то, что хотел, даже такой дефицитный журнал, как «Америка», но тогда требовалось подписаться на газету, предпочтительнее на «Правду».

Я вошла в уютный зал на втором этаже старого здания Президиума Академии наук, где роились академики и их жены. Все были заняты оформлением подписки. Я тоже стала заполнять бланки. Неожиданно на противоположной стороне столика возник какой-то мужчина. Ему показалось мало места на столике, и он отодвинул мои бумаги. Я решила взглянуть на «захватчика» и узнала в нём соседа по дому А.Д. Сахарова. Он-то меня вообще не знал, а в тот момент и не видел. Он был чем-то занят, углублён в себя (не в подписку же). Возвращаясь домой, я увидела, как Сахаров переходил Ленинский проспект (тогда подземного перехода ещё не было), как гордо он нёс свою голову, какая отрешённость была на его лице. Но мне тогда подумалось, что улыбка украсила бы его больше.

ВТОРОЕ ПИСЬМО А.П. АЛЕКСАНДРОВУ

6 сентября 1973 г. Е.К. Завойский составил заявление об уходе из Института, сославшись на состояние своего здоровья. А директору он написал особо: «Глубокоуважаемый Анатолий Петрович! Я вынужден вторично обратиться к Вам с просьбой об освобождении меня от работы и переводе на пенсию. Это необходимо для приведения в ясность моих отношений с ИАЭ. Я очень благодарен Вам и особенно Александру Ивановичу Васину²¹ за заботы обо мне в острый период моей болезни. Однако зарплату, которую выписывают мне по Институту, я не могу получать по вполне понятным причинам, и эти деньги прошу использовать по Вашему усмотрению. Быть же консультантом и

²⁰ Отец постоянно выписывал «Physical Review», «Physical Review Letters», «Успехи физических наук», «Физика плазмы», «ЖЭТФ», «Письма в ЖЭТФ».

²¹ А. И. Васин распорядился снабдить палату в городской больнице № 52, где лежал Е. К. Завойский с тяжелейшим инфарктом миокарда, кондиционером, что было безусловным благом: лето 1972 г. выдалось невероятно жарким да и к тому же горели подмосковные торфяники и горький запах стоял в воздухе.

не иметь возможности работать – для меня невыносимое бремя»²². Не сразу, но на этот раз просьба Евгений Константиновича была удовлетворена, и он официально вышел на пенсию.

КАК Б.М. КОЗЫРЕВ СПАС КАЗАНСКИЙ ФИЗТЕХ

В конце 1974 г. до моего отца дошли сведения, что над Казанским физико-техническим институтом нависла угроза переориентации его тематики и превращения его в металлургический сателлит завода КАМАЗ. Сохранились документы, проливающие свет на эту ситуацию²³. По этому поводу 30 января 1975 г. происходило заседание Президиума Академии наук. В обсуждении вопроса о судьбе Казанского физтеха принимали участие президент АН академик М.В. Келдыш, члены Президиума академики Н.Г. Басов, П.Л. Капица, А.М. Прохоров, М.Б. Храпченко, Н.М. Эмануэль и «другие», как записано в стенограмме. От Казанского Филиала АН СССР присутствовали председатель КФАН, доктор физ.-мат. наук М.М. Зарипов и член-корреспондент Б.М. Козырев.

Проект переориентации представил академик-секретарь Отделения общей физики и астрономии А.М. Прохоров, Нобелевский лауреат. Согласно стенограмме, он сказал: «Казанский физико-технический институт действительно хороший институт, там хорошие кадры. Но дело в том, что там (в Татарии. – Н.З.) сейчас развивается автомобильная промышленность, строится мощный КАМАЗ, мощные авиационные заводы. Поэтому возник вопрос, как направить физику, для того чтобы эти всесоюзные стройки обеспечить физическими исследованиями, которые могли бы помочь этой отрасли народного хозяйства в Казани. Было решено вместе с казанским руководством, что надо развивать физику металлов... Методы, которые они развили, очень подходят для этого. Очень важно, чтобы научные исследования давали практический выход. К сожалению, у нас чисто физические исследования почему-то не находят практического применения, а находят применение за границей... Мы хотим, чтобы научные исследования, которые проводятся на высоком уровне, давали высокий практический выход». И далее: «Я хочу, чтобы там исследования были широкого профиля, не только узко – для ЯМР, ЭПР, а использовались более широкие методы для того, чтобы сделать более фундаментальные выводы. Оставаясь на позиции ЯМР, вы глубоких выводов не сделаете,

²² Личный архив Е. К. Завойского.

²³ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 3а. Д. 475. Л. 96-112.

потому что нет аппаратуры для этого, чтобы всесторонне использовать».

Однако президент Академии наук не был склонен поддерживать предложение академика-секретаря А.М. Прохорова. Он назвал тенденцию заменять заводские лаборатории академическими институтами неправильной и опасной. «Академический институт должен иметь универсальное значение, а не локальное», – заявил он. Сформулировав своё отношение к вопросу, М.В. Келдыш захотел выслушать мнение Б.М. Козырева, который чётко сказал: «Поворачивать наш институт на физику металлов – значит закрыть его и образовать на пустом месте новый».

То же заседание было описано Б.М. Козыревым, который, вернувшись в Казань, написал моему отцу письмо. Оба документа, стенограмма и это письмо, прекрасно дополняют друг друга и полно характеризуют создавшуюся ситуацию.

Письмо Б.М. Козырева датировано 6 февраля 1975 г. Борис Михайлович писал: «...Теперь о нашем институте. На заседании Президиума АН произошёл совершенно счастливый поворот в нашу пользу. Проект будущего направления деятельности его, продиктованный Зарипову Прохоровым, предполагал практически полную перестройку института и перевод его на рельсы прикладного металловедения. Из этого проекта Прохоров изъясил даже упоминание (подчеркнуто Б.М. Козыревым. – *Н.З.*) о резонансных методах. Оно и сыграло прекрасную роль в последующем ходе событий. После заслушивания доклада Зарипова о работе Филиала и хвалебного доклада Эмануэля, бывшего председателем комиссии, проверявшей Филиал, где было признано, что институт является ведущим по радиоспектроскопии, квантовой акустике, теории пластин оболочек, президент сказал, что считает совершенно неудовлетворительным проект решения о направлении работ по физике и попросил об этом высказаться «члена-корреспондента, директора института», решив, видимо, что я директор. Так как слово «член-корреспондент» было сказано, то я сейчас же выступил и сказал весьма категорично, что абсолютно согласен с Келдышем; что проект, по сути, означает закрытие нашего института и создание на голом месте нового с совершенно неопределёнными функциями, так как по физике металлов уже есть ряд институтов. Вслед за мной выступил Зарипов, которому ничего не оставалось делать, несмотря на его страх перед Прохоровым, как согласиться со мной. Прохоров начал бурно и весьма путано возражать, говоря, что у нас нет серьёзных

практических приложений. Келдыш сказал: «Вот и хорошо. Приложения резонансных методов используются у нас и везде, а Академии надлежит в первую очередь заниматься фундаментальными исследованиями». Прохоров ещё что-то лепетал; после него выступили Марков и Капица, поддерживавшие президента. В итоге Прохоров, весьма разозлённый, но смирившийся, сказал: «Ну, раз Вы так приказываете, я подчиняюсь», после чего решение о направлении работ Филиала было переписано самым идеальным для нас образом (в редактировании помог и Котельников, ещё усиливший акцент на радиоспектроскопии и квантовой акустике). Таким образом, всё обошлось превосходно. Из всего происшедшего для меня теперь абсолютно ясно, что единственным инициатором (подчеркнуто Б. М. Козыревым.– Н. З.) ломки института был именно А. М., а вовсе не наши местные власти, так как, к счастью, на заседании Президиума присутствовал один из секретарей Обкома, который высказался в пользу фундаментальных исследований... Ну, а подробности я расскажу, дорогой Евгений Константинович, при личной встрече»²⁴.

В личном деле Е.К. Завойского, которое хранится в Архиве РАН, есть запись его самого, касающаяся инцидента с академиком А.М. Прохоровым: «Участвовал в обследовании КФТИ АН СССР. Результатом этого явилось, насколько я могу судить по подготовленным материалам обследования, сохранение за институтом радиоспектроскопического направления и отказ института от перехода на совершенно необоснованную тематику по прочности материалов. Если бы такой переход состоялся (а это уже был почти факт), то наша страна лишилась бы ведущего радиоспектроскопического института, потеряла огромный запас ценной информации, и вместо этого приобрела бы ещё один беспомощный институт»²⁵. Эти слова, полагаю, были написаны специально для академика А.М. Прохорова, академика-секретаря Отделения общей физики и астрономии.

Добавлю, что Казанский физтех жив и здравствует до сей поры. С 1988 года его возглавляет крупный специалист в области радиоспектроскопии член-корреспондент РАН К.М. Салихов, сделавший так много для пропаганды детища Завойского – ЭПР. Ежегодно осенью к дате рождения Е.К. Завойского в Казань съезжаются физики из многих стран мира на конференции,

²⁴ Личный фонд Е.К. Завойского в Национальном архиве Республики Татарстан (Ф. 1009).

²⁵ Архив РАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 359. Л. 50.

посвящённые различным аспектам ЭПР и ЯМР. Ежегодно присуждается Международная премия имени Е. К. Завойского. Вручение премий всегда происходит торжественно в присутствии многих гостей. В эти дни Казанский университет принимает участников конференции, и в актовом зале обязательно состоится концерт классической музыки, в котором принимают участие и гости Казани: физики Йорг Форрер (Швейцария, Высшая техническая школа Цюриха) и Уве Айххоф (Германия, представитель фирмы «Брукер»). Оба они – замечательные исследователи и отменные музыканты (флейта и кларнет).

В 2007 году Казань отметила 100-летие со дня рождения Евгения Константиновича Завойского. Этому событию была посвящена «Неделя Завойского». От Российского научного центра «Курчатовский институт» в Казань с докладами ездили академик В.П. Смирнов, ученик Е.К. Завойского, и ведущий научный сотрудник Ю.Н. Смирнов.

Казань. Памятник Е.К. Завойскому. Скульптор А.А. Бичуков

ОТЧЁТ О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗА 1974 г.

Академия наук СССР выплачивала своим членам дополнительные к их основной зарплате деньги, и в конце года академики и члены-корреспонденты должны были предоставлять отчёты о проделанной ими научной работе. Так как мой отец уже был уволен из ИАЭ и никаких экспериментов по плазменной тематике вести не мог, хотя, конечно, продолжал обдумывать разные подходы к решению термоядерной проблемы, то свой

отчёт он почти полностью посвятил ЭПР. Он писал: «После тяжёлой болезни я по рекомендации врачей в 1974 г. отказался от административной работы в ИАЭ. Однако состояние здоровья позволяет мне продолжать научную работу и нести некоторую общественную нагрузку.

1. В 1973 г. был вновь пробуждён интерес к проводимости растворов натрия в аммиаке в связи с работами по поиску высокотемпературных сверхпроводников. Обнаруженная высокая проводимость растворов при 60^0 K и выше сохранилась несколько минут после приготовления препарата. Авторы²⁶ не смогли дать ответ о причинах как самой проводимости, так и временного хода её. Обсуждению этого вопроса были посвящены выступления на научной сессии ООФА в 1974 г.

По моему предложению член-корреспондент АН СССР Б.М. Козырев исследовал эти растворы методом ЭПР. В Казанском ФТИ эта работа была выполнена очень быстро и качественно, т.к. там уже проводились исследования этим методом подобных растворов. Результаты работ подтвердили главные положения указанной выше работы, но позволили заключить, что из растворов выпадает металл в той области температур, где наблюдается резкое изменение проводимости. Однако необходимы дальнейшие исследования, и КФТИ по моей просьбе включил их в планы, которые мы подробно обсудили с Б.М. Козыревым.

После того как в Казани были поставлены эти работы, в *Phys. Rev. Letters* и в *Phys. Rev.* начали публиковаться исследования с помощью ЭПР веществ класса TTF-TNCQ и пр.²⁷ Целью этих исследований ставится также подход к поиску высокотемпературной сверхпроводимости. Кроме этого, вновь появился интерес к более широкому исследованию природы металлической проводимости с помощью ЭПР как в чистых металлах, так и в пограничных областях между металлами, приведёнными в контакт²⁸.

Независимо от этих работ, но в связи с общей проблемой, в 1974 г. я начал изучать вопрос о свойствах тонких слоёв диамагнитных металлов, нанесённых на намагниченный ферромагнетик. Оказалось, что диффузия поляризованных

²⁶ Дмитриенко И.Д., Щёткин И.С. // Письма в ЖЭТФ. 1973. Т. 18, вып. 8. С. 497.

²⁷ Tomkiewicz J., Scott B.A., Tao L.J., Title R.S. // *Phys. Rev. Lett.* 1974. Vol. 32, no. 24.

²⁸ Magno R. Pifer J.H. // *Phys. Rev. B.* 1974. Vol. 10, no. 9 и др.

электронов проводимости ферромагнетика в металл и обратная диффузия из металла в ферромагнетик создаёт намагниченность диамагнитного металла, эквивалентную такой, которая может быть получена только во внешних магнитных полях 10^8 - 10^9 Гаусс. Но в столь больших полях в металле должны почти исчезнуть хаотические магнитные поля, создаваемые электронами проводимости. Это открывает уникальную возможность выделить компоненту проводимости металла, обязанную магнитному взаимодействию между электронами, а также ионным остовом металла (ядерными спинами) и электронами проводимости. Эффект должен быть особенно интересен в изотопах металлов с ядерным спином 0.

В этой работе рассматривается ещё раз свойство плёнок, часть из которых доступна прямому изучению с помощью ЭПР. Намечена программа таких исследований в КФТИ. Статья сдана в печать.

2. Выполнена и сдана работа по закрытой тематике.

3. Продолжалось исследование принципа электронно-оптической хронографии в области предельного разрешения 10^{-13} - 10^{-14} с. Статья будет сдана в печать в 1975 г.

4. Написана и сдана популярная статья по ЭПР для общества «Знание». Размер статьи около 2 печатных листов.

5. Веду работу по редактированию книги по электронно-оптическим приборам и их применениям в науке и технике. Рукопись готова на 85%, и работа над ней будет закончена в 1975 г.

6. По просьбе кафедры радиоспектроскопии Казанского университета выполнены эскизы и некоторые макеты первых установок по ЭПР. Работа будет закончена в I-м квартале 1975 г.

Пункт 7 содержит слова, приведённые выше, об обследовании Казанского физтеха.

8. Дан ряд отзывов на книги, журнальные статьи для редакций, даны многочисленные консультации и проведены обсуждения ряда планов работ по отдельным проблемам. 2 февраля 1975 г.»²⁹.

ПОБЕДИТЕЛИ

4 июля 1975 г. в Дубне открылось совещание, организованное МАГАТЭ и Госкомитетом по использованию атомной энергии СССР, где должны быть обсуждены четыре проекта так называемых демонстрационных термоядерных реакторов. В совещании принимали участие учёные десяти стран:

²⁹ Личный архив Е.К. Завойского.

СССР, США, Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерландов, Швеции, Японии. В связи с этим событием «Правда» опубликовала совместную статью академиков Е.П. Велихов и Б.Б. Кадомцев, где они писали: «Исследования УТС вступают в новую фазу... Можно ожидать решения этой проблемы на физическом уровне в течение пяти-шести лет... Тогда на конец века можно будет планировать начало создания термоядерной энергетики, определить её место и роль в общем энергетическом балансе СССР. В преддверии XXV съезда КПСС учёные Института им. И.В. Курчатова будут трудиться с ещё большим творческим подъёмом³⁰».

Одновременно газета «Известия» поместила интервью академика Б.Б. Кадомцева, которое он дал корреспонденту газеты Б. Коновалову. «Сейчас, – сказал Кадомцев, – исследования по управляемому термоядерному синтезу во всём мире обрели очень быстрые темпы... Все четыре проекта... – это системы типа «токамак». Давать прогнозы всегда рискованно, но я думаю, что если не случится ничего непредвиденного, то примерно к 1980-1982 годам первый испытательный, или демонстрационный термоядерный реактор будет создан. А ещё через пять лет можно уже будет ставить вопрос о создании энергетического термоядерного реактора, а, может быть, даже термоядерной электростанции. Во всяком случае, я уверен, что до конца столетия они появятся»³¹.

К тому времени Евгений Константинович уже сделал свой выбор.

В сентябре 1975 г. была опубликована газетная статья президента АН СССР А.П. Александрова, в которой он писал: «Развитая под руководством академика Л.А. Арцимовича идеология удержания и нагрева тритий-дейтериевой плазмы в тороидальной магнитной ловушке «токамак» сейчас получила общее признание. Во многих странах сооружены и строятся ловушки типа «токамак», однако лидирующую роль сохраняет коллектив, созданный Л.А. Арцимовичем, работающий под руководством его учеников – академиков Е.П. Велихова и Б.Б. Кадомцева»³².

³⁰ Правда. 4 июля 1975.

³¹ «Известия». 1975, 5 июля.

³² Александров А. П. Атомная энергетика и научно-технический прогресс. М., 1978. С. 156. Впервые опубликовано в «Комсомольской правде». 1975, 27 сентября.

ДОКЛАД П.Л. КАПИЦЫ И ОТВЕТ Е.К. ЗАВОЙСКОГО

Будучи в бессрочном отпуске и на пенсии, Евгений Константинович много работал. Несмотря на то, что от эксперимента он был отлучён, он продолжал обдумывать проблему, над которой работал с 1957 г. – проблему управляемого термоядерного синтеза. Как мне недавно сказал один из его учеников, никто в институте так глубоко не понимал физику плазмы, как понимал её мой отец. Как я представляю себе, объективно обстоятельства сложились так, что его знания и опыт оказались в противоречии к вектору деятельности верхов Института и курировавшего его Министерства. Они исповедовали оптимистическую концепцию: проблема управляемого термоядерного синтеза должна вскоре решиться, а всё, что звучало с этой концепцией в диссонанс, просто отбрасывалось.

Но не только проблема УТС занимала тогда Евгения Константиновича. Мысль его простиралась в будущее. Однажды он вспомнил, как в юные годы, рассуждая о прогрессе со своим другом Б.М. Козыревым, они пытались представить себе город будущего. Мне запомнилось, что в этом городе им виделись благоустроенные дома, а тротуары были превращены в «бегущие дорожки», чтобы пешеходы не затруднялись по ним передвигаться. На склоне лет такие простые, «радужные» картинки сменили полные тревоги полотна, охватывающие не города, а весь земной шар. Евгению Константиновичу не довелось читать западных футурологов (их книг в ту пору негде было достать). Не попали в его руки и книги «отца футурологии» Германа Кана, с концепцией которого о «нулевом приросте» человечества перекликаются его размышления о будущем человечества.

8 октября 1975 г. академик П.Л. Капица сделал доклад «Энергия и физика» на научной сессии, посвящённой 250-летию Академии наук СССР, в котором он проанализировал способы получения энергии в виду неизбежности глобального энергетического кризиса. До этого, в августе Капица прислал текст предполагаемого доклада Е.К. Завойскому, и Евгений Константинович ответил ему письмом³³.

Если в своём подходе к проблеме будущего существования человечества на Земле Капица оставил в стороне основного потребителя энергии – человека и сосредоточил

³³УФН. 1976. Т. 118, вып. 2. С. 307-314; вариант этого доклада под заглавием «Следуя законам физики» был напечатан в газете «Правда», 28 ноября 1981 г.; Чародей эксперимента ... С. 227-230.

внимание на источниках энергии, то суть письма Завойского заключалась в том, что он не считал научно-техническую революцию «безусловным благом» и подошёл к проблеме с другой, социально-политической точки зрения. Оба письма хорошо дополняют друг друга.

Прежде всего, Завойский писал о том, что надо ограничить изменение среды обитания человека, что «проблема выживания человека в будущем становится проблемой уже сегодняшнего дня, общечеловеческой, социальной. Первый вывод – это сокращение населения Земли, необратимо расходуемого природные ресурсы в крупных масштабах». Он считал, что «перспектива неудержимого роста населения мира неизбежно приведёт к глобальному конфликту человека с природой... Этот путь – путь социальных и национальных конфликтов, принимающих всё большие масштабы с течением времени, который должен перерасти в катастрофический взрыв». Далее он писал, что «одна из иллюзий в этом мире: всё распределять поровну и порцию каждого урезать... прогрессивно, такое состояние неустойчиво и означает регресс человеческий. Мир должен быть построен так, чтобы человек мог, пока это позволяет астрономическая ситуация, постоянно развиваться, а общество прогрессировать. Это условие устойчивости. А это возможно только тогда, когда человек бесконечно может познавать окружающий мир и использовать его для совершенствования общества людей. Этого вечно будет требовать его интеллект, пока он останется человеком».

Возвращаясь к вопросу о неизбежности ограничения роста населения мира, Евгений Константинович писал, что «средствами ограничения ни в каком случае не могут быть глобальные войны или процессы типа геноцида и прочее, чем бы то ни было вызванные... Процесс сокращения населения Земли может идти только эволюционным путём, путём понятой необходимости, без войн и общественных катаклизмов. Но человечество не готово к этому в данный момент».

«Энергетический кризис, вызванный колоссальным техническим прогрессом, – продолжал Е.К. Завойский, – начал вызывать глобальные национальные и социальные конфликты. Однако пока этот кризис вызван только близкой перспективой истощения обычных видов топлива, но на смену ему, когда будет освоена ядерная или термоядерная энергетика, придёт неизбежное ограничение потребляемой энергии за счёт угрозы изменения среды обитания, если рост численности населения не будет остановлен. Это будет кризис более глубокий, чем теперь, так как

ограничение энергетики не оставит обходных путей, какие теперь открылись при замене химического топлива на ядерное».

Несколько позже в соавторстве с Б.Б. Кадомцевым, Л.Б. Окунем и Б.М. Смирновым была написана статья «Человек и окружающая среда – проблемы будущего»³⁴. Кто именно был инициатором этой работы, мне неизвестно. Авторы выделили две основные глобальные для существования человечества на Земле проблемы: это истощение природных ресурсов при росте численности населения и влияние человека на окружающую среду. Они писали: «Важную роль в решении глобальных проблем взаимодействия человека с окружающей средой призвана играть физика».

НАЗНАЧЕН ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ УФН

8 апреля 1976 г. Евгений Константинович был назначен на должность главного редактора журнала «Успехи физических наук». Решение принимала секция физико-технических и математических наук и направила представление об этом назначении в Президиум АН СССР. Мама расстроилась, услышав об этом. Но отец твёрдо сказал, что раз он получает академические деньги, он не имеет права отказываться. Мне рассказывали очевидцы-сотрудницы УФН, как новый главный редактор впервые появился в редакции. Он приехал и спросил секретаря. Того на месте не оказалось, тогда Евгений Константинович скромно сел в уголочке стал ждать. Когда сотрудница его спросила, по какому вопросу он хочет видеть секретаря, он назвался, дамы смутились и забегали.

ПИСЬМО КОЛЛЕГИ

19 сентября в нашем почтовом ящике оказалось письмо от академика М.А. Леонтовича. Оно было прислано не по почте. Это был довольно мятый лист бумаги, а само письмо было написано карандашом. В нём говорилось:

Глубокоуважаемый Евгений Константинович!

Пишу Вам в связи с тем, что Вы теперь главный редактор УФН, и я надеюсь, что Вы займётесь устранением досадных дефектов этого журнала. Хотел бы изложить Вам мои критические замечания в адрес редакции УФН. Вероятно, разумнее поговорить об этом при свидании. Сейчас очень кратко.

1. Отбор матерьяла и объём, отводимый ему, часто субъективен (это меньше всего относится к первому разделу журнала, где, вероятно, обзоры могут быть «в стиле

³⁴ УФН. 1977. Т. 122, вып. 2. С. 337-339.

О.Д. Хвольсона», т.е. «ещё этим вопросом занимался А.И. Ф. и F.G. R.»

2. Кажется, что нужно избегать печатать дискуссионные статьи. Пример: в т. 110 напечатана статья Д.В. Скобельцына (40 стр.), и в т. 118 два члена редакции, В.Л. Гинзбург и В.А. Угаров, возвращаются к этому же вопросу и по существу критикуют первую статью. О чём думала редакция, помещая эту первую статью?

3. В отделе «Методические заметки» есть ненужные статьи. Пример, статья Болотовского и Угарова (отв. ред.) (т. 119): зачем разъяснять затруднения, специально надуманные? Ещё: совсем глупая статья И.П. Базарова (т. 118). Ко мне обратился некий автор с жалобой на редакцию УФН, хотя я в неё не вхожу, отвергнувшей его критику этой статьи (тоже глупую).

4. Когда-то, когда Л. Д. Ландау был ещё жив и здоров и был членом редакции ЖЭТФ, он высказал такой афоризм: «Есть два антагонистических класса: угнетающий класс авторов и угнетённый класс читателей. Редакция – это орган, стоящий на страже интересов угнетённого класса».

Вероятно, это верно даже по отношению к журналу для оригинальных статей и, тем более для такого журнала, как УФН. Наши авторы часто пишут небрежно, длинно и поэтому мутно. Пример: статья Д.А. Киржница – по-моему, очень интересна, но мутно написана, вероятно, была бы более уместна как оригинальная статья, напр., в ЖТЭФ.

Многое, что я Вам сейчас написал, я говорил и Гинзбургу, и Кадомцеву и др., поэтому я надеюсь, что это письмо не будет расценено как «донос главному редактору на членов его редакции». Ваш М. Леонтович».

Через три дня Евгений Константинович послал М.А. Леонтовичу свой ответ:

«Глубокоуважаемый Михаил Александрович!

Благодарю Вас за заботу об УФН, тем более что мнения, высказанные Вами, мной разделяются почти полностью: Вы пишете, что отбор статей часто субъективен. В этом я не вижу особого недостатка, т. к. состав редакции включает специалистов в разных областях физики, связанных с большими научными коллективами. Но не все члены редакции одинаково активны.

Вам кажется, что надо избегать дискуссионных статей. Однако всё зависит от научного уровня дискуссии и правил её ведения. Вы помните, конечно, начатую по Вашей инициативе дискуссию Карчевским. Вы как заместитель главного редактора ЖЭТФ не посчитали нужным ни разу поговорить со мной о

безграмотных статьях Карчевского, хотя в них отрицались наши выводы из экспериментов. Вы также знаете, каким фиаско кончилась эта дискуссия: наши измерения во всех деталях оказались правильны и положили начало экспериментальному изучению турбулентной плазмы и т. н. турбулентного нагрева. Этой теме посвящаются международные конференции и многие сотни научных работ.

Всё это я пишу Вам не в качестве упрёка, но в надежде, что Вы со мной согласитесь, что вредны не дискуссии, а уровень их и форма проведения. Без дискуссий замирают некоторые науки, почему же физика должна быть причислена к ним?

Редакция УФН хочет поместить высказывания видных учёных об экологических проблемах будущей энергетики. Эти высказывания, безусловно, отразят субъективные мнения разных лиц и будут носить характер дискуссии, однако это не снизит к ним интереса научных работников и широкой общественности.

Наконец, Вы говорите о необходимости писать статьи ясно. Здесь не может быть двух мнений, и дело в том, как удержать авторов от многословия, жаргона и других погрешностей. Это постоянная и очень трудная работа редакции, но её следует всё время настойчиво вести. Ваш Завойский. 22 сентября».

ПРОЩАНИЕ С КАЗАНЬЮ

В конце сентября 1976 г. мои родители поехали в Казань. Несмотря на болезнь, отец продолжал курировать казанские работы по радиоспектроскопии. Консультировал своих коллег из ИАЭ. Поездка была связана с предложением первого секретаря Татарского обкома КПСС Ф. А. Табеева создать Поволжское отделение АН СССР. Насколько я поняла, надо было успеть оформить статус Филиала Академии наук в Казани³⁵. Родители вернулись утром 28 сентября, как раз в день рождения отца.

КОНЧИНА И ПАНИХИДА

Утром 9 октября 1976 г. папы не стало. Он скончался за своим письменным столом. Он работал над статьей по плазме.

³⁵ В Казани мой отец всегда посещал Арское кладбище, где покоится прах его матери, а для его отца – это кенотаф. На этом же кладбище была похоронена маленькая дочка Элечка. Константин Иванович Завойский, скончавшийся 20 сентября 1919 г., был похоронен в Зилантовом монастыре, кладбище в котором было уничтожено в 1930 годы.

Карандаш выскользнул из его рук, и фраза осталась незаконченной.

Без боли не могу вспоминать гражданскую панихиду. Она проходила в колонном зале Физического института, а не в Курчатовском институте. Так получилось, что выбирать место её проведения пришлось мне. Мама была не способна принимать какие-то решения. Она была убита горем. Она безмерно любила мужа. Позвонили из организованной комиссии и спросили, где бы родные хотели, чтобы проходила панихида. Первым был предложен Дом культуры Курчатовского института. Я замялась с ответом, и это было воспринято как несогласие. Тогда тут же последовало предложение с ФИАНом. Панихида проходила в колонном зале ФИАНа³⁶. Звучал «Реквием» Моцарта, от которого плакалось в три ручья. Первым у гроба моего отца выступил президент АН СССР академик А.П. Александров. При всей погружённости в горе я не смогла не заметить фальшь, прозвучавшую в его словах. Все присутствовавшие услышали, что Евгений Константинович был единственным из членов Академии наук, который покинул свой пост, почувствовав нездоровье. Что правда, то правда: пост он свой покинул, и, должно быть, был единственным, кто из членов Академии это сделал, но покинул он его не из-за болезни (болезнь случилась позже), а совсем по другой причине. Уж мы-то с мамой да и, я думаю, все присутствовавшие имели об этом хоть какое-то представление (не говоря об академике Анатолии Петровиче Александрове, который лучше всех знал ситуацию да и, что греха таить, был непосредственным, если не участником, то свидетелем травли). Моей мгновенной мыслью было не подать президенту руки, что было положено по церемониалу. Но я проиграла внутреннюю борьбу сама с собой, не выдержала напряжения и подала Анатолию Петровичу руку, за что себя виню по сей день.

Похоронен папа на Кунцевском кладбище. Институт поставил надгробие из лазурита и отдал «детали», оставшиеся от закладки памятника И.В. Курчатову на площади, носящей его имя.

Учёный секретарь Института атомной энергии доктор физ.-мат. наук лауреат Ленинской и Государственной премий С.А. Баранов, хорошо знакомый с обстановкой в его стенах,

³⁶ 11 ноября 2009 г. в этом же зале ФИАНа проходила гражданская панихида по академику В.Л. Гинзбургу. Со дня папиных похорон, с 14 октября 1976 г., прошли уже 33 года, но всё всколыхнулось в моей душе с той же острой болью, и я вдосталь наплакалась, смотря на измождённое, застывшее лицо Виталия Лазаревича.

написал басню «Скворец и лань», посвящённую памяти Евгения Константиновича. Собранный мной материал достаточно сложный. Меня успокаивает то, что вымысла в моём рассказе нет, что каждое утверждение, каждое событие подтверждается ссылками на источник. Басня же почти целиком была опубликована, братом Евгения Константиновича, которому её подарила вдова С.А. Баранова Тамара Михайловна³⁷.

ТАЙНЫЕ ЗАПИСКИ

Отец мой оставил яркие воспоминания о Казанском университете 30-40-х годов³⁸. Насколько мне известно, они являются едва ли не единственным «нелакированным» свидетельством событий, происходивших в то время в стенах одного из крупнейших университетов страны. Назвать те годы сложными, противоречивыми, – значит, ничего о них не сказать. Здесь стоит вспомнить «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына, «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова, «Колымский трамвай» Е.С. Глинки, «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург³⁹. Кстати, Евгению Соломоновну мой отец упомянул в своих записках. В ту пору успешная представительница кафедры общественных дисциплин КГУ даже и помыслить не могла, что ей придётся испытать, чтобы стать обличительницей эпохи сталинского террора.

У отца моего не было резкого перелома в мировоззрении, как у Е.С. Гинзбург и многих сограждан. В его памяти навсегда запечатлелись события в постреволюционной Казани: зверства, чинившиеся и белыми, и красными в годы Гражданской войны; чудом спасшийся от расстрела любимый отец, доктор медицины, затем его ранняя смерть от истощения и болезней. А потом годы пребывания в полной нищете на родине прародителей, на Вятке, где его как сына военного врача царской армии не хотели принимать в советскую школу.

Отчего мой отец счёл нужным поведать о событиях, имевших место в Казанском университете в 30-40-е годы? Он любил университет и чувствовал ответственность свою перед будущими поколениями, которые должны знать истинное положение вещей, а не разглядывать с умилением ловко раскрашенные словесные картинки того времени, благо таких

³⁷ Завойский В(ячеслав). Минувшее. Казань. 1996. С. 236.

³⁸ Наука: Еженедельная газета Казанского филиала Академии наук. 1990. Январь, № 2-4; Чародей эксперимента... С. 212-222.

³⁹ Гинзбург Е.С. Крутой маршрут. М., 1988.

«художников» было предостаточно. Он считал, что только знание того, что было в реальности, может воспитать настоящего гражданина и не позволит будущим обскурантистам (а такие, как известно, не переводятся) чувствовать себя безнаказанными. Наказанным хотя бы словом.

Память отца хранила долгие годы воспоминания о тех годах. Не были забыты действующие лица. Писать эти записки отцу было непросто: у него под рукой не было ни единого документа⁴⁰. Он много беседовал с друзьями-казанцами: Б.М. Козыревым, С.А. Альтшулером и Б.Л. Лаптевым. Они вместе вспоминали отдельные эпизоды, чему были также свидетелями. Не знаю, были ли они посвящены в планы написания воспоминаний. Сейчас может показаться непонятным, а кому-то даже комичным, что папа свои записки никогда не оставлял дома, если мы все уезжали на дачу. Но люди его поколения хорошо помнили уроки страшных лет.

Однажды (это было в 1964 г.) папа начал рассказывать казанский эпизод своим сестрам и брату, а я быстро схватила лист бумаги и начала за ним записывать. По-моему, именно после этого отец всерьёз задумался о записи воспоминаний. Да, ещё известно, что его начинание поддержал В.Д. Шафранов⁴¹.

Незадолго до кончины он показал мне свои записки, содержание которых было мне известно, и сказал, что он передаёт их мне с надеждой, что я смогу их опубликовать. Я обещала это сделать, но высказала сомнение, наступят ли на моём веку другие времена. Я обещала отцу, что обязательно сохраню его записки и, если будет подходящий момент, то обязательно их опубликую. А если не смогу этого сделать, то передам в надёжные руки. Не прошло и пятнадцати лет после его кончины, как повеяли новые ветры, и я смогла выполнить волю отца. Посоветовавшись с папиным другом академиком М.А. Марковым и проректором КГУ М.А. Тепловым, я предложила материал газете Казанского физтеха, которая тут же его и опубликовала⁴².

⁴⁰ Собирая архивный материал в казанских архивах, я поняла, что отец знал ситуацию в КГУ доподлинно, помнил все имена и события, так что против истины не погрешил. В те годы «архивные раскопки» не поощрялись, и можно только сожалеть, что воспоминания написаны кратко.

⁴¹ Чародей эксперимента... С. 222.

⁴² Наука: Еженедельная газета Казанского филиала Академии наук. 1990. Январь № 2-4.

Рассказывали, что сотрудники Казанского физтеха ждали выхода номеров газеты, где печатались записки отца. При этом говорили, что знали его как крупного учёного, а тогда узнали, что и как человек он был порядочный.

В своих заметках Евгений Константинович передал то напряжение, которое существовало в профессорско-преподавательском составе КГУ. Два лагеря. Два подхода к науке. Для одних наука продолжала существовать как нечто святое. Другие, не блиставшие знаниями, но партийные, видели в ней способ сделать карьеру, отвоевать себе место под солнцем. Старая профессура, заставшая лучшие времена, продолжала воспитывать молодёжь в духе традиций Просвещения. Она сопротивлялась, где могла, натиску идеологии, впивавшейся, как клещ, даже в самые сокровенные высоты науки. Но и её успели исковеркать жернова истории. На Учёных советах уже никто не осмеливался во всеуслышание заявить, что «проповеди» марксистов-ленинистов-сталинистов не имеют ни малейшего отношения к науке. По КГУ, как и по стране в целом, катилось мощное цунами доносав, преследований по политическим причинам, ссылок, расстрелов...

ФИЗИКИ И ВЕРА

В советское время вопрос о вере отдельного советского человека нигде и никогда не мог быть освещённым. Сейчас другое время. От цензуры, если что и осталось, то разве одни рудименты, которые, может быть, кому-то и хотелось бы воскресить.

В опубликованной несколько лет назад, а затем не раз переизданной книге «Последний старец» автор написала⁴³, что академик Л. А. Арцимович имел духовника отца Павла (Груздева) и исповедовался у него, приезжая в Верхне-Никульское, что неподалёку от посёлка Борок.

Первопричиной приезда туда академика всё же разумнее считать проводившееся в посёлке с 1956 г. строительство Геомагнитной станции для Института физики атмосферы и Института физики Земли АН СССР г. в преддверии Международного геофизического года. В той же книге повествуется о визите отца Павла к Арцимовичам и о том, что у последнего находился в это время академик М. В. Келдыш, и ещё, что сам президент Академии наук А. П. Александров «решил завернуть к отцу Павлу, кто ему запретит?» Не собираюсь оспаривать утверждения автора о духовнике Арцимовича. Дело

⁴³ Черных Н. Последний старец. Жизнеописание архимандрита Павла (Груздева). Ярославль, 2009. С. 389.

это сугубо личное. Но поистине, «нам не дано предугадать, как слово наше отзовётся». В «Слове» митрополита Климента на открытии II Оптинского форума «Наследие и духовный выбор российской интеллигенции» (2007 г.) снова «зазвонил» детский испорченный телефон. По митрополиту Клименту Калужскому и Боровскому, у отца Павла Груздева исповедовались (!) также академики И.В. Курчатов и М.В. Келдыш. Ни одного из академиков уже нет в живых, и спросить у них не спросишь, так ли это или их имена без их не то согласия просто используют в угоду современных чаяний РПЦ.

Л.А. Арцимович с дочерью Милой и священником Павлом

Что же касается моего отца, то ему вроде бы на роду было написано быть верующим: несколько поколений Курочкиных-Завойских, по крайней мере, с начала XVII века были священниками на Вятке. Но этого не случилось. Ни его родители, ни он сам, хотя и были крещёными (раньше загов не существовало, и свидетельства о рождении выдавала церковь) не были людьми верующими. Никто из них в сознательном возрасте церковь не посещал. Посвятив всю свою сознательную жизнь служению физике, мой отец познавал законы Природы, не допуская мысли, что они вообще непознаваемы. Ему самому пришлось вкусить всю тяжесть познания нового. И те явления природы, которые ему выпало счастье открыть, служат людям.

Теперь в поликлиниках обыденно звучит слово «ЯМР-томография». А ведь он был первым человеком на земле, который смог увидеть на осциллографе заветный изгиб кривой, над получением которого бился несколько лет.

Бытует расхожая мысль, что любое научное достижение рано или поздно становится смешным в глазах следующего поколения, а то и своего собственного. Такого нельзя сказать о достижениях рыцаря науки Е.К. Завойского⁴⁴. Да, его первая установка по наблюдению магнитного резонанса по сравнению с современными спектрографами, стоящими миллионы долларов, кажется примитивной, но ведь именно на ней впервые в мире был получен первый сигнал ЯМР, а затем на другой – первый сигнал ЭПР.

Его турбулентный нагрев применяют астрономы при объяснении космических явлений. И как знать, может быть, и турбулентный нагрев принесёт ещё свои земные плоды. Одно открытие – «земное», другое – пока остаётся «внеземным».

Жажда познать новое, неизвестное была его страстью. Это отметили практически все знавшие его в своих воспоминаниях. Проторенных кем-то дорог он не любил. Таким он был и в сложных житейских делах. В простых же терялся, как малое дитя. Он сам говорил мне, что ему, привыкшему держать в памяти множество величин, формул, а также производившему в уме сложные вычисления, особенно трудно приходилось в продовольственных магазинах: он совершенно терялся под взглядами продавщиц, которые чутьём угадывали в нём непрактичного чужака, ну, а как они умели показать такому своё превосходство, моё поколение ещё хорошо это помнит.

В голодные двадцатые годы, когда, овдовев, моя бабушка со стороны отца вынуждена была уехать с детьми из Казани к родственникам в городок Слободской, что на реке Вятке, священник А.П. Катаев сделал попытку приобщить племянника к церковной службе. Видимо, он не смог осознать, что новая власть уже начала жестокую расправу с религией и её приверженцами. Через десяток лет Катаев сам пал жертвой этой расправы. Отец мой был в ту пору подростком, и тогда он сделал свой выбор: вместо сбора подношений от прихожан, что он посчитал для себя унижительным занятием, записался в бригаду лесорубов и всё лето тяжело трудился, чтобы заработать семье на хлеб.

⁴⁴ Слова «рыцарь науки» принадлежат академику Патону, директору Харьковского ФТИ (сообщение профессора В.И. Карася). Декабрь 2009 г.

Убежденность в познаваемости сложного мира, способность находить оригинальные решения возникавших перед ним проблем были надёжной защитой не только от религиозных воздействий, но и давали уверенность в научных спорах.

КАКИМ ВИДЕЛСЯ ЕМУ МИР?

О таких сложных материях, как устройство мира, отцу со мной говорить было неинтересно, всё равно не пойму. А с мамой они об этом беседовали, и мама как-то записала его слова. Отец признавал бесконечность Вселенной. Земная же цивилизация, по его мнению, конечна. Её конец он связывал со столкновением небесного тела с Землей или с грозными природными явлениями на ней.

Пережив в детстве смерть горячо любимого отца, он остро понимал хрупкость жизни живых существ. Как физик, причём принимавший участие в создании первой атомной бомбы, он чувствовал свою ответственность перед сообществом людей. Когда я, уже будучи взрослой, задала ему вопрос, как он мог участвовать в таком деле, он ответил мне, что всю жизнь ждал от меня этого вопроса и коль скоро я его задала, то должна знать, что он попал в Саров, «как кур во щи». Дав согласие перейти на другую работу в Москву, он и не предполагал, какую цену ему придётся заплатить за те блага, которые ему посулили. Но мы никогда не говорили о том, согласился ли бы он уехать в Москву, если бы всё знал заранее. Ещё в феврале 1949 г., задолго до взрыва атомной бомбы он писал маме в больницу, где она лежала после рождения сына Константина: «Я думаю, что его будущая специальность не должна быть физика: эта специальность становится гнусной, и значительно лучше ему заняться физиологией человека или астрономией. Впрочем – это я смеюсь»⁴⁵. И когда он слышал демагогические рассуждения о том, что термоядерные станции не представляют для людей никакой угрозы, он выступил против этого, за что и был бит сообществом «теоретиков»-демагогов.

ЛИХТЕНБЕРГ-ЗАВОЙСКИЙ

На 60-летний юбилей подарок папе придумывала я. Евгений Николаевич Бабулевич, главный инженер ИАЭ, нашёл в Институте умельца, сделавшего красивую деревянную коробку, на которой я выжгла силуэт Казанского университета. А в коробку мы положили блокнот и гусиное перо. Это был намёк, что надо записать те рассказы о КГУ, которые мы слышали. На первом

⁴⁵ Личный архив Е.К. Завойского.

листе мой муж Б.П. Коновалов написал цитату из Лихтенберга: «Быть человеком – значит не только обладать знаниями, но и делать для будущих поколений то, что предшествовавшие делали для нас». Когда отец увидел эту запись, он тут же отпарировал её, написав: «Быть человеком – значит обладать знаниями и не делать для будущих поколений то, что предшествовавшие делали для нас» и подписался. О ходе мыслей Г.К. Лихтенберга только догадываюсь, но знаю, что папа имел в виду сталинский террор. А вообще-то афоризмами говорить он не любил.

КАКИМ ОН БЫЛ, МОЙ ОТЕЦ?

Почти всё, что было здесь раньше написано, касалось Е.К. Завойского – учёного-физика. Теперь же я попробую нарисовать словесный портрет моего отца.

Так получилось, что я как старшая считалась папиной дочкой, а мой брат, моложе меня на 11 лет, – маминым сыном. Нет, родители нас нежно любили обоих, но всё-таки эта незаметная стороннему глазу черта нас разделяла. Мы – дети и впрямь были разными. На меня огромное влияние оказывал отец. Причём для меня это происходило совершенно незаметно. Я и не чувствовала его «давления», которое, конечно же, было. Костя ничьего давления не выносил, он сам желал оказывать давление на всех окружающих, но это у него получалось плохо. Отсюда ранние неурядицы, переросшие со временем в серьёзные конфликты⁴⁶.

Мой отец был прекрасным отцом, я бы сказала, не преувеличивая, идеальным. С родителями я прожила под одной крышей почти сорок лет, и папа поссорился со мной только один раз, да и то из-за его нежелания просто меня выслушать. После этого незначительного, но запомнившегося мне на всю жизнь инцидента он понял, что со мной нельзя поступать, категорично заявляя, что он старше и поэтому прав. С тех пор, а это был год 1951/1952, никакие кошки между нами не пробегали. Хотя с высоты моих теперешних лет понимаю, что какими-то поступками я, наверняка, причиняла моим родителем душевную боль.

Я благодарна моим дорогим родителям за всё: за их безграничную любовь, за воспитание и образование, за приучение и уважение к труду, за внушённое чувство ответственности за свои слова и поступки, за привитую любовь к искусству, к книге, за друзей, которые были мне ими подарены, за привитый интерес к новому, к путешествиям... За всё-всё.

⁴⁶ Павлова У. «Не упускайте времени учить и думать...» // Эхо веков. Научно-документальный журнал. 2006, № 2 (45). С. 28.

Итак, отец мой был не очень высокого для мужчины роста (168 см), крепкого сложения. В юные годы он, судя по фотографиям, был тщедушного телосложения. Волосы у него были белокурые, но они начали рано выпадать. Пышной шевелюры я уже не застала. Голова у него была большая, шапки он носил 60-го размера. Бросался в глаза его огромный высокий лоб. Выражение лица никогда не было злым, недовольным, напряжённым, ехидным. Возле глаз сложились многочисленные маленькие морщинки, говорившие о приветливости и дружелюбии. А глаза были голубые и добрые. Движения мягкими, несуетливыми.

Е.К. и В.К. Завойские с детьми. Фото А.А. Скворцова

Мама говорила, что папа всегда был молчуном. Ну, а потом прибавилась «секретность». Жить по её правилам, наверное, было непросто. Например, вы хотите обсудить интересный результат или задуманный эксперимент. У вас душа горит поделиться с кем-нибудь, не сотрудником лаборатории. Стоп! Вы этого сделать не можете: вам это строго запрещено, ведь враг бродит где-то поблизости! Да за вами ещё и следят первые и всякие другие секретные отделы, а вы этих людей наверняка и «вычислить» не можете. За годы пребывания в Сарове он научился «чувствовать» охранников за версту. Как-то мы с ним шли по улице вдоль институтского забора, и он указал мне на человека, сказав, что вот это и есть охранник. Я, конечно, не замедлила спросить, как это он определяет, ведь это незнакомец. Оказалось, по стандартной одежде.

Отец мой был сверхзастенчивым человеком. При его-то статусе он мог вознестись, ох, как высоко, но этого не случилось. Он патологически не любил привлекать внимание к своей персоне.

Для него было, например, настоящим мучением фотографироваться. Других фотографировать он любил, но когда речь заходила о смене фотографа, чтобы запечатлеть его самого, даже в компании, то почти всегда следовал мягкий отказ. Он никогда не отмечал на работе своих дней рождения, даже юбилеи. Он и дома старался поступать так же, но, конечно, это у него не получалось. Мама пекла его любимый капустный пирог, и торжественный вечер в семейном кругу начинался с вручения какого-нибудь подарка. С подарками всегда было непросто. В зрелые годы папа любил художественные альбомы художников-модернистов. После наступления «оттепели» и до известной сцены Н.С. Хрущева в Манеже они продавались в букинистических магазинах, а потом снова исчезли. Причём сразу все. Остались Рафаэль, Шишкин, Левитан... А папа любил Модильяни, Мане, Моне, Брака... Здесь они с мамой не совпадали. Она отдавала предпочтение русским передвижникам. Сколько её не уговаривал папа, что надо научиться понимать не только реализм, но кубистов, импрессионистов, экспрессионистов и современных художников и скульпторов, она переубедиться не желала.

Из поэтов прошлого папа особенно любил А.С. Пушкина и А.К. Толстого. Многие произведения и того, и другого он знал наизусть. Мог читать их наизусть целыми страницами. В самом раннем детстве я слышала «В Академии наук заседает князь Дундук» и про упрямого Галилея. Это были военные годы, когда многие академические институты были в эвакуации у нас в Казани. Видимо, какие-то жизненные ситуации заставляли отца прибегать к пушкинским образам. В ту пору я, конечно, не знала, что такое Академия наук и кто такие Дундук и Галилей. Для себя же я твёрдо решила, что мой папа академик. Не в будущем, а именно тогда.

Сказать, что отец следил за новинками художественной литературы, не скажу. Эту функцию выполняла у нас мама. Она рассказывала нам о прочитанном, как понравившемся, так и нет. Я же всегда удивлялась её терпению: зачем читать то, что уже с самого начала не нравилось? В ответ получала, что она хотела полностью осознать весомость данного произведения.

У нас была настоящая семья. Как было принято и в семье его отца, так и у нас, обычно мы все собирались за ужином. Это был маленький семейный форум. Папе, конечно, принадлежала ведущая роль и тут. Он много читал, внимательно следил за новинками научной литературы и часто рассказывал на понятном для нас языке об интересных достижениях науки и техники. О своей работе, к великому сожалению, он почти ничего не

рассказывал. Да и о тех, с кем работал. Но дом – пространство замкнутое. Чего-то ты и не должен знать, но невольно услышишь в телефонном разговоре.

В самом начале нашей московской жизни номера телефонов в нашем посёлке состояли всего из трёх цифр. Конечно, они прослушивались: тогда говорили, что на наших телефонах «сидят собаки». Помню, что после встреч Нового года ему звонил И.В. Курчатov, и они всегда долго разговаривали. Курчатov был, вероятно, наслышан, что Завойский не пил вина, и поэтому даже у новогодней ёлки не было препятствий говорить с ним на серьёзные темы. Игорь Васильевич сам был великим трудоголиком и находил понимание у папы.

На праздники (Новый год, Первомайские дни и, конечно, свободные ноябрьские) все Завойские собирались всегда у нас дома. Пока мои двоюродные брат и сестры были маленькими, они тоже присутствовали. Потом у них завелись свои молодёжные компании. Я была закоренелой домоседкой и редко уходила по праздникам из дома. Мои друзья и знакомые собирались обычно у меня. Родители никогда не уходили из дома, обязательно приветствовали молодёжь, и, посидев недолго за праздничным столом, уходили к себе в комнату. За мою молодёжь мне никогда не приходилось краснеть перед родителями. Один такой праздник запомнился особо: из далёкого Анадыря вернулась моя подруга с мужем-журналистом, который рассказал тогда необыкновенную историю, поразившую всех присутствовавших. Попробую, как можно полнее, вспомнить её. Было это в начале 1950 годов. Исторический факультет Ленинградского университета закончила дочь профессора Г. Кузнецова. Валя буквально бредила Чукоткой и решила, во что бы то ни стало, побывать там, чтобы записать предания местных жителей-чукчей, повидать настоящих шаманов, в общем, познать *couleur locale*. Её отговаривали все, от родителей до друзей. Ничто не помогло. Девушка настояла на своём и улетела в г. Анадырь. На месте выяснилось, что выполнить её желание не так-то легко. Те, к кому она обращалась, выслушивали её молча. Ей удалось узнать, что чукчи-оленоводы тщательно скрывают своё местопребывание. Начальство мирилось с этим и именовало их «кочующим колхозом». Валентине было сказано, что оленоводы в Анадыре появляются в определённые месяцы, пригоняют своих оленей на сдачу и забой. Она дождалась срока и нашла чукчу, который согласился за мзду (это был одеколон, который чукчи охотно употребляли вместо водки) отвезти девушку к аборигенам. Всё своё европейское одеяние Валя оставила в Анадыре. Приобрела соответствующую морозам

одежду и отправилась в своё авантюрное путешествие с чукчей. При ней были только незамерзающие чернила, ручка с перьями и бумага. А дальше, как выяснилось много позже, произошло следующее. После отъезда Вали из Анадыря никто не мог сказать, где она, что с ней, жива ли. Следы девушки затерялись. Родители делали запросы, но это ни к чему не привело.

В стойбище чукчей, куда её привёз оленевод, Валу, конечно, никто не ждал. Мало того, её встретили враждебно: её присутствие могло, по мнению старейшин, причинить неприятности всему стойбищу. Шаман был человеком старым, но ещё крепко держал власть в своих руках. Через переводчика Валя объяснила ему цель своего приезда. Старец согласился рассказывать ей предания своего народа, но при условии, что она станет его женой. Выбора у Вали не было, и она согласилась. Она начала понимать, что является по сути дела пленницей. У чукчей существовал обычай: старик-отец должен просить старшего сына убить его, а сын должен был отказываться. Я не специалист по этнографии, но мне представляется, что для кочевых народов старики были обузой. Отсюда и обычай, но уже в смягчённой форме. Вот шаман и начал эту «игру», а сын его отказывался. Но на Валину беду старец внезапно скончался. Старейшины обвинили в этом Валу. Они устроили ей поистине варварское испытание: она должна была съесть печень шамана, и если была бы повинна в его смерти, то должна была от этого умереть. Но Валя осталась жива. Изначально ненависть к ней, чужой, была затаённой. А когда не стало шамана, Валу пустили по рукам. Женщины-чукчи не считались за людей, скорее, за собак. Они никогда не сидели рядом с мужчинами за едой, а те бросали им обглоданные кости. Их никто никогда ни о чём не спрашивал. Так Валя просуществовала три года. За ней зорко слотрели, чтобы она не убежала: боялись, что выдаст их местонахождение. Дальше случилось совершенно неожиданное: в тёмную полярную ночь возле стойбища упал самолёт. Лётчик с переломанными ногами дополз до огней и стал звать на помощь. Чукчи высыпали из своих чумов. Вышла и Валентина. Услышав русскую речь, она спросила лётчика, есть ли у него ружьё и карта. И то, и другое нашлось. Изумлённому лётчику, услышавшему в таких-то краях русскую речь, Валя велела направить ружьё на аборигенов, а сама быстро собрала сани, погрузила раненого, и они понеслись на собаках прочь. По дороге Валя рассказала лётчику свою историю и кокетливо спросила, сколько, он думает, ей лет. Мужчина не хотел огорчать свою спасительницу и ответил: «Пятьдесят». Вале было всего двадцать пять.

После возвращения из этой трагической экспедиции Валентина Г. Кузнецова защитила кандидатскую диссертацию⁴⁷. О дальнейшей судьбе исследовательницы мне ничего хорошего неизвестно. Знаю, что её диссертация попала в спецхран, т. е. чтобы с ней ознакомиться, надо было иметь письмо-разрешение с места работы. Ещё бы: писать, как жили в середине XX века советские чукчи, можно было только в духе социалистического, а не истинного реализма.

Надо сказать, что папа любил быть красиво одетым. Погони за модой у него, конечно, не было, а вот элегантная строгость присутствовала, даже в трудные казанские годы. Одежду предпочитал простую, но современного покроя.

Не скажу, чтобы родители были заядлыми театрами, но репертуар и Малого, и МХАТа они знали. Спектакли выбирали классические. Современные советские пьесы в основном смотреть было невозможно, поэтому на них и не стремились. С появлением студии «Современник» начали ходить туда.

Киноманам никто в нашей семье не был. Кинофильмы мы смотрели в основном по телевизору. Помнится, что фильм «Девять дней одного года» вызвал у отца всплески смеха, когда актёры произносили «заумные» реплики, содержание которых оставалось для них непонятным. В этой малости они со Львом Андреевичем Арцимовичем вполне совпали. Как я понимаю, отец мой воспринимал фильмы иначе, чем обычный зритель: его, например, всегда раздражало, когда звук не совпадал с артикуляцией. Замечал он и нестыковки монтажа, короче говоря, профессиональный взгляд экспериментатора, привыкшего фиксировать малейшие изменения в показаниях приборов, не позволял ему просто погружаться в содержание фильмов, особенно посредственных. Тогда сыпались сплошные замечания, отодвигалось кресло, и отец уходил к себе, за письменный стол.

В те годы по телевизору очень часто «крутили» постановки пьес А. Н. Островского в исполнении замечательных актёров Малого театра. Мы с отцом пересмотрели их почти все, а некоторые по несколько раз. Помню, как-то раз он и его бывший студент-океанолог, гидронавт О. Н. Киселёв, обсуждали вопрос, являются ли артисты (в том числе и Большого театра, в дачном поселке которого они тогда только что побывали) подлинными

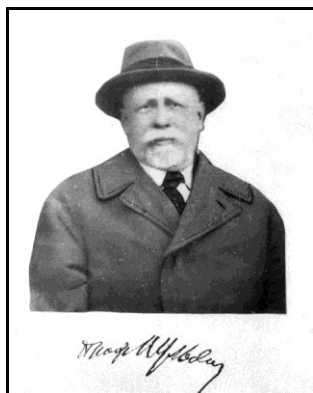
⁴⁷ У В.Г. Кузнецовой была статья «Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей» // Сибирский этнографический сборник. Труды института этнографии им. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 35. М.-Л., 1957. С. 263-326.

творцами, и пришли к заключению, что их к таковым они бы не причислили.

Отец очень бережно относился к русской речи. Так было принято в семье его родителей. Совершенно не выносил бранных слов, считал, что это засоряет ум и недостойно интеллигентного человека. Мне говорили, что на работе в его присутствии никто не решался рассказывать сальные анекдоты.

Ну, и последний штрих к портрету отца: он не выносил табачного дыма. Дома у нас «дымила» бабушка Вера Владимировна, что папа скрепя сердце молчаливо терпел. В ИАЭ заседания и собрания проходили в ту пору в табачном дыму. Это я знаю потому, что папа после них довольно часто заболел, так как на таких мероприятиях садился у открытого окна, а домой приходил, напрочь прокуренный.

ОБ УЧИТЕЛЯХ

Профессор В.А. Ульянов

Единственное, за что мне хочется попенять отцу, это то, что он не написал ничего о своём учителе. Главном учителе, который определил его судьбу. Я вообще считаю, что каждый интеллигентный человек должен оставить потомству рассказ о своём Учителе. Профессор Всеволод Александрович Ульянов (1863-1931) был достойной фигурой. Крупный учёный, он многое сделал для Казанского университета. Время, которое ему было отведено прожить (я имею в виду советские годы), отличалось особой жестокостью, неблагодарностью. Мне понадобилось несколько лет, чтобы буквально по крохам собрать мало-мальски

приличную его биографию. Она была не раз опубликована. Так что пробел восполнен.

Что касается Л.А. Арцимовича, то в вышедших сборниках воспоминаний совершенно обойдён вопрос о годах его учения в Минском университете и о том, как он, едва окончив его, внезапно оказался в Ленинграде сотрудником академика А.Ф. Иоффе.

Вопрос, как молодому человеку удалось попасть к Иоффе, с большой долей вероятности может быть решен довольно просто: в год, когда Арцимович заканчивал университет, в Минск по рекомендации А. Эйнштейна прибыл его многолетний сотрудник Якоб Громмер, который через своего бывшего шефа был знаком с академиком Иоффе. Вот он-то и рекомендовал ему юного выпускника.

КУСОЧЕК ИСТОРИИ

Эта рукопись, я надеюсь, осветит хотя бы слабым светом небольшой кусочек большой истории знаменитого института. Слабым – это не уничижение, а только признание, что большее сделать мне просто не под силу.

Жаль, что мой отец, соблюдая условия «подписки о неразглашении», не написал ничего о своей работе в институте. Я уверена, что настоящая история Института атомной энергии имени академика И. В. Курчатова «не живёт» в выпускаемых лакированных изданиях. Я также уверена в том, что она никогда и не будет написана. Старые сотрудники уходят в мир иной, а вместе с ними теряется драгоценная связь с прошлым. Недаром мудрый И. В. Курчатов, бросивший свою жизнь на амбразуру – отечественный атомный проект, писал: «Нужно начинать писать. Настало время рассказать о наших делах. Нужно обязательно написать обо всём, что было и как было, ничего не прибавляя и не выдумывая. Если теперь этого не сделаем, то потом всё переврут, запутают и растащат – себя не узнаем». Академик И. В. Курчатов сказал это много лет назад. Документы, касающиеся советского атомного проекта, начали публиковать, рассекретив их, с 1996 г. Но документы – это всё же бумаги...

Пусть эта рукопись будет небольшим кирпичиком в сложной, противоречивой, закрытой истории Института атомной энергии. Что могла, то и сделала.

Выражаю мою глубочайшую благодарность всем, кто помогал мне и словом, и делом при создании этой очень тяжело давшейся мне книги. Тяжесть состояла не столько в том, чтобы найти что-то новое, не известное ранее, неопубликованное. Не в том, чтобы написать книгу, доступно изложив сложные научные материи. Это прошлое, которое для меня свежо, несмотря на то,

что прошло уже много лет и даже десятилетий. Получилось по Пушкину: «Всё прошлое я вновь переживаю».

Мои благодарности – О.В. Каргиной и В.Г. Богорову; С.И. Дёгтеву и Е.А. Тюриной (РГАЭ); Г.В. Яковлеву, директору НТК «Электроника» РНЦ «КИ», изо всех сил помогавшему мне в работе; И.Н. Давыдовой, Ю.В. Позднякову (РГАНТД, г. Самара); В.П. Визгину, И.С. Дровенникову А.В. Кессениху, О.Д. Симоненко, К.А. Томилину (ИИЕТ); И.В. Овчинникову, К.М. Салихову (КФТИ); Н.Е. Бабулевич, П.И. Блинову, С.Е. Воиновой, Л.Г. Голубчикову, Б.А. Демидову, Г.А. Котельникову, С.Н. Множину, В.А. Павлову, В.К. Попову, В.А. Скорюпину, В.П. Смирнову, Ю.Н. Смирнову, С.Н. Соколовой, Г.В. Шолину (РНЦ «Курчатовский институт»); И.И. Давлетчину, Г.М. Михайловой, В.И. Ритусу, А.А. Рухадзе, В.П. Силину (ФИАН); Е.Д. Волкову, В.И. Карасю, В.Т. Толоку (ХФТИ); А.А. Власову мл., Н.П. Даниловой, В.В. Птушенко, (МГУ); И.В. Тункиной и А.А. Анфертьевой (ПФА РАН); В.Д. Гахову (Госархив Томской области), Н.Н. Лезновой (издательство «Наука»); С.И. Фокину (СПб. университет), а также моему внуку Андриюше Завойскому.

Добавлю, что присутствие столь уважаемых лиц в этом перечне вовсе не означает, что крыла их авторитета делают этих лиц ответственными за содержание рукописи.

ДОБАВЛЕНИЕ 28 СЕНТЯБРЯ 1982 г.

28 (15) сентября – это день рождения моего отца. В тот год ему исполнилось бы 75 лет. Но уже шесть лет мы жили без него. В Институте этот день отметили открытием мемориальной доски на здании, где он работал. Родственников (маму, мою дочь, брата Костю и меня) разрешили пропустить на территорию института. Нас подвезли к зданию 102 на автобусе. Никого, кроме Г.Е. Смолкина, папиного сотрудника, там ещё не было. Геннадий Ефимович, да и все остальные, конечно, изменились. После похорон отца я никого из его сослуживцев не встречала. Теперь это солидные учёные мужи. Смолкин тут же вспомнил о нашем с ним споре о слове «компонент». У них в совместной статье, содержание которой было мне совершенно непонятно, фигурировала «компонента», т. е. слово женского рода. Мне как филологу это резало ухо: в словарях оно всегда было только мужского рода. Мы оба посмеялись, вспомнив нашу запальчивость (это был редчайший случай, когда обсуждение статьи происходило у нас дома).

Постепенно собрались сотрудники из других отделов института. Из здания 102 повалила молодежь в рабочих халатах. К нам подходит деловой, улыбающийся В.А. Скорюпин. За ним западноевропейский Леонид Иванович Рудаков. Он меньше всех изменился. Его белокурые пряди волос свисают на лоб, заслоняя глаза. Он тонок и подтянут. Здоровается. Находит, что моя дочь сильно подросла. «И Митька тоже», – добавляет он о своём сыне.

Подъезжает Атом-конь (на самом деле это уже не первоначальный Атом-конь, а потомок), на котором одетые в спецовки женщины привозят в телеге цветы для украшения мемориальной доски. Сама доска закрыта белой материей и завязана белой лентой. Все ждут появления директора института академика А.П. Александрова. Наконец, появляется и он. Я вижу Л.В. Буланую, вдову папиного друга Д.Л. Симоненко, С.Д. Фанченко, Наташу Бабулевич, Таню Косинову... И понимаю, что большинство пришедших – это совершенно незнакомые мне люди, но что-то же привело их сюда. Нахожу глазами С.Ф. Короткова, учёного секретаря Казанского ФТИ. На площадку, где сходятся две лестницы, ведущие в здание, поднимаются академик А.П. Александров, доктора С.Д. Фанченко, В.А. Скорюпин, Л.И. Рудаков и ещё кто-то незнакомый. А.П., загорелый, строгий, с нахмуренным лицом, начинает митинг. Он говорит о своём первом знакомстве с Евгением Константиновичем, Поводом был резонанс, который ещё не носил названия ЭПР. «Я ни черта не понял», – произносит с трибуны Александров. Затем выступили Л.И. Рудаков и В.А. Скорюпин, приехавший из Казани профессор Б.И. Кочелаев, В.Е. Голант из Ленинградского физтеха. Все выступавшие подчеркивали скромность и интеллигентность папы. Затем Анатолию Петровичу протянули поднос с ножницами, и он начал разрезать ленту на закрытой мемориальной доске. Белая материя падает, и доска предстаёт перед собравшимися. Она обычная, с обычными словами. Тогда я и не заметила, что датой ухода отца из Института в ней значился 1974 год.

Утром, перед выходом в ИАЭ я купила очень красивые красные гладиолусы и астры. Костя и Алёна пошли поставить цветы к доске. Митинг закончился. Потихоньку собравшиеся начали расходиться. Нас ждал большой автобус, чтобы подвезти к другому зданию («на ногах»), где должен был состояться Научно-технический совет, посвящённый памяти папы. Зал заседаний небольшой, с низким, давящим потолком. Стены окрашены в темно-бордовый цвет. Заседание открыл директор. Сказав немного слов, он предложил собравшимся посмотреть фильм, заснятый

Н.Н. Кузнецовым, начальником отдела кинофотоматериалов. У него уже был японский видеомагнитофон. Тогда это воспринималось как настоящее чудо: огромная камера на мощном плече Николая Николаевича снимает сюжет, и это всё можно тут же увидеть. Фильм цветной. С отличным текстом. Инициатором съёмки был С.Д. Фанченко. Показаны здания, где работал мой отец: медсклад и здание 102. Показана лаборатория, где он любил работать в качестве лаборанта. Записаны речи сотрудников. П.П. Гаврин рассказал о своём перочинном ноже: однажды Евгений Константинович пришёл к коллегам-экспериментаторам и спросил, есть ли у них ножи. «Нет у нас ножей», – хором ответили они. Через день шеф пришёл на работу и принёс им три перочинных ножа в подарок. «Этот нож, – сказал Павел Павлович, – я храню до сих пор». И крупным планом показан ножик с едва заметным рисунком. Нож папа считал основным оружием физика-экспериментатора. Текст за кадром читал С.Д. Фанченко. Он показал установки, на которых работал отец. Сергей Дмитриевич рассказал об ЭОПах и показал запись в лабораторном журнале, сделанную рукой папы. «Этот лист сохраните для истории», – сказал он тогда. В фильме показано любимое папино кресло, в котором он обычно занимался дома, картины, приобретённые у казанского художника А.А. Аникеёнка, папина акварель, изображавшая кровавый закат, фотографии: папа с сыном, с внучкой, его работа на английском языке, свиток, присланный из Канады, в котором говорится о посмертном присуждении ему премии Международного Общества магнитного резонанса (1977 г.).

Фильм получился тёплым и добрым. Затем А.П. Александров извинился перед собравшимися и удалился, сославшись на дела. Докладчикам были сотрудники папы Л.И. Рудаков, В.Д. Русанов, И.И. Гуревич, Д.Д. Рютов и казанец Б.И. Кочелаев. Он, бедняга, немного опоздал и заблудился на территории института. Борис Иванович говорил о значении Завойского для Казани и казанских физиков, о том, что найдена установка, на которой Завойский работал в Казани, о том, что Лобачевский и Завойский стоят для Казани на одном уровне.

Прекрасно говорил И.И. Гуревич о пяти страстях Завойского. Он говорил о широчайших интересах папы, о его терпимости и уважении к мнению других: он радовался, когда узнавал, что по какому-то вопросу есть и другие мнения. Не настаивал на своём как единственно верном решении.

Л.И. Рудаков, говоривший о совместной работе с Евгением Константиновичем, отмечал его увлечённость,

энтузиазм, эрудированность. Рассказал, как быстро он мог менять тематику: в течение одного дня какая-то идея могла стать для неинтересной, неперспективной, и коллектив был вынужден отказываться от дальнейшей разработки проблемы. Закончил он так: Завойский ушёл от работ, так как не умел работать над большими, требующими приложения сил коллектива проблемами. Он классик-одиночка. Вот так всё получалось по Рудакову. Вероятно, он забыл, что работы по плазме вместе с автором идеи подписывала большая группа сотрудников? И не только подписывала, но и работала. Так где же камерность? А сколько кандидатов и докторов наук вышло из сектора Завойского? Это тоже камерность одиночки? Эффектный конец речи, но действительности не соответствует.

Было предложено премировать работу Леонида Усманова премией имени Завойского, которой так и нет и, может быть, не будет. В связи с этим слово взял академик И.К. Кикоин, который говорил очень невнятно. Он возразил, что формулировка «за оригинальность, за красоту и за исполнение простым способом» подходит к любой работе, которую выдвигают на премию по институту. После этих слов вопрос о премии повис в воздухе. Заседание закончилось, нас провожали до проходной В.А. Скорюпин, Т.А. Косинова и А.И. Настюха. Последний сказал, что то, что говорилось на заседании, не очень-то верно, и тот, кто произносил речь, сам содействовал трагедии в жизни учёного. Александр Иванович был единственным человеком, кто осмелился это сказать, пусть даже и в приватной беседе.

2 ноября 1987 г. Учёный совет Отделения релятивистских пучков (РЭП) провёл заседание, посвящённое 80-летию со дня рождения Евгения Константиновича. С основным докладом выступил теоретик Л.И. Рудаков. Он рассказал о работах, которые продолжались уже после кончины Е.К. Завойского. Были найдены некоторые интересные явления и закономерности в процессе развития направления, у истоков которого стоял его учитель. Затем выступил В.Д. Русанов, который рассказал об особенностях методологии научного поиска нетривиальных решений проблем, возникающих при развитии идей Завойского. С краткими сообщениями выступили А.С. Кингсеп и М.В. Бабыкин.

Следующее заседание, посвящённое памяти Е.К. Завойского, состоялось через 20 лет, в октябре 2007 г.

О ТОМ, КАК ИЗДАВАЛИСЬ «ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ»

Осенью 1985 г. я поступила на работу в Институт атомной энергии на должность инженера, в отдел научно-технической информации. До этого почти четверть века я отработала в МИФИ,

преподавала немецкий язык студентам-вечерникам. Смену деятельности переживала сложно. На прежней работе я была на своём месте, а тут чувствовала себя не у дел. Мои знания требовались изредка, что-то нужное я выполняла тоже нечасто. И я начала усиленно думать, чем же я могу заняться с толком и надолго. Я имела доступ ко всему богатству научно-технической библиотеки института, существенную часть которой составляли вывезенные из Германии в 1945 г. книги и журналы. Книги – это вообще моя страсть, а тут такое богатство! Но ведь я чистой воды гуманитарий. Радоваться-то было нечему. Если что и сумею понять, то дальше Маркса с Энгельсом не смогу пойти («классики» также были в ЦНТБ). Тогда я задумала, что соберу все статьи папы, опубликованные в журналах и книгах, сделаю три комплекта копий: один для ИАЭ, другой для КГУ и третий для нас с мамой. Тогда были трудности с ксероксом, но я их как-то преодолела. Получилось по 5 толстых томов в каждом комплекте. Один такой том я привезла показать Виталию Лазаревичу Гинзбургу. А он мне в ответ: «А почему бы Вам не издать труды Евгения Константиновича?» – «Да, что Вы, Виталий Лазаревич! Я же филолог». – «Вам помогут его сотрудники». На том и порешили. Я начала действовать. Тогда текст надо было печатать на пишущей машинке, компьютеров не было. Какое-то время ушло на эту работу, какое-то на перефотографирование рисунков и чертежей. И вот, наконец, рукопись готова. Надо сказать, что в то время ещё действовала хорошо отработанная советская система издания трудов академиков и формальности были минимальными. Основная работа поэтому была сосредоточена на редактировании рукописи. В 1990 г. под неусыпным наблюдением редактора издательства «Наука» Н.Н. Лезновой и учёного секретаря ООФА В.Д. Новикова «Избранные труды» моего отца увидели свет⁴⁸.

После издания «Избранных трудов» мы с мамой задумали издать сборник воспоминаний об отце. С казанцами всё было просто: они писали охотно и быстро. В Казани уже давно процветал культ ЭПР: ведь Казань – его родина. Там масса физиков в КГУ и КФТИ работала и работает по этой тематике. Подругому обстояло дело в ИАЭ. К тому же, видимо, обстоятельства, связанные с уходом Евгения Константиновича из Института, играли здесь какую-то роль. Но, к счастью, сбор воспоминаний я начала с И.Н. Головина, которого чисто случайно встретила на тенистой тропинке территории института. Знакомы мы с ним не

⁴⁸ Е.К. Завойский. Избранные труды. Электронный парамагнитный резонанс и физика плазмы. М., Наука, 1990. 344 с.

были. Он тут же, на тропинке, согласился написать и сказал, что всё будет готово через две недели. Так оно и было. Это был мой настоящий ход конём: когда сотрудники узнавали, что сам Игорь Николаевич уже написал свой рассказ, то редко кто отказывался написать свой. К тому же я давала желающим читать его «копус», что тоже стимулировало писательскую деятельность. Однако никто дипломатично не затрагивал тему ухода моего отца из ИАЭ.

Не могу не сказать, что мне очень помог Виталий Дмитриевич Шафранов. Он не только написал свои воспоминания, но и направил меня к сотруднику ФИАНа Г.А. Аскарьяну, сказав, что Гурген Ашотович сможет написать острый материал. Кроме того, одному из рецензентов не понравилась басня С.А. Баранова, тогда уже покойного учёного секретаря ИАЭ, да и не только она, и он представил неположительный отзыв. И тут мне помог Виталий Дмитриевич. Мы решили убрать басню как слишком откровенную, и он написал свой взвешенный отзыв.

Вообще с авторами было интересно работать, и я им всем очень благодарна. Я строго соблюдала правило ничего не править без согласия автора, поэтому никаких нареканий потом не получила. Только однажды я взяла на себя смелость исправить в тексте одного очень крупного учёного явную нелепицу с положительно заряженными электронами. После такого казуса я начала относиться к статьям столь высоких людей без излишнего пиетета, по-деловому. Один из авторов пошутил: «Всех надо проверять, даже академиков».

Теперь требовались деньги, а с этим всегда хлопотно, особенно для меня, совершенно незнакомой со способами их «выбивания». Документы оформлены, а финансирования нет. И вот под Новый 1993 г., когда уже остался час от старого, что-то заставляет меня отправиться на помойку, чтобы вынести мусор. Ночь морозная, безлунная. Спускаюсь по лестнице, пахнущей елками и пирогами. Над контейнерами одиноко покачивается тусклая лампочка. И тут в темноте замечаю, что от соседнего дома в мою сторону движется чья-то высокая фигура. Я решаю не трусить и бодро иду к контейнеру. Фигура уже совсем близко, и вдруг я узнаю: да это же академик Спартак Тимофеевич Беляев, который теперь живёт в квартире Арцимовича! Редкая удача! Ведь именно с ним мне и надлежит держать связь насчёт финансирования книги. Несмотря на столь неакадемическое место встречи, я моментально решаю, что помимо новогоднего пожелания надо напомнить об издании сборника. И напоминаю. Смущённый случайным, нелепым свиданием, академик отвечает, что будет действовать. С пустыми вёдрами мы идём восвояси

каждый к своему дому. И снова ти-ши-на. Проходит январь, за ним февраль с мартом. И вот снова случай: я спешу на работу, а мне наперерез летит академик Беляев. Вижу, что ему некогда, но упустить судьбоносный шанс не могу. Вопрос: быть или не быть? решаю мгновенно: здороваюсь и произношу только одно: «А когда?» На что слышу: «А разве до сих пор нет?». Я киваю. «Я поговорю с Кадомцевым». И через пару дней жернова, наконец, завертели! Спустя короткое время мне вручили долгожданную «платёжку», и я отправилась в издательство «Наука». Там мне выписали счёта, и я счастливая, вышла из здания. Моросил дождик, но я всё равно открыла папку с полученными документами, чтобы полюбоваться победой. Увы! Счета оформлены на книгу, которую написал о моём отце его брат⁴⁹. Пришлось вернуться в редакцию и всё переделать. При моем легкомысленном отношении с канцелярскими бумагами я могла бы спокойно запустить их в бухгалтерию, и тогда прощай мой сборник.

Дальше пошла редакторско-корректорская работа, и вскоре «Чародей эксперимента» благополучно увидел свет. Спустя несколько месяцев вышло и второе издание сборника с тем же названием, но с изменённой концовкой: вместо именного указателя была напечатана документальная повесть о военном враче Константине Ивановиче Завойском, моём деде, которую я тогда только что закончила. Второе издание было осуществлено за счёт семьи.

История со вторым изданием «Чародея» закончилась тем, что тираж книги пришлось забирать из Питера самостоятельно. Эту трудоёмкую операцию помогли мне осуществить Н.Н. Лезнова и А.М.Бондарь, которые самоотверженно в товарном отделении Ленинградского вокзала под палящими лучами солнца занимались оформлением и упаковкой пачек книг в увесистые объёмы для отправки в Москву.

ЭТО УЖЕ ИСТОРИЯ

В перестроечный 1994 год в журнале «Наука и жизнь» появилась статья Льва В. Альтшулера⁵⁰, в которой упоминалось имя моего отца в связи с работой в секретном Сарове и была даже

⁴⁹ В ожидании спонсорских денег его рукопись «Минувшее» долго лежала в издательстве «Наука» и была опубликована в Казани только в 1996 г.

⁵⁰ Альтшулер Л.В. Вся жизнь в Атомграде // Наука и жизнь. 1994. № 2.

приведена схема его установки. Через Любу, дочь Андрея Дмитриевича Сахарова, я узнала номер телефона Льва Владимировича и, представившись, поблагодарила его за упоминание имени отца. На другом конце провода прозвучало: «Правда, Вам понравилась моя статья? Я ответила утвердительно. «А Евгений Константинович Вам ничего не говорил о нас? – «Нет, ничего». – «Совсем ничего?» – «Да, совсем ничего». На другом конце провода вздох то ли удивления, то ли облегчения. Не подозревая подводных камней, я договорилась о встрече, чтобы мы могли подарить друг другу изданные книги: он – «Знакомого незнакомого Зельдовича», а я – «Чародея эксперимента».

И вот мы сидим в комнате, где папа обычно принимал гостей. Передо мной убелённый сединой мужчина. Мы пьём чай и мирно беседуем. Лев Владимирович рассказывает мне, как они, молодые и горячие, ставили на своих секретных чертежах код «СЗ». «Вы знаете, что это означает?» – спрашивает он меня. Я, конечно, не знаю. Я вообще ничего не знаю о кодах в конструкторских бюро, тем более, секретного Сарова. «СЗ» – это означало «Смерть Завойскому». При моей любви к отцу я и представить не могла, что кто-то даже в шутку мог такое выдумать. Ещё мне было сказано, что один из сотрудников моего отца по Сарову (Иван Константинович Панёвкин) утверждал, что на объекте «почти не слышно русской речи, а опыты Цукермана противоречат марксистской диалектике». Вид у Льва Владимировича извиняющийся. Он понял, что его рассказ меня шокировал.

Услышав эту исповедь, я должна была что-то ответить: ведь передо мной сидел пожилой кающийся человек. Я помолчала и на выдохе произнесла: «Что было, то было. Это уже история». И мы пили чай и беседовали дальше. Пришла пора прощаться. Я проводила Льва Владимировича до автобусной остановки. Больше мы никогда не виделись.

Каково же было моё изумление, что всё это: и о коде, и о порче воздуха, и о нерусской речи я обнаружила в подаренной мне книге. Я-то и представить себе не могла, что это можно было поместить в книгу. Зачем было запечатлевать свои молодецкие шалости в сборнике воспоминаний об известном учёном? И никак не спасала положение фраза Льва Владимировича в его статье: «Наши дискуссии не всегда велись вполне корректно». Мой отец действительно никогда ничего не говорил об этой стороне пребывания в Сарове да и вообще о Сарове. За всю мою жизнь я не слышала от него слов «о нерусской речи» на объекте. При чём был мой отец, если один из сотрудников его лаборатории говорил

о противоречии опытов Цукермана «марксистской диалектике»? Ведь он не выбирал себе сотрудников. Каких ему присылали, такие и работали: антисемиты ли, закалённые ли марксисты или ни то и ни другое. Сам Евгений Константинович никогда не был ни тем и не другим. Как написал мне в письме мой добрый вятский знакомый, которому я поведала эту историю: Лев Владимирович Альтшулер сам забил гол в свои ворота...

Но о той встрече и покаянии знаю теперь я одна. Льва Владимировича уже нет. Слова же, запечатлённые в книге о Зельдовиче, продолжают порождать кривотолки. Все эти подробности я могла бы и оставить без внимания, но не так давно услышала от одного физика моего поколения «об известном конфликте между Завойским и руководством атомного проекта». А несколькими днями позднее – что-то туманное, но в том же духе. Дети мы все играли в «испорченный телефон»...

**БАСНЯ ПОСВЯЩАЕТСЯ АКАДЕМИКУ
Е.К. ЗАВОЙСКОМУ**

С.А. Баранов

Спросила Лань у старого Скворца:
«Скажи, дружок, где домик Мудреца?»
Ответил с грустью ей Скворец:
«Ох, дома нет, погиб Мудрец.
Порядочность не любят ныне,
Он всё грустил о славном сыне,
И мудро Правду защищал,
Грозу и бурю предвещал.
Его не слушали, глумились,
И, видно, силы надломились.
Упал с вершины мудрости своей,
И не собрали мы костей.
А дом его мгновенно растащили...
Лишь волки здесь недавно выли».
«Прости, Скворец, моё незнание,
Я причинила Вам страданье.
Но где же были те друзья,
Когда над ним смеялись и глумились?
Неужто все они не устыдились?
При аморальности такой
И сонный потеряет свой покой!».
«О, Лань, я разделяю твой прекрасный гнев.
Но справедливость ныне не в почёте.

Начнёт рычать какой-нибудь подонок-лев,
И все друзья останутся в начёте».

Эдуард Бормашенко

О Толстом

בס"ד

«...нет ли фальши?»

Толстой. Дневники.

Я долго не решался писать о Толстом. Никакой другой автор не имеет для меня такого значения, как Толстой, никто не вызывает такого резонанса с моим внутренним строем, как он. Собственно говоря, мой внутренний мир во многом создан Толстым. Перечитав массу книг, я продолжаю считать "Смерть Ивана Ильича" недостижимой вершиной мировой литературы. Но я взялся писать этот очерк, разумеется, не для того, чтобы возвести Толстого на пьедестал; Толстой в этом не нуждается.

Толстой, как никто, понимал, что в человеческой душе раскачивается страшный маятник, вознося ее на вершины праведности и доброты, лишь затем, чтобы с легкостью сбросить в беспримерную пакость. И более того, именно когда тебе почудилось, что ты наверху, берегись, знай, на самом деле, ты по уши в грязи. Конечно, Толстой, все это "вымотал" из собственной души, его беспримерные дневники тому свидетельство; только ленивый и нелюбопытный не ухмылялся над этими дневниками: ишь ты, классик, а душа почернее моей. Загляните в собственную душу, и перестанете ухмыляться. Как ни странно, Толстой близок первым учителям хасидизма, предпочитавшим грешника, знающего, что он грешник, праведнику, знающему, что он праведник.

Невозможно, представить себе Толстого, пишущего биографию Канта, по прогулкам которого десятилетиями жители Кенигсберга сверяли часы. У толстовского маятника иная амплитуда. Князь Касатский превращается в благолепного старца Отца Сергия; можно не сомневаться, что Толстой не даст нам любоваться его праведностью, - от духа Касатского осталась лишь

выпотрошенная оболочка. Князя Андрея возрождает к жизни Наташа, будьте уверены: ничего хорошего его не ждет. Вроде бы кругло заканчивается эпилог к "Войне и Миру", но мы-то знаем, что впереди маячит виселица на кронверке Петропавловской крепости с пятью труппами.

Это, в сущности, – Библейский подход к жизни. У праотца Авраама наконец появляется наследник, но какое страшное испытание ждет отца и сына. Яков покидает Лавана, со чады и домочадцы возвращается в Израиль, можно перевести дух, но немедля приключается история с Диной, а затем братья продают Иосифа. Вот евреи получают Тору, восходя на пик бытия, и что же: немедля всплывает Золотой Телец. Царь Давид завоевывает Иерусалим, Шломо возводит первый Храм, отчего бы не расслабиться. Нет, жди беды, и точно – раскалывается еврейское царство.

В параллель с внутренним маятником, раскачивается маятник внешний, маятник судьбы. Чаще всего они движутся в противофазе: наибольшее просветление нам доступно в нижней точке качания маятника судьбы, когда на голову валятся тяжкие испытания; хуже всего душа переносит успех.

Толстой был награжден Вс-вышним поразительным художественным гением, но в придачу к этому дару, он получил ужасный довесок: он видел людей такими, как они есть. Хуже всего то, что он так видел и близких. Толстой записывает в дневнике (цитирую по памяти): "в комнате сидят два бородатых мужика и играют в винт. Это мои сыновья". Сочетание этих даров породило феномен Толстого; хорошие чувства, как известно, порождают скверную литературу.

Так видеть людей можно только не любя их; тех, кого мы любим, мы не знаем. В этом тяжкая личная драма Толстого. Он, согласно своему учению, хотел бы любить близких, а ему это было не дано, он их *знал*. А тщетность любви "от ума" была Толстому известна лучше, чем кому-либо другому. В "Войне и Мире" он напишет: "только произвольные движения души имеют смысл".

Гений практической политики (демон разрушения по совместительству) назвал Толстого "зеркалом русской революции". В куда большей степени Толстой был зеркалом и итогом века Просвещения, века религии разума. Бессчетные страницы дневника Толстого заняты поисками разумного устройства жизни. Поражает детальная, расчисленная программа устройства семейного счастья, разработанная Толстым накануне женитьбы.

Какое счастье нашел Толстой в браке, мы знаем. Спроектированного счастья не бывает. Человеку дана свобода выбора, отчего же не запланировать счастье? Но выбираем мы kota в мешке, будущее от нас скрыто, и хуже всего, что в этом будущем изменимся мы сами.

Принято считать, что в 80-е годы с Толстым произошел "духовный поворот". Так ли? В 1852 году в письме Ергольской (Соне "Войны и мира") Толстой напишет: "Я не мог понять, чтобы человек мог дойти до такой степени умственной экзальтации, до которой я дошел тогда... Никогда, ни прежде ни после, я не доходил до такой высоты мысли, не заглядывал туда, как в это время продолжавшееся два года. И все, что я нашел тогда, навсегда останется моим убеждением... Из двух лет умственной работы, я нашел простую, старую вещь ... я нашел, что есть бессмертие, что есть любовь и что жить надо для другого, для того чтобы быть счастливым вечно". Здесь уже содержится все толстовство, и два пункта притягивают внимание: вера возникает в результате умственной деятельности, и "человек должен быть счастлив".

Оторопь берет от неуклонной последовательности логических построений Толстого. Еще в молодости Толстой осознал сексуальность силой, неподвластной разуму. Вся дальнейшая жизнь – осознанная борьба с похотью. На определенном этапе проблему решает женитьба. Но мысль Толстого не остановить: и в браке на половой инстинкт не накинуть узду разума. Естественный выход – осудить половую жизнь вообще; бес последовательности толкает Толстого, и он проповедует тотальное целомудрие. Когда Толстому робко возражают, прибегает к аргументам прямо изуверским: род человеческий пресечется? Ну, так что ж, и учение церкви говорит о том же, в конце времен это должно произойти, вот я споспешествую по мере сил приближению неизбежного. Никакому картезианцу, никакому оголтелому адепту *ratio* и не снилась такая бетонная непреклонность логики. Умные ученые прекрасно понимали, что в кубе евклидоваго разума можно задохнуться; Эйнштейн писал в одном из писем, что, не погрешая против разума, вообще ни к чему нельзя прийти.

Кажется, толстовство и картезианство во всем противоположны. Но, заметим, и Декарт и Толстой поставили на

разум, печатью, же истины сочли *простоту*, понимаемую, как самоочевидность.

Внутренний мир Толстого, требовавшего от себя и близких простоты, был невероятно сложен. Читая его дневники, и дневники отнюдь не гениальной Софьи Андреевны, понимаешь, какому страшному упрощению подвергся внутренний строй людей после Октябрьской революции. Алданов, не без оснований, утверждал, что марксизм-ленинизм покорил массы именно своей общедоступностью, простотой, что уж проще чем: "грабь награбленное". Победное шествие примитива отнюдь не остановлено; демократии, обращаясь к массам, вынуждены ставить на простоту, едва ли совместимую с культурной жизнью.

Толстой, неумолимо и непреклонно сокрушая и свергая с пьедесталов кумиров и идиологов, вполне логично добрался под конец и до официального христианства. Пьедестал пустовал недолго, последователи объявили богом самого Толстого.

Разрушив все наличные мифологии (досталось и мифологии науки), Толстой создал всеобъемлющую систему взглядов, отказывающуюся хоть в чем-то потакать, человеческой природе и потому обреченную. Показательна судьба одного из первых толстовцев князя Дмитрия Александровича Хилкова. Продав по ничтожной цене свою землю крестьянам, он садится на небольшой надел в семь десятин и землепашествует. Детей не крестит, что лишает их титула и состояния. Подвергается гонениям, ссылкам. В конце концов, оказывается в Женеве, где сходится с *эсерами*. Не правда ли невероятно? Толстолец становится террористом. Но еще более невероятное превращение происходит с Хилковым в 1905 году, при возвращении в Россию. Он становится истовым православным и пишет соответствующие брошюры в защиту церкви и порядка. В 1914 году бывший толстолец вступает в армию и погибает в Карпатах. Толстолец начинал свою карьеру и другой человек бурных страстей – поп Гапон.

Служение чему бы то ни было (и толстовство отнюдь не из ряд вон выходяще) требует страсти, неподконтрольной разуму страсти. Замечу в скобках, что страсти требует и служение ненавистной Толстому науке. Чтобы быть ученым, прежде всего науку нужно любить. Доступный нам свободный выбор, на самом деле, оказывается свободой выбора мифологии (в том числе и научной), которую мы выбираем иррационально, по страсти, а не по разуму.

Толстой потратил бездну сил на обличение похоти, на борьбу с половым инстинктом. Это вполне понятно, половое чувство менее всего подчиняется разуму. Вторым по значимости после похоти врагом Толстого была фальшь, суррогат истины. Толстой не заметил, что половое чувство самое подлинное, искреннее; как говорил Довлатов: похоть невозможно симулировать.

Жизнь Толстого – невероятный эксперимент по выдавливанию из себя человеческого: чувства собственности, предпочтения ближних – дальним, сексуальности. Неизбежная плата за успех в реализации этой программы – отчуждение от близких. Отчуждение – штука обоюдоострая, без него мира не понять. Иудаизм предлагает не искоренять человеческое в человеке, а освящать; этим отчасти снимается отчуждение. А освящать мир можно, и не понимая.

Метаморфоза, произошедшего с «проблемой пола» в XX веке, не предвидел и Толстой. Противозачаточные пилюли и общедоступность секса привели, как ядовито заметил Поль Рикер, к *«скатыванию секса в незначимое»*.

«Одновременно служить истине и счастьем невозможно».

О. Хаксли.

С той же непреклонной, все сметающей на своем пути страстью к истине Толстой знакомит молодую жену со своими дневниками. Толстой вел вполне обычную для холостых молодых людей жизнь, и Софья Андреевна получает травму, не зажившую до ее смерти.

На подобный эпизод, я наткнулся в книге одного из мудрейших наших современников, Рава Адина Штейнзальца. К нему обратилась молодая еврейка, побывавшая в молодости в "хиппи"; ее сексуальный опыт не страдал однообразием. Барышня перебесилась и вполне традиционно собралась замуж. Один вопрос ее мучил, надо ли поведать жениху о прошлом? С этим вопросом она обратилась к Штейнзальцу. Раввин ответил: ни в коем случае! Невеста, разумеется, не послушалась: что может быть лучше правды? Штейнзальц через некоторое время повстречал барышню. Жених, не выдержав бремени истины, сбежал. У того же Штейнзальца, я нашел и более общее соображение: неукротимая страсть к истине, коренится в изначальном стремлении души ко злу.

Как правило, люди легко смиряются с данью, которую приходится платить лжи. Только редким, совестливым, честным

натурам претит интеллектуальная коррупция даже в малых дозах. Толстой был именно таким человеком. Итогом его порыва к истине был исход из Ясной Поляны, как и следовало ожидать, порыв оказался несовместим с жизнью.

Невозможность одновременно "быть" и "мыслить" Толстой осознал задолго до "поворота", уже в "Войне и мире". "Перед нами две семьи: семья Болконских и семья Ростовых. В первой идет напряженная духовная работа... О князе Андрее нечего и говорить. Старый князь занимается математикой, пишет "ремарки"... Княжна Марья целиком ушла в религию; у нее нет другой жизни кроме чисто духовной ... Напротив, в семье Ростовых никто никогда не мыслит, там даже и думают время от времени. Граф Илья Андреевич между охотой и картами занят диковинной стерлядью для обеда в Английском клубе. Николай поглощен мыслями о пане Пшездецкой, о тройке саврасых, о новой венгерке, а всего более о своей службе. У Наташи не выходят из головы, сменяя друг друга, куклы танцовщик Дюпор, сольфеджи и пеленки. У Ростовых нет почти другой жизни, кроме материальной.

И что же? Ростовы все счастливы, они блаженствуют от вступления в жизнь до ее последней минуты... Напротив, Болконские все несчастны. Жизнь старого князя тянется мучительно для него самого и для других. Князь Андрей бесцельно живет, тяготясь жизнью, бессмысленно умирает, не найдя своего дела... Правда княжна Марья наслаждается в конце поэмы безоблачной семейной жизнью. Но ведь на то она перестала быть Болконской; она стала Ростовой. (М. Алданов, "Загадка Толстого", я считаю эту книгу лучшей из бесчисленных книг о Толстом).

Силлогизм, приводящий к толстовству прост: разум подсказывает: человек должен быть счастлив, главное препятствие на пути к счастью – мысль, следовательно, нужно отказаться от разума. Заметим, перед нами один из вариантов Расселовского парадокса брадобрея, только у Толстого разум отвергает самое себя.

Подобная цепочка рассуждений привела Толстого к отрицанию музыки: музыка ("сухое пьянство" по определению Алданова), неподвластна разуму, а значит: долой музыку ("Крейцера Соната"). Творческая жизнь увеличивает амплитуду душевного маятника, качающегося между добром и злом (с этим невозможно спорить), а значит: долой и творчество; ему место там

же, где половой любви, науке, музыке, всему, что неподвластно разуму – на свалке. Так в результате последовательно разворачивающейся умственной работы возникает толстовство.

Отрицавший всякое насилие Толстой, не заметил непримиримой тирании истины, хуже которой лишь тирания лжи (опыт, которым нас щедро снабдила Советская власть). Полнокровную тиранию истины Толстой реализовал в собственной семье.

Набоков верно заметил, что Толстого-писателя невозможно отделить от проповедника, но на наше с вами счастье у Толстого-художника доставало самоиронии, доставало и на осмеяние непробиваемых логических построений. "Мон шер, - бывало, скажет... княжна Марья, – Николушке нельзя нынче гулять: очень холодно. - Ежели было бы тепло ... сухо отвечал князь Андрей, то он пошел в одной рубашке, а так как холодно, надо надеть на него теплую одежду, которая для этого и выдумана, вот что следует из того, что холодно, а не то, чтоб оставаться дома, когда ребенку нужен воздух, – говорил он с особенной логичностью, как бы наказывая кого-то за всю эту тайную, нелогичную, происходившую в нем внутреннюю работу. Княжна Марья думала в этих случаях о том, как сушит мужчин эта умственная работа". Перед нами чудо искусства, легко побивающее любые силлогизмы, и кроме того - чудо Толстовского гения, угадавшего, что главная внутренняя работа (в том числе ведущая к научным открытиям) – нелогична; она протекает в слоях психики, с логикой не связанных.

"Записки сумасшедшего" Толстого – нехрестоматийный текст, поэтому стоит напомнить его сюжет, тем более что он исчерпывается несколькими строками. Средних лет помещик, вполне благополучный, скопив денег, едет покупать имение. По дороге ему приходится заночевать в гостинице в Арзамасе, где с ним приключается приступ тоски. "... Тоска, какая бывает перед рвотой, только духовная. Жутко страшно, кажется, что смерти страшно, а вспомнишь, подумаешь о жизни, то умирающей жизни страшно. Как-то жизнь и смерть сливались в одно. Что-то раздирало мою душу на части и не могло разодрать". Приступ прошел. Но по дороге обратно с героем случается еще один кризис, тяжелее предыдущего. "Всю ночь я страдал невыносимо... "Я живу, жил, я должен жить, и вдруг смерть, уничтожение всего. Зачем же жизнь? ... Бог сделал это. Зачем? "Если ты есть, открой

мне, зачем, что я такое?". Жуткий кризис пробуждает героя от сна жизни. Толстой пишет для них, для проснувшихся. Подавляющее большинство людей всю жизнь не пробуждаются ото сна, не задают себе вопросов "зачем все это?", "кто я?" Это, конечно, отчетливо библейская нота: "И воззвал Б-г всеисильный к человеку и сказал: "где ты?" (Берешит, 3, 9). Но, тому, кто всерьез себе задал эти вопросы, уже не задремать.

Набоков в "Лекциях по русской литературе" очень пронизательно растолковал одно из главных художественных открытий Толстого, его обращение со временем. "В романах Толстого читателей пленяет его чувство времени, удивительно созвучное нашему восприятию... Именно это уникальное чувство времени и вызывает у чуткого писателя то ощущение реальности, которое он склонен приписывать остроте толстовского зрения. Проза Толстого течет в такт нашему пульсу, его герои движутся в том же темпе, что прохожие под нашими окнами, пока мы сидим над книгой. Самое любопытное состоит в том, что Толстой довольно небрежно обращается с объективным временем. Внимательные читатели заметили, что в "Воине и мире" дети растут или слишком быстро, или слишком медленно..." Этим гениальным Толстовским открытием "личного времени" с непревзойденной эффективностью воспользовались создатели сериалов, мыльных опер. Мы идем за их героями, при этом нам, в общем, все равно, что они делают. Ну, что ж, разборки на китч не избежали ни Моцарт, ни Ван Гог. Так странным образом реализовалась толстовская мечта – творить для народа.

«В 1910 г. 82-летний Л.Н. Толстой переезжал как-то из Кочетов в Ясную Поляну. В.Г. Чертков описывает следующую сцену из этого переезда "В отделении я остался один со Львом Николаевичем... Л.Н., полулежа на противоположном сидении, стал читать книгу. Встав, чтобы откинуть упавший на него шнур с опущенного верхнего дивана, он загляделся в окно на красный закат. Долго выделялась на фоне окна его несколько согнувшаяся вперед, сутуловатая фигура. Он видимо любовался зрелищем. Немного погодя он, не двигаясь с места, посмотрел на свои часы и затем стал поминутно их вынимать. Очевидно, он хотел проследить, сколько времени потребуется для того, чтобы диск солнца скрылся за горизонтом. Когда перед окном поднимался густой лес или насыпь, он нетерпеливо высовывал из окна голову, чтобы узнать, долго ли протянется это препятствие, мешавшее его наблюдению"... Глубокий старец, одной ногой стоящий в могиле,

должен зачем-то знать, сколько времени потребуется диску солнца, чтобы скрыться за горизонтом. Люди гораздо моложе его прилегли отдохнуть, а он стоит с часами в руках и что-то нетерпеливо изучает. Это вот жадное любопытство к явлениям внешнего мира создает Пастеров и Лавуазье, когда оно не создает Толстых и Гете"». (М. Алданов, "Загадка Толстого").

Отношения Толстого с наукой привычно парадоксальны; третируя науку и медицину, он запишет в 1897 г. в дневнике: "Бывает в жизни у других что-нибудь серьезное, человеческое: ну, наука, служба, учительство, докторство, малые дети..." То есть наука и медицина могут быть и чем-то серьезным. Но, заметим, наука хороша не тем, что наука, а тем, что серьезна, необходима для души. Мир вовне – интересен, но важен, существенен, только тот, что внутри. Пространство мысли Толстого – этическое, но, вопреки всем усилиям толстовцев, оно остается неэвклидовым.

Толстой самый "еврейский" из русских классиков. Дело не в том, как и в каком контексте Толстой упоминал евреев. Евреи, правду сказать, интересовали его мало. Дело в толстовском восприятии действительности, в котором только моральные проблемы существенны. Как пронизательно заметил А. Смирнов для традиционной еврейской мысли характерна "этизация бытия". Континуум бытия для евреев – этический континуум. Главные вопросы еврейской мысли не "из чего все это сделано", и "как это устроено", не "кто виноват?" и "что делать?", а "для чего все это существует?", и "что мы из этого учим"? Какой моральный урок может быть извлечен из данного набора фактов? Общность вопросов куда более важна для выявления фундаментального сходства, нежели сродство предлагаемых ответов.

Времени не подвластны ни "Война и мир", ни "Анна Каренина", ни чудные толстовские повести. Но, вроде бы от толстовского учения осталось немного. Какое уж толстовство после Освенцима? Почитавший себя толстовцем Ганди предлагал евреям не противиться нацизму насилеием и с высоко поднятыми головами отправляться в печи. Можно отнести эту рекомендацию к тупости Ганди, и это толкование будет наиболее комплиментарным для великого учителя.

И все же в "сухом остатке" от толстовства осталось немало. Осталось понимание того, что учения, религии, идеологии слишком часто обрамляют жестокость и садизм, столь

свойственные человеческой душе. И если нет элементарной доброты, то и всему учению – грош цена.

Максим Кантор

Правила хорошего тона

Фашистский лётчик в образе шамана

олстова (по-моему) была пьяная? Культурный обозреватель сошла с ума? Главред – ненормальный? Это вредительство? Как их в газету пустили? Круговая порука обманщиков есть правовое государство... Бойс был забавник, но особого послания у Бойса не было – он говорил загадочно, как юридивый, – и отечественные юноши, рисующие пенис на мосту и лающие в голом виде, идут по его стопам. Трудно плавать вне воды, выбирать без альтернативной идеи, изображать помимо изображения – эта трудность преодолевается шаманским способом.

«Смешные жеманницы» – есть такая комедия Мольера.

В пьесе изображены барышни, желающие прослыть светскими дамами, они говорят принятые глупости, повторяют нелепости, что в моде. Чтобы посмеяться, к ним подсылают лакея Маскариля, переодетого вельможей – лакей несёт белиберду, а дамы млеют от восторга: им кажется, перед ними эталон вкуса.

Так, лакей прочёл стишок.

Маскариль:

Ого, какого дал я маху –

Я в очи вам смотрел без страха,

Но сердце мне тайком пленили ваши взоры –

Ах, воры, воры, воры, воры...

Като:

Верх изящества!

Маскариль:

Все мои произведения отличаются непринужденностью, я отнюдь не педант!

Мадлон:

Вы далеки от педантизма, как небо от земли.

Маскариль:

Обратили вы внимание, как начинается первая строка?

Ого! В высшей степени оригинально.

Ого! Словно бы человек вдруг спохватился: ого! Возглас удивления: ого!

Мадлон:

Я нахожу, что это «Ого!» чудесно.

Маскариль:

А ведь, казалось бы, пустяк!

Като:

Что вы говорите! Таким находкам нет цены!

Мадлон:

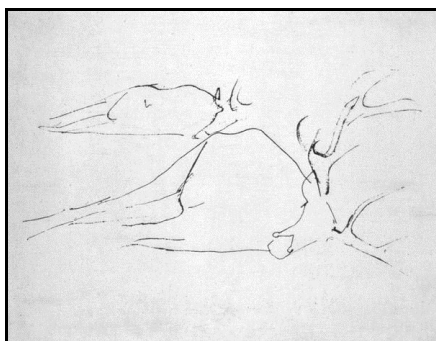
Я бы предпочла быть автором одного такого «Ого!», чем целой эпической поэмы!

...И так далее – перечитайте – это очень смешная сцена.

Или прочитайте газету «Коммерсант», культурный обозреватель А. Толстова

(<http://www.kommersant.ru/doc/2025020?isSearch=True>):

«Чтобы понять, какой гениальный Бойс художник в старом смысле этого слова, то есть рисовальщик, создатель пластических ценностей, надо отыскать среди сотен рисунков, офортов и акватинт одну, с лежащим оленем. Грация и уверенность линии, полунамёками обрисовавшей фигуру зверя, прямо как у Аннибале Карраччи (ну, или как у Валентина Серова, раз уж так важен русский контекст)».

Речь идёт об аляповатом школьном наброске – линия дряблая, рисунок беспомощный, всё это вообще не стоит никакого внимания. Бойс не умел рисовать вообще, никак. Сотни рисунков – это сотни почеркушек: вжик-вжик по бумаге. Рисунков у Бойса вообще нет – есть неряшливые наброски.

Профессия искусствоведа в частности заключается в том, чтобы сопоставлять и сравнивать. Профессионалы тратят года, чтобы доказать влияние Антонелло де Мессина на Альбрехта Дюрера, сопоставить раннего Петрова-Водкина и де Кирико, сравнить линию Модильяни и Пикассо. Судить же по одному наброску не взялся бы никто – даже если это набросок Леонардо. Но назвать дрянную почеркушку – гениальной линией достойной самого основателя аккуратнейшей Болонской Академии – это профессионализм небывалый. Критик – знаток с дипломом! – пишет, а газета печатает: «Создатель пластических ценностей! гениальный рисовальщик! линия как у Аннибале Карраччи!»

Барышня была пьяная? Культурный обозреватель сошла с ума? Главред – рехнулся? Это вредительство? Как их в газету пустили?

Нет, всё гораздо проще – журналисту нужно что-то сказать про «Ого!» – а сказать смешной жеманнице нечего. Но надо – это же принято хвалить. Вот и пишет бедняжка: «Я бы предпочла быть автором одного такого «Ого!» нежели эпической поэмы. Грация и уверенность линии прямо как у Аннибале Карраччи».

ТЬфу.

И сколько же такой белиберды написано. Все стесняются сказать простые вещи – неловко получается. Проще врать. Но простые вещи, однако, существуют, их даже свободная пресса не в силах отменить.

Есть простая закономерность: если мозги устроены так, что хочется честных выборов при отсутствии кандидата на выборы – то эти же мозги полагают, что умение рисовать в изобразительном искусстве не обязательно. Казалось бы, для того,

чтобы плавать («честно плавать») нужно налить в бассейн воду. Для того чтобы выбирать («честно выбирать») нужно иметь альтернативного кандидата с программой. Для того чтобы создавать произведение изобразительного искусства («честно создавать») нужно изображать.

Трудно плавать вне воды, выбирать без альтернативной идеи, изображать помимо изображения – но эта трудность преодолевается шаманским способом. Если долго раскачивать лодку – всё само устроится.

Йозеф Бойс был солдатом нацистской Германии, летал над Россией, служил Вермахту, потом сделался авангардным художником – рисовать не умел, составлял разные предметы вместе, это называется инсталляция. Он был эпатажный человек, всё время что-то делал смешное; отечественные юноши, рисующие пенис на мосту и лающие в голом виде – идут по его стопам. Студенты в Дюссельдорфе его обожали – и сейчас любят цитировать пророческие слова: лучшее, что вы можете сделать, это взять топор и разрубить холст. Эту фразу, благоговей перед мудростью мастера, мне сказал в Дюссельдорфе юноша с оранжевыми волосами. Он тоже что-то свободолюбивое делал – писал или какал, не помню точно.

Бойс был забавник: то лежал в снегу Чикаго, изображая мёртвого гангстера, то соединял разные трубки и гонял по ним мёд и сало. Как и про всех такого рода забавников – про него распустили слух, что вообще-то он рисовать умеет, это он нарочно не рисует. Так точно говорили и про Кабакова, и про Ворхоло. Никто из них, конечно, рисовать не умел – Кабаков рисует на уровне «Весёлых картинок», где долгие годы был иллюстратором, а Бойс рисовал на уровне ученика второго класса. В Дюссельдорфе плохо преподавали рисунок – а таланта пластического у парня не было. Но Бойсу это умение было не нужно. Он хотел иного: ему хотелось самовыражаться (есть такое малопонятное слово), являть миру сокрушительную волю.

В те, шестидесятые, годы – с конвенциональными знаниями и умениями сводили счёты – это всё казалось тоталитарным и казарменным. Абстракция взяла верх над реализмом, появились десятки авторов, демонстрирующих жест – Фонтана рвал холсты, Дюшан выставял писсуар, Бойс ползал по полу, выделявал разнообразные антраша, и всё это – как выразился один из артритиков – «чтобы продемонстрировать ответственность перед людьми и любовь».

Тот же обозреватель «Коммерсанта» мягко сравнивает Бойса с Иисусом Христом. Сравнение обязывающее.

Надо сказать, что в отличие от Иисуса, у Бойса особого послания (как говорят: «мессиджа») не было – Христос говорил довольно ясно, но Бойс изъяснялся загадочно, предпочитал говорить знаками и жестами. Впрочем, святость может являть себя в лике юродивого – и нынче принято считать, что те, кто скачут в голом виде, какают в музеях и кривляются во Храмах – они вроде как святые в некоем ином, несакральном смысле – они передают нам энергию свободы.

Бойс и впрямь вёл речь юродивого: мёд, сало, демократия, масло, дискурс. Если послушает такую речь неподготовленный ортодокс – подумает про Бойса: идиот. А люди подготовленные уважительно скажут: пророк. Правда, что именно он пророчествует – неведомо. Но ведь это и не важно. Важно раскачивать лодку бытия. Бойса называют возвышенно и загадочно: шаман.

Бойс очень нравится мещанам: им вообще нравятся загадочные слова «демократия», «инсталляция», «деривативы», «дискурс» – мещанам кажется, что там, за этими высоколобыми терминами сокрыто умное – а значит, и хорошее. Это прежде мещанам нравилась герань и слоники, теперь мещане – продвинутые потребители: вместо слоников им подавай инсталляции, вместо герани – Жижека и дискурс. Втюхивать мещанам демократию и инсталляции – работа лёгкая: надо рассказать, что авторитеты продукт ценят (в музее висит, богач купил, Черчилль похвалил, в лучших странах это носят) – и мещанин придёт в неистовство...

Никогда мещанин не додумается до такой простой вещи, что никто бы не стал ему объяснять (и никто не объясняет) величие Сикстинской Капеллы – как никто не объясняет ему преимуществ любви к ближнему. Эти вещи самоочевидны – оттого как бы и не считаются за норму. А вот то, что инсталляция есть искусство, а круговая порука обманщиков есть правовое государство – вот это мещанину втолковывает тысяча авторитетных специалистов.

Бойс занимался тем, что интриговал мещан, пугал бедных горожан тем, что существует некая над-человеческая энергия (элементы, стихии) бытия. Это, вообще-то, абсолютно фашистская мысль – мысль древняя и агрессивная. В этой мысли ничего свободолобивого нет. Вот вы, люди, – говорит эта мысль, – вы просто живёте, а параллельно вашему существованию есть стихийные силы, гуляющие по миру. И в подтверждение этих значительных слов Бойс показывал мещанам предметы, наделённые магической силой: мёртвого зайца, сало, воск, мёд.

Вот и всё. И больше ничего он не сказал. Остальное придумали – про ответственность, выбор, любовь. Христа.

Это всё вранье. Он был певцом стихийных сил – ну, как Люфтваффе, например. Это очень бедная мысль. Если попросить зрителя передать, какая именно мысль, какой образ Бойса его поразил, попросить пересказать это – то, что его привлекло – то пересказа не получится. Там внутри – пусто, ничего нет. Как в писсуаре Дюшана, как в Чёрном квадрате.

Но вот что есть – это преклонение перед стихиями – камнями, воском, жиром, чем-то неведомым и сильным. Это язычество, это шаманство и – не надо себя дурить – это совсем не имеет ничего общего ни с христианством, ни с гуманизмом.

Но мещанину данная мысль представляется просто грандиозной: стихии! образа нет! уууу! как страшно! И то, что Бойс присовокупляет к этому набору слов громоподобные заклинания «демократия» и «свобода» – делало эффект сокрушительным.

Надо сказать, что обманщиков в мире много – не одни только банкиры. Спустя сто лет все более или менее разобрались в том, что Распутин был шарлатан. Надо надеяться, что с течением времени всё подобное политическое шаманство будет разоблачено. А вот сколько времени должно пройти, чтобы фашистский лётчик, рассказывающий публике, что образ умер, и настало время стихий – сколько времени надо, чтобы люди поняли, что на сцене перед ними обыкновенный Распутин – вот это науке неизвестно.

Людей вообще манит всякая гадость. Мальчики хотят попасть в дурную компанию и ругаться матом как большие; девочки едут к плейбоям на дачу, не заботясь о последствиях; а доверчивые мещане слушают рассказы о стихиях Бойса и о том, что образ умер – а потом идут и требуют честных выборов.

И если мещане будут себя хорошо вести, к ним в бассейн нальют воду. Интересно, каково это: раскачивать лодку в бассейне с водой – до сих пор мы раскачивали всухую.

Артур Штильман

Американцы в Москве

**(Из книги воспоминаний
«Москва, в которой мы жили»)**

В есной 1960 года **Исаак Стерн** снова приехал в Москву. Его первый концерт не произвёл на меня того впечатления, которое навсегда осталось после его появления 3-го мая 1956-го года. Цыганов заметил на это довольно мудро: «За эти четыре года Стерн вырос в твоих воспоминаниях в легенду. Ни одному артисту не дано дорасти до своей легенды. Вот этим и объясняется разница в твоём сегодняшнем восприятии. А на меня он произвёл огромное впечатление – наверное самое сильное после приезда Хейфеца в 1934 году!»

Исаак Стерн. Начало 60-х

Цыганов посещал все концерты Стерна и действительно был в восторге от его исполнения Концертов Бетховена, Брамса,

Мендельсона, Бруха; сонат Бетховена, Тартини, Баха, и вообще от всего репертуара Стерна. Особенно он восторгался исполнением Концерта Бетховена – он хорошо помнил ещё Наума Блиндера, учителя Стерна, выступавшего в Москве с этим Концертом в начале 20-х годов.

Я помню, что в тот приезд Стерна самое большое впечатление на меня произвело его несравненное исполнение Концерта Мендельсона с дирижёром Евгением Светлановым. Это был *тот самый* Стерн, который совершил переворот в нашем сознании четыре года назад! Тонкость фразировки, изумительное чувство романтизма музыки Мендельсона, как и прежде абсолютное совершенство передачи музыки и «незаметность» игры самого артиста – все главные составляющие искусства Стерна были тут представлены во всём своём блеске!

Конечно, его игра, его высокое и глубокое искусство интерпретации снова оказали дополнительное воздействие на моё «открытие Бартока», равно как и Чаконы Баха. Влияние его искусства оказывало снова сильнейшее и самое благотворное воздействие на всех нас, готовившихся тогда к окончанию Консерватории.

Примерно так выглядела Роберта Питерс на своём московском концерте в 1960 году

Весна – вообще прекрасное время года! Все ощущают прилив жизненных сил, а молодые музыканты ещё и прилив творческого энтузиазма. И тут приезд Стерна был, что называется «ложкой к обеду» - как нельзя более кстати для меня и для всех моих коллег. Его воздействие не ограничивалось только скрипачами. Помню, как пианист Дмитрий Башкиров сидел с карманными партитурами сонат Бетховена и Брамса, Баха и Моцарта и внимательно следил по ним за всеми тонкостями исполнения Стерна и Закина.

В те же дни впервые в Москву приехала выдающаяся американская певица солистка Метрополитен оперы **Роберта Питерс**. Её концерт в зале им. Чайковского собрал полный зал. На несколько секунд из-за кулис показался Стерн, решивший как видно послушать её концерт, а может быть и подбодрить коллегу, впервые выступавшую в Москве. Роберта Питерс была ученицей знаменитого итальянского педагога Энрико Розати, учителя Беньямино Джильи и Марио Ланца (так сообщал журнал Информационного агентства США «Америка». «Вики» даёт имя другого учителя: нью-йоркского педагога Уильяма Хэрмана).

Её программа охватывала большой диапазон стилей композиторов разных эпох: произведения Генделя, Баха, Перголези, Моцарта; включала также популярные арии Пуччини, Доницетти, Верди, вплоть до вальсов Иоганна Штрауса. То есть это был исторический экскурс в вокальную культуру. Концерт Питерс имел очень большой успех. Высокая, стройная, в белом длинном концертном платье с открытыми плечами, в бриллиантовой диадеме она казалась членом какого-то королевского дома. (Велико было моё удивление, когда спустя 25 лет в Нью-Йорке я оказался на каком-то пати в Метрополитен опере рядом с хрупкой женщиной *маленького* роста. Это была Роберта Питерс! Как удивительно меняет сцена даже пропорции фигуры артиста!)

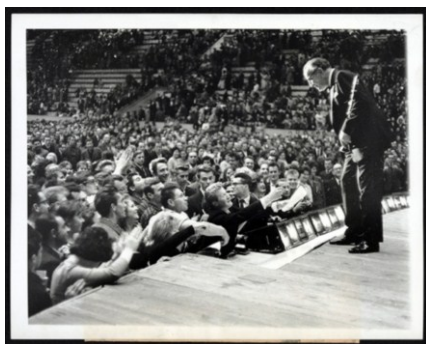

Эрик Брун и Карла Фраччи в балете «Жизель»

Осенью 1960 года, вскоре после окончания моих экзаменов в аспирантуру, на гастроли в Москву приехал американский «Нью-Йорк Сити Балет», многолетним

руководителем которого был Джордж Баланчин. Эти гастроли были «обменными» с советскими балетными группами и театрами, посещавшими СССР и США по плану «культурного обмена». Иными словами это не были гастроли театра только с балетами Баланчина. Тут была старая фокинская (вероятно привезенная в США Л.Мясиным) постановка «Шопенианы» – той самой, которая произвела на меня неизгладимое впечатление на сцене Большого театра осенью 1944 года.

И постановка и исполнение были совершенно изумительными! Гастроли проходили во Дворце спорта в Лужниках и потому с американским балетом могли познакомиться многие тысячи зрителей. В программу входили работы нескольких выдающихся балетмейстеров тех лет: Джерома Роббинса, самого Баланчина, Фредерика Аштона, модерниста Мэрса Кэннингхема и других выдающихся балетмейстеров. Спектакль доставил огромное удовольствие всем зрителям, а исполнители имели триумфальный успех (тогда я впервые увидел несравненного Эрика Брунна, феноменального танцовщика, обладавшего невероятным прыжком, как будто он «зависал» в воздухе, теряя гравитацию). Такой же успех в Америке имели и советские балетные спектакли – Большого, Мариинского и Театра им. Станиславского и Немировича-Данченко.

Публика в Лужниках приветствует Бенни Гудмана

Несколько позже – летом 1962 года произошло третье событие «культурного обмена». В Советский Союз на гастроли приехал всемирно известный кларнетист Бенни Гудман со своим джаз-оркестром. Он также выступал во Дворце спорта в Лужниках и имел, конечно, очень большой успех. После концерта оркестра Бенни Гудмана приходили мысли, что исполнительская культура игры на духовых инструментах в США столь высока, что её

уровень отражён не только в самых знаменитых симфонических оркестрах мира, но и в игре джазовых музыкантов: поразительный строй – кристальная интонация, исключительно точный и слаженный ансамбль, высокая культура импровизации и мультиритмическое мастерство всех участников ансамбля – будь то джаз или симфонический оркестр – музыканты обоих направлений демонстрировали всегда невероятное чувство партнёрства и умения играть абсолютно вместе вне зависимости от трудности исполняемого материала.

Каждое выступление оркестра Бенни Гудмана, будь то в Москве, Ленинграде или Киеве создавало особую атмосферу, весьма отличную от концертов популярных советских эстрадных оркестров.

Бенни Гудман играет на Красной площади. Фото из журнала «Life»

Конечно, в годы «холодной войны» никогда не сбрасывалась со счетов пропагандистская сторона таких гастролей. Помнится, как Бенни Гудман во время концерта сказал: «А сейчас мы вам сыграем пьесу Дюка Эллингтона, которую, я уверен вы все хорошо знаете». Этой пьесой - «Садись в поезд «А» («Take «A» Train») - всегда начинались джазовые передачи Уиллиса Коновера «Музыка США - час джаза» на «Голосе Америки». Это было забавно и довольно неожиданно. Но среди почти 12 тысяч зрителей оказались лишь несколько десятков человек, действительно знавших эту пьесу и следовательно, *слушавших передачи «Голоса Америки»*, что было легко определить по совсем малочисленным аплодисментам как в начале пьесы, так и после её окончания («А» Train) - маршрут метро «А» идёт через весь Нью-Йорк, то есть остров Манхэттен). Так стало совершенно ясным, насколько малочисленна аудитория джазовых концертов по радио, которые вёл Уиллис Коновер! Для широкой публики концерты эти имели, как мне это казалось тогда, лишь познавательное значение

знакомства с жанром. Тем не менее концерты Бенни Гудмана имели огромный успех, и билеты на все концерты его оркестра были всегда распроданы.

Московские энтузиасты джаза приветствуют Гудмана и его оркестр. Лужники, 1962 год

Пропагандистский же эффект был, на мой взгляд почти нулевым. Было ясно, что джаз, как жанр исполнительского искусства был важной частью музыкальной культуры Америки, но в СССР, несмотря на большой успех концертов оркестра Гудмана, эта часть массовой культуры тогда не имела почти никакой реальной базы, за исключением группы энтузиастов в немногих городах Союза.

Пластинка, которую не удалось увидеть в Москве

Но для музыкантов выступления Гудмана были несравненным удовольствием от его игры, его звука – по-еврейски печального и в то же время весёлого, от нескольких композиций,

которых мы не слышали ранее. Одной из них была пьеса «Бах веселится». Это было сочинение, в основе которого была квази-баховская мелодия, но исполненная в джазовом стиле «свинг». Бенни Гудман, сказал перед исполнением, что Бах вероятно был весёлым человеком, во всяком случае, как и все мы – иногда. И вот, если бы он жил теперь, то наверно подарил бы нам что-то похожее на эту пьесу. Действительно пьеса была замечательно написана, в ней элементы баховского письма вполне естественно сосуществовали с джазовой манерой исполнения. Как жаль, что пластинка Гудмана была издана в Москве таким микро тиражом, что кому она досталась – я не знаю. У меня её никогда не было, как и у моих друзей. Зато у нас были пластинки с записями исполнения Гудманом Квинтета и Концерта для кларнета с оркестром Моцарта. Он был также тонким исполнителем классики, а не только всемирно известным джазовым музыкантом.

Если не изменяет память, весной 1962 года снова приехал на гастроли любимец москвичей Вэн Клайберн, или как его зовут в Москве и теперь – Ван Клиберн. На этот раз он выступил со Вторым Концертом Брамса для фортепиано с оркестром. Его первое выступление было с Геннадием Рождественским и Госоркестром. Я сделал тогда магнитофонную запись этого концерта, которую слушал потом много лет, до самого своего отъезда в 1979 году, и надо сказать, что сам Клиберн никогда не играл лучше это великое произведение, чем с Рождественским.

Ван Клиберн - снова в Москве

А дирижёр «вознёс» Госоркестр на такую высоту, которая была совершенно непривычна для этого оркестра – во всяком случае я могу припомнить в этой связи только концерты с Вилли Ферреро и Анри Клоуитансом. Не так, увы, часто за многие десятилетия! То выступление, как мне кажется, вообще было

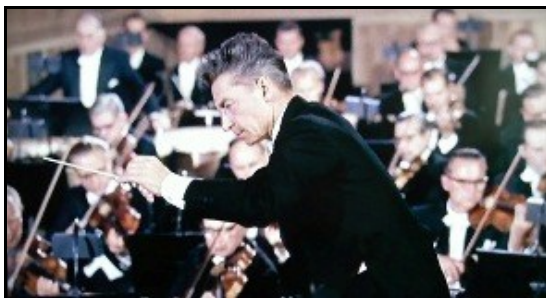
высочайшим достижением в исполнении этого Концерта *когда-либо сыгранным и когда-либо записанным на пластинки или на плёнку*. Рождественский был исключительно тонким стилистом музыки Брамса, воплотившим в то исполнение самые сокровенные и самые возвышенные мысли и чувства композитора, заключённые в партитуре. Это был урок всем московским дирижёрам: урок стиля, урок глубочайшего постижения замысла композитора и его воплощения в звуках симфонического оркестра. Качество звука оркестра, способность к совершенному ансамблю, тонкость нюансов – всё это абсолютно выходило за рамки обычной исполнительской практики Госоркестра.

В день 80-летия Г.Н. Рождественского я в телефонном разговоре после поздравлений напомнил ему о том выступлении. Геннадий Николаевич, как оказалось, отлично помнил этот концерт, и кажется, был согласен с моими впечатлениями от незабываемого выступления.

1962-й оказался очень «урожайным». В том же году осенью, Москву впервые посетил прославленный оркестр Венской Филармонии во главе с Гербертом фон Караяном. До их визита мы уже слышали оркестры Бостона, Филадельфии, Лондонской Филармонии. Венский оркестр был совершенно другим. Его звучание нельзя было сравнить ни с одним оркестром мира. Не в смысле в хорошую или плохую сторону, просто оно было совершенно иным. Идеальный строй духовых инструментов, особенно медных, игравших на старинных инструментах с клапанами, а не с помпами, как это практиковалось уже во всех оркестрах мира. Звучание их – особенно валторн - было мощным, красивым, опять же с идеальным строем, и в то же время гибким и динамически достаточно разнообразным. Они исполнили в тот вечер большую программу: «Маленькую ночную серенаду» Моцарта, Симфонии Брукнера и Бетховена, «Дон Жуан» Рихарда Штрауса и на бис «Императорский вальс» Иоганна Штрауса. Всё было в рамках благородного академизма.

Самое блеклое впечатление осталось от «Маленькой ночной серенады» (*Eine kleine Nachtmusik (Serenade No. 13 for strings in G major)*) Моцарта, сыгранной в начале концерта. Но всё превзошло невероятное исполнение «Дон Жуана» Рихарда Штрауса. Один из величайших шедевров мировой музыкальной литературы, написанный 24-летним композитором в 1888 году, произвёл в исполнении Караяна и оркестра гигантское и неизгладимое впечатление! Может быть, исполнение было несколько «вагнеризировано», что вообще было свойственно

исполнительскому стилю Караяна, но оно не шло в разрез с характером и духом легендарного сочинения.

Герберт фон Караян и оркестр Венской Филармонии, 1962 год

У меня всегда «стоит в ушах» первое впечатление от этой пьесы, услышанной в 1951 году в исполнении Вилли Ферреро и Госоркестра. Исполнение венцами и Караяном с первых же секунд создало какую-то атмосферу сказки, неправдоподобной мощи и тембрального богатства звучания оркестра. Смерть Дон Жуана, показавшая мне тогда по силе экспрессии ассоциативной смерти Зигфрида в «Гибели богов» Вагнера. Через много лет, ознакомившись с письмами и биографическими книгами, касающимися Р.Штрауса, я убедился в том, что Караян тогда полностью следовал замыслу автора. То исполнение «Дон Жуана» было самым сильным впечатлением от всей программы первых гастролей «Венской Филармонии» в Москве.

14 БЫСТРОТЕКУЩЕЕ ВРЕМЯ АСПИРАНТУРЫ

Несмотря на то, что усилиями Анастасьева я получил лишь звание дипломанта Всесоюзного конкурса скрипачей 1961 года, Цыганов начал хлопоты по установлению мне концертной ставки, то есть определённой категории солиста, имеющего право выступать в этом качестве в концертных организациях – Московской Филармонии, Росконцерте, Союзконцерте (подразделении Госконцерта – единственной организации, занимавшейся «прокатом» советских артистов за рубежом). Тем не менее это был какой-то шаг к реализации моих возможных выступлений в концертных организациях в недалёком будущем. Все молодые артисты были тогда настроены идеалистически, плохо или вообще не представляя себе «концертный мир» полный зависти, подножек и превыше всего – коррупции! Большинство из нас не знало реальности условий подобной работы – уровня

публики на периферии страны, уровня бытовых условий, переездов и т.д.

Идеализм – сильнейший двигатель всех человеческих устремлений пока ещё нас не покидал. Мы все смотрели на таких звёзд, как Давид Ойстрах и Леонид Коган, как-то не совсем понимая, что они в СССР «небожители» - абсолютное исключение из правил! Да и их, как мы узнали через несколько лет, даже их нещадно грабило государство, оставляя им 10% от заработанного на Западе гонорара!

Я не принимал участия в отборе на конкурс им. Жака Тибо в Париже 1961 года, так как считал программу конкурса далёкой от моего мироощущения – например такие пьесы, как знаменитая «Поэма» Шоссона, а также некоторые пьесы Сен-Санса и других французских композиторов. Но мой друг и соученик **Виктор Данченко** не только принял участие в отборе, прошёл на конкурс в Париже, но и получил на нём премию и соответственно звание Лауреата международного конкурса, что должно было открыть ему двери концертных организаций. Он навестил меня в конце лета 1961 года и рассказал, что сразу после прибытия из Парижа сыграл *конкурсное* прослушивание в гастрольную организацию Росконцерт, одновременно оказавшимся ... конкурсом на «*право на сольный концерт*».

Я был поражён такому обороту дел – если *международное* жюри лишь месяц назад отметило премией достижения молодого талантливого скрипача, то какой вообще вес могла иметь какая-то «комиссия», состоящая из администраторов и возможно, одного-двух приглашённых музыкантов, работавших в этой организации. Естественно, что Виктор Данченко *получил* работу солиста Росконцерта, но само отношение к молодым музыкантам казалось мне совершенно непонятным и несправедливым. Хотя, как видно другого пути ни у кого не было – ни в то время, ни в недалёком будущем (для справки: в будущем, через 15 лет Виктор Данченко стал в США профессором Кёртис Института в Филадельфии и Пибоди Консерватории Университета Дж. Хопкинса).

Идеальные пути развития и достижений в исполнительском процессе на концертной эстраде никак не соответствовали реальной жизни. Как заметил профессор Леопольд Ауэр в своей книге «Моя школа игры на скрипке»(1930) - «Природа, а часто и люди встают на пути молодого виртуоза». Но если с «природой», то есть с неблагоприятными природными данными молодому скрипачу, пианисту или виолончелисту ещё

как-то можно бороться, то с людьми, то есть с теми, от кого зависело *всё*: участие в международных конкурсах, работа, занятость в концертных организациях – дело обстояло значительно сложнее.

Зависело *всё* от таких, к примеру, как М.Н.Анастасьев. Конечно, он был лишь «рукой государевой – карающей и милующей». Но выполнял он свою задачу во всю меру своих сил!

Осенью 1961 года окончился мой первый год в аспирантуре. Несмотря на успешный аспирантский концерт, несмотря на частые выступления на консерваторской эстраде, всё остальное, то есть какие-либо возможные перспективы сольной работы полностью зависели теперь от участия в международном конкурсе. Цыганов предложил играть на прослушивании к какому-то малоизвестному конкурсу в Швейцарии, но вскоре выяснилось, что он отменился. В перспективе было только прослушивание к Конкурсу им. Венявского в Познани в 1962 году. Хотя задолго до прослушивания можно было догадаться о претендентах, фактически уже *назначенных* для участия в этом конкурсе. Международным конкурсам всегда придавался политический характер, то есть доминанция советских представителей должна была неуклонно соблюдаться. Хотя в середине 50-х эта система начинала давать сбои: в 1956 году на Конкурсе им. Королевы Елизаветы в Брюсселе советскому скрипачу Юлиану Ситковецкому не удалось достичь первой премии, отданной американцу Берлу Сеновскому. Такие явления начали наблюдаться и у пианистов. Но, как бы то ни было, мне до этих проблем было ещё очень далеко – первый шаг – участие в международном конкурсе целиком зависел от музыкальных властей Министерства культуры, руководимого в своих действиях «указаниями свыше» - отделом культуры ЦК. На тот момент начала 1962 года всё казалось бесполезным и всякие усилия тщетными. Будущее и вправду виделось дорогой с закрытыми шлагбаумами на пути к иллюзорной цели.

Нельзя сказать, что окружающая жизнь оставалось при такой интенсивной занятости где-то «за кадром». Вскоре после окончания Всесоюзного Конкурса 1961 года произошло событие, потрясшее весь мир.

Как-то мы договорились встретиться с дачными знакомыми – моей приятельницей и её мамой, решив прогуляться в Парке им. Горького. Был довольно тёплый солнечный апрельский день. В Парке работало радио на всю максимальную громкость, сообщившее о первом полёте человека в космос –

вокруг земли. То был исторический день полёта Юрия Гагарина. В полдень 12 апреля казалось, что Москва перестала работать – огромное количество людей вышло на улицы, в парки, на набережные. С одной стороны это было спонтанное выражение понятной радости и гордости за Страну Советов, с другой – блестящая возможность немного погулять и раньше уйти с работы. Ну и, конечно, очень многие мужчины воспользовались таким событием, чтобы его сразу же «отметить» – на двоих, троих, или уж, как придётся...

Летом 1961 года мои родители и я решили предпринять поездку в Крым на машине. Автомобиль «Волга», которую мой отец получил ещё в 1959 году, был совсем новый, так что путешествие не вселяло никаких тревог. Но... нужно было учесть советский «сервис», о котором вдали от Москвы мы не имели ни малейшего представления. До начала нашего путешествия я проконсультировался с опытным авто-путешественником Игорем Безродным, знаменитым скрипачом, которого я знал ещё со школьных времён. Он со своей женой Светланой Левиной уже несколько лет совершал такие путешествия, если позволяло время. Он мне назвал точный километраж до ближайших городов, и главное – местонахождение придорожных мотелей, которых было чрезвычайно мало (даже автомобильные атласы были большой редкостью – они должны были иметь карты! А карты – это ведь военная тайна! Хотя атласы автодорог Союза издавались в Америке и Западной Европе, но вероятно власти об этом не знали...) Кроме всего он настоятельно советовал всегда иметь с собой две канистры с бензином, на случай его отсутствия в бензоколонках. Всё это следовало знать, помнить, и принять во внимание.

Мы выехали часов в 10 утра и к вечеру доехали до Курска, покрыв расстояние около 500 километров. Сегодня это звучит довольно странно, но тогда была лишь одна дорога – Симферопольское шоссе, с однополосным движением в каждую сторону. В этих условиях любой обгон грузовых машин был всякий раз связан с большим риском. А если начинался дождь, то многие грузовики наносили значительный слой чернозёма на дорогу, делая её столь же опасной, как во время гололёда. Машины теряли управление – жирная, чёрная земля действовала на автомобильные колёса точно так же, как и разлитая на дороге нефть.

Действительно, по дороге многие бензоколонки оказывались без горючего, но зато с огромными очередями. Мы не

доехали до Курска примерно 60 км, когда у нас кончился бензин. Я вылил в бак нашу запасную канистру, и где-то недалеко от Курска мы заправили бак и налили снова полную канистру в запас. В общем, первый день оказался нелёгким – ехать много часов по одной полосе было делом утомительным и хлопотным.

Кроме того, система амортизаторов машины оказалась очень чувствительной – жидкость вытекала даже из новой системы, и машина начинала немилосердно укачивать своих пассажиров. В таком «укаченном» виде мы приехали в Курск, где моему отцу удалось получить для нас номер в главной гостинице только потому, что он сумел до неё дозвониться из Москвы. А дальше – в Харькове и Днепрпетровске у нас не было ни знакомых, ни каких-нибудь идей, кроме одного названия мотеля, которое мне дал Игорь Безродный – «Зелёный гай». Его-то мы как раз и не заметили!

В ту пору не было объездных шоссеиных дорог вокруг таких городов, как Курск, Орёл, Харьков.

Вскоре после Курска была станция Обоянь. Это место запомнилось по примерно километровой очереди машин за бензином. Такое положение начинало пугать – мы не знали, что нас ждёт впереди, и при каждой возможности мы сразу же дозаправлялись. Правда иногда на обочинах стояли цистерны с бензином, который шофёры продавали на глазах у милиции – бензин-то считался государственным!

После Белгорода началась совершенно другая страна – в полном смысле этого слова. Украина. Контраст с Россией был гигантский – чистые белые домики, аккуратно убранные участки, побеленные деревья – всё это говорило о совершенно ином жизненном укладе. Сразу исчезла грязь на дороге, старые запущенные избы, худые коровы – словом все «прелести» колхозного быта. Даже исчезли очереди у придорожных бензоколонок.

Помню, как въехав в Харьков, мы решили спросить кого-нибудь, куда нам ехать для продолжения пути на Симферополь. К нам в машину сел какой-то мужчина. Он сразу произнёс лишь одно слово: «Мясо!». «Что – мясо?» - спросил мой отец. «Мясо! Стоял на рынке полтора часа за мясом! Нет мяса! Куда оно девалось? Вы не знаете? Я тоже не знаю. Мясо! Нет мяса! Что делать? Нет мяса!». Он не выглядел ненормальным, просто был удручён такой ситуацией в городе Харькове с мясом. Мы миновали город через самый центр. Конечно, нигде не было знаков, предписывающих направления в разные города и на

разные шоссе. Так что нужно было ехать всегда в неизвестное. Пока был день, можно было остановиться и спросить, а ночью?

Мы остановились, не доезжая Днепропетровска, в действительно настоящем мотеле. Там был лишь один недостаток – все постели были абсолютно сырыми, так как зимой милые с виду домики не отапливались, а теперь, в июне ещё не успели просохнуть. Там же остановилась пожилая пара на своей машине, приехавшая из... США! Это были немолодые идеалисты, не расстававшиеся с улыбкой. Заведующая мотелем говорила по-английски и никого не подпускала к американцам. Впрочем, мы и сами держались от них в отдалении.

Как эта пара обходилась тогда без языка – трудно себе представить. Это сегодня, вероятно, не представляет проблемы, но тогда... Смелые люди были эти американцы! По виду они были уже пенсионерами. Так прошёл второй день нашего путешествия.

На третий день мы, наконец, достигли Ялты. К 1961 году была построена новая автодорога, по которой ходил троллейбус от Симферополя до самой Ялты. Я не был в Ялте с 1955 года – времени, когда лечился там в санатории им. Артёма. Мы доехали до небольшой гостиницы в старинном особняке «Украина–Интурист». Нам дали номер на одну ночь, но и это было прекрасно. Выйдя на улицу, мы почувствовали потрясающий аромат – запах всей крымской растительности! Это были прекрасные вечерние часы, когда воздух действительно благоухал одновременно всеми запахами цветов, листьев кустарников, пород которых там великое множество. Словом – Крым!

Пробыли мы там на частной квартире, рядом с домом отдыха ВТО «Массандра» (Всероссийского театрального общества) 20 дней, а на обратном пути окончательно вылилась жидкость из амортизаторов и, что гораздо хуже – из тормозных цилиндров! Пришлось остановиться в Курске часа на три для ремонта, и выехали мы примерно в 7 часов вечера. Доехав до Тулы, мы так устали, что пошли искать пристанища в «Дом приезжих». Я открыл дверь, но дальше пройти не удалось – в проходе между двумя дверьми на скамье спал человек. Его ноги касались входных дверей. С идеей переночевать или хотя бы отдохнуть, пришлось расстаться, и, собравшись с силами, мы двинулись в Москву. Приехали домой на рассвете, сделав неразрешённый левый поворот прямо в наши ворота. Позади осталось море бензоколонок без бензина, буфетов без кофе или чая, опасных из-за чернозёма дорог. Так что вернуться домой было приятно от сознания нашего везения – без особых проблем добрались целыми и невредимыми. Даже тормоза и амортизаторы починили в Курске. Эта поездка

отвадила нас навсегда от путешествий на Юг. В Ленинград можно было ездить без таких тяжёлых, да и опасных проблем. Это мы сделали на следующее лето – 1962 года.

В марте 1962 года в нашей жизни произошло событие, которое было больше, чем удачей, больше чем любые творческие достижения - это было событие целой жизни! Мой отец получил отдельную квартиру вместо наших двух комнат, в которых мы жили с 1939 года на Большой Калужской. То был новый дом у Калужской заставы, слева от выезда на продолжавший Калужскую проспект. Впрочем, к этому времени Калужская называлась Ленинским проспектом. Итак, дом с магазином «Тысяча мелочей» стал нашим новым домом - впервые в жизни с отдельной квартирой и даже с балконом. Это было настолько волнующим, что все остальные жизненные события временно отошли на второй план. Теперь мы с Толей Агамировым были ближайшими соседями – между нашими домами было всего 150-200 метров. Это было очень приятно. Пока у нас не было телефона, можно было запросто зайти друг к другу обменяться новостями.

Прожитые годы в доме №16 всё равно остались незабываемыми – мой первый пятилетний «юбилей», полтора спокойных довоенных года, война, возвращение домой в ноябре 1942 года, начало занятий в Центральной музыкальной школе, конец войны – да тут прошла целая жизнь! Но это никак не снижало нашего восторга от полученной квартиры.

Переехали мы в марте, а прослушивание к Конкурсу им. Венявского было назначено где-то в мае или начале июня.

Мне полагался как аспиранту ежегодный сольный концерт в Малом зале Консерватории, который я полностью использовал для обыгрывания программы конкурса. Всё пока шло хорошо, даже успешно. Прошли первые два тура отборочного прослушивания, а когда я вышел на эстраду играть программу третьего тура, то ещё до начала своей игры увидел на лицах членов жюри... скуку! Им можно было меня и не слушать, а мне – не играть! Кандидаты, как я и предполагал, были уже назначены. И, тем не менее я решил показать всё, на что был тогда способен и сыграл оба концерта – Венявского и Шимановского со всей возможной для меня артистической свободой и виртуозной лёгкостью, а в Концерте Шимановского «порадовать» жюри звуковой палитрой и импрессионистской тонкостью этого сочинения. Членам жюри стыдно от этой ситуации не было – они выполняли государственное задание. Возможно, что им в жизни приходилось выполнять и нечто худшее. В общем, всё было почти

как в поговорке: замах был хорошим, удар был тоже неплохим, а результат – нулевой. Несмотря на то, что я был не один и ещё несколько моих достаточно талантливых коллег-скрипачей были в таком же положении, но всем нам от такой «компании» было не легче. Оставался последний год аспирантуры.

15 КАМЕРНЫЙ ОРКЕСТР КОНСЕРВАТОРИИ НЕОЖИДАННОЕ ПОДНЯТИЕ ШЛАГБАУМА

Осенью 1961 года Толя Агамиров-Сац зашёл как-то ко мне среди дня. Он принёс для меня новость: Михаил Никитич Тэриан, организовавший не так давно Камерный оркестр Московской Консерватории, попросил ему позвонить, чтобы встретиться и обсудить моё участие в оркестре в качестве второго – или сменного – концертмейстера. Первым концертмейстером оркестра был с самого начала превосходный скрипач Олег Крыса. Мы встретились, и я немедленно дал согласие на своё участие в работе оркестра. Камерный оркестр состоял из дипломников, аспирантов, или недавно окончивших Консерваторию молодых педагогов. Я решил, что для меня будет исключительно полезным не порывать связи с игрой в оркестре и вообще в струнном ансамбле. Кроме того, Михаил Никитич включил в абонементные концерты в Большом зале Консерватории оба Концерта Баха для скрипки с оркестром – ля-минор и ми-мажор, которые мне предстояло сыграть. Были в программах также и интересные сочинения Хиндемита, композиторов Чехословакии, советских молодых композиторов Агафонникова и Каллоша, а также Симфонietta Н.Я. Мясковского, «Аполлон Мусагет» И.Ф. Стравинского и многое другое.

Это было очень приятным занятием – участие в превосходном оркестре с нашим с детства любимым профессором в качестве дирижёра.

Перед Новым Годом мы выступили в Большом зале Консерватории. Это выступление оказалось не таким простым делом. Первым номером мы сыграли «Кончерто-гроссо» Генделя для камерного оркестра. Вторым в программе был Концерт Баха для скрипки с оркестром ля-минор. Это было для меня совершенно новой формой выступления – сыграв *в оркестре* половину отделения, теперь нужно было уйти с эстрады на несколько минут, совершенно перестроиться и выйти уже в качестве солиста. Поиграв несколько секунд за кулисами, мы вышли на эстраду. Теперь сам Большой зал дал мне отличный стимул снова почувствовать себя солистом – после неоднократных выступлений здесь это чувство быстро вернулось и было вполне естественным. Мы исполнили Концерт Баха очень хорошо – у нас

был прекрасный ансамбль, несмотря на полнзвучность струнного оркестра мои коллеги оказались чуткими ансамблистами и баланс аккомпанемента и сольной партии скрипки никогда не нарушался. Это было огромным удовольствием - сыграть гениальное сочинение Баха на этой эстраде с оркестром! (позднее мы повторяли эту программу достаточно часто в разных залах Москвы).

Наш концерт имел отличный приём у публики и, насколько помню, московское телевидение даже записало фрагменты концерта на киноплёнку для показа по одному из каналов телевидения. (Год спустя, осенью 1963 года, уже по прошествии Конкурса в Будапеште, мы с Михаилом Никитичем и нашим оркестром выступили в... доме приёмов посольства Египта в Москве! Я не понимал, как это могло произойти, хотя дело было ещё до Шестидневной войны 1967 года. Помню, как А.Б.Буше рассказывал, что во время гастролей советского Цирка в Египте его попросили объявлять фамилию гимнастов (или жонглёров?) Наумовых – Наимовыми! Так звучало приятнее для египетской публики. То есть арабское имя «Наим», хотя и было аналогом «Наума» (в оригинале – «Нохум»), как и множество других древних имён, всё же требовало корректировки. В этой связи я не понимал, как хозяева могли согласиться на моё выступление в качестве солиста и объявить вслух совершенно неприемлемое - «Артур Штильман». После исполнения нашей программы посол Египта Махмуд Горбаль подошёл к нам с Тэрианом и сказал на хорошем русском языке: «Артур Штильман! Мне очень нравится ваше исполнение Концерта Баха! Спасибо!» Поговорив ещё немного, он пожал нам руки и покинул небольшой приём с кофе, так как алкоголя там, естественно, не было. Наши оркестранты быстро разобрали **все** египетские сигареты, а когда хозяева принесли ещё, то и они были тотчас разобраны. Меня просили курильщики взять для них хотя бы несколько пачек, хотя я никогда не курил. Этот примечательный концерт в посольстве Египта оставил до сих пор много вопросов без ответов. Парни, изображавшие публику, с виду были совершенными головорезами. С ними была лишь одна молодая женщина – похожая на стандартный кинообраз шпионки-террористки. Мы не знали, кем она была, но аплодировали все не жалея своих ладоней. Конечно, всё это было «запланированным мероприятием»)

Выступали мы в тот сезон 1961-62 года на многих эстрадах Москвы, на Московском Телевидении, на радио, записывали даже пластинки. Это был бум, вызванный необычайным мировым успехом Камерного оркестра Московской

Филармонии под руководством **Рудольфа Баршая**. Интерес к камерной музыке как среди слушателей, так и среди руководства Дома звукозаписи и концертных организаций стал очень большим именно благодаря невероятно успешной работе **«Баршаевского оркестра»**.

Камерный оркестр Московской Консерватории собирал, так сказать остатки урожая, возвращённого Рудольфом Баршаем на благо развития музыкально-исполнительской культуры всего Советского Союза. Очень скоро стали быстро возникать камерные оркестры в Армении (руководителем которого стал бывший «баршаевец» Заре Саакянц), в Литве, Латвии, Белоруссии, Азербайджане, Ленинграде и многих других городах и республиках. Прекрасный скрипач Игорь Попков, также «баршаевец», создал в Ярославле небольшой ансамбль для исполнения музыки эпохи Барокко (он и называется «Барокко») существующий до нашего времени. Выдающийся московский флейтист Наум Зайдель, также сотрудничавший с Баршаем, организовал свой камерный ансамбль, состоявший в основном из его коллег по Большому Симфоническому оркестру Всесоюзного радио – БСО – также выступал с большим успехом как с самостоятельными программами, так и в содружестве с известным клавесинистом и композитором Андреем Волконским – руководителем ансамбля «Мадригал».

Отличный музыкант и виолончелист Юлий Туровский (ученик профессора Г.С.Козолуповой), много лет работавший в оркестре Баршая, создал в Монреале в 1983 году свой камерный оркестр, очень успешно работающий уже 28 лет. С ним он выступает как дирижёр и солист-виолончелист.

Конечно, все эти ансамбли и камерные оркестры возникали в разное время, и эту идею Михаил Никитич Тэриан осуществил на практике лишь спустя пять лет после основания оркестра Баршая. Весной 1962 года нашему Камерному оркестру невероятно повезло – мы приняли участие во встрече студентов Консерватории с приехавшим второй раз в Москву **Иегуди Менухиным**. Здесь уже говорилось о его первом визите в 1945 году и о довольно флегматичной реакции московской публики на его выступления.

Музыкальная Москва 1962 года была совершенно иной. Теперь на концерты Камерного оркестра Рудольфа Баршая невозможно было попасть. Баршай стал близким другом Менухина, который с удовольствием выступал с его камерным оркестром в США, Англии, Франции, Швейцарии и других странах. С этим оркестром он дал незабываемый дневной концерт

в Большом Зале Консерватории. Были исполнены: Концерт Баха для скрипки и гобоя (с гобоистом Е. Непало), Концерт Баха для скрипки ми-мажор, фортепианный Концерт Моцарта с солисткой Хефцибой Менухин, Концерт №5 для скрипки с оркестром Моцарта, и на «бис» - 2-ю часть Концертной Симфонии для скрипки и альта Моцарта, сыгранную Менухиным с самим Баршаем. Уже упоминавшийся здесь участник оркестра Баршая скрипач Игорь Попков, сыгравший много концертов с Менухиным, так рассказывал о своих впечатлениях: «Как только Иегуди прикасается к скрипке, он сразу же оказывается во власти каких-то других, неземных сил...» Эти слова очень точно передают менухинскую ауру, несущую нам послание из иных, заоблачных сфер. Программа встречи со студентами носила характер импровизации. Наш Камерный оркестр исполнил для Менухина Кончерто-гроссо Генделя. Затем на эстраду поднялся Менухин, вынул из футляра скрипку - свой Страдивари «Йоахим» (по имени знаменитого скрипача XIX века, игравшего на ней много лет) и сыграл Концерт Баха для скрипки и камерного оркестра ля-минор. Медленная часть этого сочинения была исполнена Менухиным столь возвышенно, что, находясь рядом с ним на эстраде ощущалось рождение музыкального чуда... Все мы чувствовали потрясение от невыразимо прекрасной по своей глубине и необъятному величию музыки Баха.

Иегуди Менухин исполняет Концерт Баха ля-минор с Камерным оркестром Московской Консерватории, март 1962 года. Дирижёр - профессор. М.Н. Тэриан, слева от Менухина – автор

На бис Менухин сыграл Сонату для скрипки соло Бельи Бартока, написанную по его заказу, ему же посвящённую и часто им исполняемую. В этом монументальном произведении скрипка Менухина звучала словно целый оркестр - как по мощи, так и по колориту различных полифонических голосов.

Сразу после выступления Менухина окружили студенты, профессора. Все просили подписать ноты, книги, что-то ему дарили... Потом Д.М. Цыганов представил меня Менухину и сказал, что я был первым исполнителем в Москве Концерта для скрипки Бартока. Менухин спросил меня, *собираюсь* ли я приехать в Брюссель на Конкурс Королевы Елизаветы? «Было бы очень интересно, если бы вы сыграли там Бартока в финале», - добавил он. Я замаялся и ответил, что это не от меня зависит. Он, как мне показалось, мгновенно понял, о чём идёт речь, и сказал: **«Ну, ничего! Куда-нибудь вы всё-таки поедете!»**. Я был поражён его реакцией и «знанием предмета» (не мог же я ему объяснить, что вот уже несколько лет меня и некоторых моих соучеников не выпускают на международные конкурсы). Профессор Цыганов сделал вид, что ничего не слышал... А Менухин оказался прав - на следующий год «куда-нибудь» я всё-таки поехал - в Будапешт.

Я поблагодарил Менухина за встречу со студентами и подаренное им незабываемое выступление. Интересно, что специальный фотограф снимал всю эту встречу. Снял он и нас троих. Позднее я спросил фотографа, где же тот снимок? Он ответил, что все фотографии получились, кроме той одной - «По техническим причинам», - пояснил он. А может быть кто-то заинтересовался этими фотографиями, поскольку беседа велась без свидетелей и без переводчиков – Менухин ведь достаточно хорошо говорил и понимал по-русски...

После приезда в Нью-Йорк в 1980 году я воспользовался первой же возможностью послушать **Менухина** – случилось это в Карнеги-Холл весной 1982 года. Концерт из произведений Блоха и Бартока был посвящён памяти его сестры Хефцибы – многолетнего партнёра и друга. Как и в Москве в 1962 году, Менухин играл Сонату Бартока для скрипки соло. В Карнеги Холл она звучала так же грандиозно, как и в Малом зале Консерватории в 1962-м, а публика – от молодых японских и корейских скрипачей до пожилых людей, вероятно слушавших Менухина в день его дебюта, – восторженно приветствовала великого музыканта, искусство которого и в 66-летнем возрасте оставалось неувядаемым.

В следующем – 1983-м, меня пригласили сыграть концерт в оркестре Нью-Йоркской Филармонии, которым дирижировал Менухин. Это был благотворительный концерт в фонд иерусалимского госпиталя. Дирижировал Менухин всей программой наизусть. В неё входили: «Адажио» Барбера, Большая

Симфония Шуберта и Концерт для скрипки с оркестром Брамса (солистка Дора Шварцберг)

На этот раз я принёс на репетицию фотографии 1962 года, сделанные во время той памятной встречи со студентами Московской Консерватории и его портрет, висевший у меня на стене 25 лет – сначала в Москве, а потом в Нью-Йорке.

Память Менухина была поразительной: взглянув на фотографии, он вспомнил всё. «Вы знаете, – спросил он, – что Лев Соломонович Гинзбург умер? (известный музыковед, профессор Консерватории – А.Ш.) Я, конечно, знал и напомнил ему о нашем разговоре на эстраде Малого Зала Консерватории. «О, да! – ответил он живо, – я понял ваши проблемы, когда Цыганов назвал ваше имя. Но я рад, что оказался прав – вы, в конце концов поехали на международный конкурс, и особенно рад, что вы работаете в Метрополитен Опере. Дайте-ка я вам напишу на фотографии, что вы мой коллега с 1945 года. Ведь вы тогда уже играли на скрипке, не так ли?» Менухин был очень любезен и, как видно, московские воспоминания доставляли ему удовольствие. Концерт с Нью-Йоркским Филармоническим оркестром прошёл с громадным успехом, но мне было жаль, что он не играл тогда сам.

Тёплым осенним днём 1961 года в Брюсовском переулке навстречу мне шёл приятель по Консерватории - виолончелист Зеленьяк-Кудрейко. Он недавно начал работать в оркестре Баршай и при этой встрече начал меня горячо уговаривать бросить аспирантуру и начать работать в Камерном оркестре. На это неожиданное предложение я сказал, что пока меня никто туда не приглашал, и что наш разговор не выглядит сколько-нибудь серьёзным. «Ты ошибаешься!» – горячо возразил мой приятель. «Я говорил с Рудольфом Борисовичем и он, представь себе, положительно относится к этой идее. Он слышал тебя, когда ты играл Концерт Моцарта с оркестром в Большом зале два года назад и помнит твою игру. Потому-то он отнёсся к моей идее очень положительно. Позвони ему! Договорись о встрече и начинай! Как было бы здорово, если бы мы работали с тобой там!» Я вспомнил, что Баршай действительно присутствовал на генеральной репетиции Большом зале Консерватории в июне 1959 года, когда мы с дирижёром Владимиром Есиповым исполняли Концерт Моцарта. Есипов по-видимому был знаком с Баршаем.

Я сказал тогда своему приятелю, что подумаю и что аспирантура далась мне не так легко, чтобы её запросто можно было оставить – в долгосрочном плане это казалось мне важнее. Я взял номер его телефона, но так ему и не позвонил.

Сегодня у тех, кто был связан с Камерным оркестром Баршя, эта история вызовет улыбку недоверия. В самом деле – как можно было отказаться даже от идеи хотя бы временно поработать с этим замечательным музыкантом, а возможно и упустить такую блестящую возможность – работать в уже прославленном ансамбле, ездить за границу (вот один из важнейших стимулов попыток многих музыкантов попасть в этот ансамбль и закрепиться там на долгие годы!) и не пожертвовать своим аспирантским временем? Да хотя бы поработать там временно?!

Но я понимал совершенно отчётливо, что *этому* оркестру нужно было посвятить *всё* своё время. Репетиции с Баршаем были исключительно длинными, изнурительно трудными, но зато и результаты, показанные на эстрадах лучших залов мира, были впечатляюще убедительными. Качество игры ансамбля было лучшим в СССР в те годы. Таким образом, чтобы работать там, действительно следовало отдавать оркестру всё своё время и силы. Ну, а если по каким-то причинам я вдруг «разонравлюсь» руководителю оркестра, что тогда? Снова проситься в аспирантуру? Будет поздно. Так что я проявил достаточно здравого смысла, чтобы отказаться от такого заманчивого предложения, хотя оно и было выражено на словах. Я никогда не пожалел о своём решении, хотя часто мысленно возвращался к тому дню с вопросом к самому себе: «А если бы я тогда согласился, и всё было бы хорошо?» Но тут же находил ответ – если уж начинать работать в оркестре, то в таком, как Большой театр, Большой Симфонический оркестр Радио, или Госоркестр, потому что эти музыкальные *институты* работали уже десятилетия, пользовались государственной поддержкой и никоим образом ни при каких обстоятельствах не могли быть расформированы. При всём значении и успехе Камерного оркестра Московской Филармонии его существование зависело от работы одного человека – Р.Б. Баршя, а материальная стабильность – *только* от поездок за границу. Всё это вместе взятое заставило меня тогда отказаться от идеи воспользоваться случаем и познакомиться с Рудольфом Борисовичем Баршаем.

И снова улыбку недоверия вызовет то факт, что я, отказавшись от такой блестящей возможности, через месяц-полтора присоединился к Камерному оркестру Консерватории – не имевшему ни зарплаты (кроме оплаты записей на пластинки или нечастых выступлений в абонементных концертах Филармонии), ни заграничных поездок, ни даже подобных перспектив. Кстати, через года два появились и поездки за границу, и большее

количество концертов и, если не изменяет память, даже были учреждены концертные ставки для аспирантов и преподавателей Консерватории – участников Камерного оркестра.

Но главным для меня было то, что *оставаясь в аспирантуре*, я не порывал с игрой хотя бы в камерном составе оркестра, да ещё приобретая опыт концертмейстера, то есть солиста оркестра. Надо сказать, что играть соло *из оркестра* оказалось делом гораздо более трудным, чем играть *с оркестром в качестве солиста*. И этот очень важный опыт я также приобрёл при столь тесном и плодотворном контакте с нашим всеми любимым профессором Михаилом Никитичем Тэрианом.

Репетировали мы в Консерватории три раза в неделю, иногда больше, но это не нарушало моих аспирантских обязанностей и работе по подготовке к дальнейшим музыкальным баталиям, которые рано или поздно должны были привести к желаемому результату – выступлению на одном из международных конкурсов.

Примерно в то же время – осенью 1962 или зимой 1963 года произошло незаметное, но очень важное событие: профессор Консерватории Константин Христофорович Аджемов прочитал лекцию для небольшой группы аспирантов о современном западном искусстве – композиторе Оливье Мессiane, художнике Пауле Клее, новой книге «Великие скрипачи» знаменитого австрийского музыковеда Курта Блаукопфа, коснулся он также системы Шёнберга, творчества Альбана Берга и некоторых других композиторов, а также ряда западных художников и артистов-исполнителей. Он свободно читал немецкие и французские тексты сразу по-русски. Профессор Аджемов сделал для нас две таких лекции. Как ни странно, народу собралось совсем немного. Помню, что я сидел рядом с Володей Ашкенази, был также другой пианист – Фридман, был певец Юрий Мазурок, бывший со мной на одном курсе аспирантуры. Эти лекции оказались бесценными для нашего развития, расширения кругозора и понимания многих аспектов современного западного искусства. Позднее, каждый раз встречая Константина Христофоровича, я всегда ему напоминал о тех лекциях и огромной пользе, которую они нам принесли.

Как-то зимой 1962 года Виктор Сергеевич Смирнов - друг нашей семьи, так поддержавший отца вскоре после его изгнания с работы в сентябре 1950 года, теперь протянул руку помощи и мне. Виктор Сергеевич был в это время руководителем оперной студии Московской Филармонии. Он часто встречался с отцом, так как тоже работал дирижёром в оркестре Кинематографии и был в

курсе всех моих дел. Он предложил мне выучить две популярные пьесы Шостаковича в его обработке для скрипки и фортепиано – «Романс» и «Народный танец» из музыки к фильму «Овод» - для выступлений в детских концертах Московской Филармонии, предварительно договорившись в Концертном бюро Филармонии о назначении меня на ближайшие концерты-лекции для детей в общеобразовательных школах, посвящённые музыке Шостаковича.

Специфика работы в Концертном бюро заключалась в том, что практически большинство концертов шли без предварительных репетиций. В них участвовали достаточно квалифицированные солисты: вокалисты, скрипачи, виолончелисты, артисты-чтецы и даже актёры драматических театров. Всё это вместе объединял лектор, ведущий такие концерты. Темы концертов, впрочем, были совершенно разными: тут были концерты, посвящённые композиторам-классикам (чаще всего русским – Чайковскому, Римскому-Корсакову, Глинке, реже Моцарту, Бетховену), виртуозной музыке разных стран и эпох, каким-нибудь памятным датам, а в середине 60-х даже молодым исполнителям – лауреатам международных и всесоюзных конкурсов (в такой абонемент после 1963 года был включён и я).

Встреча с Иегуди Менухиным. Март 1962 года. Слева направо: Проф. Л.С. Гинзбург, проф., Д.М. Цыганов, Иегуди Менухин, проф. А.Г. Григорян. Во втором ряду виден профессор М.Б. Питкус – позади Л.С. Гинзбурга, между Цыгановым и Менухиным – автор, позади Цыганова голова М.Н. Тэриана

Сыграв несколько таких «детских концертов», меня стали приглашать выступать в концертах для взрослой аудитории, включая такие залы, как Дома учёных, Колонный зал Дома Союзов, Московского Университета и т.д. Заведующей детским

отделом была **Зинаида Ермолаевна Евтушенко** – бывшая певица и мама прославленного поэта. Главным редактором «взрослых концертов» была тоже бывшая певица - Софья Ивановна Вальд, жена альтиста Госоркестра Смирнова и мать моей соученицы, впоследствии известной арфистки Марины Смирновой. Музыкальный мир был тесен!

Постепенно я участвовал во всё большем количестве концертов, встречаясь там с такими солистами, как пианисты Наум Штаркман и Лазарь Берман, известными певцами – солистами Радио, Большого театра и Филармонии. Это уже был мир профессиональной работы в столичной Филармонии и постепенно как бы сама собой создавалась репутация среди коллег, администраторов и редакторов Концертного бюро. Мне очень нравилось всё, что было связано с таким видом концертной работы, и я в общей сложности проработал в Филармонии 17 лет – до самого отъезда из Москвы в ноябре 1979 года, в последний раз выступив на концерте 30 октября – за несколько недель до отлёта из Москвы.

Начало работы в Филармонии как-то компенсировало «шлагбаум» на пути к Конкурсу им. Венявского летом 1962 года. Осенью того же года мы встретились на прогулке в Серебряном Бору с профессором Львом Соломоновичем Гинзургом. Он настойчиво советовал мне и моему отцу не отчаиваться и верить, что всё ещё как-то образуется с моим участием в конкурсах – «Вы увидите, - что именно так и случится! Ещё есть в запасе целый год – а это большое время. Верьте, что всё уладится!» Мы были благодарны Льву Соломоновичу за его такой хороший прогноз на будущее, но, честно говоря, этому верилось с трудом. А Лев Соломонович оказался пророческим! Через год с небольшим, мы встретились с ним в Будапеште!

Виктор Юзефович
«Многоуважаемый
Николай Густавович...»

Письма А.Н. Скрябина к Н.Г. Струве

ак начинает А.Н. Скрябин каждое из 20 своих писем к директору Российского музыкального издательства Н.Г.Струве. Считавшиеся утерянными, они затерялись в пребывавшем долгие годы неразобранном необозримом Архиве Сергея Кусевицкого в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне. Письма охватывают период с 1909 по 1912 годы. Они были, вероятно, переданы в свое время С.А. Кусевицкому самим Н.Г. Струве летом 1920 года при встрече в Париже.

Личность Николая Густавовича Струве (1875-1920) внушала неизменное уважение А.Н. Скрябину, С.А. Кусевицкому и многим другим русским музыкантам, тесно общавшихся с ним. Выходец из семьи русских дипломатов, сын генерал-майора, талантливого инженера и предпринимателя Густава Струве и баронессы фон Остен-Дризен, Н.Г. Струве воспринял от матери любовь к музыке, учился, как в свое время и она, в Дрезденской консерватории, закончил ее как композитор, издавал свои сочинения в Германии¹.

В Дрездене в доме Н.Г. Струве бывали многие деятели немецкой культуры. В зимние месяцы 1906-1907, 1907-1908 и 1908-1909 годов, которые проводил в Дрездене С.В. Рахманинов, где он завершил партитуру Второй симфонии (1908), Н.Г. Струве скрашивал его одиночество. Именно ему посвятил

¹ В 2009 году по инициативе Международного союза немецкой культуры в Петербурге, Таллинне, Риге, Коломне и Москве состоялись вечера «Композитор Николай фон Струве, известный и неизвестный».

С.В. Рахманинов написанную здесь же, в Дрездене, симфоническую поэму «Остров мертвых» (1909). Н.Г. Струве, в свою очередь, посвятил С.В. Рахманинову свой вокальный цикл «Наброски».

Вскоре после учреждения С.А. Кусевицким в 1909 году Российского музыкального издательства Н.Г. Струве был приглашен по совету С.В. Рахманинова как управляющий делами РМИ. И хотя должность его не именовалась в ту пору директорской, он был по сути дела руководителем издательства, как писал А.В. Оссовский, его душой, взвалил на свои плечи все заботы по переписке и переговорам с композиторами, по связям между и берлинской конторой РМИ, лейпцигской типографией Редера, издательскими нотными магазинами на Кузнецом мосту в Москве и на Большой Морской улице в Петербурге. К тому же - одним из наиболее активных членов Совета РМИ, созданного С.А. Кусевицким для решения о принятии к публикации новых музыкальных сочинений. «...преданность Струве новому начинанию, его горение интересами издательства были безграничными», - вспоминал тот же А.В. Оссовский².

В мае 1913 года в Берлине у Н.Г. Струве произошло сближение Рахманинова с Н.К. Метнером, с которым подружился и сам Николай Густавович, не раз бывавший позднее в его московском доме.

В декабре 1917 года вместе с С.В. Рахманиновым и его семьей Н.Г. Струве уезжал из России. Ехали поездом из Петрограда через Финляндию и Швецию в Данию. Здесь жила семья Н.Г. Струве, здесь, в пригороде Копенгагена, поселились и Рахманиновы. Летом 1918 года вместе снимали дачи в Шарлоттенлунде.

Дружба музыкантов продолжалась до самой трагической гибели Н.Г. Струве, убитого 3 ноября 1920 года в Париже лифтом. «Смерть его окончательно сразила меня, – писал С.В. Рахманинов сыну Николаю Густавовича, – если вы осиротели, то осиротел и я также. Это был мой верный и к тому же единственный друг»³.

² А.В. Оссовский. С.В. Рахманинов. // Воспоминания о Рахманинове. Составление, редакция, комментарии и предисловие З. Апетян. Москва: «Музыка», 1974. Т. 1. С. 379.

³ Сергей Рахманинов – Николаю Николаевичу Струве, 9 ноября 1920, Нью-Йорк. // С. Рахманинов. Литературное наследие. Т. 2. Письма. Москва: «Советский композитор», 1980. С. 110.

Для С.А. Кусевицкого смерть Н.Г. Струве также была огромной потерей. Н.Г. Струве разделял сделавшееся главной миссией РМИ стремление познакомить широкую публику с творчеством современных русских композиторов. Подобная ориентация издательства шла вразрез с какими бы то ни было коммерческими интересами. Именно поэтому, как писала секретарь «Концертов С. Кусевицкого» Л.Ф. Рыбникова, при всей убыточности этих концертов, они стоили им «...сущие пустяки по сравнению с Российским музыкальным издательством, куда было вложено несколько миллионов и кроме того ежегодно вносились колоссальные суммы»⁴.

На долю Н.Г. Струве выпала нелегкая миссия сохранения издательства в годы Первой мировой войны. Приступая к работе в РМИ, он не мог, конечно, предположить, как не предполагали и учреждавшие издательство С.А. Кусевицкий и С.В. Рахманинов, что юридическая регистрация его в Берлине скажется на его судьбе впоследствии не только позитивно, как гарантия охраны авторских прав русских композиторов⁵, но и поистине драматически. В годы Первой мировой войны РМИ оказалось на вражеской территории. Пережить пришлось сначала конфискацию германскими властями гравировальных досок РМИ, вынужденное расставание с типографией и перевод всех изданий в московскую типографию Гроссе, которая однако, как и многие другие учреждения и магазины, владельцами которых были немцы, оказалась в мае 1915 года разгромленной националистически настроенными молодчиками. «Все дела <...> сильно осложнились и частью должны были замереть на время, – пророчески писал Н.Г. Струве. <...>. – И впереди всё ещё новые и новые тучи»⁶.

⁴ Любовь Рыбникова. Из воспоминаний. Машинопись. – ГЦММК имени Глинки, ф. 303 [С.А. Кусевицкий], ед. хр. 76. С. 7.

⁵ Пользуясь тем, что, Россия не была членом Бернской конвенции по охране авторских прав, западные концертные и оперные менеджеры ничего не платили композиторам за исполнение их музыки, а западные издатели - за публикацию их произведений. Заключенная первоначально в 1876 году в Берне между 11 странами, она неоднократно (вплоть до 1971 года) пересматривалась, росло и число ее участников (ныне – более 100 стран). Конвенция базируется на равенстве прав автора и идентичности их защиты во всех странах-участницах.

⁶ Николай Струве - Игорю Стравинскому, 14(27) августа 1915, Москва. - Цит. по кн.: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Материалы к биографии. Том II. 1913-1922.

Н.Г. Струве поддержал С.А. Кусевицкого в его решении приобрести издательство «А. Гутхейль», контора которого на Кузнецком мосту также оказалась разгромленной. «Гутхейль предложил нам купить его фирму, – писал он в те дни. – Вопрос этот очень интересный и серьезный...»⁷. Теперь Н.Г. Струве возглавил оба издательства С.А. Кусевицкого. «...с переходом к нам гутхейлевского дела делов – удесятерилось», – признавался он⁸.

Хорошо известна неопенимая роль С.А. Кусевицкого в пропаганде творчества А.Н. Скрябина. В начале июня 1908 года С.А. Кусевицкий специально отправляется в Лозанну, чтобы познакомиться с А.Н. Скрябиным. Завершив «Поэму экстаза» и Пятую фортепианную сонату, композитор действительно находился на трудном переломе жизненного пути. «Скрябин сказал мне, – говорил позднее С.А. Кусевицкий, – что давно задумал грандиозное сочинение, "Мистерию", за которую уже частью взялся, но обстоятельства не дают ему возможности сосредоточиться на крупном и заставляют писать мелочи. Если бы ему обеспечить несколько лет спокойной работы, он закончил бы «Мистерию», – самое большое в пять лет. Он хотел поэтому, чтобы издательство дало ему такое обеспечение, – по 5 000 рублей в течение пяти лет. За это он будет давать издательству мелкие пьесы и, когда "Мистерия" будет готова, она также будет отдана Российскому музыкальному издательству. На все это я согласился тут же»⁹.

Обещанное С.А. Кусевицким ежегодное содержание в 5 000 рублей (по тем временам, приблизительно \$2 500) более чем вдвое превышало сумму, которую даровала тому опекавшая его меценатка М.К. Морозова. Не получал он и половины этих денег даже в лучшие времена и от Издательства М. Беляева.

Составление, текстологическая редакция и комментарий
В. Варунца. Москва: "Композитор", 2000. С. 337.

⁷ Николай Струве – Александру Оссовскому, 7 июля 1915, Москва. - Кабинет рукописей РИИИ, ф. 22 [А.В.Оссовский], оп. 1, ед. хр. 172.

⁸ Николай Струве – Игорю Стравинскому, 14 [27] августа 1915, Москва. - В кн.: И.Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Материалы к биографии. Том 2. 1913-1922. Составление, текстологическая редакция и комментарий В.Варунца. Москва: "Композитор", 2000. С. 337.

⁹ Цит. по ст.: Юлий Энгель. «А.Н.Скрябин. Биографический очерк», «Музыкальный современник», 1916, № 4-5. С. 71

Л.Л. Сабанеев напишет позднее, что С.А. Кусевицкий «...пришёл как "легендарный принц", подобно тому, как некогда к бедствующему и изгнанному Вагнеру явился посланец Людовика II Баварского»¹⁰. С.А. Кусевицкий, в свою очередь, обрёл в лице А.Н. Скрябина - и для будущего РМИ, и для своих будущих концертов - композитора и пианиста, который сделается вскоре подлинным кумиром России.

Наряду с С.И. Танеевым, А.Н. Скрябин сделался одним из первых авторов РМИ, где были опубликованы его сочинения от ор. 52 (Три пьесы для фортепиано) до ор. 64 (Седьмая фортепианная соната). Небывалый по тем временам гонорар, который композитор получал в РМИ, позволил ему завершить партитуру «Прометей», впервые представленную С.А. Кусевицким в Москве в 1911 году.

А.Н. Скрябин стал членом Совета РМИ по оценке и приему к публикации новых музыкальных произведений. Как пианист, он не раз выступал в «Концертах С. Кусевицкого» в Москве, участвовал летом 1910 года в волжском турне его оркестра. На правах близкого друга Сергея и Наталии Кусевицких композитор не раз бывал в его московском особняке в Глазовском переулке, некоторое время жил в нем. И тем более неожиданным сделался весной 1911 года конфликт между музыкантами, который привел к полному разрыву их отношений.

Подобно С.В. Рахманинову до него, И.Ф. Стравинскому и С.С. Прокофьеву после, А.Н. Скрябин неизменно доверял Н.Г. Струве. Он высоко ценил его профессионализм и художественный вкус.

«Мне было очень приятно, что “Экстаз” Вам понравился, надеюсь, что и “Прометей” Вам доставит несколько приятных минут»¹¹, – пишет он ему.

«Относительно присланных Вами сочинений Вы верно угадали мое мнение»¹².

Первые из публикуемых писем А.Н. Скрябина к Н.Г. Струве относятся ко времени, предшествовавшему его разрыву с С.А. Кусевицким. Потеряв контракт с французским издателем Э. Фромоном, еще в 1907 году пытавшимся заполучить к себе композитора, он сообщает из Брюсселя, что намеревается

¹⁰ Леонид Сабанеев. Воспоминания о Скрябине. Москва: «Классика-XXI», 2000. С. 99.

¹¹ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 19 декабря 1909, Брюссель.

¹² А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, без даты [1909].

написать Сергею Александровичу, у которого был оставлен им предположительно этот контракт¹³.

«Мы с Сергеем Александровичем были в Париже у Фромона, и он сказал нам, что не выдаст оставшиеся экземпляры прежде чем контракт не будет уничтожен, а сделать это нужно в Париже»¹⁴.

Разговор о собственных произведениях и их издании в РМИ становится, естественно, основной темой писем Скрябина к Струве.

«Будьте великодушны и не сердитесь, если я задержу ее, – пишет он относительно пьесы, обещанной Струве для Альбома пьес русских композиторов. – Все это время я чувствую себя не совсем хорошо и мне очень, очень трудно заставить себя что-нибудь сочинять. Я постараюсь сделать это как можно скорее и тогда тотчас вышлю»¹⁵.

Как сказано в одном из последующих писем А.Н. Скрябина, «Листок из альбома» (“Feuille”) был завершен им в июне 1909 года и тотчас послан в РМИ¹⁶. Тем самым снимаются все прежние сомнения относительно даты написания¹⁷ и времени присылки данного сочинения в РМИ¹⁸.

¹³ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, без даты [1909]. Как и все последующие письма А.Н. Скрябина к Н.Г. Струве, это письмо адресовано в берлинскую контору РМИ – Дессауэр штрассе, 17 (Dessaauer Strasse, 17). Помечен обратный адрес: Брюссель, 45, Улица Реформы, 45.

¹⁴ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 22 мая [1909], Брюссель.

¹⁵ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, без даты [1909].

¹⁶ См.: А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 17 июня 1909, Брюссель.

¹⁷ В списке сочинений А.Н. Скрябина автор монографии о композиторе В.В. Рубцова атрибутирует «Листок из альбома» 1911 годом, хотя и сопровождает эту дату знаком вопроса. См.: В.В. Рубцова. Александр Николаевич Скрябин. Москва: «Музыка», 1989. С. 434.

¹⁸ Исследователь творчества и издатель переписки А.Н. Скрябина А.В. Кашперов утверждал, что «Листок из альбома» ор. 58, подобно “Поэме-ноктюрну” ор. 61, Шестой сонате, ор. 62, поэме «Маска» и «Странности» ор. 63 и Седьмой сонате ор. 64, была передана А.Н. Скрябиным издательству после 10/23 августа 1911 г. См.: Комментарий к письму А.Н. Скрябина к М.А. Пресману от 10/23 сентября 1911, Москва // А. Н. Скрябин. Письма. Сост. и ред. А.В. Кашперова. Москва: «Музыка», 2003. С. 579.

Из других писем А.Н. Скрябина очевидно стремление, присущее, впрочем, каждому композитору, видеть свои сочинения изданными.

«Так как я очень дорожу тем, чтобы мои сочинения как можно скорее увидели свет, то очень прошу Вас не задерживать присылку корректуры»¹⁹.

Невольно вспоминаются куда более настойчивые и эмоциональные письма, которыми будет бомбардировать впоследствии директоров РМИ Э.А. Эберга и Г.Г. Пайчадзе С.С. Прокофьев. Но вот всегдашней неудовлетворенности С.С. Прокофьева обложками изданий РМИ А.Н. Скрябин не разделял.

«Очень Вам благодарен за присылку сонаты в новом издании, – пишет он Н.Г. Струве, получив переизданную РМИ Пятую сонату, которую первоначально он опубликовал в 1908 сам²⁰. – Обложка вышла очень стильная, не правда ли?»²¹.

Правда, куда более требовательным оказался композитор при подготовке к выходу в свет партитуры «Прометея». Большинство изданий РМИ выходило в обложках, эскиз для которых был выполнен Иваном Билибиным в присущей ему манере стилизации под славянскую старину. Одинаковая обложка не могла, конечно, соответствовать различной по стилю музыке, публикуемой издательством. По настоятельной просьбе А.Н. Скрябина обложка к «Прометею» была заказана С.А. Кусевичем бельгийскому художнику и поэту, символисту и теософу Жану Дельвилю, в живописи и поэзии которого композитор находил много близкого себе. Дельвиль выполнил обложку в огненно-оранжевой гамме цветов, поместив в центре мистическое изображение двуполого существа – андрогена с вытаращенными глазами, которые должны были символизировать волю.

«Обложку, установленную Дельвилем, конечно, нельзя не принять, хотя мне лично краски кажутся не достаточно прозрачными, – писал А.Н. Скрябин Н.Г. Струве. – Цвет букв мне совсем не нравится, слишком он красен. По-моему буквы должны едва выделяться, быть почти незаметными. С шрифтом тоже я никак не могу примириться. На белом экземпляре без красок он был лучше тем, что буквы не были так сплюснуты. Да и вообще,

¹⁹ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, без даты [между 2 сентября и 6 октября 1912], Генваль, близ Брюсселя.

²⁰ В монографии о А.Н. Скрябине Альфреда Свана дата издания Пятой сонаты в РМИ ошибочно помечена 1911 годом.

²¹ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 11 июля 1909, Брюссель.

не лучше ли сделать обложку без красок? Сегодня же я напишу по этому поводу и Дельвилю, а пока оставим этот вопрос открытым»²².

А полтора месяца спустя сообщит Н.Г. Струве:

«Что касается обложки, то Дельвиль одобрил выбранный Вами формат, цвет. Так и порешили»²³.

Работа над «Прометеем» - особенно интересная тема писем А.Н. Скрябина к Н.Г. Струве. Извиняясь 25 ноября 1909 года за позднюю отправку присланных ему для рецензии сочинений, он пишет:

«...я все это время страшно занят, работаю с утра до ночи над партитурой “Прометей»»²⁴.

А уже менее чем через месяц извиняясь за то, что не отвечал на письмо Н.Г. Струве потому что не знал, когда сумеет закончить партитуру «Прометей», сообщает:

«Теперь же я могу вам сказать, что через 10-12 дней вышлю ее, куда вы захотите. (Может быть прямо в Лейпциг) хотя, во избежание недоразумений, лучше даже я пришлю ее в издательство. На печатание имеется времени не много, как Вы знаете, концерт в Петербурге уже в начале нашего (русского) февраля, так что необходимо очень торопиться»²⁵.

Работа над «Прометеем» потребовала однако от композитора гораздо больше времени, чем он предполагал. Объявленная уже С.А. Кусевичким на 10 февраля 1910 года премьера «Прометей» была отложена. Наконец, в начале сентября Н.Г. Струве получает от А.Н. Скрябина письмо, в котором читает:

«Вчера я отвез в издательство “Прометей”. Партитура написана очень разборчиво и граверам не представит никаких затруднений, лишь только нужно обратить внимание на то, чтобы верно были выставлены ключи. Хотя я и раньше в своих партитурах, кроме необычных, ключей не выставлял, но все же я боюсь какого-нибудь недоразумения по этому поводу и потому прошу Вам не отказать обратить на это внимание корректора, которому будет передана рукопись перед ее напечатанием (кажется, это всегда так делается). Он же может, если это необходимо, перед каждой строкой выставить обычный ключ. (на самих строчках в рукописи не всегда есть место). На всякий

²² А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 27 сентября 1910, Москва.

²³ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 13 ноября 1910, Москва.

²⁴ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 25 ноября 1909, Брюссель.

²⁵ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 19 декабря 1909, Брюссель.

случай сообщаю Вам, что для тромбонов (I и II), кроме тех мест, где уже имеется другой ключ, нужно всегда ставить (на пяти строках нарисован теноровый ключ. – В.Ю.), а для фагота (на пяти строках нарисован басовый ключ).

Кроме того нужно принять во внимание следующее. Строка, носящая название Lumière, должна быть напечатана на некотором отдалении от флейт или же иметь другой цвет или же, наконец, другой размер нот – вообще должна отличаться от других строк.

Под строчками голосов хора должно быть оставлено достаточно места для текста, т.е. собственно для слова, которое будет вписано в корректуру. Вот, кажется, все. Да, не лучшие ли перевести слово Lumière на итальянск[ий] яз[ык], т.к. все названия инструментов у меня обозначены по-итальянски. У меня нет под рукой лексикона, и я боюсь неправильно написать это слово по-итальянски...»

«P.S. Я забыл сказать Вам о колокольчиках: для них опять-таки кроме означ[енных] мест нужен (на пяти строчках нарисован скрипичный ключ. – В.Ю.)»²⁶.

Через три дня композитор напишет Н. Г. Струве, что на первой странице партитуры «Прометей» забыл выставить скрипичный ключ в строке для "lumière"²⁷.

Месяц спустя Н.Г. Струве сообщал А.Н. Скрябину из Берлина, что «Прометей» отдан в типографию. Тем не менее из печати партитура и оркестровые голоса вышли только в 1913 году. После первых исполнений симфонии весной в Москве и Петербурге композитором «...были сделаны некоторые изменения, затем две корректуры всего материала, на что потребовалось много времени»²⁸.

В том же письме, в котором А.Н. Скрябин обсуждал с Н. Г. Струве обложку к «Прометей», он писал:

«Письмо Ваше я получил. Искренне благодарю Вас за хлопоты и спешу ответить Вам на все предложенные Вами вопросы:

«1. Формат партитуры для больших страниц, содержащих более 40 строк, вполне подходящий; только, принимая во внимание, что таких страниц будет не более 20, 25,

²⁶ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 5 сентября 1910, [Москва].

²⁷ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 8 сентября 1910, [Москва].

²⁸ Н. Г. Струве – А.В. Оссовскому, 19 августа (1 сентября) 1911, Берлин. – Кабинет рукописей РИИИ, ф. 22 [А.В. Оссовский], оп. 1, ед. хр. 172. Л. 9.

я опасуюсь, чтобы остальные не выглядели пусто, но что делать?!»²⁹.

Далее, после помеченного пунктом 2 и цитированного выше разговора об обложке к партитуре «Прометея», композитор продолжает:

«3. Корректуру будьте так любезны выслать в 2-х экземплярах. Задержу ее я не долго!

4. Относительно строчки “Лице” я согласен.

5. Партия фортепиано должна быть отпечатана, как партия каждого оркестрового инструмента, напр. Арфы, нужно только (одно слово неразборчиво) больше реплик. Переложение будет сделано мною в неопределенном будущем однако (нрзб) не должно задерживать издание партитуры.

6. Относительно текста Вы меня не совсем поняли; будет собст[венно] не текст, а одно санскритское слово, которое я и впишу в партитуру»³⁰.

В октябре 1910 года Скрябин держал корректуру «Прометея».

«Посылаю Вам корректуру, которую, кажется, продержал с большим вниманием, - писал он Н.Г. Струве, - но все же необходимо будет повторить»³¹.

Повторная корректура вовсе не была для А.Н. Скрябина формальностью. Он нуждался в ней только в исключительных случаях. Посылая, к примеру, корректуру «Листка из альбома» заведующему Московской конторой РМИ Ф.И. Гришину для отправки в Берлин, он пишет:

«Будьте любезны написать Николаю Густавовичу Струве, что если все ошибки будут исправлены, то второй корректуры этого сочинения можно не высылать»³².

Аналогичное письмо, на этот раз к самому Н.Г. Струве, касалось фортепианных пьес ор. 61 и 63.

«Посылаю Вам корректуры, очень тщательно мною продержанные, - писал композитор. - Если все, что означено на полях, будет внесено, то можно прямо приступить к печатанию - но только, конечно, при этом условии»³³.

В том же письме композитор вопрошает:

²⁹ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 27 сентября 1910, Москва.

³⁰ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 27 сентября 1910, Москва.

³¹ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 13 ноября 1910, Москва.

³² А.Н. Скрябин - Ф.И. Гришину, 9 декабря 1910, Москва.

³³ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 10 ноября 1912, Москва.

«Напишите пожалуйста, почему до сих пор нет 2-й корректуры Прометей?».

Любопытной предстает из писем А.Н. Скрябина история с фортепианным переложением «Прометей».

«Я был очень удивлен узнать о присланном Вам переложении “Прометей”, которое конечно не нужно издавать, так как переложение это буду делать я сам, как и было решено ранее, - пишет он Н.Г. Струве. – Примите мою искреннюю благодарность за предупреждение. С Сергеем Александровичем я подробно не мог говорить об этом вопросе, т.к. он еще (одно слово нерзб.), но из разговора по телефону с Натальей Константиновной я понял, что и для них это недоразумение. Изменений в партитуре я не делал, но есть кое-какие (одно слово нерзб.) и недостающие обозначения, которые взял на себя внести 2-н Бихтер»³⁴.

Авторскому фортепианному переложению «Прометей» не суждено было однако появиться.

«Переложение “Прометей” я просил сделать Л.Л. Сабанеева, т.к. сам не имею решительно ни минуты свободного времени», – напишет А.Н. Скрябин в ноябре 1912 года³⁵. Была ли на самом деле нехватка времени истинной причиной тому или композитор охладел к этой работе над переложением «Прометей» остается неизвестным.

Сразу же после конфликта между А.Н. Скрябиным и С.А. Кусевицким Н.Г. Струве получил от композитора следующее письмо:

*«Многоуважаемый Николай Густавович,
Прошу Вас не отказать в любезности известить Совет о том, что по независящим от меня обстоятельствам я лишен возможности продолжать мою работу в издательстве в качестве члена жюри.*

*Примите уверение в моем совершенном уважении,
А.Скрябин»³⁶.*

Суть финансового конфликта между сторонами заключалась, напомним, в следующем. А.Н. Скрябин был убежден, что обещанные ему С.А. Кусевицким ежегодные, на протяжении пяти лет, 5 000 рублей являют собой такую же безвозвратную пенсию, каковой была финансовая поддержка, которую он получал прежде от спонсировавшей его М.К. Морозовой. «Так как

³⁴ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 14 марта 1911, Москва.

³⁵ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 10 ноября 1912, Москва.

³⁶ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 14 мая 1911, Москва.

наши дец[ежные] счета мог[ут] быть окончены в марте³⁷, – писал он С.А. Кусевицкому в письме, черновик которого сохранился и был опубликован в томе переписки композитора, – то я и буду до этого числа (оконч[ательного срока]) мои соч[инения] отдавать в [Российское музыкальное] издат[ельство], а с первого [апреля] буду счит[ать] себя свобод[ным]»³⁸.

Позиция Кусевицкого была иной. Он утверждал, что в соответствии с устной договоренностью с А.Н. Скрябиным, сочинения композитора и после пятилетнего срока будут издаваться в РМИ. «Отсутствовать это условие в нашем договоре не могло уже потому, – писал он А.Н. Скрябину, – что эти пять лет, в которые ты получаешь обеспечение в размере 5 000 рублей в год (хотя со дня основания РМИ прошло к тому времени не полных три года, первое сочинение, переданное А.Н. Скрябиным С.А. Кусевицкому – Три пьесы для фортепиано op. 52 – датировано 1907 годом. – *В.Ю.*), дают тебе возможность работать над произведениями, которые могут быть оконченными только впоследствии и, конечно, должны бы быть изданными в Российском музыкальном издательстве»³⁹.

Из сказанного делался вывод, что в новых условиях, создавшихся после конфликта между А.Н. Скрябиным и ним, композитор оставался ему должен 13 500 рублей, которые должны быть им компенсированы. С.А. Кусевицкий предлагал выработать через посредничество Н.Г. Струве «...условие, уравнивающее положение обеих сторон»⁴⁰. «Я указываю именно на Н.Г., – подчеркивал Кусевицкий, – так как он единственное лицо, которому был известен наш устный договор»⁴¹.

³⁷ Называя мартовский срок, композитор исходил, вероятно, из даты учреждения РМИ 25 марта 1909 года.

³⁸ А.Н. Скрябин – С.А. Кусевицкому, 16/29 мая [1911, Москва] // А. Н. Скрябин. Письма. Сост. и ред. А.В.Кашперова. Москва: «Музыка», 2003. С. 569.

³⁹ С.А. Кусевицкий – А.Н. Скрябину, 10 августа 1911, Москва // А. Н. Скрябин. Письма. Сост. и ред. А.В.Кашперова. Москва: «Музыка», 2003, С. 573.

⁴⁰ С.А. Кусевицкий – А.Н. Скрябину, 10 августа 1911, Москва // А. Н. Скрябин. Письма. Сост. и ред. А.В.Кашперова. Москва: «Музыка», 2003, С. 573.

⁴¹ С.А. Кусевицкий – А.Н. Скрябину, 10 августа 1911, Москва // А. Н. Скрябин. Письма. Сост. и ред. А.В.Кашперова. Москва: «Музыка», 2003, С. С. 573- 574.

Н.Г. Струве пытался изменить решение Скрябина. «Почти трехлетняя работа на пути развития дела издательства с его основания связывает Вас с этим учреждением, – писал он композитору в июне 1911 года, – и я не могу себе представить, чтобы из-за обстоятельств, не имеющих прямого прикосновения к Вашей деятельности в издательстве, к Вашим отношениям к ним, могла бы порваться эта связь. По-моему, нельзя согласиться с тем, чтобы из-за личных отношений людей, работающих в одном учреждении на пользу общественного дела, могло бы страдать это дело...»⁴².

Поскольку позиции конфликтующих музыкантов не изменились, Н.Г. Струве писал А.Н. Скрябину в сентябре 1911 года о необходимости завершить переговоры относительно издания Шестой и Седьмой сонат и ор. 59, 61 и 63 и о нежелании С.А. Кусевицкого принять гонорар композитора – 3 000 рублей – в счет погашения его долга⁴³.

Приводя строки из этого письма, А.В. Кашперов комментирует сложившуюся ситуацию замечанием о том, что «...окончательная судьба этих финансовых расчетов неизвестна, так как никаких документов по этому поводу найти не удалось»⁴⁴. Письма А.Н. Скрябина к Н.Г. Струве, ставшие теперь известными нам, хотя и не ставят последнюю точку в этом вопросе, свидетельствуют тем не менее, что и после получения упомянутого письма Н.Г. Струве А.Н. Скрябин наотрез отказывался изменить свою позицию.

«Обе сонаты, – писал он о Шестой и Седьмой сонатах в апреле 1912 года, – а также шесть небольших вещей для ф[орте]п[иано] я надеюсь окончить недели через три»⁴⁵.

Уехав в середине мая за границу, посылает вскоре Н.Г. Струве открытку, в которой сообщает, что *«...б-я соната, Поэма и 4 небольших соч[инения] для ф[орте]п[иано] посланы мною на днях в Росс[ийское] Муз[ыкальное] Издательство, через*

⁴² Николай Струве – Александру Скрябину, 8 июня 1911, Берлин. – Кабинет рукописей РИИИ, ф. 22 [А.В.Оссовский], оп. 1, ед. хр. 231.

⁴³ Письмо Н.Г. Струве – А.Н. Скрябину от 10/23 сентября цит. по: А.Н. Скрябин. Письма. Сост. и ред. А.В.Кашперова. Москва: «Музыка», 2003, С. 574.

⁴⁴ С.А. Кусевицкий – А.Н. Скрябину, 10 августа 1911, Москва // А. Н. Скрябин. Письма. Сост. и ред. А.В.Кашперова. Москва: «Музыка», 2003, С. С. 573- 574.

⁴⁵ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 19 апреля 1912, Москва.

неделю будет отправлена и 7-я соната, кот[орая] переписывается»⁴⁶.

Письмо, присланное А.Н. Скрябиным из Швейцарии осенью 1912 года, не могло, думается, не удивить Н.Г. Струве: указанные в нем даты окончания и передачи в РМИ названных сочинений расходились с сообщенными в двух прежних письмах композитора.

«Что же касается Вашего вопроса о деньгах, – читал Н.Г. Струве, – то напомню Вам, что считаю присланные мною в Издательство сочинения законченными до 1 марта, а потому должествующими быть напечатанными на тех же основаниях, как и другие мои произведения, изданные в Росс[ийском] Муз[ыкальном] Издательстве; следовательно с гонораром за них следует поступить также, как и с гонораром за другие сочинения. <...>

Ни в какие новые отношения с Росс[ийским] Муз[ыкальным] Издательством я вступить не могу, – писал далее композитор, – так как имею, что Вам известно, еще с зимы, с 1-го марта нового издателя в лице братьев Юргенсонов, которые были мною также предупреждены относительно передачи мною в Росс[ийское] Муз[ыкальное] Изд[ательство] вышеупомянутых сочинений с опозданием. Итак, пожалуйста, денег мне не высылайте, потому что принять их я не могу. При свидании я воспроизведу вам наш разговор, который Вы не совсем хорошо помните (относительно процентов). А до тех пор не лучше ли нам воздержаться от деловой переписки, утомительной для нас обоих. Если же Вы захотите сообщить что-нибудь о себе, то доставите огромное удовольствие»⁴⁷.

Петр Юргенсон – отец нынешних владельцев фирмы – был первым издателем А.Н. Скрябина, который выпустил в свет несколько его ранних фортепианных сочинений – ор. 1, Вальс f moll; ор. 2, Три пьесы; ор. 3, 10 мазурок; ор.5, Два ноктюрна; и ор. 7, Два экспромта в форме мазурки (все – 1893). После возвращения композитора к Юргенсонам ими были в 1913-1914 годах изданы его последние десять сочинений, все для фортепиано, начиная с ор. 65 и до ор. 74.

⁴⁶ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, [май 1912, Беатенберг, Швейцария]. Почтовая карточка.

⁴⁷ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 2 сентября 1912, Беатенберг, Швейцария.

Одна из главных тем писем Скрябина к Струве, помимо собственного творчества и издания своих сочинений - работа композитора как члена Совета РМИ. В одном из писем он признается, насколько сложна для него взятая им на себя миссия.

«Если бы вы только знали, как мне трудно высказываться относительно присланных Вами произведений!», – пишет он⁴⁸. Мотивируя сказанное, добавляет:

*«Дело в том, что у меня еще не установлена точка зрения, а от таковой зависит главным образом приговор»*⁴⁹.

Под "точкой зрения" А.Н. Скрябин подразумевал меру строгости критериев. Очень непросто было ему, отвечая на вопрос о целесообразности публиковать сочинение того или иного композитора, писать "нет". (По традиции, установленной в основанном в Берлине издательстве, отрицательный отзыв о сочинении помечался буквой "G", что означало "Gegen", "против").

Получая из издательства новые сочинения, А.Н. Скрябин внимательно знакомился с ними, проигрывал их по несколько раз, не торопясь с окончательными суждениями.

«На днях я сообщу Вам свое мнение о присланных Вами сочинениях...», – пишет он Н.Г. Струве⁵⁰. Главное требование, которое выдвигал А.Н. Скрябин к партитурам авторов, претендовавших быть изданными в РМИ – творческая самостоятельность.

«Да, мило звучит местами, музыка не дурна, хотя не вполне самостоятельна», – пишет он о симфонической поэме Глиэра "Сирены"⁵¹.

*«Нечего и говорить о том, что оригинальных сочинений на этот раз не имеется, - сетует в другом письме. - Более других по-моему талантлив Бюцов (если это молодой человек). Ему я бы сказал «да» для поощрения. Если же это не начинающий композитор, по-моему печатать его не стоит»*⁵². Сочинение

⁴⁸ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 8 мая 1909, Брюссель.

⁴⁹ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 8 мая 1909, Брюссель.

⁵⁰ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 22 мая [1909], Брюссель.

⁵¹ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, без даты [1909].

⁵² Владимир Д. Бюцов - русский композитор, в юности близкий друг Петра Сувчинского. Среди более поздних его сочинений - Скрипичный концерт (1921), музыка к трагедии "Савонарола" (1922). В начале 20-х годов в Берлине Бюцов будет заведовать музыкальной частью театра-кабаре "Синяя птица" "О Бюцове я

Штейнберга только корректно. Ему тоже можно сказать “да” разве из тех же соображений⁵³. Что же касается Портнова, то я произношу прямое “нет”⁵⁴.

Подход А.Н. Скрябина полностью соответствовал идеям С.А. Кусевицкого. «Данные для приёма к напечатанию следующие, – писал он в самом начале истории издательства, – талантливость, самостоятельность творчества и, конечно, абсолютная музыкальная грамотность»⁵⁵.

Об исключительной ответственности и добросовестности, с которыми композитор относился к своей задаче, свидетельствует, в частности, P.S. к тому же письму.

«В ром[ансе] Бюцова есть очень милые эпизоды с маленьким намеком на индивидуальность, есть жизнь, – читаем мы в нем. – Сколько ему лет? Техника иногда хромает, много пар[аллельных] октав <...> Еще и еще раз просматривал “Русалку” и все-таки мое последнее слово – “нет”⁵⁶.

«На этот раз посылка действительно интереснее, хотя «да» я могу сказать лишь 3-м песням цикла “Agaatendelum” (...леси)” (нрзб.) Юлии Вейсберг и романсу “Я ласк твоих страшусь” Александра Крейна»⁵⁷.

говорил Кусевицкому в апреле в Париже, – читаем мы в одном из писем Сергея Прокофьева 1922 года. – Он ответил: «скучно и сухо»...» (Сергей Прокофьев – Петру Сувчинскому, 11 июля 1922, Эттал. Цит. по: Елена Польдяева. «Я часто с ним не соглашался...») Из переписки С.С. Прокофьева и П.П.Сувчинского. В кн.: Петр Сувчинский и его время. Автор проекта, редактор-составитель А.Бретаницкая. Москва: "Композитор", 1999. С. 73.

⁵³ Максимилиан Осеевич Штейнберг – наиболее известный из упомянутых Скрябиным композиторов. О каком конкретно его произведении идет речь, из письма неясно. Можно предположить, что это была одна из двух первых его симфоний или кантата "Русалка" на стихи М.Ю. Лермонтова.

⁵⁴ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 8 мая 1909, Брюссель.

⁵⁵ С.А. Кусевицкий – А.В. Оссовскому, 18 августа 1909, Дергачи, Харьковская губерния. – // Александр Оссовский. С.В. Рахманинов. В кн.: Воспоминания о Рахманинове. Составление и редакция, комментарии и предисловие З. Апетян. Изд. четвертое, дополненное. Москва: "Музыка", 1974. Т. 1. С. 377.

⁵⁶ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 8 мая 1909, Брюссель.

⁵⁷ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 25 ноября 1909, Брюссель.

Ю.Л. Вейсберг – одна из учениц Н.А. Римского-Корсакова, жена его сына А.Н. Римского-Корсакова. Автор многих сочинений –

Публикуемые письма А.Н. Скрябина опровергают мнение о нем как об эгоцентристе, закрепившееся в сознании музыкантов с легкой руки А.В. Оссовского. «Скрябина по существу мало волновали дела РМИ, – утверждал он. – Вообще в те годы он был равнодушен ко всякой чужой музыке и обязанность рассматривать присылаемые рукописи весьма обременяла его, тем более что Скрябин слабо читал ноты с листа. Кажется, многие рукописи он принимал или отвергал “на глазок”, без внимательного анализа их»⁵⁸.

При всем желании обойти деловые вопросы в продолжавшейся после конфликта с С.А. Кусевицким переписке с Н.Г. Струве А.Н. Скрябину не удалось.

«Гонораром я воспользоваться не хочу, так как я этим и поставил бы себя в новые отношения с издательством, а потому будьте так добры не отказать удержать его (гонорар) до моего приезда в Москву, когда я скажу вам, куда его направить. Очень меня обяжете», – читал директор РМИ в его недатированном письме, отправленном осенью 1912 года из загородной виллы близ Брюсселя⁵⁹.

В следующем письме композитора Н.Г. Струве читал:

«Только что вернулся из Брюсселя и застал Ваше письмо, которое меня очень удивило, - пишет Скрябин Струве. – Напр[имер]: я совершенно не могу объяснить себе такую Вашу фразу: "Вы пользовались гонораром издательства и действительно получали деньги от нас". Деньги (пять тысяч в год) я получал от С.А. Кусевицкого, а не от Издательства, и хотя я и расписывался в получении мною гонорара, но это, как Вы знаете, была формальность, необходимая для того, чтобы ввести Издательство во владение моими сочинениями. В такой форме я и теперь от гонорара не отказываюсь, и по-моему это долг издательства напечатать на тех же основаниях сочинения, которые я намеревался закончить до 1-го марта и предназначал для Издательства.

преимущественно вокальных (симфонических и камерных). А.А.

Крейн был среди композиторов, к сочинениям которых

Кусевицкий обращался и как издатель, и как дирижер.

⁵⁸ Александр Оссовский. С.В. Рахманинов. // Воспоминания о Рахманинове. Составление, редакция, комментарии и предисловие З. Апетян. Москва: «Музыка», 1974. Т. 1, С. 379.

⁵⁹ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, без даты [между 2/15 сентября и 6/19 октября 1912], Генваль, близ Брюсселя.

<...> Вы не совсем поняли меня, многоуважаемый Николай Густавович: я говорил Вам в Москве относительно процентов с моих произведений, от которых я отказываюсь (т[ак] к[ак] вопрос о них при нашем уговоре с С.А. Кусевицким не был выяснен), отказываюсь до того момента, пока не будет покрыта полученная мною от С.А. Кусевицкого сумма. Что же касается гонорара за мои последние соч[инения], то мне и в голову не приходило, что может возникнуть вопрос о вручении мне его. С.А. Кусевицкий свободен принять или не принять деньги, на мое же решение это повлиять никак не может⁶⁰.

Письма А.Н. Скрябина к Н.Г. Струве помогают ещё раз понять, насколько интенсивным было творчество композитора в 1909-1910 годах, благодаря финансовой поддержке С.А. Кусевицкого. Дирижер не был, как писали порой русские газеты, первым исполнителем всех симфонических сочинений Скрябина. Однако легенда, сложившаяся о нем как о первооткрывателе этих партитур, говорит о том, как тесно переплелись его и А.Н.Скрябина судьбы, насколько плодотворным для каждого из них оказалось их сотрудничество.

С.А. Кусевицкому оно принесло серию блистательных успехов в России и за её рубежами, означило творческое возмужание его на сравнительно новом поприще дирижера. А.Н. Скрябин обрел в его лице своего активного пропагандиста. Издание сочинений композитора в РМИ, интерпретация их дирижером во многом способствовали тому, что творчество его было признано одним из высших достижений русской музыки начала XX столетия.

Недолгая дружба дирижера и композитора навечно запечатлена в замечательной пастели Леонида Пастернака «Скрябин и Кусевицкий». Музыканты запечатлены на ней в вечер премьеры «Прометея» в Большом зале Благородного собрания в Москве⁶¹. Судьбе не угодно было подарить музыкантам

⁶⁰ А.Н. Скрябин – Н.Г. Струве, 6 октября 1912, Генваль, близ Брюсселя.

⁶¹ На какое-то время эта пастель исчезла из поля зрения С.А. Кусевицкого. В 1922 году в Париже ему сообщили, что один из торговцев картинами имеет некую картину с изображением А.Н. Скрябина. Немедленно отправившись по указанному адресу, он увидел хорошо известную ему пастель Леонида Пастернака и, не задумываясь, приобрёл её. Сегодня она украшает одну из комнат мемориального дома С.А. Кусевицкого в Серенаке (Танглювд).

примирение после разорвавшего их дружбу конфликта. Для С.А. Кусевицкого таким примирением стали проведенные им после смерти композитора скрябинские циклы. Сочинения А.Н. Скрябина сохраняются в репертуаре и в зарубежный период его творчества.

В 1948 году Артур Лурье записывает в дневнике: «Евреинов прислал пакет скрябинских дисков, ссылаясь на меня. Сергей сперва нахмурился, а потом слушал и разволновался, стал вспоминать прошлое, и вечер кончился в теплой атмосфере»⁶². Внутренне закономерной сделается в 1950 году встреча С.А. Кусевицкого с внучкой А.Н. Скрябина – Элизабет (Бетти) Лазарус-Кнут, дочерью Ариадны Скрябиной и поэта Довида Кнута. Но об этом – отдельный разговор.

Не часто приходится читать о деятелях культуры – спутниках великих композиторов, без чьего неустанного труда не могли бы стать реальностью многие свершения музыкальной культуры. О таких, к примеру, как сменявшие друг друга на посту руководителей РМИ Н.Г. Струве, Э.А. Эберг или Г.Г. Пайчадзе. Именно поэтому, закончив разговор о скрябинских письмах к Н.Г. Струве, есть потребность продолжить разговор о нем самом.

В том же 1911 году, когда состоялась премьера «Прометей» А.Н. Скрябина, начались долголетние творческие контакты РМИ с И.Ф. Стравинским. 31 мая/13 июня Н.Г. Струве присутствовал вместе с С.А. Кусевицким на парижской премьере балета «Петрушка». На следующий день вместе с И.Ф. Стравинским и Александром Бенуа – создателем декораций и костюмов парижского спектакля, он был приглашен Кусевицкими на завтрак. В августе они снова встретились втроем – на этот раз в Берлинской конторе РМИ.

Не был еще издан скрябинский «Прометей», а РМИ начинает уже переговоры с И.Ф. Стравинским об издании «Петрушки». Хорошо зная, что мнения членов Совета РМИ о музыке композитора полярно разошлись, Н.Г. Струве тем не менее начал печатать партитуру до одобрения ее Советом. «Хотя гонорар я Стравинскому и выплатил и уже партитура трех картин

⁶² Дневники Артура Лурье. Запись от 20 июня 1948 года. Фрагменты Дневников Лурье любезно предоставлены мне Л.З. Корабельниковой. Копии Дневников (1946-1962) были получены ею в семейном архиве Лалуа в Париже от Венсана Лалуа при содействии профессора Элиан Мок-Бикер.

награвирована, - писал он в апреле 1911 года, - я делал все это как бы от имени Сергея Александровича лично, оставляя вопрос открытым. Конечно, Стравинскому я об этом не сообщал и это остается между нами, но я и не сомневаюсь, что все это разрешится в положительном смысле»⁶³. Партитура «Петрушки» появилась из печати весной 1912 года, оркестровые голоса – осенью. Композитору был выплачен гонорар в размере 4 000 рублей⁶⁴.

И.Ф. Стравинский ценил укреплявшиеся с каждым годом деловые контакты с РМИ. Н.Г. Струве близко подружился с композитором. «Я с лихорадочным нетерпением жду "Соловья", – писал он в период подготовки к изданию клавира оперы. - Вы меня так заинтересовали, так захватили, Игорь Фёдорович, рассказами о нём...»⁶⁵. В 1913-14 годах при переговорах о постановке (так в итоге и не осуществленной) «Соловья» в Свободном театре в Москве Н.Г. Струве выступал своеобразным посредником между И.Ф. Стравинским, главным режиссёром театра К.А. Марджановым и С.П. Дягилевым, который также предполагал ставить оперу в своей антрепризе.

После издания С.А. Кусевицким клавира «Петрушки» и, год спустя, «Весны священной» и проведенных им русских премьер двух этих балетов (соответственно в 1913 и 1914 годах) контакты его с жившим за рубежом композитором оказались прерванными первой мировой войной и двумя русскими революциями. И только в 1920 году, после приезда С.А. Кусевицкого в Париж, возобновляются переписка между ними, личные контакты музыкантов и творческое сотрудничество – как издательские, так и исполнительские.

В возвращении И.Ф. Стравинского в РМИ велика была заслуга Н.Г. Струве. Еще за год до эмиграции С.А. Кусевицкого из

⁶³ Н.Г. Струве – А. В. Оссовскому, 15(28) апреля 1911, Берлин. - Кабинет рукописей РИИИ, Петербург, ф. 22 [А.В. Оссовский], оп. 1 ед. хр. 172. Л. 3.

⁶⁴ В 1922 году, уже после смерти Н.Г. Струве, РМИ выпустит в свет также партитуру Сюиты из "Петрушки".

⁶⁵ Н.Г. Струве – И.Ф. Стравинскому, 28 сентября (11 октября) 1913, Берлин. Цит. по кн.: И.Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Материалы к биографии. Том II. 1913-1922. Составление, текстологическая редакция и комментарий В. Варунца. Москва: "Композитор", 2000. С. 152.

России он направил композитору телеграмму. «Бесконечно рад был узнать, – отвечал И.Ф. Стравинский, – что Вы целы и невредимы и полны энергии <...>, так необходимой для продолжения нашего издательства, в котором, должен сейчас же признаться, вижу единственное для себя спасение»⁶⁶.

Совершенно не представляя ситуации, в которой находилось РМИ, композитор предложил для публикации несколько своих произведений, которые были сочинены им за годы войны, просил выплачивать ему ежемесячно 30 000 французских франков и по возможности выслать аванс. «...я нахожусь в самых тяжелых обстоятельствах, лишенный всяких средств к существованию, – сетовал он. <...> Поэтому известие о продолжении деятельности нашего издательства меня особенно анкуражировало (от французского слова *encourager* – ободрять. – В.Ю.), ибо я уверен, что оно мне даст возможность существовать исключительно на продукт моей композиторской деятельности»⁶⁷.

Н.Г. Струве ничего не оставалось, как объяснить И.Ф. Стравинскому плачевное положение РМИ и собственную неустрашенность. «Однако жаловаться грешно, – заключал он своё письмо, – всем русским необычайно тяжело жить сейчас, так или иначе, а уже о наших мучениях в самой стране и говорить нельзя!»⁶⁸.

Стремясь расширить деловые контакты РМИ, Н.Г. Струве отправился в 1919 году Нью-Йорк, где пытался всячески содействовать приглашению И.Ф. Стравинского на гастроли в Америку, постановке его балетов в Metropolitan Opera. В переговорах с менеджерами он опирался на поддержку С.В. Рахманинова. «В середине декабря я, вероятно, поеду в Копенгаген недель на пять, – писал он И.Ф. Стравинскому, – оттуда надеюсь, пока хоть частично, возобновить деятельность издательства. <...> В новом году имеется надежда

⁶⁶ Игорь Стравинский - Николаю Струве, 6 апреля 1919, Морж. - Цит. по кн.: И.Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Материалы к биографии. Составление, текстологическая редакция и комментарий В. Варунца. Том II. 1913-1922. С. 438.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Николай Струве - Игорю Стравинскому, 8 июня 1919, Нью-Йорк. - Там же. С. 452.

приобрести некоторые из неизданных Ваших сочинений и начать публиковать их в Лейпциге...»⁶⁹.

Когда в декабре 1919 года композитор решает продать верстку партитуры "Весны священной". Награвированная в РМИ в годы войны, она так и не была издана к тому времени. Такую продажу Н.Г. Струве считал неприемлемой для РМИ и уподобил ее спекуляции. Пытаясь предостеречь И.Ф. Стравинского, он, в свою очередь, не представлял, как затруднительно было в то время материальное положение композитора, на попечении которого, помимо жены и четырех детей, находилась также семья его двоюродной сестры из пяти человек. «Если Вы собираетесь продавать манускрипты Ваших новых сочинений, исключительно как автографы, – писал он, – я бы искренне советовал Вам быть особенно осторожным с этим...»⁷⁰.

Письмо это удивило И.Ф. Стравинского, а упоминание в нем о спекуляции обидело его. «...как будто бы ничего не случилось за эти годы, как будто Вы можете продолжить путь с того места, на котором он был прерван, - отвечал он. – Вся Россия и мы, все русские, разорены и расхищены, все только и думают о том, что еще продать, чтобы продлить свое существование. "Спекуляция" стала настолько всеобщим явлением, что на нее смотрят просто как на хождение на базар; и в это время Вы, представляя "Российское музыкальное издательство", созданное лишь для авторов, им издаваемых, Вы, владея манускриптом произведения, продажа которого могла бы оказать н е о ц е н и м у ю у с л у г у, предпочли поступить по букве закона (или устава), сохранив этот манускрипт в библиографических интересах (не спекулятивных, как Вы выражаетесь), предпочли, следовательно, эти музейные интересы интересам моего материального благополучия (спекулятивного, как Вы выражаетесь)...»⁷¹.

Можно было бы предположить, что именно этот инцидент привел к временному отходу И.Ф. Стравинского от РМИ, если бы еще раньше композитор не передал свои авторские права

⁶⁹ Николай Струве - Игорю Стравинскому, 28 октября 1919, Нью-Йорк. – Там же. С.С. 463-464.

⁷⁰ Николай Струве – Игорю Стравинскому, 26 ноября 1919, Нью-Йорк. – Там же. С. 467.

⁷¹ Игорь Стравинский - Николаю Струве, 11 декабря 1919, Морж. – Там же. С. 470.

лондонскому издательству Chester, где публиковались многие известные европейские композиторы. Директор издательства Гарри Клинг, сын отошедшего в 1924 году от дел Отто Мариуса Клинга, как напишет С.А. Кусевицкому Н.Г. Струве, «...обладает теперь крупным капиталом и открывает в многих странах музыкальные магазины и отделения своего издательства»⁷².

В издательстве Chester И.Ф. Стравинский издал многие сочинения, написанные в годы войны и непосредственно после нее – в том числе «Байку про Лису, Петуха, Кота да Барана», «Сказку о солдате», «Рэгтайм» для одиннадцати инструментов, балет «Пульчинелла», Сюиту №2 для малого оркестра и хореографические сцены «Свадебка». Альянс композитора с издательством Chester оказался однако недолговечным и был бы, возможно, еще более кратким, если бы переговоры о его возвращении в РМИ не прервались в конце 1920 года гибелью Н.Г. Струве. Впрочем, их вскоре продолжил находившийся уже в Париж С.А. Кусевицкий. Что же до И.Ф. Стравинского, то его измена РМИ окажется, увы, не последней.

Первые переговоры С.С. Прокофьевым вел от имени РМИ также Н.Г. Струве. И хотя Стравинского как автора С.А. Кусевицкий домогался, а Прокофьеву пришлось сначала стучаться в двери РМИ самому, встреча его в 20-х числах ноября 1916 года в Москве с С.А. Кусевицким и Н.Г. Струве оказалась продуктивной. Речь шла об издании нескольких его сочинений, включая только что завершенную им оперу «Игрок».

«Со Струве, <...> очень обходительным господином башенной величины, мы разговаривали в первый день с одиннадцати часов вечера до часу ночи, а на другой день с трех часов до десяти...», – записал в дневнике С.С. Прокофьев. – <...> По окончании войны он надеется перевести меня в РМИ и, может быть, даже с вещами, изданными у Гутхейля»⁷³.

К счастью, этого не случилось. Благодаря этому на публикации его сочинений мало отразилась национализация РМИ

⁷² Николай Струве – Сергею Кусевицкому, 18 августа 1920, Нью-Йорк. – АК-БК.

⁷³ Сергей Прокофьев. Дневник. 1907-1933 (Часть первая). [Paris:] sprkfv, 2002. С.С. 625-626.

большевиками в 1918 году. Они продолжали выходить в свет под маркой издательства «А. Гутхейль»⁷⁴.

⁷⁴ До конца 1917 года появились Два стихотворения для голоса с фортепиано, ор. 9 – «Есть другие планеты» (Константин Бальмонт) и «Отчалила лодка» (Алексей Апухтин), «Гадкий утенок» по сказке Г.Андерсена для голоса и фортепиано, ор. 18, Двадцать фортепианных пьес «Мимолетности», ор. 22, Пять стихотворений для голоса с фортепиано, ор. 23 и Пять стихотворений Анны Ахматовой для голоса с фортепиано, ор. 27. В 1918 году - Третья, ор.28 и Четвертая, ор.29, фортепианные сонаты, затем - уже после отъезда С.А. Кусевицкого из России - Первый скрипичный концерт, ор.19 (1921- клавир, 1924 - партитура).

Лев Мадорский

Александр Бакши – посланник из будущего?

К 60-летию со дня рождения

Для многих из нас, воспитанных в традициях реалистического искусства, кажется непонятным и странным, когда картины модернистского толка («Так и я могу»), уходят с аукциона Sotheby за многие миллионы долларов. Такое же непонимание у меня, профессионального музыканта, в отношении большинства авангардистских музыкальных произведений, в которых начисто отсутствует мелодический рисунок, используются немислимые шумовые эффекты, вплоть до спуска воды в унитазе, и перечёркиваются все законы гармонии.

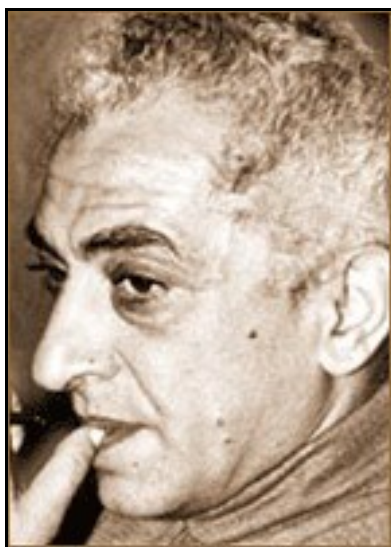
Всё это так, но, вместе с тем, я стараюсь не забывать, что в мире нет ничего (или почти ничего) вечного и устоявшегося. Всё находится в движении и развитии. Это относится и к музыкальному искусству. В какой-то момент непонятно откуда и непонятно как на землю приходит, хочется сказать спускается с небес, новатор. Посланник из будущего. Которого никто не понимает и не принимает. Над которым насмеются и которого дружно отвергают большинство современников. Например, современники Бетховена относились к его музыке как к причудливой, странной даже сумасшедшей, а профессора-музыканты того времени запрещали своим студентам даже просматривать его «эксцентрическую продукцию». Также и от десятилетнего великого Иоганна Себастьяна Баха, старший брат (родители умерли рано), органист, прятал музыку современных композиторов, чтобы не испортить его вкус.

Таким новатором, одновременно, как и всякий новатор, разрушителем и создателем, является сегодня композитор Александр Бакши.

Что разрушает Бакши?

Вот несколько цитат из различных интервью, в которых композитор выступает именно в таком качестве, разрушая все возможные, традиционно – привычные, веками устоявшиеся отношения в музыкальном искусстве.

- Зачем приходят люди в концерт? Услышать звезду. Соприкоснуться с великим...Мы сидим молча. Шевельнуться нельзя. Это романтическая идея: искусство это что-то надмирное, чему надо поклоняться, как в храме. Современный слушатель должен стать соучастником и даже соавтором музыкального произведения. А такое возможно только в театре.

Композитор Александр Моисеевич Бакши

Добавлю от себя, что Бакши имеет в виду созданный им «Театр Звукa». Но об этом чуть позже.

- Все подчиняются одному человеку, - иронизирует композитор. - Он стоит, дирижируют и по его знаку... бумс... все вступают... Да и сам оркестр построен по устаревшему, европейскому идеалу. Во главе - европейские скрипки и виолончели и только где-то на задворках афро-азиатские ударные.

Бакши считает также, что нельзя отделять композитора и исполнителя. «Исполнитель - тоже автор, - говорит он. - На равных с композитором». Более того. По его мнению, авторов

музыки, вообще, нет: «Музыка приходит свыше, а композитор её только записывает».

Бакши - активный, бескомпромиссный разрушитель. Он разочарован существующим положением в России и выдвигает теорию, которую я бы назвал «теорией четырёх нет». Сегодня в стране, пришедшей на смену СССР, по мнению Бакши нет идеалов: «вместе с идеалами совка выброшены все идеалы». Нет героя времени: «Нельзя же считать таким героем человека, успешно делающего деньги». Нет свободно развивающихся людей, продвигающих свои идеи. И, наконец, нет понимающей, думающей публики. Подтверждая последнее «нет», Александр Моисеевич рассказывает о посещении концерта в московской консерватории, где публика сегодня «...не понимает, кто играет и что играют». Оперные певицы в тот вечер пели модные шлягеры, а сидящие в зале, хлопали после первой части известного, по выражению Бакши, «затасканного» концерта, что «... также неприлично, как хрустеть в консерватории попкорном» Композитор вспоминает публику 80-х. приходившую на концерт со сложными партитурами.

- У такой публики на посещение консерватории сегодня, - считает Бакши, - попросту, нет денег.

Что созидает Бакши?

Тут самое время вернуться к упомянутому выше «Театру звука». Потому что это, пожалуй, главное, что создал композитор. В этом театре всё непривычно, неожиданно, странно. Даже невероятно. В спектаклях «Театра звука» нет слов. Нет сценария, либретто, краткого содержания. Да и ясно выраженного сюжета тоже нет. Вернее, сюжет есть, но это не что-то определённое, поддающееся литературному выражению, а, скорее, сновидение, поток сознания, некие фантазии героев, в причудливых звуках разбегающиеся по залу. Актёры театра Бакши переговариваются не словами, а интонациями. И опять звуки, звуки, звуки... Самые различные и самые немислимые: звук падающего камня, шелест целлофана, покашливание, шарканье шагов. Все эти звуки участвуют в представлении, наравне со звуками музыкальными. Бакши считает, что все звуки равны. Также, как равны все музыкальные инструменты и все культуры, когда либо бывшие на земле. Оценивая главную идею «Театра звука» Бакши, хочется перефразировать Библию: «Сначала был звук».

- Господи, да кто пойдёт в этот театр абсурда? Какого режиссёра в наше меркантильное время такой театр заинтересует?- скажете Вы. И будете не правы. Видимо, что-то

новое вошло в наше сознание в XXI веке. Театр Бакши заинтересовал многих режиссёров. В том числе таких известных, как Константина Райкина, Валерия Фокина, Олега Табакова, Камы Гинкаса. И это несмотря на то, что, по мнению Бакши: «Режиссёрский театр в традиционном виде умер. На смену ему пришёл театр свободного выражения, театр взаимопроникновения акустических и визуальных образов».

Итак, «Театр звука» заинтересовал некоторых режиссёров и в этот необычный театр ходят. Это подтверждает значительный список спектаклей с музыкой Бакши, нашедших место на различных сценических площадках: «Ещё Ван Гог», «Превращение» - театр Табакова, «Нумер в гостинице города N»-центр Мейерхольда, «Двойник» - Александрийский театр и т.д. Только перечисление заняло бы слишком много места. Причём, не подумайте, что театр Бакши - чисто российское явление. Многие премьеры театра Бакши состоялись за рубежом: «Зима. В Москве гололёд» - в Италии. «Умирающий Гамлет» - в Австрии, «Он и она. Пьеса для скрипача и скрипачки» - в Японии.

«Из Красной книги»

На один из многочисленных спектаклей Бакши мне удалось попасть, когда был в Москве в 2003 году. Он проходил в рамках Первого международного фестиваля Театра Звуча (с лёгкой руки Бакши и его жены Людмилы есть теперь и такой фестиваль) в Доме музыки. В небольшом зале почти не было свободных мест. Много было молодых людей. Рассказывать об этом спектакле не просто. Во всяком случае, первые двадцать минут у нас (я был с приятелем) было ощущение полной неразберихи и абсурда происходящего. Действия, по существу, не было никакого. Декораций тоже. На плохо освещённой сцене, наряду с роялем и виолончелью, в нарочито небрежном беспорядке расположены самые различные вещи: видеокамеры, два экрана в виде криво подвешенных простыней, клетка с живыми канарейками, мольберт. На специальной подставке - красная книга. Артисты совершали действия, казалось бы, бессмысленные, мало связанные одно с другим: уборщица нудно повторяет под нос: «Ходят тут всякие, ходят...», пианист, Алексей Любимов играет неожиданные, диссонансные аккорды и пассажи, режиссёр Илья Эпельбаум рисует детские рисунки, певица Ирина Евдокимова в балетном наряде делает пируэты, плотник неумело сбивает декорации, актриса стирает бельё. И всё это происходит на фоне экзотического народного пения в записи

крымчаков - исчезающей народности крымских евреев, к которой принадлежит и сам Бакши.

Всё было странно, неожиданно, непонятно, но скучно не было. Постепенно я попал под гипнотическое воздействие этой причудливой сценической суеты, заунывного пения, сочетания странных звуков и шумов. Стал с интересом наблюдать действия актёров. Иногда появлялось ощущение, что ты заглядываешь в окна большого дома, где в каждом идёт своя жизнь. И всё-таки, несмотря на отсутствие видимого контакта между артистами, какая-то связь между их действиями и различными звуками постепенно улавливается. Искать эту связь было интересно и даже увлекательно. Во втором действии неумелые декорации плотника, наконец, со страшным шумом разваливаются, заставляя вздрогнуть не только зрителей, но и самих артистов. Клетку с канарейками открывают, но они не хотят улетать. Птицы привыкли к жизни в клетке и им уже не нужна свобода. Приходит в голову символическое сопоставление: мы привыкли к привычному театру и нам не нужна та свобода, которую предлагает Театр Звука. Свобода творческого самовыражения.

После спектакля у нас с приятелем (тоже музыкантом) было о чём поговорить. Возникло множество вопросов: Был ли какой-то сюжет в представлении? Можно ли назвать то, что мы видели театром в привычном смысле этого слова? Какая публика ходит в театр Бакши? И ещё один вопрос...

Откуда, вообще, взялся Бакши?

Нет, правда, откуда берутся такие новаторы. Всё отрицающие и всё переделывающие заново. Когда читаешь его биографию, то ничего такого особенного не замечаешь. Александр Моисеевич Бакши родился 12 марта 1952 года в Сухуми и был вполне обычным мальчиком. Когда ему исполнилось семь лет и мама спросила, хочет ли он пойти в музыкальную школу, он ответил категорическим нет. Родители к музыке отношения не имели, и, возможно, жизнь Александра Бакши развивалась бы совсем в другом направлении, если бы дома, как говорится, без дела, не стояло пианино. Всё изменилось однажды. Мама пришла с работы и услышала как восьмилетний сынок, которого никто не учил музыке, играет на этом, «для мебели» стоящем пианино, что-то быстрое и весёлое. Мама была поражена:

- Кто тебя научил?
- Никто.
- А что за музыку ты играешь?
- Это я сочинил.

После этого Сашу отдали в музыкальную школу. Он проявил себя способным учеником и даже сочинял музыку. Неплохую, но не выходящую за традиционные рамки. В 1977 году Александр поступает в консерваторию Ростова на Дону, которую благополучно оканчивает в 1982 году. Так что ничего необычного в его биографии, повторяю, нет. За исключением одного обстоятельства. Как я уже писал, Александр Бакши происходил из исчезающего народа крымчаков, крымских евреев. В советских паспортах так и было указано - крымчаки евреи. Необычность в том, среди этой крошечной этнической группы (сегодня всего несколько сот человек) исключительно много талантливых людей. Писатели и поэты: Марк Агатов, Михаил Чулаки, Илья Сельвинский, Андрей Багинский, Александр Ткаченко. Непропорционально много блестящих музыкантов, композиторов, учёных.

Полифония мира

Во всём, что связано с творчеством Бакши, есть некие противоречия. Я бы сказал даже некоторый парадокс. С одной стороны, «Театр звука» Бакши совершенно новое явление в искусстве, разрушающее все старые представления о театре и музыке. Но, с другой, его театр получил признание у прекрасных режиссёров и музыкантов, которые сами, в подавляющем большинстве, в своём творчестве действуют в рамках привычных, старых традиций.

Противоречия эти наиболее очевидно проявились в 2000 году, когда в театре Вахтангова был поставлен спектакль-мистерия с «нахальным», по выражению самого Бакши, названием «Полифония мира». Это грандиозное, «одноразовое» представление, поставленное известным театральным режиссёром, постоянно сотрудничающим с композитором, Камой Гинкасом, было, действительно, мистическим и невероятным. В нём принимали участие почти все обитатели «Ноева ковчега» от шаманов-индейцев, австралийских аборигенов, шамана- женщины из Хакасии до известного джазового тубиста Джона Сааса, ансамбля русских народных инструментов Покровского, ансамбля ударных инструментов Ле Перкусьон из Страсбурга, прекрасного скрипача Гидона Кремера. Как писали в рецензиях на спектакль, после каждого номера зрители бурно аплодировали, а после конца почти трёх часового спектакля все встали и устроили артистам и авторам спектакля длительную овацию.

И всё-таки, несмотря на овации и видимый успех, рецензии на грандиозное представление подтвердили ещё раз, что

не всё так однозначно и что новаторство Бакши далеко не всем нравится.

Вот несколько цитат разных рецензентов:

- Трудно увидеть подтверждение идеи спектакля о «поисках общности разных культур» в той свалке плоских театральных метафор, которые мы увидели.

- «Полифония мира» это коллективный шедевр.

- Спектакль «Полифония мира», собравший музыкантов со всего мира был похож на коммуналку.

- В «Полифонии мира» Бакши показал, что звуки, как и культуры, могут быть разными и все они одинаково важны.

- Всё кончилось неопрытными сценическими решениями Сергея Бархина, создавшего нечто среднее между Вавилонской башней и вороньей слободкой, беспомощной музыкой Александра Бакши и напыщенным многословием Камы Гинкаса.

- В «Полифонии мира» поражает атмосфера сновидения, создана с невероятной изобретательностью.

- Это не смешно, не остроумно, и не занятно. Полифония - это не какофония.

Итак, что мы имеем в конечном итоге. Чёрно белого решения нет. Всё непонятно, странно, противоречиво...Музыка Александра Моисеевича звучит в лучших концертных залах мира, но эта же музыка вызывает раздражение и недоумение (об этом в своих интервью неоднократно говорит он сам) у многих музыкантов и композиторов. Перед нами тот самый случай, когда точки расставит время. Тот самый случай, когда нужны годы, чтобы понять, можно ли убрать вопросительный знак из заголовка этой статьи.

Геннадий Несис

Вернуться в прожитую жизнь

Предчувствие шахмат

Продолжение. Начало в №8/2012

*Шахматы по сравнению с рядом
более популярных человеческих
стремлений есть занятие ничем
утилитарно не оправданное.
Оно как всякое искусство бесполезно.
Но – божественно бесполезно.*
Владимир Набоков.

В шахматы я пришел поздно, по нынешнему времени безнадежно поздно, - в тринадцать лет. Это тем более удивительно, что почти мифологизированная атмосфера древней игры присутствовала в нашем доме задолго до моего рождения. Большинство одноклассников моей мамы – Наташи Альтшулер – были страстно увлечены шахматами, что, впрочем, было достаточно характерным явлением для ленинградских юношей тридцатых годов прошлого века. Даже, закончив школу и поступив в Вуз, они нет-нет, да и забегали в родной для них шахматный клуб Дворца пионеров...

Но грянула война и, «не многие вернулись с поля». Первый муж моей мамы, остроумный и веселый Иосиф Воркунов, первокатегорник за доской и популярный в этой среде мастер шахматного «звона», знавший чуть ли не наизусть романы Ильфа и Петрова, ушел на фронт добровольцем и погиб, как и большинство абсолютно не подготовленных гуманитариев Ленинградского Университета, в кровавой мясорубке на подступах к родному городу. У нас в доме хранится его единственная открытка, дошедшая до Баскова переулка: «Завтра иду в бой минометчиком: миномет видел на картинке». Эта горькая шутка накануне гибели – красноречивее и страшнее

многих томов исследований и мемуаров, заполнивших спустя двадцать – тридцать лет полки книжных магазинов и библиотек.

Хочу еще раз подчеркнуть, что воспоминания близких людей, благодаря эмоциональности их рассказов, как бы проникают в память, и становятся генетически твоими собственными. События, произошедшие до твоего появления на свет, воспринимаются как пережитые тобою, а люди, чей жизненный путь прервался до твоего рождения, каким-то почти мистическим образом, становятся твоими современниками. Это постоянное ощущение дежавю преследует меня на берегах Сестры-реки, обрамленной величественными карельскими соснами. Их могучие корни торчат из песчаных дюн, как щупальца гигантских глубоководных осьминогов. Именно в этом романтическом месте во второй половине тридцатых годов и развивался школьный роман двух счастливых влюбленных Наты Альтшулер и Оси Воркунова.

Часто представляется мне, что бывал я здесь, и в середине 20-х годов, когда по левой стороне этой речной набережной, стояли дачи моих предков, их друзей и знакомых, Часть этих деревянных строений в стиле модерн чудом сохранилась в кровавом безумстве гражданской войны, часть - была восстановлена за мимолетное, и многократно осмеянное, но, на фоне последующих событий, по-своему, уютное, время НЭПа. Это удивительное путешествие на машине времени совершается не только благодаря неоднократно слышанным рассказам, пропечатанным в моем мозгу, но и с помощью группового фотопортрета, сделанного на большой открытой дачной веранде, словно служащей декорацией к пьесам А.П.Чехова, правда поставленным не в современном стиле, а в классической манере старого МХАТа.

Размер веранды позволил фотографу разместить на снимке три поколения моей семьи в полном составе: прадеды и прабабушки, молодые дед и бабушка, и, совсем юные, - моя мама и ее кузены и кузины. Часто вглядываюсь в эту фотографию, каждый раз надеясь увидеть где-то там, внизу на ступеньке, самого себя, но тщетно. Мне кажется, что и я участвовал в этой съемке, но подтвердить эту догадку уже некому. Счастливое мгновение запечатлелось лишь на пожелтевшем снимке и в моем странном воображении. Здесь в Сестрорецком курорте проводили лето мои прабабушки и прадедушки. И хотя я знаком с ними только по старинным фотографиям и воспоминаниям, почти физически ощущаю их присутствие, направляясь по знакомой дорожке в сторону Ермоловского пляжа. В какой-то другой, и все

же, - моей жизни, здесь, рядом с представителями старшего поколения, беззаботно резвились юные Альтшулеры: Ната, моя будущая мама, маленькая озорница в розовом платье, и ее двоюродные братья – старший, Гарик, непоседа и выдумщик (что впрочем не помешало ему стать ведущим конструктором подводного военно-морского флота, лауреатом Ленинской премии), и младший – потому всеобщий любимец – не по годам серьезный и задумчивый, книголюб, явно будущий гуманитарий - Толя.

Формой существования нашей семьи во все времена была ирония, а содержанием – любовь. Настойка, составленная из этих внешне несовместимых ингредиентов (почти, как

сарказм и восторг) и поглощенная в детстве в больших дозах, обеспечила стойкий иммунитет, столь необходимый в кровавой сумятице двадцатого века.

Я попытался передать эти ощущения уже в весьма зрелом возрасте, – в стихотворении 2005 года:

“Чужою памятью живу,
К чужому времени - прикован.
Мой сон пока не растолкован, -
Быть может это дежавю?
Там, где сейчас особняки, -
На соснах гамаки висели.
И деревянные качели
Взлетали в небо у реки.
Мне было – минус двадцать пять,
А маме – года три – четыре.
Мы жили в параллельном мире,
Надеясь встретиться опять”.

Именно так, стал для меня родным и, абсолютно осязаемым образ Оси Воркунова, погибшего за шесть лет до моего появления на свет. Позволяю себе именовать его так фамильярно не потому, что сейчас я уже старше его в три раза. Так его называли друзья- шахматисты, недавно ушедшие от нас: профессор Исаак Айзенштадт (мой старший товарищ по команде Технологического института); известный тренер и мастер Ефим Столяр, популярнейший доктор (и в силу доброжелательного характера, да и, чего греха таить, в связи с его специфической медицинской специализацией), участник легендарного блокадного чемпионата Ленинграда Аркадий Левин. Кстати, Аркадий Михайлович всю жизнь хранил в своей библиотеке знаменитый

труд А.Алехина “Мои лучшие шахматные партии” с дарственной надписью от Оси.

В горниле войны чудом уцелели два его одноклассника - Абрам Трескунов, которого почему-то и в зрелом возрасте называли Гуля, и Давид Гурвич. Оба впоследствии стали моими шахматными партнерами и, несмотря на разницу в возрасте, друзьями.

Трескунов после фронта остался служить в армии, но находил время и для шахмат. Помню, что он прекрасно атаковал, и не так-то просто было держать оборону в излюбленных им острых дебютах - гамбите Шара-Геннинга или контргамбите Альбина.

Давид Гурвич стал кандидатом исторических наук, работал в Публичной библиотеке, но во время борьбы с космополитизмом, за ничего не значащий разговор с итальянским коллегой, остался без работы, и, лишь после смерти Сталина, сумел устроиться в среднюю школу учителем истории. В начале шестидесятих годов мы с азартом играли с ним тренировочный матч на даче в Зеленогорске. Необходимо отметить, что довоенные первокатегорники, как их тогда называли, были крепкими орешками, и, думается, по силе игры, не уступали современным кандидатам в мастера.

Мой отец, Ефим Несис, также был первокатегорником, но представителем другой, знаменитой шахматной школы - украинской. В юности его партнером и другом был удивительный человек, и замечательный гроссмейстер Исаак Болеславский. Встречались они и после войны. В нашей семье существует легенда, что первый в жизни апельсин я получил из рук Исаака Ефремовича, вернувшегося в конце 40-х годов с какого-то крупного международного соревнования, и по дороге домой заглянувшего к своему старому другу в Ленинград.

В школьные годы мой отец считался на Украине перспективным шахматистом. Но судьба распорядилась иначе. Получив аттестат зрелости в возрасте 16 лет, он в 1938 году поступил на физический факультет Днепропетровского Университета, а в неполные 22 года с дипломом учителя математики и физики был направлен в Военную Академию химической защиты. Вскоре, в связи с ухудшающимся положением на фронтах, он был отправлен под Сталинград в качестве командира огнетного взвода, а затем и командиром роты химзащиты. Сталинград, Курская дуга, форсирование Днепра при освобождении Кировограда, сражение в Бессарабии – таков его послужной список.

Лишь во фронтовом госпитале, где он провел более полугода после тяжелого ранения под Будапештом, удалось вспомнить про любимую игру. Затем Ленинград, Политехнический институт, участие в различных соревнованиях, и бесконечные блиц – партии с товарищем по команде, будущим гроссмейстером Леонидом Шамковичем.

Лет десять назад Е.С.Столяр подарил мне таблицу первенства общества “Наука” конца 40-годов, где наряду с именами известных шахматистов послевоенного Ленинграда есть и фамилия моего отца. Но серьезная учеба, защита кандидатской, а затем и докторской диссертации перевесили чашу весов не в пользу шахмат.

В клане Несисов, ведущем свой род из Каменец-Подольской губернии, шахматы были почитаемы и популярны. Об этом поведал мне мой друг и родственник Натан Израилевич Несис – большой любитель и поклонник древней игры. Играл в шахматы и его дед Герц Несис, учительствовавший до революции в городке Синькове на Украине. Обучил он игре и своего маленького сына. В 1920 году в Проскурове во время еврейского погрома, учиненного, как тогда говорили, белополяками, он погиб, оставив двенадцатилетнего Израила и двух его сестер сиротами. Единственному в семье мужчине надо было помогать матери. Грамотный и смысленный мальчик был принят на работу в местную типографию помощником наборщика. В 19-ти летнем возрасте он был призван в Красную Армию, закончил офицерские курсы, служил в Проскурове, женился, но находил время и на шахматы. Войну он встретил в Киеве в должности помощника командующего бронетанковыми войсками Киевского особого военного округа. К тому времени у него уже было два сына - семилетний Анатолий и четырехлетний Натан.

Характерно, что кадровый офицер, находившийся по долгу службы не где-то, в далеком тылу, а, в прямом смысле, на передовом крае обороны страны, посоветовал своей жене не паниковать, а лишь при подходе немцев к Киеву покинуть вместе с двумя малолетними детьми квартиру в престижном доме, расположенном напротив памятника Богдану Хмельницкому, и на время военных действий переехать на тихую киевскую окраину. Видимо, даже профессионалы, одурманенные сталинской пропагандой, не понимали с каким чудовищным и могучим врагом столкнулись они в битве не на жизнь, а на смерть?!

К счастью, прозорливость его супруги Доры Фукельман, настоявшей на немедленной эвакуации детей на Урал, спасла их от неминуемой гибели.

Семья Фукельманов была до революции весьма зажиточной и многочисленные братья Доры получили высшее образование. Ее старший брат Леон по окончании Одесского университета стал экономистом. Прекрасно владея иностранными языками, он был направлен на работу в торгпредство в Ригу, а затем и в Китай. В Советском Союзе он бывал не часто, предпочитая проводить отпуск в соседней Японии. Со своей будущей женой Еленой он познакомился еще во время службы в Латвии. Она была родом из старинного курляндского города Кулдига.

Ее сестра Беатриса - мать известного иллюзиониста Эмиля Теодоровича Кио (Гиршфельда) и приняла в небольшой квартире в городе Молотове дальних родственников из Киева. Приведу еще один пусть и юмористический штрих, подчеркивающий полное отсутствие информации о зверствах гитлеровцев на оккупированных территориях и, как следствие этого - неадекватная оценка угрозы, нависшей над страной. Выросшая в интернациональной и стильной столице буржуазной Латвии, тетя Беатриса где-то в начале 1942 года жаловалась своей сестре, чудом избежавшей ужасов Бабьего Яра:

“Как мы могли эвакуироваться в этот город? Здесь даже негде сделать нормальный маникюр!”

А под Киевом положение Юго-Западного фронта, в штабе которого служил Израиль Несис, стало катастрофическим. Войска вели тяжелые оборонительные бои в Правобережной Украине, но вражеское танковое кольцо вокруг них быстро сжималось. Командующий фронтом генерал-полковник М.П. Кирпонос, поддержанный Василевским, Шапошниковым и Буденным, настаивал на немедленном отводе войск из Киева, и просил разрешение от Ставки на отступление из оперативного мешка, но получил отказ. 7 сентября танковая группа под командованием Г.Гудериана вышла к Конотопу с целью полного окружения сил Юго-Западного фронта. Стало ясно, что Киев надо сдавать. Но Сталин был непреклонен, а попытка маршала Буденного настаивать на единственно разумном решении, только привела к его отстранению от должности командующего Южным направлением. Лишь 16 сентября маршал С.К. Тимошенко, отдал устный приказ через начальника оперативного управления штаба И.Х. Баграмяна об отводе войск. Но время было упущено. Фронт потерял управление, был расчленен на отдельные небольшие группы. Практически все командование, включая и генерала Кирпоноса, погибло в рукопашном бою. Лишь небольшой горстке офицеров штаба во главе с будущим маршалом Баграмяном с боем

удалось вырваться из окружения. Среди них был и Несис. Впереди было участие в Сталинградской битве, где два офицера Несиса - мой отец Ефим и Израиль могли встретиться, но такие чудесные совпадения бывают только в кино. Войну подполковник Несис закончил на Эльбе в городе Плау, где произошла другая знаменательная встреча - двух танковых подразделений - американского и советского. Командиры обеих боевых частей сразу нашли общий язык не только в переносном, но и в прямом смысле. Таким эсперанто для них стал язык идиш, который они оба знали с детства. На память в семье остался кожаный футляр от подаренного фотоаппарата с надписью:

“Подполковнику Несису от американского офицера-танкиста Левинсона. 1945 год”.

Возвращение в Киев было не веселым. Город лежал в руинах. Дом, в котором семья жила до войны был взорван. Вскоре боевой офицер был переведен в Белоруссию. Сначала в Брест, а затем в Слуцк. Здесь, в конце 1952 его и настигло позорное „дело врачей”. Оно коснулось не только медицинских работников, Начались массовые увольнения из армии офицеров - евреев. Подполковнику Несису, не мыслившего свою жизнь вне армейской службы, до военной пенсии оставалось всего полгода. Однако, и над ним, - боевым, заслуженным офицером нависла реальная угроза досрочной отставки. Пришлось отправиться за поддержкой в Минск к командующему войсками Белорусского военного округа - маршалу Тимошенко, под чьим командованием он служил еще в конце 20-х годов в кавалерийском корпусе Красного казачества в Проскурове. Семен Константинович не забыл старого боевого товарища и “спрятал” его в маленьком местечке Радашковичи в Западной Белоруссии.

Кстати, видимо, от этого названия и произошла редкая фамилия моего сверстника и партнера по шахматным баталиям в соревнованиях студенческого общества “Буревестник” международного мастера Исаака Радашковича. Мы были с ним соседями во время сеанса одновременной игры, который давал Михаил Таль сильнейшим юным шахматистам города в дубовом кабинете Ленинградского Дворца пионеров. Через несколько дней в газете “Ленинские искры” появилась заметка о встрече с молодым экс-чемпионом мира. Помню заключительную фразу из нее: “единственное поражение гроссмейстеру нанес ученик 9-го класса Изя Радашкович, ничейного результата добились ученик 8-го класса Гена Несис и ученица 7-го класса Лена Бажина”. Головокружительная карьера многосторонне талантливого и целеустремленного Исаака Радашковича, который после

эмиграции в Израиль сумел занять важный пост в системе ПВО Ирана во времена правления шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, могла бы лечь в основу сценария приключенческого фильма.

Но вернемся в недоброй памяти 1952 год. Старший сын Израиля Несиса – Анатолий, к тому времени закончил в Слуцке среднюю школу с серебряной медалью и направился на родную Украину поступать в медицинский институт. Медалистов тогда зачисляли в вузы вне конкурса, но в разгар борьбы с “безродными космополитами”, у него даже не приняли документов. Впрочем, со мной произошла такая же история при попытке поступления в Ленинградский первый медицинский институт, в куда более, толерантном, 1964 году.

И все же, с помощью другого сослуживца отца - начальника военной кафедры минского медицинского института, мечта Анатолия- стать врачом, начала осуществляться. Он был зачислен на первый курс этого престижного вуза. Младший брат Натан получил аттестат зрелости уже в Радшковичах, но поначалу и ему не помогла серебряная медаль. При попытке в 1955 году поступления в Военно-медицинскую академию в Ленинграде он не прошел медицинской комиссии Характерно, что после окончания Первого медицинского института с красным дипломом, никаких изъянов в здоровье у него найдено не было. Последовал немедленный призыв в Советскую армию, которой он честно и с достоинством отдал большую и лучшую часть своей жизни.

В 1961 году выпускник ленинградского вуза был направлен врачом в военно-строительный отряд в Архангельскую область. Там его пациенты рубили лес, и было не до шахмат, а вот уже в гарнизонном лазарете, куда он был переведен через год хирургом, партнеры по любимой игре нашлись.

Жена Натана – Людмила Ивановна была единственным врачом акушером-гинекологом на весь район, расположенный в глубине Архангельской области. И когда она рожала своего первенца Александра, ей пришлось самой руководить действиями местной повитухи – Зои Антоновны, с которой она переписывалась впоследствии долгие годы. В 1967 году Натан все же поступил в Военно-медицинскую академию. После завершения обучения на хирургическом отделении факультета руководящего состава, он был направлен в самую отдаленную точку Забайкалья на границу с Китаем в город Борзя, известный событиями на легендарной КВЖД. В те времена бытовала популярная среди красноармейцев шутка:

“Пекину вшивому грозя,
Стоит надменная Борзя“.

А уже после войны, среди не угодивших начальству старших офицеров, существовала такая успокоительная присказка:

“Меньше взвода – не дадут,
Дальше Борзи – не пошлют!“

У начальника хирургического отделения госпиталя оставалось немного свободного времени, но все же он умудрялся делить его между двумя своими главными увлечениями – рыбной ловлей и шахматами. Пребывание в Борзе имело одно важное преимущество.

Служба там, ввиду невыносимых условий жизни, не могла продолжаться более пяти лет. И вот, после стольких мытарств Натан в 1974 году получает направление в Прибалтийский военный округ в калининградский госпиталь, лучшее, по тем временам, медицинское учреждение Советской Армии.

Огромное, надраенное до блеска помещение на тысячу коек, принадлежавшее до войны Кенигсбергскому военному госпиталю было подчинено блестящему организатору медицины полковнику И. И. Берковичу, ныне проживающему на берегу Средиземного моря в городе Ашдоде. Иосиф Ильич был постоянным партнером Несиса по шахматам во время службы в Калининграде.

Через два года в семье ведущего хирурга главного медицинского центра Балтийского флота Натана Несиса родился второй сын – Виталий. Демобилизовался самый старый по сроку службе полковник только в декабре 1990 года, а уже через две недели 7 января отправился старшим врачом рыболовецкой плавбазы в Англию. Три года он ходил по Атлантике. Наконец, сбылось его старое желание побывать за границей. Во время этих походов он вновь сумел объединить два своих хобби – рыбную ловлю и шахматы. На кораблях было немало любителей, с которыми можно было сразиться во время дальних походов. Натана Израилевича и сейчас можно встретить ранним утром на набережной у Летнего сада, увлеченно занятого ловлей окуньков и лещей. А на торжественном открытии VII-го международного турнира “Юные звезды мира” в 2009 году в Киришах он добился почетной ничьи в сеансе одновременной игры против чемпиона Санкт – Петербурга гроссмейстера Валерия Попова и радовался этому как ребенок.

Огромную роль в моей шахматной судьбе сыграл мой дядя Анатолий Яковлевич Альтшуллер, историк театра, энциклопедически образованный гуманитарий и большой знаток шахмат. В детстве я сыграл с ним два тренировочных матча, что, несомненно, принесло мне необходимый опыт, особенно, в плане разыгрывания сложных окончаний.

Жгуче ощущаю его отсутствие на Земле в моменты удач (ибо мало кто мог оценить их так восторженно доброжелательно и одновременно строго критически) и, особенно при необходимости сверить свои мысли и поступки с высоким нравственным эталоном, каким он являлся для меня долгие годы.

Помню, в знаменитой шахматной секции ленинградского Дворца пионеров, через школу которой прошли многие выдающиеся гроссмейстеры, практиковался такой своеобразный тренерский прием. Юному любителю шахмат предлагалось выбрать лидера, то есть близкого по стилю известного мастера, чтобы строить свой дебютный репертуар, сообразуясь со вкусами мэтра.

Не знаю, насколько этот метод эффективен в педагогике, но в жизни он играет заметную роль. В отрочестве без такого образца для подражания, подчас несколько идеализированного, обойтись довольно трудно.

Мне в этом смысле повезло: такие примеры были у меня с самого раннего детства. Главную роль в моем воспитании сыграл дед – Иосиф Федорович Альтшулер, в котором удивительным образом сочетались тютчевская сентиментальность русского интеллигента с мудрым юмором героев Шолом-Алейхема. Его лингвистически безупречная и даже несколько архаичная речь профессионального лектора (хотя по далеким от гуманитарных наук, техническим дисциплинам), пересыпанная анекдотами, остроумными байками из собственной жизни, рождала незабываемые устные рассказы, вызывавшие неизменный хохот и восторг в любой аудитории, будь то студенческое общежитие или ученый совет вуза, рафинированная публика прибалтийских курортов или разудалая, подвыпившая компания пильщиков дров, собравшаяся в ожидании заказов у популярного в нашем районе пивного ларька.

Когда я стал несколько старше и увлекся филателией, а позднее шахматами и искусством, моим кумиром стал Анатолий Яковлевич - дядя Толя.

Его разносторонние знания, безупречный вкус, детская увлеченность любимым занятием, неподдельный демократизм, уважительное отношение к мнению любого собеседника – все это

не могло не вызывать восхищения и сперва почти подсознательного желания подражать своему старшему другу и единомышленнику. Несмотря на разницу в возрасте, составлявшую ровно четверть века, мы были родственниками не столько по крови, сколько по духу.

Любая политическая или культурная новость, требовавшая обсуждения и осмысления, с годами стала вызывать у меня почти рефлекторную реакцию - я автоматически поднимал телефонную трубку, набирал знакомый номер, и эмоционально делился ею с Анатолием Яковлевичем. Его реакция всегда была заинтересованной, как правило, адекватной моим собственным оценкам по содержанию, хотя и более скептической по форме. Нас объединяла не только близость взглядов, но и уникальный культурный феномен, особая область интеллектуальной деятельности – шахматы. Отношение Анатолия Яковлевича к шахматам – тема, без которой биография этого разносторонне одаренного человека воспринималась бы не так объемно.

Однажды в порыве откровенности у него прорвалось потаенное спортивное честолюбие, явно не удовлетворенное в юности. « Ты знаешь, я бы отдал все свои научные степени за звание мастера спорта по шахматам!»

Эту сокровенную мечту, осуществлению которой помешала страшная война, он пронес через всю свою жизнь. Тонкий знаток шахмат, сильный практик, несомненно одаренный и в этом виде творчества, он имел все основания добиться многого в любимой игре и стать рядом со своими партнерами и сверстниками Марком Таймановым, Александром Черепковым, Николаем Копыловым, Ефимом Столяром...

Его первым учителем был отец – Яков Федорович, предпочитавший, в отличие от своего брата - преферансиста, картам – шахматы.

Младшая сестра Анатолия – Тамара Яковлевна вспоминала: “Огромной страстью Толи были шахматы: ему передалось увлечение отца. Конечно, Толя играл лучше, профессиональнее. Вечерами они часто садились за шахматы, хотя Толе не всегда хотелось играть с папой. Тогда мама убеждала его доставить удовольствие отцу, «уважить».

Наконец, шахматы на столе, карандаши, бумага, часы на месте (все серьезно) Папа сосредотачивался, а Толя ложился на диван и по памяти диктовал ходы. Папу это подчас раздражало, но... ничего не поделаешь! Играть ему хотелось. Часто Толя выигрывал, так как папа «зевал» ходы. Но если папе (с маминой помощью) удавалось выиграть, вечер становился праздничным.

Мы с мамой «болели» за папу, а Шуренька (няня) всегда за своего Толеньку. Это были незабываемые вечера. Игра всегда сопровождалась остроумными комментариями. Иногда голоса стихали – значит, ответственный момент. А потом – снова взрыв веселья. Часто Толя играл сам с собой. В доме было много шахматной литературы”.

Дед Анатолия Яковлевича (соответственно, мой прадед) – Федор Николаевич Альтшулер имел право жительства в Петербурге благодаря воинским заслугам своего отца, призванного в русскую армию сразу же после восстания декабристов и восшествия на престол Николая I и прослужившего царю и отечеству долгих тридцать семь лет. Не предав веры своих предков, Николай Альтшулер все же считал русского самодержца помазанником Божиим (яркий пример религиозного “двуязычия” российских евреев) и умер в девяностодвухлетнем возрасте, простудившись, приветствуя в крепкий январский мороз, императорский кортеж, проезжавший по Гороховой улице.

Пройдя нелегкий путь от наборщика до владельца типографии и издательства в Эртелевом переулке (ныне улица Чехова), Федор Николаевич сумел дать своим сыновьям прекрасное образование. Иосиф после окончания знаменитого реального училища Я.Гуревича поступил по конкурсу аттестатов в Политехнический институт имени Петра Великого. Юбилейный диплом этого авторитетного высшего учебного заведения, посвященный трехсотлетию дома Романовых, оформленный по эскизу выдающегося русского художника В.Верещагина, хранится у меня как дорогая семейная реликвия.

А младший сын Яков - получил высшее инженерное образование в Дармштадте – известном университетском городке неподалеку от Франкфурта на Майне. К несчастью, жизнь этого красивого и яркого человека оборвалась очень рано. Смерть настигла его в Омске, куда, незадолго до блокады, были эвакуированы многие учебные и научные учреждения Ленинграда и где, перед отправкой на фронт, в танковом училище проходил свои короткие военные университеты будущий боевой офицер Анатолий Альтшуллер. В старинном сибирском городе мне побывать не удалось, но всякий раз, проезжая мимо Дармштадта, испытываю особое волнение.

Нас сближали не только общие фамильные корни и воспоминания, но и сходные пристрастия в шахматах. Впрочем, тому есть убедительное объяснение: у нас был один тренер (несмотря на большой временной интервал между нашим шахматным обучением) - Андрей Михайлович Батуев.

Об этом "диковинном" (такое определение очень понравилось дяде, и он часто повторял его почти нараспев) человеку, рассказ еще впереди.

Будучи высоким профессионалом в области искусствоведения, Анатолий Яковлевич все же относил любимые им шахматы скорее к виду интеллектуального спорта, чем к одному из жанров искусства. В этом плане любопытна зарисовка шахматного журналиста, а, впоследствии, редактора «Спортивной газеты» Владимира Федорова: «Часто я встречал на матче (между Каспаровым и Карповым – Г.Н.) профессора, доктора искусствоведения А.Я. Альтшуллера. Он шахматист с большим стажем, имел первую категорию еще в 30-х годах, участвовал в сеансах одновременной игры, проводимых Эммануилом Ласкером, Хосе Раулем Капабланкой, Михаилом Ботвинником. У него свое отношение к игре соперников: « Мне кажется, что в творчестве Гарри Каспарова и Анатолия Карпова есть общие черты: оригинальная, далекая от шаблона и сложившихся штампов игра. Решения, которые они принимают, неожиданные, труднопредсказуемые. Немного жаль, что двум великим шахматистам приходится постоянно вести изнурительную борьбу, выяснять, кто из них на сегодняшний день сильнейший мире. Это лишний раз подчеркивает, что шахматы, которые мы любим за красоту, тонкость, остроумие, прежде всего - спорт!»

Свой принципиальный взгляд на шахматы он отстаивал, оспаривая мнение даже такого авторитета, каким был для него Михаил Моисеевич Ботвинник. Так, в своем письме, направленном в еженедельник « 64 » в 1968 году, он критически оценивал некоторые положения статьи чемпиона мира « Искусство ли шахматы?» Уровень полемики можно продемонстрировать следующим фрагментом: « Прежде всего, следует договориться о понятиях. М.М.Ботвинник полагает, что слово « эстетический» уже приближает шахматы к искусству. « Разве шахматный этюд, который решается скрытым логическим путем, не производит эстетического впечатления?» - пишет он.

«Еще Эммануил Ласкер, высказываясь за то, что шахматы борьба, высоко ценил эстетический элемент в шахматах», - говорит он в другом месте. Миллионы шахматистов « получают эстетическое удовольствие от шахматных образов» - в третьем. Все это бесспорно, но разве эстетический элемент присущ только произведениям искусства? Он содержится во многих областях человеческой деятельности. Не нам говорить М.М.Ботвиннику - выдающемуся инженеру и ученому, какую роль эстетический

элемент, критерий красоты играет в решении математической задачи. От этого, однако, математика не становится искусством».

Парадоксально, но последняя встреча Анатолия Яковлевича с шахматами была связана как раз с именем Михаила Ботвинника и его главного и давнего соперника Василия Смыслова. Весной 1996 года Анатолий Яковлевич на правах радушного хозяина и любителя шахмат пригласил в Зеленый зал Института истории искусств участников турнира, посвященного памяти патриарха, как за глаза еще при жизни называли первого нашего чемпиона все российские шахматисты. Зрители, среди которых было немало известных гроссмейстеров, предвкушали удовольствие от предстоящего концертного дуэта вокалиста Смыслова и пианиста Тайманова. Но их ждал еще один приятный сюрприз - вступительное слово Альтшуллера, которое превратилось в самостоятельный концертный номер. Блистательное по форме и высококомпетентное по содержанию выступление, посвященное истории Зубовского дома, вызвало у гостей живейший интерес. Когда лектор поделился воспоминаниями о довоенном шахматном Ленинграде, в разговор вступил и Марк Тайманов. Диалог давних партнеров и остроумных собеседников напоминал джазовую импровизацию. Вечер явно удался. На другой день Василий Васильевич Смыслов проникновенно сказал мне: «Какой у Вас замечательный дядя! Как приятно было познакомиться с еще одним настоящим петербургским интеллигентом». Анатолий Яковлевич был по-своему честолюбив, может быть, даже чуть-чуть тщеславен, но, как все счастливые и любящие жизнь люди, щедро делился своими успехами со всеми окружающими. Он не прятал удачу от света, как скупой рыцарь, а радовался ей, как большой ребенок. У людей крупных это вызывало ответную добрую улыбку. У людей мелких (и как следствие - недоброжелательных) должно было вызывать зависть. Но кванты его обаяния были настолько всепроникающими, что, как это ни удивительно, он не нажил за свою достаточно сложную жизнь не только явных врагов, но даже агрессивных завистников. Да, он любил демонстрировать свою эрудицию, гордился своей семьей, но, насколько это симпатичнее, чем выискивать чужие недостатки.

Он умел находить удовольствие в самых незаметных, и, казалось бы, незначительных радостях жизни. Будь то рюмка хорошей водки, прогулка с любимой, где-то найденной собакой, выигранная блиц-партия, лодка на берегу озера или большой письменный стол в дачном домике, за которым ему хорошо работалось.

На банальный вопрос: «Как вы поживаете?» отвечал, может быть, не всегда искренне, но неизменно весело: «Прекрасно!» И в этом ответе звучал не показной оптимизм, а уверенное мужество большого и сильного человека, который не хотел своими проблемами напрягать, или как сейчас говорят, ”грузить” своего собеседника.

В последние годы его любимой фразой, его девизом были слова: «Мы еще все успеем. У нас еще все впереди!» Если бы это было так!

В семье Финкельштейнов, из которой происходила моя бабушка Елена Яковлевна, шахматы были не столь популярны. Впрочем, ее любимый кузен Борис Николаевич Финкельштейн – один из создателей знаменитого Украинского Физико-Технического института (УФТИ), а впоследствии, проректор Московского института стали и сплавов, относился к древней игре с уважением. Среди его друзей – крупнейших физиков XX века было немало поклонников и любителей шахмат – академики И.М. Халатников, П.Л. Капица, Я.И. Френкель (кстати научный руководитель моего отца в Политехническом институте). Рассказы о шахматах и шахматистах окружали его и дома. Его супруга Екатерина Викторовна в юности брала уроки у легендарного русского мастера Федора Ивановича Дуз-Хотимирского, и всю жизнь обсуждала новости шахмат. Интересовался шахматами и ее отец Виктор Бак – издатель популярной в среде дореволюционной интеллигенции газеты “Речь”, выразившей взгляды кадетской фракции в Государственной Думе.

В первом классе, как большинство домашних детей, я переболел банальными детскими болезнями, которые преследовали меня почти весь учебный год. Сначала – корь, с последующим осложнением- воспалением среднего уха, а затем и скарлатина. Моя первая, уже совсем старенькая, учительница Варвара Ивановна, видя, что, в классе мне особенно делать нечего, относилась к моим пропускам спокойно, и, практически, весь первый класс я проучился заочно.

В том мире, в котором я рос, было принято лечиться дома. Больница становилась лишь вынужденной уступкой неизбежному хирургическому вмешательству. Смена привычного уюта и тепла на казенный мир больницы воспринимался самим больным (особенно, ребенком) и его близкими почти как трагедия. Впрочем, такое же отношение было и к другим местам вынужденного пребывания: будь – то отправка на картошку, на военные сборы, или, не дай Бог, в милицейский участок или в лагерь. Такой, почти метафизический, страх перед любым казенным домом, где

отнимается свобода действий, будь-то больница, армия или тюрьма, сохранился у меня на всю жизнь.

Не могу не прибегнуть к набоковскому языку: так, шахматный король под угрозой мата, лишаясь надежной свиты, подчас, вынужден покинуть надежную крепость рокировки и выйти в центр продуваемой всеми ветрами черно-белой доски.

В том мире доктора приходили на дом. Прежде всего, их провожали из передней в ванную, где заранее была включена газовая колонка (горячей воды в ту пору в квартирах еще не было, впрочем ее нет у нас на Басковом и поныне).

После ритуала омовения и без того белых и холеных рук, доктор с задумчивым видом принимал поданное домработницей или няней мягкое вафельное полотенце и, лишь затем, сопровождаемый домочадцами, направлялся к больному. Эскулап весело здоровался с пациентом и начинал его неспешно осматривать, прослушивать и простукивать, одновременно задавая стандартные вопросы озабоченно толпившимся за его спиной, родственникам. Все это сдабривалось набором дежурных шуток, давно уже несмешных, но обязательных, в арсенале любого успешного доктора, считавшего себя и психотерапевтом.

После оглашения диагноза врач садился за большой письменный стол моего деда и выписывал многочисленные рецепты. Затем вырывал листочек из именного блокнота и заполнял его необходимыми рекомендациями; (это могли быть уколы, анализы, горчичники, банки и т.д.), ставил в правом нижнем углу свою треугольную личную печать, и, пожелав больному скорейшего выздоровления, удалялся, не забывая при этом, захватить приготовленный на столике в передней, конверт с гонораром.

Насколько я помню, в те времена профессору было принято давать 150 рублей плюс 50 рублей на такси в оба конца. Личных машин в пятидесятые годы прошлого века у врачей, даже весьма именитых, еще не было.

Нынешний Главный санитарный врач Геннадий Онищенко, тогда видимо еще только появился на свет, но административные правила в области медицины уже были не менее суровы. Обнаружение инфекционной болезни вело за собой принудительную госпитализацию в больницу. Мой участковый педиатр доктор Карлинская при всей симпатии к нашей семье, не могла нарушить действующее постановление, и, после консультации с врачом-инфекционистом, выписала направление в соответствующий стационар.

Но мой дед был не из тех людей, которые сдают своих без боя. Он предложил организовать карантин мне на дому. По предложенной им легенде, со мной в квартире будет находиться только бабушка, которая ни с кем извне общаться не будет. Что касается работающих членов семьи, то есть, дедушки и мамы, то они, на время моей болезни, переедут к родственникам. Естественно меня будет посещать медсестра с тем, чтобы делать инъекции, но это ее профессиональный долг. Этой задумке надо было придать правдоподобный характер. С этой целью был куплен большой навесной замок, укрепленный на двери маминной спальни. Как только раздавался звонок в прихожей, дедушка и мама забегали в эту комнату, а бабушка спешно закрывала их под замок. Ни одной эпидемиологической комиссии не удалось застать моих близких врасплох, и от всех болезней я излечился, не покидая своей квартиры.

Вот в таком добровольном заточении я провел большую часть первого класса школы.

Естественно, мне было скучно, хотя уже тогда я много читал. Моим первым педагогом была бабушка Елена Яковлевна, получившая блестящее гуманитарное образование сначала дома с гувернантками, затем в Петербургской Мариинской гимназии и на Высших женских курсах в Петрограде. Человек, удивительно доброжелательный и деликатный, она, тем не менее, обладала сильным характером, и тяжесть важнейших решений в истории нашей семьи ложилась на ее плечи. Именно она настояла на эвакуации в Омск с последним, прорвавшимся из заблокированного Ленинграда, эшеленом. Эта она - хрупкая, некогда избалованная женщина, вставала в четыре утра и шла по морозным темным улицам сибирского города с тем, чтобы успеть до начала своего рабочего дня, отоварить хлебные карточки и накормить своих близких. После возвращения в Ленинград, бабушка продолжила свою преподавательскую деятельность на кафедре иностранных языков в Стоматологическом институте. Моя мама в 1945 году закончила Юридический факультет Университета и вскоре, пройдя стажировку у одного из самых известных адвокатов страны - Якова Семеновича Киселева, была принята в Ленинградскую городскую коллегия адвокатов. Вскоре на свет появился и автор этого повествования. Могло на миг показаться, что жизнь налаживается. Но даже великая победа в страшной войне не удовлетворила кремлевского Дракона. Ему нужны были новые жертвы. Сначала было сфабриковано "ленинградское" дело, а затем началась средневековая охота на ведьм под лозунгом борьбы с "космополитами". В это трагическое время, которое еще

ждет своего суда и осмысления, заодно с врачами-вредителями, без работы оказалась и моя бабушка. Ее вина была в том, что обучала немецкому языку будущих врачей, и не важно, что зубных! Не без труда ей удалось устроиться учительницей в сменную школу рабочей молодежи при прядильно-ниточном комбинате имени Кирова. Впоследствии ее многолетний педагогический труд был щедро оценен пенсией размером в 49 рублей.

Исключена была из адвокатуры и моя мама. К тому времени с моим отцом они уже расстались. Трагифарсовая эпопея ее восстановления в коллегии, длившаяся почти шесть лет, заслуживает отдельного рассказа.

Единственным добытчиком в доме оставался мой дед, которому шел уже шестьдесят седьмой год. Ощущение тревоги, охватившее в это страшное время многие еврейские семьи, передавалось и детям. Впрочем, в каждой трагедии можно найти и светлые моменты. И у бабушки, и у мамы образовался избыток свободного времени, который, в основном, доставался мне.

В пятилетнем возрасте я под руководством бабушки одолел свою первую книгу, попутно выучив и алфавит. Это был роман Д.Свифта «Путешествие Гулливера в стране лилипутов». Великая сатира, предназначенная автором для взрослых современников, как это часто бывает с истинными явлениями искусства, полюбилась и юным читателям многих последующих поколений. У нас было хорошо иллюстрированное издание с прекрасным крупным шрифтом, вполне заменившее мне букварь.

Ну, а кроме чтения, чем еще можно заняться, во время болезни? Ни плееров, ни, тем более, компьютерных игр, тогда еще не изобрели. Правда, у нас уже появилось чудо техники – первый телевизор КВН-49 с выпуклой линзой, заполненной дистиллированной водой. Но передачи шли только вечером и только по одному каналу. А что делать днем? Может быть карты? Пасьянс хорош тем, что отнимает много времени и не требует партнера, но увлечься им в семилетнем возрасте довольно трудно. Другое дело – игра, требующая интуиции и расчета. В карты я начал играть очень рано, и, впоследствии, (в студенческие годы) уделял им довольно много времени, но здесь уже необходима компания, а, находясь в карантине, пульту не составишь. Это, конечно, сказано для красного словца - преферанс в моем арсенале появился позже, но в старую еврейскую игру шестьдесят шесть (сочно описанную еще у Шолом-Алейхема) я уже сражался. Моим первым карточным тренером была София Яковлевна Барштак (Рошаль) – прекрасный стоматолог и заядлая картежница. Летом

1953 года наши семьи снимали соседние комнаты в доме на Вокзальной улице в Зеленогорске. В общем палисаднике стоял грубо сколоченный стол и две такие же скамейки - типичные экспонаты садовой мебели послевоенных коммунальных дач Карельского перешейка. Несмотря на серьезную возрастную разницу (моя наставница, а затем и спарринг-партнерша была старше меня более чем на шестьдесят лет), игра шла азартно. Самыми популярными карточными играми моего детства были “Тысяча” и “Пятьсот одно”, чуть позднее – “Кинг”. Сейчас я вряд ли даже вспомню правила этой игры, но в юности она была моим коньком. Летним воскресеньем 1968 года на почти уже опустевшем, послеобеденном зеленогорском пляже в карты сражались два Игоря и два Геннадия. Солнце скрылось за облаками, поднялся ветер, но соперники должны были довести игру до конца. Мои партнеры были на несколько лет старше меня, но мне кажется, в тот день я был удачливее своих друзей, и будущего капитана сборной команды Нидерландов, известного гроссмейстера и литератора Генны Мосонко, и будущего авторитетного экономиста профессора и международного мастера Игоря Блехцина, и виолончелиста Игоря Шахина.

Прекрасную альтернативу картам открыла для меня мама. Шахматы - вот идеальное занятие в осадном положении больного! Помню, что именно она показала мне, как передвигаются по доске фигуры и пешки, познакомила с первыми дебютными ходами. Мама играла в шахматы еще до войны. Как я уже рассказывал, многие ее школьные друзья, были большими любителями шахмат, и конечно, это увлечение не могло пройти мимо их компанейской и любознательной соученицы. Официально у мамы в школе была 4-я категория. Девальвация разрядов и званий привела к исчезновению таких градаций (сейчас квалификационная система начинается сразу с 3-го разряда). Но, все же, представление об игре мама бесспорно имела. И так, на огромной кровати, цвета слоновой кости, украшенной цветочными виньетками и розовыми бутонами, словно не выточенными из дерева, а сотканными из воздушных кружев, возникла простая картонная клетчатая доска и легкий металлический ларец на ножках, тоже с какими-то завитушками, как мне тогда показалось, серебряными. Мама приподняла крышку ларца и опрокинула его содержимое. На доску с глухим стуком посыпались деревянные фигурки. У Набокова маленький Лужин услышал “особый деревянно-рассыпчатый звук, от которого стало жарко, и невпопад стукнуло сердце”. Много лет спустя, когда в партии приближался цейтнот, и стрелка на моих часах катастрофически быстро поднимала флажок,

мне самому становилось жарко, да и биение сердца явно не укладывалось в положенную синусоиду. Но в детстве, я не испытал особого волнения от знакомства с диковинными фигурками, оставшимися в нашем доме в качестве, пожалуй, единственного материального воспоминания о моем отце. Происхождение необычного ларца оказалось не столь драматичным. Как я установил впоследствии, в таких серебристых коробках из дешевого легкого сплава, продавался - до революции - развесной чай в дорогих магазинах колониальной торговли; а во времена НЭПа, - такие ларчики можно было увидеть на витринах коммерческих магазинов, и позднее возникших, торгсинов.

Я быстро запомнил правила игры, и через несколько дней, играл не только с мамой, но и с ... самим собой. Герой С. Цвейга, находясь в несравнимо худшем положении, вынужден был играть сам с собой, не имея доски и фигур: "...игра в шахматы с самим собой - бессмыслица, но все же существовала бы какая-то минимальная возможность для такой игры, если бы передо мной была шахматная доска, потому что доска, будучи осязаемым предметом, создавала бы известное чувство пространства, намечала бы какую-то материальную границу между "игроками".

Эта была первая, слабая попытка разбора партий. Может быть, уже тогда зародился во мне будущий интерес к анализу, столь важному в игре по переписке. Кстати, этот странный вид шахматного искусства, ныне переживающий кризис, вызванный распространением мощных компьютеров и сильных игровых программ, спустя много лет был мне весьма прозорливо рекомендован в качестве перспективного занятия моим vis-a-vis по родному переулку Геннадием Сосонко. Возможность заниматься любимым делом, не выходя из своей крепости, всегда была моей мечтой, и, в какой-то мере, она осуществилась.

Учеба в школе давалась мне легко, и из класса в класс я переходил с почетными грамотами, Без особых проблем достался мне и диплом уважаемого в стране Технологического института, да, и работа на ювелирном заводе "Русские Самоцветы", куда я был направлен по распределению, была также не очень обременительной. Но, боже мой, как я не любил все эти заведения! Каким счастьем было увидеть на градуснике заветные цифры 37 и две десятых, и, со спокойной совестью, вызвав врача, остаться дома.

Утверждать, что шахматы сразу же заняли в моей жизни важное место, было бы явным преувеличением. Главным увлечением моего детства были почтовые марки. Именно филателия стала основой моих первых гуманитарных знаний,

катализатором моего интереса к информационной литературе – энциклопедиям, словарям, справочникам. В круг моего чтения входили в основном произведения исторического и приключенческого жанра. К восьми годам я одолел почти всего, доступного в те годы, Жюль Верна, любил фантастику – Уэллса, Беляева, Алексея Толстого. К детективным авторам относился равнодушно, разве что за исключением Конан-Дойля. Стихи я запоминал очень быстро, но Поэзия вошла в мою жизнь несколько позднее с томиком Лермонтова.

Когда мне исполнилось 10 лет, во мне проснулся новый интерес – журналистика. Первая моя публикация датирована 1957 годом, когда я стал юнкором газеты «Ленинские искры». В Питере у меня хранится удостоверение участника слета юных корреспондентов - своеобразного праздника издания, популярного у ленинградских школьников. Проходил он в старом здании ТЮЗа на Моховой, где сейчас находится учебный театр нашей Театральной Академии. Был концерт, встреча с редакторами детских журналов. Во время антрактов юнкоры дежурили в помещениях театра, следили за порядком. Мне достался пост N 1 у кабинета создателя и руководителя первого детского театра - Александра Александровича Брянцева. Антракт подходил к концу. Прозвенел звонок, и я уже собирался бежать в зрительный зал, как вдруг, дверь кабинета неожиданно распахнулась и мне навстречу какой-то легкой, совсем не старческой, даже, как мне показалось, веселой походкой вышел великий режиссер, давно уже отметивший 70-летний юбилей. С удивлением обнаружив дежурного с красной повязкой у своего кабинета, он с хитринкой спросил:

- «А что ты тут делаешь?»

-«Я - дежурный, мне поручили охранять этот кабинет» - с волнением ответил я.

- «Меня охранять не нужно, я куда-то уйду», - пошутил Брянцев, - А, ты раньше бывал в нашем театре?»

- “Конечно! Много раз!” – мой голос уже прозвучал увереннее.

- «Прекрасно! Тогда беги в зал, и приходи к нам еще!»

Эта мимолетная встреча с истинным петербургским интеллигентом почему-то запомнилась навсегда.

Были у меня и спортивные пристрастия, но они носили сезонный характер. Ни болельщиком, ни тем более, фанатиком какого-нибудь вида спорта я никогда не был. Но лето я не представлял себе без велосипеда и настольного тенниса. Я не просто любил велосипед, - в дачное время я совсем переставал

ходить пешком. Помню, как однажды нас с мамой пригласил на свой юбилей ее друг и коллега известный адвокат Юрий Лурье. Торжество проходило в самом популярном пярнусском заведении тех лет ресторане “Раннахооне”. Московские и ленинградские дачники переименовали это сложное название в более понятное для большинства из них “Рошошоне” (от Рош а-Шана - еврейского Нового Года). На свой первый в жизни банкет я прибыл на велосипеде, который, после трудных переговоров с администратором, удалось на вечер оставить в вестибюле.

Проводя лето в самой спортивной республике нельзя было не увлечься и невероятно популярным в Эстонии настольным теннисом. Практически каждой двор в Пярну, Эльве или Усть-Нарве украшал теннисный стол, причем прекрасного, по тем временам, качества. Со спарринг-партнером мне повезло. В соседнем доме на улице Папли отдыхал полковник в отставке из Москвы. Звали его Леонид Маркович. Этот, как мне тогда казалось, пожилой человек сохранил не только чувство юмора, но и прекрасную физическую форму. В этом я смог убедиться уже после первой партии с ним. Он разгромил меня, чуть ли, не с сухим счетом. Позднее, я узнал, что мой соперник в тридцатые годы был одним из сильнейших игроков страны. Играл он по-прежнему блестяще, и гонял меня по всей площадке, умело чередуя направления шарика, то к самой сетки, то на дальний край стола. Выматывался я ужасно, а он почти не сходил с места и не менял своей профессиональной стойки. Конечно, техники защиты у меня не было, но оборонялся я самоотверженно и отбивался до последнего. Однажды, находясь в азарте борьбы, я умудрился раскрыть себе ракеткой голову. Шрам от этого удара остался на всю жизнь. Постепенно я набирался опыта, и выиграть у меня прямой атакой, лишь за счет сильных ударов, стало непросто даже рослым эстонским игрокам, но хитроумный Леонид Маркович продолжал меня обыгрывать, хотя уже не с таким крупным счетом. Отсутствие профессионализма компенсировалось честолюбием – очень уж не любил я проигрывать. Думаю, что такое качество характера необходимо для достижения успеха в любой области человеческой деятельности.

Помню, как однажды в одном из Домов творчества под Ленинградом, довелось мне встретиться за теннисным столом с выдающимся шахматистом, который вместе со своим секундантом готовился к матчу претендентов на первенство мира. В начале я не мог приноровиться к его стилю игры, но постепенно нашел свою игру и счет по партиям остался в этом неофициальном матче за мной. Ведя в счете, мой уважаемый соперник был настроен весьма

дружелюбно, но по мере изменения ситуации он мрачнел и сражался все с большим ожесточением. Со стороны можно было подумать, что в этом товарищеском поединке решается его судьба. В итоге он был явно расстроен, пожалуй, даже взбешен, и отправился на обед, со мною не попрощавшись. Читатель, знакомый с героями шахматной сцены, поймет, что мне противостоял великий боец - Виктор Львович Корчной.

Известный своей эмоциональной выдержкой, внешне невозмутимый Анатолий Карпов не менее честолюбив и также азартно стремится к победе, играя даже в "подкидного дурака" или в бильярд. Честолюбие – свойство не избирательное.

Девиз уверенных в себе людей можно сформулировать так: "Во что бы, ни играть – только выигрывать!" Я исповедовал менее амбициозный принцип: "Если играть, то стараться не проигрывать!". Осуществить в жизни такой подход, конечно, тоже непросто. Видимо, он и стал причиной того, что в течение шести лет после знакомства с шахматами я относился к ним довольно равнодушно. В школе проходили какие-то соревнования, но некоторые одноклассники играли лучше меня, и центробежной силой самолюбия шахматная игра неизбежно выталкивалась на периферию моих интересов. У меня было много других увлечений, и особенной мотивации для серьезного занятия шахматами я не ощущал. Но любовь случилась, и, как всякая любовь, пришла неожиданно. Превращение предчувствия в реальность не всегда легко датировать. Но в моей биографии эта точка на оси времени установлена точно - последние дни мая 1960 года.

Юрий Фельдман

Сорок лет спустя.

Вспоминая знакомство с Борисом Спасским

евраль, 1972 год. Уже третий год провожу я отпуск в горнолыжном лагере «Адыл-су», в Приэльбрусье. Точнее служу врачом, зарабатывая на кооперативное жильё. Впрочем, отсутствие отпуска с ленивым копчением на пляже вполне компенсировалось сказочной красотой гор, хрустально-чистым воздухом и знакомством с интересными людьми, любителями гор и лыж.

Альпинизм и горные лыжи, как спорт и одна из немногих форм личной свободы в те застойные советские времена были в моде среди интеллигенции. А какие пелись песни! Вспомните Владимира Высоцкого:

Парня в горы, возьми, рискни
Посмотри кто такой...
Или Юрия Визбора:
Лыжи у печки стоят
Гаснет закат за горой...

Мне повезло. Я сидел рядом в гостинице «Иткол», песни его проникали в сердце, и видел, как бесстрашно мчался Визбор черным ангелом с рыжей шевелюрой с любой крутизны!

Но речь сегодня не о них, а о весне семьдесят второго. Как только я приехал, сразу сообщили, что в Адыл-су все на ушах. Приехал и готовится к защите своего титула сам десятый чемпион мира Борис Спасский! Он, как и знаменитые фигуристы супруги Людмила Белоусова и Олег Протопопов, - члены и гордость спортивного общества «Локомотив».

В те времена всё и везде было иерархическим. Даже места в столовой спортивной базы. Ужин. Ресторан или столовая, назовите как хотите. За длинными столами кормят горнолыжников. Еда непрехотливая, превалировала перловка во всех видах. За отдельным круглым столом тренеры и персонал, в том числе и ваш покорный слуга. За другим меньшим круглым – начальник лагеря суровый Федоренко. Рядом с ним - знакомый по фотографиям Борис Спасский, незнакомый мне его тренер гроссмейстер Николай Крогиус, далее – женщина с невесёлым лицом, жена Спасского, и тихий мальчик лет шести – их сын. Всё внимание на нём, чемпионе. Должен заметить, и в дальнейшем, а он жил там месяц, Борис Спасский, со свойственной ему харизматичностью постоянно пользовался вниманием.

Вечером выяснилось, комната, где жили Спасские, находилась рядом с моей, что привело к естественному знакомству.

Пару слов об Адыл-су. Центральная усадьба с кухней, рестораном и десятком жилых комнат вначале тридцатых была построена как горный дом отдыха для кровавого комиссара Ежова и его приближенных. После его расстрела дом стал базой отдыха руководства железных дорог, а уж затем - спортивным центром «Локомотива». Летом для альпинистов, зимой – горнолыжников. Здание деревянное, стенки между комнатами – звукопроницаемы.

Всё слышно, в том числе и ссоры... Впрочем, через три дня его жена с сыном уехали. Борис, а он настоял, чтобы мы звались по имени и на «ты», был для меня человеком весьма любопытным. Тем более, он оказался открытым и разговорчивым.

Внешне Спасский мужчина весьма привлекательный. Выше среднего роста, хорошо скроен. Светлый шатен с густой волнистой шевелюрой.

Я очень далёк от шахмат, но знал, что Михаил Ботвинник - профессор, да и его тренер Николай Крогиус – учёный муж - доктор наук, психолог, и мне казалось, шахматист, гроссмейстер, должен быть широко образованным, в высшей степени интеллигентным человеком. К тому времени я уже поработал со штангистами, боксёрами, другими профессионалами спорта и был несколько удивлён, что Борис Спасский по своему складу ближе к спортсменам, чем к утончённым интеллектуалам, что, впрочем, не делало его менее интересным.

Когда жена с сыном уехали, я осторожно заметил, что жена его, похоже, любящая и наверно будет скучать. «Любит, не любит», - пробурчал недовольно, - «устал от её любви, дышать нечем, никакой свободы, я так не могу!» Позже, случайно узнал, что они разошлись, и он женился на француженке.

Спасского поселили в лучшую комнату вместе с его тренером. Николай Васильевич Крогиус, профессор, гроссмейстер, автор книг по психологии шахмат, человек иного склада, чем его именитый подопечный. Был он старше нас, к панибратству не склонным. Порой, как все тренеры, поругивал Спасского за лень, тот отшучивался. Однажды пожаловался мне, как трудно, почти невозможно заставить делать Бориса хоть что-либо, чего он не хочет. Я к ним заходил, но за шахматной доской ни разу не заставал, но всегда приветливо доставалась из ящика бутылка вина. Нет, пьяными их не видел, как не примечал и безразличия к тем напиткам.

Во время наших прогулок Борис то ли хвастался, то ли жаловался, что вся его жизнь с пяти лет – одни шахматы. Сборы, турниры, соревнования. С двенадцати лет уже профессионал, получал стипендию. Теперешняя - в два раза больше моей зарплаты, казалась ему унижительно маленькой. О деньгах, призах говорил нередко, что характерно для профессиональных спортсменов. И все считали, что платят им недостаточно.

От него я услышал об истории шахмат, и о том, как бедствует на старости лет американский гроссмейстер Самуил Решевский. О Бобби Фишере говорить не хотел. Сам шахматы любит, но иногда, как сейчас, кризис, видеть их не может.

Как-то рассказал, выиграл турнир в Штатах. Пять тысяч долларов - сумма, казавшаяся ему огромной. Выдали чек, объяснили, где получить. Банк стилизован под индийский вигвам. Там сидел человек в наряде кино-ковбоя, дремал. Рядом с ним мешок завязанный бечевкой. Спасский подал чек, тот взял, лениво взглянул, вынул из мешка пачку денег, протянул, и, нахлобучив сомбреро, продолжил сон. Борис понял, что его «огромный»

гонорар для кассира-ковбоя просто пустяк. А потом он должен был отдать эти деньги в посольство, и ему оставили только десятую часть. На такой же государственный грабёж жаловался ему и Мстислав Ростропович. Как и немногие выездные, он кое-чему научился и просил организаторов турниров не давать призы деньгами, а чем-то материальным. Так он привёз в Москву автомашину. Спортивное начальство было весьма недовольно, но, пока он чемпион, терпели. Его смелые высказывания против властей, КГБ казались мне чересчур рискованными.

Ещё интересно, что во время турниров отношения между соперниками меняются. Так до начала борьбы за шахматную корону его отношения с Тиграном Петросяном были вполне миролюбивыми, а в конце - они с трудом переносили, даже ненавидели друг друга. Потом отношения наладились. Подобное я слышал и от боксёров. Но, то же бокс, бьют, больно! Нет, не бывает соперничества без эмоций, без злости, как на ринге, так и за шахматной доской!

Два эпизода тех времён, мне кажется, высвечивают чемпионский его характер.

За посёлком Эльбрус есть место, откуда красота Кавказа казалась мне особенно потрясающей. И я решил ему показать. Дорога не слишком дальняя, километра четыре. Но по пути есть нелёгкий участок, крутой холм с полкилометра. Когда мы стали по нему подниматься, Борис заметно устал. Очевидно, сказывалось содержание тех самых бутылочек. Он стал чаще останавливаться, шутить, а потом заявил, что идти в гору ему скучно, и, вообще, умный в гору не пойдёт. Мы вернулись. Эпизод, вроде, исчерпан. Но нет. На завтра он сам подошёл и предложил закончить вчерашнее путешествие. Посередине того подъёма ускорился, обогнал меня и, дойдя до вершины холма, прокричал, чтоб я не торопился, он подождёт. А вид на двузубую гору Ушба его тоже впечатлил.

Второй случай был серьёзней и опасней. Он заявил начальнику спортбазы Федоренко, что обязательно спустится на лыжах с Чегета. Кто там бывал, знает, - это не шутка. Трасса на горе столь длинна, крута и опасна, что на его склонах не проводились международные соревнования. Переломы и другие травмы там были обыденным, почти ежедневным явлением. Ему, Спасскому пытались это объяснить. Ведь он не имел горнолыжного опыта. Бесполезно!!!

- Я видел, как катаются другие, значит, и я могу!

Ужас обуял начальника. Собрали штаб тренеров, те обещали не дать разбиться гордости советского спорта.

Организовали один день тренировки на учебном склоне. Решили, что он, особенно в присутствии одной симпатичной тренерши, не безнадежен. Были отменены спуски наших малоопытных лыжников, потому как три лучших тренера и та самая, молодая сопровождали его на Чегет. Я там не был, но рассказывали, - зрелище было не для слабонервных. Но он, перестрахованный тренерами и поощряемый ею, спустился и не разбился. **Спасский своего добился!**

Срочно купили ящик вина и до полночи праздновали победу над Чегетом.

С инструкторами, тренерами держался он просто, был душой компании, любил солёные стишки и анекдоты для мужских ушей. И еще старался понравиться той, чьё имя я не помню. Ладная, молодая, с ямочками на щеках, инструктор горнолыжного спорта ему нравилась. Он выгуливал её вечерами, смешил, но никто не замечал, чтоб он бывал у неё. Однако сплетничали, как по утрам из её комнаты выходил быкообразный мужик, тренер из соседнего лагеря... Кто поймёт этих женщин? На этот раз чемпион не выиграл, и наверно переживал.

Единственно с кем он ругался, был Николай Васильевич Крогиус, которому редко удавалось засадить питомца за шахматы. Временами сквозь фанерные стены доносилось: видеть их не могу, не хочу! Проклятье, всю жизнь одни шахматы, шахматы, шахматы! Ведь я журналист, уйду в газету статейки пописывать. И голова болеть не будет!

Когда они уезжали, мне не казалось, что у них хорошее настроение и боевой настрой перед встречей с Бобби Фишером.

А потом? Потом был скандал на весь мир. Он, шахматная надежда советского спорта, молодой чемпион, русский, проиграл врагу, американцу, еврею. Ему, как положено, срезали зарплату, пардон, стипендию, сделали невыездным. Тренеру тоже попало. Если бы он проиграл нашему, пусть еврею, последствия были бы куда менее суровые. Но врагу, американцу, да ещё в шахматах, где мы, почти как в балете, впереди планеты всей! Нет, это невозможно, скандал....

С тех пор прошло сорок лет. Мир изменился до неузнаваемости. Мы живы. Борису Спасскому исполнилось 75 лет. Живёт во Франции. Дай Бог ему здоровья!

Николаю Крогиусу 82 года. Он - в Штатах. Мне 74, я - в Германии.

Но иногда вспоминаю, как Борис, такой молодой и свойский, надвинув кепчонку на брови, с явным удовольствием декламировал хулиганские стишки:

Ты мне не родная, не родная, нет!

Мне теперь другая делает

Дальнейшие строчки совсем в стиле языка Юза Алешковского, но нам эти «сочинения» казались вызывающе смелыми и нравились.

Июль 2012 Stuttgart

Игорь Ефимов

Филипп Рот (1933-)

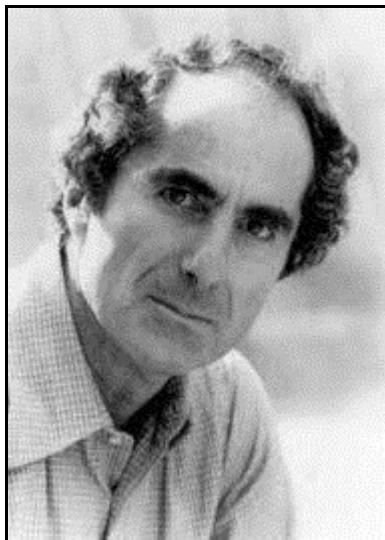

АС: Вот вечный спор: позволено ли нам, читателям, видеть в образах литературных персонажей самого автора? Уже Пушкин писал: «Всегда я рад заметить разность между Онегиным и мной... Как будто нам уж невозможно / писать поэмы о другом, / как только о себе самом». Насколько молодой Гёте отразился в Вертере? Стендаль – в Жюльене Сореле? Бальзак – в Растиньяке? Томас Манн – в Ашенбахе? Набоков – в Гумберте Гумберте? Сэлинджер – в Холдене Колфилде? В этом ряду Филип Рот представляется неким чемпионом литературных прятков. Из романа в роман у него кочует alter ego по имени Натан Зукерман, но параллельно возникают и другие двойники, которые, в свою очередь начинают двоиться и расплываться. Только-только нам покажется, что вот – мы ухватили подлинный автопортрет писателя, а он уже кричит из другого угла комнаты: «Обман! Опять не я! Опять надул простофиль!».

ТЕНОР: Даже в автобиографической книге под названием «Факты» (1988) Рот продолжает запутывать нас, прятаться за ширмы и маски. Имя своей первой жены, Маргарет Михаэльсон, прячет за вымышленным именем Джози Дженсен. Других многочисленных подруг не упоминает. Об актрисе Клэр Блум, с которой он состоял в неофициальном браке с 1976 года, – ни слова. Страшная нервная депрессия, пережитая им в середине 1980-х, доходившая до полного впадения в детство («Нет, не заставляй меня идти в бассейн, я боюсь!») в тексте этой псевдоавтобиографии помечена двумя словами. В рассказе о себе Рот строит повествование с такой же осторожностью, с какой подозреваемый в преступлении вёл бы себя на допросе в полиции: подсовывает разные версии происходившего, меняет даты и место действия, прячет подлинные имена участников.

БАС: В предисловии к книге «Факты» Рот пишет, что по степени самообнажения он видит себя где-то посередине между эксгибиционизмом Нормана Мэйлера и патологической засекреченностью Сэлинджера. На сегодняшний день мы имеем

слишком мало данных и «свидетельских показаний», чтобы провести серьёзное «следствие по делу», отделить мерцающие обличья двойников от фигуры самого автора. В связи с этим, почему бы нам не притвориться наивными олухами и не принять все вымышленные «я», рассыпанные в его романах, буквально? Ведь в творческом процессе писатель, говорящий от первого лица, всегда должен поверять поведение героя собственным эмоциональным и жизненным опытом. Использование «я» неизбежно должно приоткрывать какую-то правду о самом пишущем.

Филипп Рот

ТЕНОР: Действительно, при таком подходе мы окажемся избавлены от необходимости объяснять, откуда мы получили те или иные «улики» для нашего следственного дела. Мы будем вправе отмахнуться от литературных увёрток нашего подследственного и исходить из допущения, что в своей психологической сути Нил Кругман, Александр Портной, Натан Зукерман, Дэвид Кепеш, Колман Силк, Баки Кантор и прочие есть одно и то же лицо, в реальной жизни пользующееся водительскими правами, выписанными на имя Филипа Рота. «Подозреваемый» говорит от первого лица – ведь это равносильно признанию. Что может быть лучше! «А вдруг его признания вырваны пыткой?», – спросят нас законники и гуманисты. «Подобный вид пытки называется *жизнь*, и он разрешён во всех

цивилизированных государствах», – ответим мы. И сможем прямоком отправиться в детство и отрочество Филипа Рота, которое так блистательно описано им в романе «Жалобы Портного» (1969).

БАС: Из этого романа мы узнаём, что мальчик, которого мы дальше будем называть Алекс-Натан, родился и рос в еврейской семье, жившей в городе Ньюарк, штат Нью-Джерси. Что отец его был агентом по продаже страховых полисов, а мать вела домашнее хозяйство и растила своих детей. Она учила их быть вежливыми, честными, старательными, богобоязненными, учила правилам, завещанным еврейской традицией, но главное – следила за их питанием. Если ей казалось, что сын слишком мало съел за обедом, она усаживалась рядом с ним, держа в руках длинный кухонный нож, и мальчик, давясь от страха, запихивал в себя ненавистную еду. Если она подозревала, что по дороге из школы он съел в какой-то забегаловке поджаренный картофель или гамбургер, она начинала рыдать и умоляла его никогда не делать этого. «У тебя начнётся хронический понос и недержание мочи», – грозила она доверчивому ребёнку.

ТЕНОР: Пытаясь поймать его на очередном гастрономическом преступлении, она требовала, чтобы он не спускал воду в туалете, дал ей посмотреть на «улики». Но Алекс-Натан каждый раз делал вид, что забыл о приказе, и воду спускал. Ибо ему необходимо было скрыть следы более серьёзного «преступления». Довольно рано он открыл для себя радости мастурбации и предавался этому пороку по нескольку раз в день. Иногда они с приятелями усаживались в кружок и по команде устраивали состязание – кто первый кончит. Если герои маркиза де Сада из книги в книгу стегают розгой женщин, если герои Захер-Мазоха дают женщине стегать и унижать себя, то герои Филипа Рота упоённо и изобретательно мастурбируют в туалетах и скверах, в такси и в автобусах, используя то свою руку, то пальцы покладистой партнёрши, то носовой платок, то кусок сырой говяжьей печёнки. («Доктор, поймите, я трахнул обед моей семьи!»)

БАС: Среди участников и идеологов «сексуальной революции», прокатившейся по Америке во второй половине 20-го века, Филипа Рота можно уподобить некоему Робеспьеру, доводящему воинственные лозунги и догматы до крайности. Под его гильотину отправлены все романтические сентименты, а также стыдливость и скромность, они изгнаны из его произведений как нечто позорное, как дань прогнившей буржуазной морали. Мужские и женские гениталии присутствуют на страницах его

прозы во всех возможных ракурсах и сочетаниях, нецензурные слова мелькают чуть ли не в каждом абзаце. Ведь правда жизни, по понятиям Алекса-Натана, в том и состоит, что все мужчины и женщины только и ищут, как бы совокупиться друг с другом, а те, кто отрицает этот очевидный факт, просто трусы или лжецы.

ТЕНОР: В романе «Жалобы Портного» очень красочно описано, как Алекс-Натан нашёл партнёршу, обладающую восхитительной попкой и разделяющую его взгляды на отношения полов. При первой встрече на улице между ними происходит такой диалог: «Хай... Мне кажется, мы уже встречались где-то?..» – «Чего тебе надо?» – «Я бы хотел пригласить вас распить стаканчик...» – «Ещё один блюдун на мою голову.» – «Тогда как насчёт пососать твою пипку?» – «Вот это уже лучше», – отвечает прелестница. И счастливая парочка тут же отправляется в её квартиру.

БАС: В этом романе автор даёт героине имя Мэри Джейн Рид, по прозвищу Обезьянка. У неё за плечами уже два развода, где-то ошиваются двое рождённых ею детей. Прежние мужчины обращались с ней ужасно, смотрели сверху вниз, оскорбляли, избивали, бросали. И в Алекс-Натане вдруг вспыхивает желание стать для неё рыцарем в сияющих латах, искупить чужую вину, показать ей, себе, всему миру, как ведёт себя настоящий мужчина. Подобная схема отношений будет многократно всплывать и в других романах Рота, и та же героиня будет появляться там под другими именами. Её образ превратится в типаж. Чтобы не потерять этот кочующий из книги в книгу персонаж, нам следует обозначить его каким-то условным кодом-кличкой. Например ДУМ – Девушка, Обиженная Мужчиной.

ТЕНОР: В романе «Моя мужская жизнь» (1974) ДУМ выведена под именем Морин Тарнапол. Там её вульгарность, бесчестность, манипуляторство доведены до гротеска. Больше того, ей удалось нащупать слабую струну Алекса-Натана и безотказно надавливать на чувство вины, возвращённое в нём еврейским воспитанием. В какой-то момент она объявляет, что забеременела и он должен на ней жениться. «Как забеременела? Не может быть! Мы вели себя так осторожно!» – «Не веришь? Я пойду и сделаю тест, чтобы ты убедился», – говорит хитрая ДУМ. Сама же отправляется в близлежащий сквер, находит там беременную негритянку и за скромную плату покупает у неё баночку мочи, которую и сдаёт на анализ в аптеку. Алекс-Натан в ловушке, а ей только того и надо. Есть убедительные свидетельства того, что первая женитьба Филипа Рота произошла именно таким образом.

БАС: Два года супружеской жизни были мучением для Алекса-Натана. Только страх, что жена исполнит свою угрозу и покончит с собой, удерживал его. Но когда он, наконец, решился расстаться с ней, ДУМ не только не повесилась, но продолжала следовать за ним, куда бы он ни пытался удрать от неё. Оказалось, что, по законам штата Нью-Йорк, жена может отказывать мужу в разводе до бесконечности и всё это время получать алименты равные половине его доходов. Только чудо спасло Алекса-Натана, как и самого Рота: на пятом году его мучений ненавистная жена внезапно погибла в автомобильной аварии.

ТЕНОР: Однако ужас перед неволей моногамных отношений остался в нём надолго. Пройдёт больше двадцати лет, прежде чем Филип Рот решится снова надеть на себя брачные узы. Тянутся одна за другой связи различной длины и страстности, но по большей части он живёт один, в загородном доме в штате Коннектикут. Его уединение не доходит до таких крайностей, как у Сэлинджера, время от времени он появляется в нью-йоркских редакциях, в ресторанах, на церемониях вручения ему различных литературных наград, разъезжает по свету. Однако есть много черт, сближающих этих двух писателей. Например, равнодушие к природе. Алекс-Натан сознаётся, что у него ушло семнадцать лет, чтобы научиться опознавать дуб, и то лишь в случае, если на нём видны желуди. Другая общая черта – гневливость. В послевоенном поколении «сердитых молодых людей» Рот вполне мог бы побороться за титул «самого сердитого».

БАС: Поначалу мальчик Алекс-Натан был послушным ребёнком, старался принять все правила и верования еврейской среды, внушаемые ему заботливой матерью. Однажды, глядя на снежный буран за окном, он спросил: «Мама, а в зиму мы верим?». Но постепенно примитивное разделение людей на хороших евреев и плохих гоев начало вызывать в нём протест. Зачем нужны все эти идиотские кошерные правила с едой и посудой? Только для того, чтобы дрессировать во мне слепое послушание? Почему я должен ходить в синагогу и слушать раба, который несёт чушь про доброго и справедливого Бога, карающего грешников и вознаграждающего праведников? Что ж, по-вашему, шесть миллионов евреев, погибших в Холокосте, все были грешниками, заслужившими свою судьбу?

ТЕНОР: Религиозные сомнения подростка хорошо воссозданы Ротом в раннем трагикомическом рассказе «Обращение евреев». Там четырнадцатилетний Алекс-Натан (скрывшийся под именем Ози), готовясь к бар-мицве, вступает в богословский спор с рабаем Байндером, доказывая, что, если

Господь всемогущ, как утверждает Тора, то значит Он мог даже зачать Христа непорочным способом. Взбешённый кощунственной непокорностью рабай в конце концов даёт мальчику пощёчину. Ози в слезах убегает на крышу синагоги и грозит броситься оттуда на асфальт. Вызванные пожарные растягивают внизу сеть, но мальчик перебегает на другую сторону крыши. Внизу уже собралась толпа, мать и рабай умоляют беглеца не кончать с собой. Почувствовав свою власть над ними, Ози заставляет обоих опуститься на колени. А рабаю приказывает вслух торжественно признать, что да, Господь мог произвести Христа от девственницы. Добившись своего, он прыгает в растянутую сеть.

БАС: Этот ранний сборник «Прощай, Коламбус!» (1959) вызвал большой гнев еврейской общины. Особенно возмутил читателей рассказ «Защитник веры», напечатанный также в журнале «Ньюйоркер». Действие его происходит в военном лагере на территории Америки летом 1945 года. Солдат-еврей по имени Гроссбарт разными уловками пытается получить мелкие льготы от сержанта Маркса, тоже еврея. Пока речь идёт о соблюдении еврейских праздников и о доступе к кошерной еде в общей столовой, Маркс нехотя идёт навстречу солдату. Но потом он узнаёт, что Гроссбарту удалось связаться с еврейским писарем в штабе полка и подбить его вычеркнуть его имя из списка отправляемых на Тихоокеанский фронт. Возмущению Маркса нет предела, и он добивается, чтобы имя Гроссбарта вернули в список.

ТЕНОР: По поводу этого рассказа Роту пришлось давать объяснения представителям Антидиффамационной еврейской лиги и собранию студентов ешивы. Его объявили антисемитом, обвинили в клевете и кощунстве. Разгневанные студенты спрашивали, написал бы он такой рассказ, если бы жил в нацистской Германии. Всё это явилось настоящим шоком для молодого писателя. Оправдываясь, он говорил, что в юности собирался стать адвокатом, чтобы защищать людей от несправедливых преследований, и как раз намеревался предложить свои услуги Антидиффамационной лиге.

БАС: Мечта о защите справедливости неизбежно приводит юношу к обожествлению идеи равенства людей. «Если это делает меня коммунистом, – вопит Алекс-Натан, – то и пусть... Это всё же лучше, чем послушно молиться в синагоге, когда все уже знают, что религия есть опиум для народа. В Советском Союзе люди равны независимо от их расы, веры или цвета кожи. Мой коммунизм начнётся с того, что я буду есть вместе с нашей чёрной кухаркой – за тем же столом, из той же посуды и то же

самое, что ест она... У меня из ушей лезет сага о страданиях еврейского народа, которая ставит его выше других. Я хочу быть просто человеком, с теми же правами, что у всех!»).

ТЕНОР: Однако справедливость – не такая простая вещь, как это кажется её идолопоклонникам. Вот в повести «Прощай, Коламбус!» молодой библиотекарь знакомится с негритянским подростком. Этот мальчик, несправедливо лишённый расовыми предрассудками многих жизненных благ, приходит в библиотеку каждый день, отправляется в отдел книг по искусству, усаживается на пол и начинает с увлечением листать альбом репродукций с картин полюбившегося ему Гогена. Да, вот так: не носится по улицам, не вступает в шайку, не накачивается наркотиками, а поддаётся зову прекрасного – как славно! Но однажды немолодой белый читатель кладёт тот самый альбом на стол библиотекаря и просит отметить книгу в его читательском билете – она нужна ему дома на несколько дней. Что делать? Неужели лишить обделённого мальчика его единственной духовной пищи? Ни за что! И герой Рота лжёт старику, говорит, что не может дать ему книгу, потому что она зарезервирована другим читателем.

БАС: Вообще Алекс-Натан пользуется обманом легко и без заметных угрызений совести. Что делает сержант Маркс в рассказе «Защитник веры», когда узнаёт о трюках Гроссбарта? Нет, он не подаёт рапорт капитану. Он звонит знакомому секретарю в штабе полка и сплетает такую историю: у Гроссбарта, дескать, в Европе погибли родственники, и он рвался в бой – мстить врагам; теперь он страшно подавлен тем, что его лишили такой возможности; нельзя ли вернуть его в списки отправляемых на фронт? Ложь срабатывает, Гроссбарт отправляется на войну, призывая еврейские проклятья на голову своего преследователя. Тот же очень доволен удавшимся трюком. Ведь справедливость тем и хороша, что в борьбе за неё годятся все средства.

ТЕНОР: В своих отношениях с женщинами Алекс-Натан тоже демонстрирует своеобразное понимание этических норм. Вот у него завязался роман с прелестной девушкой, Салли Молсби. Она из богатой гойской семьи, с чередой предков, уходящей в далёкое прошлое. Она ездит на лошадях, любит охотиться на фазанов, умеет водить парусную яхту. Сексуальная революция не обошла её, она охотно одаривает молодого поклонника своей нежностью. Единственное исключение – она отказывается делать ему минет. «Но почему, почему?» – не может понять Алекс-Натан. «Потому что я не хочу». – «Дай мне хоть одну разумную причину. Ведь я для тебя делаю это охотно». – «Ты можешь не делать

этого». – «Но я хочу, хочу!» – «А я – нет». – «Ты должна дать мне причину». – «Не думаю». Три месяца длились уговоры упрямыцы. Наконец, она уступила со слезами, но чуть не задохнулась при бесплодных попытках. И что же Алекс-Натан? Он интерпретировал это как дискриминацию, как проявление антисемитизма и расстался с девушкой.

БАС: Ещё более нелепой была причина расставания с Кэй Кэмпбел по прозвищу Пампкин (Тыквочка). Чудесная девушка со светлыми, льющимися волосами, воплощавшая доброту и здравый смысл американского Среднего Запада. Она никогда не повышала голоса, не насмехалась над собеседником, не понимала, как это можно кого-то ненавидеть. При этом, предметом её занятий в университете была английская литература, а на политическом фронте она была даже более горячим противником республиканцев, чем её возлюбленный. Они уже обсуждали планы женитьбы, бедность их не пугала: матрас на четырёх кирпичиках, книжная полка, потом – когда-нибудь – детская коляска. В какой-то момент Алекс-Натан обронил: «Ну, и конечно, ты перейдёшь в иудаизм». «С чего это я захочу сделать такой странный поступок?», – спокойно спросила Кэй. И всё было кончено. Наш атеист, отбросивший веру отцов в четырнадцать лет, наш ненавистник рабаев и синагог, не смог смириться с подобной мерой независимости подруги и предпочёл расстаться с ней.

ТЕНОР: А чего стоит истории разрыва с другой очаровательной «шиксой» – Брендой из романа «Прощай, Коламбус!». Её семья приветливо приняла героя в своём богатом доме, он проводил там чудные дни, а по ночам смелая девушка тайно пускала его в свою спальню. Но в нём жило чувство ответственности, и, после долгих уговоров, он добивается, чтобы Бренда нанесла визит гинекологу и приобрела противозачаточную диафрагму. Увы, в какой-то момент строгая мать девушки обнаруживает запретный предмет в её тумбочке и устраивает дикий скандал молодым людям. «А не нарочно ли моя возлюбленная подстроила это разоблачение? – спрашивает себя мнительный герой. – Не пытается ли она таким образом заманить меня в брачные сети?» И исчезает из её жизни.

БАС: Помешанность Алекса-Натана на сексуальных проблемах может быть связана с одним эпизодом, мельком упомянутым в романе «Жалобы Портного». Когда ему было десять лет, встревоженный отец обнаружил странную вещь: в мошонке мальчика прощупывалось только одно яичко. Врач объявил, что такое случается, что это не опасно, но на всякий случай предложил сделать серию уколов мужских гормонов. Отец

не посмел отклонить совет врача – тем более, еврея! Вполне возможно, что именно эти уколы обрекли Алекса-Натана-Филипа на пожизненное служение богу Эросу. Правда, я не уверен, что мы должны верить его рассказам о том, как его сперма при мастурбации долетала до потолка.

ТЕНОР: Родители Хемингуэя пришли в ужас от ранних книг своего сына. Воображаю, что должны были пережить родители Филипа Рота, узнавая себя в образах отца и матери Алекса Портного. Немудрено, что сам Рот никогда не завёл детей: он слишком хорошо знал, как страстно дети рвутся прочь из-под родительской власти и какую боль они могут причинить. Эта тема будет всплывать во многих его поздних романах. В одном из них жена героя попадает в психиатрическую лечебницу, потому что считает себя виновной в самоубийстве отца, в другом отец, наоборот, обречён жить под ненавидящим взглядом любимой дочери.

БАС: Каждому подростку свойственно бунтовать против навязываемых ему правил поведения, ограничивающих его свободу. Алексу-Натану достались правила иудаизма и бытовой еврейской добродетели, и он возненавидел и то, и другое. Но отвергая право взрослых судить его по установленному кодексу, он, как и Холден Колфилд, жаждет повернуть стол, занять судейское место и судить их по своим правилам. Откуда же взять другой кодекс, другой нравственный закон? Тут-то он и хватается за революционные лозунги, которые подсовывают ему радикалы всех мастей. Свобода, равенство, братство! Что может быть возвышеннее и справедливее? Многие указывают на то, что ненависть к «обществу эксплуататоров» зародилась в Алексее-Натане-Филипе очень рано.

ТЕНОР: Всё же, при всей клоунаде и эротической браваре, «Жалобы Портного» остаются искренним трагикомическим воплем современного американца, испускаемым на кушетке психиатра. Роман принёс тридцатишестилетнему писателю заслуженный успех, деньги, признание. Но после него из-под его пера одна за другой начинают выходить книги менее яркие, лишённые эмоционального жара и художественных озарений. «Наша банда» (1971), «Грудь» (1972), «Большой американский роман» (1977), «Литературный негр» (1979) – по большей части это романы про писание романов, про писательское и журналистское ремесло, ну, и конечно, про сексуальную жизнь литературной братии. Критики состязались в ядовитых нападках, обвиняли Рота в повторении приёмов и сюжетных коллизий, в «злонамеренной вендетте против человеческой природы», в

«отсутствии литературного такта» и в «попытках тыкать читателя лицом в грязь повседневного существования».

БАС: После окончания колледжа Роту, тогда молодому начинающему писателю, довелось вести классы литературного мастерства в Университете Чикаго. Впоследствии он возвращался к преподавательской деятельности не раз. Не думаю, что эта работа пошла ему на пользу. Постоянные размышления о литературе, необходимость разьяснять студентам загадки творчества должны были мешать процессу интуитивной переработки эмоционального опыта в прозаическую ткань. Слишком часто в своих произведениях Рот не описывает, а объясняет, не переживает происходящее, а анализирует его. Журналист и критик оттесняет художника, и это смешение жанров рождает в читателе растерянность, порой переходящую в откровенную скуку.

ТЕНОР: Нужно быть очень начитанным человеком, чтобы не утонуть в литературных аллюзиях, используемых Филиппом Ротом. Он ждёт от нас, чтобы, натываясь в тексте на имена Артура Диммдейла, Милли Гил или Ганса Касторпа, мы мгновенно вспоминали, что первое взято из романа Натаниэля Готорна «Алая буква», второе – из романа Генри Джеймса «Крылья голубя», третье – из «Волшебной горы» Томаса Манна. Также постоянно упоминаются имена знаменитых в своё время актёров и политиков, певцов и художников, телеведущих и радиокомментаторов. Через двадцать лет все эти люди забудутся, и переиздания романов Рота будут нуждаться в таком же количестве разьясняющих сносок, как «Потерянный рай» Мильтона или «Приключения Гулливера».

БАС: Не забудьте также звёзд спорта. Эти разгуливают по страницам книг Филипа Рота, неся над головами нетускнеющий ореол авторского обожания, из них можно было бы собрать олимпийскую сборную. И спортивные занятия самих героев расписаны подробнейшим образом. Уже в первом романе, «Прощай, Коламбус!», Нил Кругман то упражняется в бросках по баскетбольному кольцу, то устраивает долгие пробежки со своей подругой, то состязается с ней – кто дольше продержится под водой, то безжалостно обыгрывает в пинг-понг её младшую сестрёнку, доводя девочку до слёз.

ТЕНОР: Молодая британская писательница, Джейн Хобхауз, с которой у Филипа Рота был роман в начале 1970-х, тоже отмечала серьёзность, с которой он относился к атлетике. Обязательная вечерняя пробежка, упражнения с гантелями, умеренность в еде и выпивке, строгий спартаковский образ жизни. Высокий, худощавый, широкоплечий, он, казалось, всегда таил в

себе какую-то взведённую пружину, всегда был готов к прыжку, к атаке.

БАС: В своём романе «Фурии» (1993) Джейн Хобхауз вывела его под именем Джек и описала подробно, как он завлекал женщин в свои сети. «Если Джек решал очаровать вас, сопротивление было бесполезно. Увлекала не только быстрота его ума, но и игривость, делавшая беседу с ним похожей на матч в пинг-понг. Рассказывая о друзьях, знаменитых и не очень, он талантливо имитировал их манеры, тонко подмечал слабости, мог быть безжалостным... Острота его воображения возбуждала меня, превращала общение с ним в волнующее и опасное приключение...»

ТЕНОР: Джек уже знаменит в американских литературных кругах, но одевается подчёркнуто скромно, не допускает никаких излишеств в убранстве своего жилья, сидит за пишущей машинкой до шести вечера, отключив телефон. Можно было подумать, что он намеренно исключал из своего быта все отвлекающие удовольствия, чтобы сам процесс писания, по контрасту, сделался для него главной радостью в жизни.

БАС: Но с самого начала героиня романа «Фурии» боится наскучить Джеку и предчувствует, что, порывая с возлюбленными, он останется равнодушным к страданиям, причинённым им. В какой-то момент она призналась Джеку, что только недавно перестала принимать литиум, прописанный ей против нервного расстройства. Этого оказалось достаточно: все изъятия любви Джека прекратились, телефон замолчал, при случайных встречах он демонстрировал лишь холодную вежливость. Обременять себя отношениями с психопаткой – кому это нужно?

ТЕНОР: Филипу Роту было сорок три года, когда в его жизнь вошла известная актриса Клэр Блум. Ей тоже было за сорок, за плечами у неё остался пылкий роман с Ричардом Бартоном, два супружества – с актёром Родом Стайгером и с продюсером Хиллардом Элкинсом, а также десятки ролей, сыгранных на сцене и на экране. Её мать и подрастающая дочь жили в Лондоне, но ей часто приходилось оставлять их и лететь в Америку, если оттуда приходило приглашение на интересную актёрскую работу. Именно во время такого визита произошла случайная встреча на улице с Филипом Ротом, с которым они познакомились за десять лет до этого на Лонг-Айленде. Каждый спешил по своим делам (Рот – к психоаналитику, Клэр – на встречу со своим инструктором по йоге), однако приветствия, мимолётный поцелуй в щёку, краткий обмен новостями – всё, видимо, оставило след в душе обоих.

БАС: И ещё Рот подарил ей экземпляр романа «Моя мужская жизнь». А она потом прислала ему из Англии хвалебное письмо про эту книгу. Ей понравилась блистательная изобретательность литературных ходов, острота психологических характеристик. Конечно, от неё не ускользнула и ярость автора на супружеский плен, в котором он оказался, его страх перед утратой свободы и перед собственным эротическим влечением, отдававшим его во власть женщины. Тревожные сигналы были налицо, но она говорила себе, что с нею у Филиппа Рота всё будет по-другому.

Клэр Блум

ТЕНОР: Во время следующего визита в Нью-Йорк в отеле её ждал букет цветов и приглашение на обед, подписанное «Филипп». Им было легко и интересно друг с другом, мир театра, кино, английской литературы и драматургии был для обоих родным и волнующим. На четвёртый вечер прозвучали признания в любви, скреплённые объятиями и поцелуями в постели. Клэр нужно было вернуться в Англию. Через океан полетели письма, полные нежных слов, затем последовали долгие разговоры по телефону. Как раз в это время драматург и режиссёр Гарольд Пинтер предложил Клэр главную роль в сценической адаптации романа Генри Джеймса «Поворот винта», которую он собирался ставить на Бродвее. Какая удача! Теперь у неё будет повод снова оказаться в Америке. Предложение казалось судьбоносным.

БАС: Клэр прибыла в Америку, взяв с собой мать и дочь Анну. Рассчитывая на долгие гастроли, она сняла для них недешёвую квартиру в Нью-Йорке, а свой дом в Лондоне сдала. Увы, постановка не имела успеха, и её пришлось закрыть после

десяти спектаклей. Уже не в первый раз в своей актёрской судьбе Клэр оказывалась в состоянии невесомости: работа внезапно закончилась, новых предложений не поступало. Филип Рот пригласил её пожить в его доме, но чётко указал срок: три недели. Он также решительно дал ей понять, что её родным не будет дано места в их отношениях. Шестнадцатилетняя дочь Анна явно отнеслась враждебно к новому мужчине в жизни матери, и сам он никак не пытался преодолеть её отчужденность.

ТЕНОР: Образовавшийся эмоциональный треугольник всплывёт двадцать лет спустя в романе Рота «Я вышла замуж за коммуниста». Там дочь героини – музыкантша, осваивает игру на арфе. (Анна готовилась стать певицей.) Герой беззаветно влюблён в свою жену, но возмущается её рабской зависимостью от капризов и диких требований взбалмошной дочери – злой и ревнивой манипуляторши. Конечно, в своих мемуарах Клэр Блум опишет сложившийся треугольник совсем по-другому.

БАС: После закрытия спектакля по роману Генри Джеймса Клэр поселилась в загородном доме Филипа Рота, а мать и дочь её вернулись в Лондон. Влюблённые вели жизнь довольно уединённую, заполняли время прогулками, чтением и обсуждением прочитанного. Рот заразил Клэр своей любовью к новым писателям из Восточной Европы, таким, как Милан Кундера, Тадеуш Грановский, Бруно Шульц, и к американским классикам 19-го века – Готорну, Мелвилу. Толстой, Достоевский и Чехов были у обоих их любимым чтением с молодых лет. Но увлечение Клэр Диккенсом, Харди, Джорджем Элиотом Филип не разделял.

ТЕНОР: Он посвятил новой подруге роман «Профессор желаний», вышедший в 1977 году. Уединённая жизнь вдвоём в сельской глуши в какой-то мере отразилась в следующей книге Рота, «Литературный негр» (1979). Работая над этой рукописью, Филип однажды попросил Клэр перечислить ему, на что стала бы жаловаться спутница писателя-отшельника, оказавшаяся в подобной ситуации. Та откликнулась мгновенно и с актёрским мастерством высыпала на него всё наболевшее: «Мы никуда не ходим! Мы ни с кем не встречаемся! Нам нечем занять пустое время!». Они оба посмеялись над разыгранной ею импровизацией, но её обвинительная речь была перенесена в роман почти дословно.

БАС: В какой-то момент Рот сжалился над своей подругой и предложил ей разделять каждый год на две половины: первую они будут проводить в Коннектикуте, вторую – в Лондоне, где у Клэр был собственный дом. Она с благодарностью приняла этот

вариант, но очень скоро под крышей лондонского дома отношения между Ротом и Анной сделались источником раздора. Когда мать и дочь за завтраком с увлечением обсуждали вокальные занятия Анны и другие музыкальные новости, Рот чувствовал себя отодвинутым в тень, что он переносил очень плохо. Если же Клэр пыталась компенсировать это усиленной заботой о возлюбленном, дочь начинала ревновать и обвинять мать в том, что та опять пренебрегает ею ради нового мужчины.

ТЕНОР: Когда у дочери собирались друзья, Рот жаловался, что производимый ими шум мешает ему сосредоточиться. «Почему же ты не поднялся к ним и не попросил вести себя потише?», – спросила Клэр. «Потому что это твоя работа», – ответил Филип. Напряжение нарастало, и в какой-то момент он вручил Клэр письмо-ультиматум, содержавшее следующие условия: да, ему бы очень хотелось сохранить нынешний союз; но ни при каких обстоятельствах он не согласен жить в одном доме с Анной; если она откажется переехать, он возвращается в Америку; в этом случае их совместная жизнь будет ограничена шестью месяцами в Коннектикуте.

БАС: Впоследствии Клэр сожалела, что уступила нажиму и сняла для дочери отдельную квартиру. Но она к тому времени не имела сил противиться воле своего избранника, чья гневливость выплёскивалась на неё потоками больно жалящих сарказмов. Он обвинял её в том, что она впала в ненормальную невротическую зависимость от капризов дочери-подростка. Для неё же утратить на пятом десятке лет такого яркого и эмоционально богатого спутника жизни было бы мучительно. А последовать за ним в Америку она не могла, потому что как раз в это время в Лондоне начались съёмки телефильма «Возвращение в Брайдсхед», где ей была предложена очень заметная роль леди Марчмэйн.

ТЕНОР: Мы снова, как и в истории Ричарда Бартон и Элизабет Тэйлор, должны вспомнить пьесу «Двое на качелях». Сближения и охлаждения, ссоры и возвраты нежности перемежаются, создавая непредсказуемый сюжет посильный только гениальнейшему драматургу по имени Судьба. Жизнь обоих осложнялась тем, что за порогом пятидесятилетия Филипа Рота поджидала хищная стая болезней: закупорка сосудов, боли в спине, ипохондрия. В 1987 году воспаление в колене так усилилось, что он решился на операцию. Она не помогла, боль сделалась невыносимой. Против начинающегося нервного расстройства психиатр прописал ему хальцион, и это лекарство довело больного до настоящей клинической депрессии.

БАС: Запертые вдвоём в загородном доме, Филип и Клэр не знали, к кому обратиться за помощью. У него начались галлюцинации, он прижимался к подруге и плакал, как ребёнок, звал умершую мать. Не будучи в силах помочь ему, Клэр тоже чувствовала себя на грани безумия.

ТЕНОР: В этот раз спасение пришло в облике знакомого литератора, Бернарда Авиша, который за год до этого тоже был доведён до нервного расстройства хальцином. Он приехал к ним и объяснил, что понадобится семьдесят два часа, чтобы вырваться из зависимости от этого наркотика, и что борьба будет мучительной. Он оставался с Филипом каждую ночь, и наутро они появлялись обессиленные и измождённые. Вся эта эпопея впоследствии была воссоздана Ротом в романе под названием «Операция Шейлок» (1993).

БАС: Когда к Роту вернулась способность работать, он начал новый роман, построенный в виде диалогов между писателем и его женой, с которой он живёт в Лондоне, а также между писателем и его возлюбленными, с которыми он встречается втайне от жены. В конце жена находит записные книжки мужа (точно так, как жена Гумберта Гумберта в «Лолите» находит его дневник) и обрушивает на него горькие упрёки. Он же, ничуть не смущаясь, обвиняет её в интеллектуальной ограниченности, в неспособности отличать литературные фантазии от реальной жизни. С искусством умелого адвоката он размывает грани между правдой и вымыслом, переходит от обороны к нападению, объявляет упрёки попыткой наложить цензуру на его воображение. Роман вышел в свет в 1990 году под многозначительным названием «Обман».

ТЕНОР: В своих воспоминаниях Клэр Блум описывает, каким шоком было для неё чтение рукописи. Мало того, что точно воссоздавалось внутреннее убранство их лондонского дома, что эротические игры писателя с навещающими его красавицами описаны были до деталей (почему-то герой предпочитал заниматься этим на полу), что немолодая неинтересная жена только и способна была лить слёзы по поводу измен мужа и упрекать его. Она ещё являлась актрисой по профессии и носила имя Клэр. Этого реальная Клэр не могла стерпеть. Она заявила, что имя должно быть изменено, иначе она дойдёт до суда, чтобы остановить публикацию романа. Филип, видимо, почувствовал, что любовь к провокациям завела его слишком далеко, и уступил.

БАС: Весной 1989 года закупорка сосудов у Рота ухудшилась настолько, что понадобилась срочная операция на открытом сердце. Из Чикаго был вызван брат Сэнди, но

восьмидесятилетнему отцу Филипа сказали, что сын просто уезжает на несколько недель в Европу. Операция прошла успешно, врачи обещали полное выздоровление. Радость и облегчение Клэр были беспредельны. По сравнению со страхом, пережитым ею у дверей операционной, все прежние обиды на возлюбленного потускнели. И она призналась ему, что ей хотелось бы, чтобы они, после пятнадцати лет совместной жизни, наконец, поженились.

ТЕНОР: Филип сказал, что такой серьёзный шаг требует серьёзного обдумывания, что ему понадобится месяц на размышления. Клэр уехала в Англию, не зная, что её ждёт впереди. Наконец, пришла телеграмма: «Дорогая актриса, я люблю вас. Согласитесь ли вы выйти за меня замуж? Поклонник». Клэр была так счастлива, что тут же, невзирая на то, что в Коннектикуте была глубокая ночь, позвонила, чтобы прокричать радостное «Да! да! да!». Ничто не должно было омрачать её ликования. Даже когда в Америке ей дали на подпись брачное соглашение, подготовленное адвокатом Филипа по его инструкциям, она подписала его, не пытаясь вдуматься в последствия, таившиеся в различных пунктах коварного документа.

БАС: И очень пожалела об этом потом. Хотя соглашение давало ей права на их ньюйоркскую квартиру и на изрядную сумму денег в случае смерти мужа, во всём остальном она оставалась абсолютно бесправной. Если муж решал развестись с ней, он мог сделать это в любой момент, без объяснения причин, и оставался свободен от каких бы то ни было финансовых обязательств перед ней. Квартира, имущество, автомобиль – всё оставалось его собственностью. Даже Элен Каплан, адвокат Филипа, рекомендовала Клэр посоветоваться с юристом, прежде чем подписывать такую бумагу. Но счастье делает людей беззаботными. Клэр подписала и весной 1990 года вступила в брачные отношения в третий раз в своей жизни.

ТЕНОР: Она с благодарностью ловила проявления нежности со стороны нового супруга и старалась не придавать значения недобрым выходкам. Вот он вдруг вручает ей письмо, в котором требует, чтобы дочь Анна проводила в его доме в Коннектикуте не больше недели в году, а в их доме в Нью-Йорке вообще не жила. Что ж поделать! Тяжёлый характер – обычный спутник таланта. Вот она пытается уговорить его на покупку небольшого дома в Италии, где они могли бы отдыхать время от времени. Он разражается гневной отповедью, осуждает её за транжирство. А некоторое время спустя она случайно обнаруживает, что весь их разговор с непонятной целью был записан им на магнитофон. Зато в другой момент говорит ей слова

любви или пишет в записке: «Ты – самое драгоценное, что есть у меня в этом мире».

БАС: Надежды, возлагавшиеся Ротом на роман «Операция Шейлок», не оправдались. Критики встретили его недружелюбно, цифры продаж быстро падали. Настроение Филипа стремительно ухудшалось, он снова оказался на краю такой же депрессии, от какой страдал пять лет назад. Клэр была в Англии, когда он принял решение лечь в психиатрическую лечебницу. По телефону он говорил ей, как он несчастен и одинок, как успокаивающе действует на него её голос, просил звонить каждый день. Но когда она примчалась, чтобы навестить его в больнице, он объявил, что будет разговаривать с ней только в присутствии врача.

ТЕНОР: Описание этой встречи сохранилось в дневниковой записи Клэр от 9 августа 1993 года. «Филип был бледен и подавлен. Я спросила, почему он дрожит. Он смотрел на меня с откровенной ненавистью, выставив подбородок. “Потому что я очень зол на тебя”. – “За что?” Дальше он говорил часа два не переводя дыхания. За то, что у меня слишком мягкий голос и я нарочно говорю с ним в такой манере, которая отчуждает его; я нелепо веду себя в ресторанах, всё время поглядывая на часы и напевая себе под нос; я впадаю в панику, когда он болеет, и неспособна придти ему на помощь; когда умерла моя мать, он вынужден был взять на себя все хлопоты и сидел в доме один рядом с покойницей; я вынудила его посетить оперу, что было для него мучением; и так далее. Он помнил все промахи, совершенные мною в течение семнадцати лет. В конце он объявил, что, если Анна придет, как задумано, в Нью-Йорк на три месяца заниматься со своей учительницей пения, он порвёт наш брак».

БАС: Даже психиатр, присутствовавший при этом, сказал: «Филип, все перечисленные вами поступки вашей жены заслуживают – самое большее – минутного раздражения». Клэр спросила его: «Если я так раздражала тебя всё это время, почему же ты согласился жениться на мне три года назад?» – «Кто это может понять», – пожал плечами Филип.

ТЕНОР: Бракоразводный процесс растянулся на несколько месяцев. Клэр всё ещё надеялась если не на возобновление супружества, то хотя бы на сохранение дружеских отношений. Она говорила себе, что перед нею психически больной человек и она обязана пойти ему навстречу, когда он просит об отсрочках и уступках. Любые предложения её адвоката занять более жёсткую позицию отвергались. Клэр позволила бывшему мужу завладеть их квартирой в Нью-Йорке. Когда она прислала ему список своих вещей, которые ей хотелось бы получить

обратно, в ответ поползла лента гневных факсов, перечислявших все траты, сделанные им в течение их совместной жизни, реальные и вымышленные. Включены были не только подарки, билеты на самолёты, оплата страховых полисов и прочее, но также требования заплатить ему за литературную помощь при подготовке различных постановок, в которых участвовала Клэр, а также компенсировать нанесённый ею психологический ущерб. Последний пункт исчислялся уже в миллиардах долларов.

БАС: Только после завершения бракоразводного процесса выяснилось, что Филип Рот уходил не в пустоту, что он был в связи с другой женщиной, близкой приятельницей обоих. В своих воспоминаниях Клэр даёт ей имя Эрда. Добрая, чуткая Эрда старалась опекать Филипа во время его болезни. Без объяснения причин она тоже потребовала развода у своего мужа, брак с которым длился двадцать пять лет. Ей удалось занять место Клэр, но их совместная жизнь с Филипом продлилась всего несколько месяцев. Очень скоро Эрда обнаружила, что её возлюбленный сумел и в больнице завести роман с другой пациенткой. Совместная жизнь с новой спутницей жизни возродила в нём страх перед моногамными отношениями, лишившими его возможности отдаваться его главной страсти: поискам новых увлечений. Разрыв был для Эрды крайне болезненным, она тоже пережила нервный срыв.

ТЕНОР: Клэр Блум была полна горечи, пыталась понять, что послужило причиной разрыва, искала свою вину. Может быть, её сопереживание Филипу было недостаточно эмоциональным? Может быть, она слишком легко впадала в панику из-за его болезней и оказывалась неспособной помочь ему восстановить душевное равновесие? Она вспоминала других мужчин, искавших её любви, – надёжных, основательных, уравновешенных. Один был видным политиком, другой – талантливым архитектором. Почему она отвергла их? Почему предпочла связать свою судьбу с ярким и непредсказуемым неврастеником? И посреди этих душевных метаний она вдруг получает письмо: «Дорогая Клэр, нет ли возможности нам быть друзьями? Филип».

БАС: Клэр считала дни до назначенной встречи в ресторане. Провела часы в косметическом кабинете, сделала маникюр, долго выбирала платье. Филип явился поздоровевший, только прибавилось седины. Он уселся перед бывшей женой и двадцать минут, со своим обычным блеском, осыпал её забавными историями и анекдотами, не имевшими никакой связи с их личными отношениями. Он словно бы хотел вернуться на двадцать лет назад и начать покорять и очаровывать Клэр как

новую знакомую. Не напоминает ли это нам тщетные попытки Дика и Лиз Бартон начинать любовный роман заново? Но древнее правило и там, и здесь осталось неопровержимым: «Никакую женщину нельзя соблазнить дважды». Клэр удалилась разочарованная и печальная, и больше они не встречались.

ТЕНОР: «Театр Саббата» – первый роман Филипа Рота, написанный после разрыва с Клэр Блум. Можно подумать, что автор хотел в нём отыграться за все годы, когда близость с женщиной, верившей в необходимость соблюдения приличий, удерживала его эротические фантазии в определённых рамках. Герой этого романа, шестидесятичетырёхлетний Мики Саббат (бывший руководитель кукольного театра), сделал погоню за сексуальными наслаждениями не только главным занятием своей жизни, но также смыслом и оправданием её. Его главная подруга, Дринка Балич, разделяет его страсть и готова следовать за ним, а порой и вести на поиски всё новых вариантов и комбинаций. Она то подсовывает ему свою племянницу, то соглашается отправиться в постель втроём вместе с нанятой проституткой, то возбуждает его подробными рассказами о том, как она проделывает *это* с другими мужчинами.

БАС: Похоже, что после всех перенесённых болезней мысли о смерти, тоска по поводу нашей смертности заняли в душе Филипа Рота такое же пространство, как и эротика. И в романе «Театр Саббата» он пытается соединить вместе два главных предмета, занимающих его ум: секс и смерть. Несравненная, незабываемая Дринка внезапно умирает от рака, и безутешный Саббат по ночам прокрадывается на кладбище, чтобы мастурбировать над её могилой. Там он сталкивается с другими её возлюбленными, являющимися с той же целью.

ТЕНОР: Некрофилия, педерастия, оральный и лесбийский секс расписаны с такими подробностями, будто автор задался целью переощеголять все порнографические журналы. Возможно, это способствовало успешной продаже книги. Мне трудно поверить, чтобы какой-то серьёзный читатель смог прочесть до конца это раздёрганное во времени описание эротических эскапад бывалого Казановы, неспособного ни на какие формы человеческих контактов, кроме генитальных. Однако каким-то образом постаревшие секс-революционеры 1960-х сумели сплотиться и воздать должное своему негибавшему Робеспьеру – удостоили роман Филипа Рота премией за лучшую прозу 1995 года.

БАС: Сам он говорил, что никогда не чувствовал себя таким свободным, как при работе над романом «Театр Саббата».

Полагаю, что здесь мы имеем дело с тем случаем, когда автор не замечает, что его свобода уже перешла в разнузданность и расхлябаность. Он как бы говорит нам: вот я буду тащить своего героя куда хочу во времени и пространстве, сводить с десятками проходных незапоминающихся персонажей, кидать в постели всех встречных женщин, где он будет совокупляться с ними во всех возможных комбинациях, а вы, издатели и читатели, и пикнуть не посмеете, потому что мой статус в американской литературе уже сделал меня недосыгаемым для стрел язвительных критиков.

ТЕНОР: В романе маркиза де Сада «Жюстина» герой, отдыхая от истязаний, которым он подвергает бедную девушку, со снисходительной насмешливостью расспрашивает её, может ли она привести какие-нибудь *логические* аргументы (других он не признаёт), почему он не должен этого делать. Сечь и насиловать женщин – главное удовольствие его жизни. Ради чего же он станет отказываться от него? Точно так же и Мики Саббат доказывает соблазнительной им двадцатилетней студентке, что утоление сексуальных страстей является его неотъемлемым правом и никакая логика или этика не смогут удержать его.

БАС: Конечно, действуют в романе и персонажи, которые осуждают и стыдят Мики Саббата. «И не надоело тебе, с твоей седой бородой и торчащим животом, прославлять порнографию, фетишизм, войеризм и размахивать флагом, насаженным на член? – говорит один. – Ты просто старый, отставший от моды шут, Мики Саббат». Но такие нападки – только часть стратегии Филипа Рота, создающие иллюзию, что имеет место суд над героем. На самом деле главным для него остаётся всё то же: постоянно менять обличья, постоянно менять правила игры, чтобы никто и никогда не смог воскликнуть: «Вот настоящий Филип Рот – я поймал его и сейчас поставлю на место, которого он заслуживает».

ТЕНОР: Другая примечательная черта творчества Филипа Рота – дотошное внимание к исторической хронологии. Точно указаны даты в жизни различных действующих лиц, и они соотносятся с тем, что происходило в эти годы в стране и мире. В 1950 годы положительные герои Рота носят маккартизм и покончившего с маккартизмом Эйзенхауэра, в 1960-е – Линдона Джонсона и вьетнамскую войну, в начале 1970-х – Никосона и Уотергейтский скандал, в конце – президента Картера и его беспомощность перед иранскими аятолами, в 1980-е – реакционера Рональда Рейгана, в 1990-е – дезертира и развратника Билла Клинтона. И ещё: как правило, главному герою или рассказчику ровно столько лет, сколько самому Роту в год написания романа.

БАС: На сегодняшний день глава из романа Джейн Хобхауз и воспоминания Клэр Блум являются чуть ли не единственными двумя просветами в тумане, которым Филип Рот окружил свою личную жизнь. Должно пройти время, прежде чем другие его возлюбленные – тайные и явные – решатся рассказать о том, что им довелось пережить с неугомонным Алексом-Натаном. Для того чтобы приблизиться к пониманию произошедших в нём перемен, нам останутся только поздние романы Филипа Рота. И среди них я бы выделил трилогию, представляющуюся мне наиболее интересной для нашего исследования: «Американская пастораль» (1997), «Я вышла замуж за коммуниста» (1998) и «Людское клеймо» (2000).

ТЕНОР: В центре романа «Американская пастораль» – семья Симура Левова, за которым в школе утвердилась кличка «Швед», потому что светлые волосы и светлая кожа делали его совершенно непохожим на еврея. Он проявлял отличные способности во всех спортивных играх, был легендой Ньюарка, но отказался от предложенной ему блестящей спортивной карьеры, чтобы поступить в фирму отца, имевшего фабрику по изготовлению кожаных перчаток. Всё задуманное ему удавалось, все начинания приходили к успешному завершению. Он женился на красавице, завоевавшей в своё время титул «Мисс Нью-Джерси», они родили дочку, поселились в красивом доме, жили в дружбе и мире с соседями и роднёй. Одно тревожило их: у подраставшей дочери Мередит (Мерри) обнаружилось сильное заикание.

БАС: Никакие врачи, никакие специалисты по исправлению дефектов речи не могли помочь. То ли вследствие заикания, то ли по складу характера девочка росла нелюдимой, непослушной, легко сердилась и ввязывалась в споры с родителями. Как и многие её сверстники в 1960-е годы, она была возмущена войной во Вьетнаме. «Да, я удираю в Нью-Йорк, потому что там я встречаюсь с людьми, которые, в отличие от вас, чувствуют свою ответственность перед вьетнамцами. Они хотят что-то сделать, чтобы американские бомбы перестали разрывать на куски вьетнамских детей. А вы! – вы не допустите, чтобы этот кошмар испортил вам настроение хоть на один день!».

ТЕНОР: Родители Мередит тоже были против войны. Однако они считали, что бороться за мир нужно путём участия в демонстрациях, писания писем протеста, голосованием на выборах. Но шестнадцатилетняя девочка попала под влияние радикальной организации, которая впоследствии стала известной под названием «Везермен». Эти использовали другие методы борьбы.

И тихим летним утром в районе, где жили Левовы, случилось непоправимое: у местного почтового отделения взорвалась бомба. Погиб случайный прохожий – врач, подошедший к почтовому ящику, чтобы опустить письмо. А Мередит исчезла из дома и из города.

БАС: Дальше главной сюжетной линией романа становится эпопея поисков пропавшей дочери. «Шведу» нужно было быть крайне осторожным в этом деле, потому что её разыскивали также полиция и ФБР. Иногда появляются тайные посланцы, которые сообщают отцу, что дочь жива, но ненавидит своих родителей – капиталистов, эксплуататоров – и никогда к ним не вернётся. Однако деньги, предлагаемые «Шведом», посланцы принимают.

ТЕНОР: Новые поколения уже забыли ту волну внутреннего терроризма, которая захлестнула Америку в те годы. На странице 148 Филип Рот приводит краткий перечень взрывов, поджогов, ограблений и убийств, совершённых в разных городах Америки якобы во имя прекращения войны. Но в другом месте писатель переносит нас в 1980-е. Никакой войны нет, однако люди гибнут на улицах Ньюарка чуть не каждый день. Чёрные мальчишки двенадцати-пятнадцати лет крадут автомобили (статистика – сорок машин за сутки), чтобы носиться в них по улицам со скоростью восемьдесят миль в час. Любимый их трюк называется «пончик»: разогнаться и потом резко ударить по тормозам, одновременно повернув руль. Машина начинает бешено крутиться на месте. Мальчишкам совершенно неважно, кто погибает под их колёсами: белые или чёрные, женщины или дети. Главное – чтобы повеселиться. Если полицейская машина погонится за ними, они могут развернуться и протаранить её лоб в лоб – тоже веселье. Они знают, что серьёзное наказание несовершеннолетним не грозит.

БАС: Сердце «Шведа» истекает кровью от тревоги за дочь. Но параллельно он пытается понять свою судьбу, ищет ошибки, совершённые в прошлом, пересматривает свои верования. В конце концов он находит Мередит – сменившую имя, присоединившуюся к религиозной секте, отвергающей все виды собственности, живущую в полуразрушенном доме, в комнате без окон. Вскоре «Швед» умирает от рака простаты. Такая же болезнь постигает рассказчика, нашего неизменного Натана Зукермана. Перенесённая операция сделала его импотентом. Вправе ли мы принять эту деталь как автобиографическую подробность?

ТЕНОР: Если это так, я склонен искать здесь объяснение того факта, что в «Американской трилогии» сексуальная тема

впервые в творчестве Филипа Рота отходит на задний план. Второй роман трилогии, «Я вышла замуж за коммуниста», многие критики объявили «романом-мстью» – ответом – контрударом – на мемуары Клэр Блум. Натан Цукерман фигурирует там в виде подростка, созревающего в эпоху маккартизма, жаждущего бороться за справедливость и увлекающегося идеями страстно убеждённого коммуниста, Айры Рина. Рин завоевал известность как радиокomentатор леворадикальных взглядов, но при этом сам живёт в особняке своей богатой жены – знаменитой актрисы немого кино, теперь достигшей славы и в радиоэфире. Вспомним, что Клэр Блум успешно выступала с чтением стихов на радио, участвовала в радиопостановках.

БАС: Если Рот, действительно, хотел создать карикатурный портрет своей бывшей жены, то надо признать, что попытка эта провалилась. Героиня его романа, Ева Фрейн, – тоже еврейка, тоже дважды была замужем, тоже имеет дочь-музыкантшу, тоже владеет собственным домом. Все приметы для «опознания» налицо. Но при этом она получилась живой, отзывчивой, непосредственной и обладающей свойством, которого остальным персонажам сильно недостаёт: добротой. Да, она страстно любит дочь и защищает её от нападок раздражительного мужа, не считающего нужным сдерживать приступы гнева и доходящего до планирования убийства обеих. Но это никак не чернит её. Наоборот – украшает.

ТЕНОР: В конце, устав от измен мужа, Ева порывает с ним и пишет горькие мемуары, изобличая его принадлежность к коммунистической партии и ставя под удар Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Конечно, мемуары Клэр Блум не сделали Филипа Рота объектом политических преследований. Но его характер и поступки, до тех пор успешно скрываемые за чередой двойников и масок, приоткрылись для читающей публики. Один из критиков язвительно заметил, что ей следовало бы изменить название книги: вместо «Покидая кукольный дом» – «Я вышла за депрессивного нарциссита». Другой подметил, что в романе «Я вышла замуж за коммуниста» как раз главный герой является скопищем всевозможных недостатков: он живёт за счёт жены, но при этом хамит её гостям, бравирует своим радикализмом, изменяет ей с вульгарной массажисткой, а потом – и с подружкой дочери. Последнее имело место в реальной жизни: Рот пытался соблазнить подругу Анны, Рашель.

БАС: В мемуарах Клэр Блум есть характерная сцена: они сидели в ресторане и услышали, как за соседним столиком какая-

то женщина обронила антисемитское замечание. Рот немедленно встал, подошёл к ней, обозвал нехорошим словом и покинул ресторан. Мало того – вечером он устроил Клэр разнос за то, что она не присоединилась к нему. То есть и в жизни ему мало было выразить свой гнев – ему нужно было, чтобы все близкие последовали его примеру. В романе «Я вышла замуж за коммуниста» все герои наперегонки выражают своё возмущение по поводу политических событий, социальных условий, поведения окружающих. Вместо сюжета и характеров перед читателем тянутся сгустки озлобления, направленного в самые разные стороны. Как справедливо заметил один критик, «Рот использует главного героя, Айру Рина, как дубинку против старых леваков-сталинистов, а Еву Фрэйм – как дубинку против бывшей жены».

ТЕНОР: Сам Натан Зукерман говорит в конце: «Оглядываясь на свою жизнь, я ощущаю её как долгую речь, произносимую разными голосами». И вряд ли он или Филип Рот замечали те моменты, когда зал, собравшийся послушать воспроизводимую речь, начинал пустеть. Поневоле вспоминается саркастическая похвала в адрес Клэр Блум, произнесённая Гором Видалом и вынесенная на обложку её книги: «Она сумела осуществить то, что никогда не удавалось самому Филиппу Роту – сделала его интересным».

БАС: Среди сюжетных конструкций, используемых Ротом, нередко повторяется одна, которой подошло бы название «а что если?». Она не раз использовалась и в мировой классике. «А что если человек превратится в нос?» – и Гоголь придумывает своего майора Ковалёва. У Кафки – «а что если человек превратится в жука?». То же самое и у Филиппа Рота: «А что если профессор литературы превратится в гигантскую женскую грудь?» (роман «Грудь», 1972); «а что если Анна Франк не погибла в немецком концлагере?» («Литературный негр», 1979); «а что было бы, если бы в 1940 году президентом был избран Чарльз Линдберг?» («Заговор против Америки», 2004). В этот же ряд можно поставить и роман «Людское клеймо» (2000): «а что если в негритянской семье родится мальчик с белой кожей?».

ТЕНОР: Примечательно, что никто из персонажей этого романа не задаётся естественным вопросом: «А не было ли у матери героя, Колмана Силка, связи с белым мужчиной?». Нет, миссис Силк, чёрная медсестра в большой больнице, по замыслу автора, – женщина слишком достойная и любящая своего мужа, она должна остаться выше таких подозрений. Двое других детей у неё родились чёрными, а Колман Брутус родился белым, видимо, в

результате каких-то генных пертурбаций, возможно, связанных с недостойным поведением белых плантаторов в далёком прошлом.

БАС: Как и сам Филип Рот, в юности страстно отдававшийся бейсболу, как и еврейский подросток «Швед» в романе «Американская пастораль», чёрно-белый подросток Колман был талантливым спортсменом, его победы на ринге возносили его над сверстниками. И в какой-то момент его *страсть побеждать* подтолкнула его на попытку *победить судьбу*: при поступлении на военную службу, заполняя анкету, в графе «раса» он написал «белый».

ТЕНОР: Однако обо всём этом читатель узнаёт лишь где-то в середине романа. На первых страницах перед нами – пожилой профессор античной литературы в небольшом колледже, вдовец, имеющий четырёх взрослых детей, живущий одиноко в своём загородном доме. Своё происхождение он успешно скрывал ото всех, включая членов своей семьи, в течение сорока лет.

БАС: После долгой и успешной карьеры, поднявшей его на пост декана, ему довелось пережить унижительный скандал: коллеги, рьяно отстаивающие правила политической корректности, перетолковали невинное замечание, обронённое им перед студентами, как расистское и требовали, чтобы он принёс извинения. Возмущённый несправедливостью профессор Силк увольняется из колледжа и собирается написать разоблачительную книгу о происшедшем. За помощью он обращается к живущему неподалёку писателю, которого зовут – как? Конечно, Натан Зукерман.

ТЕНОР: Между двумя стариками возникает дружба, и вскоре Колман Силк узнаётся Натану, что на восьмом десятке у него загорелся роман с уборщицей вдвое моложе него. Фаня Фарли – ещё один вариант того типажа в творчестве Филипа Рота, который мы договорились обозначать словом ДУМ (девушка, униженная мужчинами). Ей было восемь лет, когда богатый и властный отчим начал использовать её для сексуальных утех. В четырнадцать она убежала из дома и скиталась по стране, пока не вышла замуж за ветерана вьетнамской войны. Он оказался жестоким пьяницей, избивал её по любому поводу. Она развелась с ним, забрав двоих детей, но он продолжал преследовать её, хотя суд наложил на него запрет приближаться к бывшей жене. В довершение всех несчастий её жильё загорелось, и дети погибли, задохнувшись в дыму.

БАС: Рот мог бы назвать свой роман «Гроздь гнева», если бы Стейнбек не использовал это название раньше. А о гнев, переходящем в ярость, «сердитый писатель» Рот знает всё и умеет

воссоздавать его с богатейшими оттенками. Колман Силк полон гнева на своих коллег по академическому миру, отказавшихся расслышать прямой смысл произнесённых им слов и искаживших его ради отстаивания своих псевдолиберальных идей. Его старший брат полон гнева на Колмана за то, что он притворился белым, порвал со своей чёрной семьёй, лишил обожавшую его мать возможности узнать её белых внуков. Фаня Фарли полна презрительного гнева на свою горькую судьбу и мужчин, попадавших ей на пути. Но страшнее всех разгневан её бывший муж, Лестер Фарли.

ТЕНОР: Впечатления и опыт вьетнамской войны, казалось, выжгли в этом человеке всякую тень доброты и способности к состраданию. Друзья-ветераны пытаются помочь ему вернуться в нормальное состояние, приглашают принять участие в совместной встрече, происходящей в китайском ресторане. Но один вид азиатских лиц приводит его в такую ярость, что друзья просят официантов не приближаться к их столику, сами приносят блюда из кухни. Лес Фарли выписан с таким мастерством, что его можно причислить к череде масок-автопортретов Филипа Рота. Он – маска гнева. По роману был поставлен отличный фильм с участием Энтони Хопкинса и Николь Кидман, но сильнее всех врезается в память зрителей Эд Харис, сыгравший Леса Фарли.

БАС: Тот факт, что Колман Силк преподаёт античную литературу, позволяет Роту использовать аллюзии к греческим трагедиям. Упоминание гнева Ахилла, ярости Филоктета, безумия Аякса, мести Медеи кажутся уместными на фоне разворачивающейся драмы. В конце обуреваемый ревностью Лес Фарли убивает Колмана и Фаню. Он подстраивает аварию их автомобиля так умело, что не оставляет никаких улик для полиции. Лишь Натан Зукерман догадывается о том, что произошло на самом деле, но доказательств у него нет.

ТЕНОР: Три романа, составляющие «Американскую трилогию», вернули Филипу Роту признание читателей и критиков. Посыпались награды, призы, почётные звания. «Американская пастораль» была удостоена Пулитцеровской премии, «Людское клеймо» получило Британскую премию Смита за лучшую книгу года. На доме, в котором Рот рос в Ньюарке, теперь установлена памятная доска, его именем названа улица. Есть общество поклонников Филипа Рота и журнал, освещающий его творчество. Недавно вышла однотомная энциклопедия, посвящённая исключительно Филипу Роту и его творчеству, содержащая подробное описание его произведений, библиографию, хронологию жизни, перечень статей о нём.

БАС: В 2006 году «Нью-Йорк Таймс Бук Ревью» разослала письмо двумстам видным писателям, критикам, редакторам, прося их назвать одну самую лучшую книгу, опубликованную за последние двадцать пять лет. Среди двадцати двух наименований, получивших наибольшее число голосов, оказалось шесть романов Филипа Рота.

ТЕНОР: Конечно, не умолкали и голоса тех, кто был недоволен писателем. Серия коротких романов, написанных им в первую декаду 21-го века, действительно, варьирует снова и снова поднадоевшие темы эроса, болезней, творческого бессилия, приближающейся смерти. Снова перед нами проходят любовные треугольники, снова подробные описания того, как и что именно проделывают друг с другом в кровати две женщины и один мужчина. Так пишут не для читателя, так пишут, чтобы возбудить и потешить самого себя.

БАС: Безжалостная и пронизательная Мичико Какутани в своей рецензии на роман «Умирающий зверь» (2001) писала: «Автор манипулирует персонажами как режиссёр, заставляя их иллюстрировать одни и те же философские идеи: что эрос, как и искусство, может быть использован в качестве иллюзорного барьера против смерти; что радостные надежды на счастье впереди слишком часто разбиваются о жестокую реальность; что порыв к свободе часто чреват не только утратами, но и новой неволей».

ТЕНОР: И вдруг, точно спортсмен в марафонском забеге, нашедший новый запас сил на последнем километре дистанции, в 2010 году Филип Рот выпускает свой 31-ый роман «Немезида», в котором его талант снова заблестал, как полвека назад. 1944 год, война в разгаре, но герой, Баки Кантор, не взят в армию из-за плохого зрения. Он работает со школьниками на городских спортивных площадках. И в его жизнь вторгается враг не менее страшный, чем нацисты и японцы: в Нью-Джерси началась новая эпидемия полиомиелита. Вакцина ещё не открыта, и его ученики гибнут один за другим. Он ухаживает за ними, утешает семьи, а потом заболевает и сам. Простая и страшная драма воссоздана с таким мастерством и достоинством, что невольно вспоминается «Чума» Альбера Камю.

БАС: Думаю, этот роман займёт в творчестве Филипа Рота такое же место, какое занимает в творчестве Хемингуэя «Старик и море»: чуть в стороне и выше остального. Впервые мы видим у него героя, для которого безопасность и благополучие других важнее его собственных вожделений и амбиций. Однако и ему присуща черта, пронизывающая жизнь самого Рота и многих его

персонажей: уверенность, что он умеет отличать правильное поведение от неправильного, что на свете есть некий неписанный кодекс, по которому можно отличать достойные поступки от недостойных. Баки Кантор выжил, но остался инвалидом. Девушка, с которой у него был роман, клянётся, что продолжает любить его всем сердцем, умоляет не губить их чувство, жениться на ней. Но Баки считает, что было бы нечестно обременить собой возлюбленную на всю оставшуюся жизнь, и отказывает ей.

ТЕНОР: Искусство немислимо без прикосновения к тайне бытия. Особенность творчества Рота, мне кажется, состоит в том, что эта тайна присутствует в нём негативно: мы ощущаем её через ужас, испытываемый автором перед ней, через отталкивание от неё, через отчаянные попытки подменить Тайну *загадками*. Загадочная смена масок, загадочные переносы героев во времени и пространстве, непредсказуемые скачки и смены эротических отношений, загадочные недуги и неуверенные попытки бороться с ними – всё это необходимо Роту для того, чтобы не остаться лицом к лицу с простым кошмаром Небытия. И толпы критиков и литературоведов с готовностью включают в предложенную им погоню за разгадками, погружаясь в то, что писатель Герман Гессе назвал «Игрой в бисер».

БАС: Готов согласиться с вами. Хочу лишь отметить, что своим духовным исканиям Филип Рот предавался с искренней страстью, не боясь нарушать барьеры и запреты своей эпохи. Его можно сравнить со спелеологом, спускавшимся в самые тёмные пещеры человеческого бытия и не боявшегося вопить оттуда об опасных змеях и ящерах, скрывающихся за туманом приличий. Даже если будущие поколения читателей найдут его искания бесплодными, они останутся важной метой на карте духовных плаваний. Ведь в истории географических открытий мы ценим не только тех первопроходцев, которые открыли нам цветущие острова и континенты, но и тех, кто оставил на картах спасительные пометки: мель, рифы, водоворот, подводный вулкан, цунами. Да, уже из истории Фауста мы узнали, что в упоённом собой эгоизме найти спасение невозможно. Но когда мы видим перед собой нашего современника, снова погрузившегося в эту пещеру и прошедшего весь извилистый путь до грани безумия и самоубийства, – это убеждает сильнее, чем стихи Гёте и музыка Гуно.

Илья Куксин

Василий Васильевич Леонтьев

*вторитетная международная
Энциклопедия общественных наук считает, что вклад Василия
Васильевича Леонтьева в экономическую науку сравним с тем,
который внесли в нее Адам Смит и Джон Кейнс. Более высокую
оценку дать трудно: их, в свою очередь, можно назвать
Ньютоном и Эйнштейном экономической науки.*

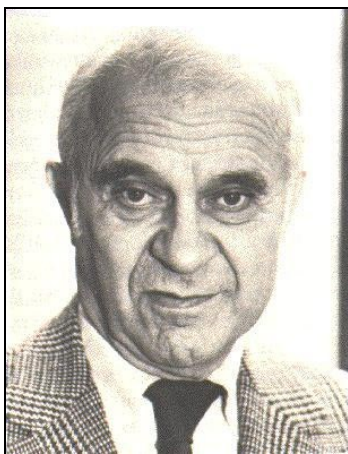
Долгие годы почти все российские и зарубежные справочные издания утверждали, что всемирно известный американский экономист Василий Леонтьев (младший) родился 5 августа 1906 года в Санкт-Петербурге. Относительно недавно его дочь Светлана Альперс (по мужу) опубликовала копию свидетельства о рождении, из которого следует, что родился ее отец в Мюнхене ровно на год раньше и в младенческом возрасте был перевезен в Россию, где прошло его детство и юность.

Как и большинство нетитулованных подданных Российской империи, Василий Леонтьев мало что знал об истории своего рода. Дед, отец, дяди, тетки и смутные семейные предания. Однако, ленинградские исследователи занялись родословной к тому времени уже известного ученого и обнаружили в архивах, что основатель петербургской ветви рода Леонтьевых старовер Иван Леонтьев, предположительно родом из Ярославской губернии, появился в Санкт-Петербурге в царствование императрицы Елизаветы Петровны.⁽¹⁾ Было найдено его прошение от 1741 года о зачислении в купечество и положительное решение. Леонтьевы стали торговать ситцевыми тканями. К 50-м годам XIX века основали свою собственную ситценабивную фабрику, которая располагалась, на набережной реки Ждановки, недалеко от её впадения в Малую Невку. Уже впоследствии рядом с фабрикой был построен дом, который сохранился и поныне. Как вспоминал В.В. Леонтьев: «... дом был построен по проекту моего деда. Он не был архитектором; он был купцом, но любил все делать сам. Я помню оранжерею в доме

с высокими настоящими пальмами, большой бальный зал, где мы танцевали. А в маленьких комнатках – они больше на часовни похожи были, столько там было икон и лампад, жили многочисленные тетушки и приживалки... У моего деда 14 детей было». (2, с. 187) Из всех этих детей только один – отец Василия (младшего), кстати, также Василий Васильевич, первым отошел от фамильного занятия и пошел в науку. Окончив гимназию, стал изучать экономику в Лейпциге, а затем защитил диссертацию в Мюнхене. Вернувшись в Россию, Леонтьев (старший) преподавал экономику вначале в Юрьевском, а затем в Санкт-Петербургском университетах. Находясь за границей, он знакомится в Париже с выпускницей Бестужевских курсов Златой Бенционовной Беккер – дочерью богатого еврейского купца из Одессы. В начале Злата изучала медицину, а затем увлеклась историей искусств. Любовь вспыхнула с первого взгляда. Им не мешала разница вероисповеданий: старовера Василия и иудейки Златы. Они полюбили друг друга сразу и на всю жизнь и впоследствии не расставались друг с другом больше, чем на неделю. Их официальный брак был невозможен в России, поэтому они заключили гражданский брак в Лондоне. Когда Злата узнала, что станет матерью, супруги решили, что рожать своего первенца она будет в Мюнхене, в одной из лучших клиник. Родители Леонтьева – старшего, узнав о браке, поставили условие – Злата должна креститься до рождения ребенка. В противном случае, по российским законам он будет незаконнорожденным.

За несколько дней до рождения сына Злата Беккер крестилась в мюнхенской православной церкви, став после крещения Евгенией Борисовной. Еще через два дня Евгения и Василий обвенчались в той же церкви, а назавтра она родила сына, которого в честь деда и отца назвали Василием. Вскоре семья Леонтьевых вернулась в Санкт-Петербург. Как писал впоследствии В.В. Леонтьев: *«Бабушке моей было несколько сложно. Но отношения были все равно семейные, хорошие».* (2, с. 187) Тем более, что поселились они не в доме деда, а недалеко от него, в городке Сан-Гали, на Крестовском острове, в одном доме с братом отца Леонидом, управляющим фабрики Леонтьевых. И жили они там до 1919 года, до тех пор пока пришедшие к власти большевики не выгнали братьев из собственного дома. Впоследствии, в ряде своих интервью и эссе, вспоминая родителей, Василий Леонтьев писал: *«Наша семья была буржуазно-интеллигентная, с либеральными взглядами. Впрочем, отец в молодости устраивал забастовки на фабрике моего деда. Это, знаете ли, типично русская черта. Позже, будучи профессором,*

он серьезно изучал марксизм и впоследствии занялся изучением экономического положения рабочих в России. Это была тема его докторской диссертации». (2, с. 87). О матери Леонтьев вспоминал: «Она была образованной женщиной, бестужевкой, изучала историю искусств. Знала четыре иностранных языка. Родом она из довольно состоятельной семьи, в которой молодежь занималась революционной деятельностью. В молодости, в начале века (XX века - И.К.) была даже арестована за участие в каких-то событиях против царя и сидела в тюрьме. Только это явно несерьезно было, потому что, как мне мама и тетушка рассказывали, за ней в тюрьму приезжал одесский губернатор и вывозил в своей коляске на прогулку. А вот брат ее был действительно революционером, был посажен в тюрьму, а позже расстрелян». (2, с. 187-188)

Василий Васильевич Леонтьев

Детство и юность Васи Леонтьева прошли в великолепном особняке на Крестовском острове Петербурга-Петрограда. Дом был открытый, родители общались со многими деятелями тогдашней богемы, помогали различным нелегальным партиям. Мать Василия, будучи по окончании бестужевских курсов дипломированным педагогом, решила не отдавать сына в гимназию и сама занялась его образованием. Особое внимание Евгения Борисовна уделила иностранным языкам - к 15 годам юный Леонтьев свободно владел основными европейскими языками. Как он вспоминал впоследствии, другим предметам его

обучали репетиторы. Это были студенты-разночинцы, очень похожие на тургеневского Базарова.

После Октябрьского переворота для семьи Леонтьевых наступили тяжелые времена. Они потеряли все свое состояние, их выселили из дома, позволив взять с собой только то, что разрешили охранявшие его матросы. Новые власти даже не соизволили ответить на просьбу университета предоставить его профессору новое жильё. Как вспоминал в конце жизни Леонтьев, было холодно, голодно, но родители не унывали. Единственное, на что они посетовали сыну, это то, что раньше у них было достаточно средств, чтобы дать ему приличное образование за границей, а ныне он должен всего добиваться сам.

В 13 лет Василий поступил и через два года окончил два старших класса единой трудовой школы, что давало ему право поступления в университет; руководство которого не сразу согласилось зачислить студентом пятнадцатилетнего юнца. Вероятнее всего, здесь не обошлось без вмешательства отца – профессора. В результате Василий Леонтьев был принят на отделение общественных наук Петроградского университета.

В те времена в университете еще сохранились прежние традиции свободомыслия и критического отношения к существующему режиму. Студенты спорили, обсуждали не только мировые, но и внутренние проблемы. Власть предрешающие и, прежде всего, чекисты, такого допустить не могли. Первым делом взялись за преподавателей, некоторые из которых были насильно высланы из страны на знаменитых «философских пароходах». В среде студентов были внедрены секретные сотрудники. В сети ГПУ попался и юный Василий Леонтьев. Подробно его эпопея, связанная с этим учреждением, документально изложена в работе(3). Мы же остановимся только на её основных моментах. Как следует из оперативной сводки Петроградского ГПУ, 4 ноября 1922 года во всех районах города были расклеены печатные листовки контрреволюционного содержания. В них был помещен следующий вывод о пятилетии большевистского правления: *«От надежд и упований первых дней Октября не осталось камня на камне. Лишь в одном верны себе коммунисты и сохранили завет первых дней Октября – террор»*. Среди задержанных расклейщиков был и *«Леонтьев Василий Васильевич, 16 лет, родился в городе Мюнхене, студент курса экономического факультета Петроградского университета, из дворян, беспартийный, сочувствующий РСДРП»* (так в те годы называлась запрещенная коммунистами партия меньшевиков). (3, с. 88).

Несмотря на юный возраст, Леонтьев быстро сообразил, как следует себя вести на допросах. Обыск на квартире ничего не дал, сам Василий отказался дать какие-либо показания о других расклейщиках. Чекисты выяснили, что Василий не был членом меньшевистской партии. Вспоминания впоследствии об этом, Леонтьев писал: *«Допросы были по ночам. Это было обычно между тремя и четырьмя часами ночи. У меня большие дискуссии были с чекистами. В то время чекисты были не просто полицейские. Они были интеллигенты, да-да в ВЧК были интеллигенты. И даже искренние, убежденные интеллигенты. Конечно, они мне все говорили: “Мы ведь вас расстрелять можем”. Но не расстреливали, а я долго с ними спорил и я их не боялся. Это были совсем не такие следователи, как потом. И они меня выпустили».*(2. с. 189). Правда, глаз с него не спускали и на все праздники Василия временно брали под стражу.

С такими небольшими перерывами Леонтьев успешно продолжал учебу. Решил изучить труды экономистов прошлых лет по первоисточникам. В Петроградской Публичной библиотеке никто из читателей не заказывал столько книг на английском и немецком языках. Директор библиотеки, известный философ-идеалист Радлов, обратил внимание на столь оригинального студента. Побеседовав с Леонтьевым, предложил ему написать статью по результатам изысканий и уговорил академика Тарле включить её в редактируемый им сборник. Хотя, как утверждал Леонтьев, эта историко-аналитическая статья не касалась политики и идеологии, цензура её не пропустила. Василий понял, что в России ему заниматься настоящей наукой не дадут. Еще в студенческие годы Леонтьев стал заниматься самостоятельными исследованиями. Участвовал в научных дискуссиях, перевел с немецкого работу К.Шеффера «Классические системы стабилизации валюты». Книга была издана в Петрограде в 1923 году и получила признание специалистов. Ныне её экземпляр с дарственной надписью Леонтьева хранится в отделе редких книг Публичной библиотеки Санкт-Петербурга.

После окончания университета, Леонтьев стал работать в нем и подал просьбу о выдаче заграничного паспорта для продолжения образования за рубежом. Вряд ли поднадзорный ЧК получил бы его, но, как вспоминает Леонтьев, ему повезло. У него обнаружили опухоль на челюсти. Была сделана операция, удалена часть кости и врачи решили, что это саркома. Чекисты, узнав об этом, сказали: пусть едет, все равно скоро умрет, и Василий уехал в Германию. Перед отъездом врач дал ему баночку с удаленной костью. Немецкие врачи, исследовав ее, никакой саркомы не

нашли. Впоследствии в одном из своих эссе Леонтьев заметил: «Так что мне саркома очень помогла. Согласитесь, она не многим людям помогает». В Германии он продолжил учиться и стал работать над докторской диссертацией в Берлинском университете. В 22 года он стал доктором экономики, но с дальнейшей работой было сложно. Пришлось вначале зарабатывать на жизнь публикациями в газетах и журналах. Судя по всему, не обошлось и без помощи родителей. К этому времени его отец сумел устроиться консультантом по экономике в советское посольство в Берлине. Затем Леонтьева (младшего) пригласили на работу в качестве научного сотрудника в престижный Институт мирового хозяйства при университете в Киле. Случайно в одном из кафе он знакомится с делегацией китайских специалистов, которые предложили ему должность советника министра железнодорожного транспорта. В его задачу входило рассчитать оптимальный вариант системы путей сообщения и грузоперевозок. Для решения проблемы Леонтьев запросил необходимую статистическую и экономическую информацию. Таковой тогда в Китае не оказалось. Тогда он попросил предоставить ему самолет и стал методично, район за районом, обследовать страну с воздуха. Но этого было мало, и Леонтьев после года работы не стал продлевать контракт и вернулся в Киль. Вскоре после возвращения из Китая, Леонтьев прочитал в российском журнале статью о балансе народного хозяйства СССР за 1923-1924 годы. В ней он увидел первую статистическую реализацию уже известных в то время математических моделей *экономики*. Он перевел статью на немецкий и опубликовал её в одном из журналов Германии. Главной целью было ознакомление немецких ученых с интереснейшей работой советских специалистов и возможность высказать свои критические замечания и предложения по дальнейшему совершенствованию предлагаемой методики. Именно в предложениях Леонтьева и была пока только идея его метода «затраты-выпуск». Через два месяца полный перевод статьи был опубликован в журнале *Плановое хозяйство*.

Но работа советских экономистов дальнейшего продолжения в СССР не получила из-за скептического отзыва о ней самого Сталина, который не смог вникнуть в суть рассматриваемой проблемы и назвал этот баланс «игрой в цифири»(4, с. 472). В начале 50-х годов прошлого века, когда метод «затраты-выпуск» Василия Леонтьева получил международное признание, власти СССР предложили отцу и сыну Леонтьевым, которые в то время уже давно жили в США, вернуться на родину. Вначале были намеки, затем просьбы, но

Леонтьевы на них не реагировали. К тому времени они уже знали о печальной судьбе брата Леонтьева (старшего) Леонида, которого без всяких на то оснований выслали из Ленинграда, и он скончался в ссылке. Трагичной оказалась и судьбы сестры жены старшего Леонтьева, Любви. Вспоминая свою тетку, Леонтьев (младший) писал: *«Она до революции расписывала ткани на фабрике, создавала новые рисунки. После революции занималась с детьми дошкольного возраста, обучала их иностранным языкам, даже книжку об этом написала. В 38-м году ее арестовали, обвинили в продаже планов советских подводных лодок, да-да! Она провела на каторге много лет. Я от нее получил письмо в 1953 году, и мы переписывались. Я ее посещал все годы до ее смерти в 1967 году»* (2, с. 190).

Чтобы как-то подорвать авторитет уже знаменитого в ученом мире экономиста, в те же 50-е годы в СССР стали распространять инсинуации и даже обвинения в плагиате. Утверждали, что знаменитый метод Леонтьева был создан не им, правда, имени настоящего создателя не называли. Что-де Леонтьев, работая не то в Госплане, не то в Главном статистическом управлении, похитил исходные материалы и методологию, нелегально вывез их за границу и там издал под своим именем. Авторы этих инсинуаций не смущали такие обстоятельства, что Леонтьеву ничего не надо было похищать, так как пользовался он официально опубликованными данными Госстата, а ни в Госплане, ни в ЦСУ он никогда не работал.

В 1931 году Василий Леонтьев получил приглашение от известного американского экономиста У. Митчелла, возглавлявшего в то время Национальное бюро экономических исследований США, и уехал в Америку. Тамешние экономисты встретили нового коллегу довольно прохладно. Попытка начать собственные исследования поддержки не получила, и он принимает предложение экономического факультета Гарвардского университета преподавать политическую экономию. Сразу же он подает заявку на создание фундаментальной таблицы межотраслевых связей США и проведение аналитических исследований. Заявка вызвала несколько высокомерную и удивленную реакцию местных профессоров-экономистов, но небольшой грант ему все же предоставили. С этим скромным бюджетом и небольшим штатом помощников Леонтьев приступил к своему проекту. Он собрал всеобъемлющую информацию о производственных затратах, потоках товаров, распределении доходов, структуре потребления и инвестиций. Данные собирались в правительственных службах и частных фирмах и

банках. В результате Леонтьев впервые сумел создать “точный портрет” экономики США вначале для одного 1919 года, а затем для последующего десятилетия. Это были первые таблицы “затраты-выпуск”, позволявшие корректировать развитие любой отрасли экономики в стране.

В Гарвардском университете ярко проявился талант Василия Леонтьева как организатора научных исследований. В 1932 году он создал в Гарварде научный коллектив под названием «Гарвардский проект экономических исследований», который возглавлял более 40 лет. Именно он стал центром исследований экономических процессов по методу «затраты – выпуск». Говоря об этом методе, нельзя не сказать о его сути. Никто не сможет сделать это лучше самого Леонтьева, и мы предоставим ему слово: *«Чтобы прогнозировать развитие экономики, нужен системный подход. Экономика каждой страны – это большая система, в которой много разных отраслей, и каждая из них что-то производит – промышленную продукцию, услуги и так далее, которые передаются другим отраслям. Каждое звено, компонент системы может существовать только потому, что получает что – то от других. Это как расписание поездов – откуда, куда, в какое время приезжают. Сейчас эта методология хорошо развита в экономике ведущих капиталистических стран. Мы изучаем одну страну, беря в расчет до шестисот – семисот отдельных отраслей, японцы доходят до двух тысяч. Допустим, надо рассчитать эффективность производства хлеба. Мы делаем расчет: сколько на одну тонну расходуется муки, дрожжей, молока и так далее по всем компонентам согласно рецепту. Затем определяем трудовые затраты в норма-часах. Все эти расчеты делаются в натуральных (физических) показателях. Очень важно не считать сразу в деньгах. На основе расчета материальных ресурсов и трудовых затрат на конкретное изделие или объект в натуре анализируются и сравниваются предполагаемые результаты в денежном выражении. Аналогичный подход применяется и при расчете любых видов продукции – стали, автомобилей, обуви. Во всех подготовительных расчетах учитывается расход компонентов, необходимых для производства данного вида продукции. И лишь затем с учетом цен и уровня зарплаты выбирается наиболее эффективный вариант выпуска конечной продукции».* (5, с. 11)

Вскоре после приезда в Америку, к Василию Леонтьеву присоединились его родители, которые через некоторое время получили американское гражданство. Сам он получил его в 1933 году, через год после женитьбы на американке- поэтессе Эстелле

Маркс. В 1936 году у них родилась дочь Светлана, впоследствии профессор истории искусств Калифорнийского университета.

Несмотря на скудность средств, выделенных Леонтьеву на научные исследования, он продолжал разрабатывать свой метод. Ученый стал первым экономистом, применившим в своих исследованиях счетно-вычислительные машины. В то время они были весьма примитивными. Так, в начале своей работы Леонтьев использовал гигантский механический агрегат, напоминающий большой пресс. Производя вычисления, эта машина вибрировала и брызгалась маслом. Затем механические машины сменились электронными. Леонтьев имел близкие контакты с создателями современных компьютеров и использовал в своих работах новейшие разработки, в том числе и самый большой в мире мегакомпьютер.

Первые результаты исследований Леонтьева начали публиковаться уже в 1936 году, а в 1941-м выходит в свет его первая монография «Структура американской экономики 1919-1939». В 1951 году вышло второе, существенно расширенное и дополненное, издание этой книги(6). С 1932 по 1975 гг. Леонтьев преподавал политическую экономию в Гарварде, но только в 1951 году он стал профессором и возглавил кафедру политической экономии. Вспоминая о Леонтьеве, как о преподавателе, известный американский экономист Джеймс К. Гэлбрейт писал: *«В. Леонтьев стал моим первым преподавателем экономики... Это был курс, не похожий на обычное введение в предмет: никакой теории, минимум математических таблиц; на занятиях подробному анализу подвергалась американская экономика по методу “затраты-выпуск”. Аудитория была немногочисленной. И мало кто мог предположить, что перед нами стоял один из гениев в мировой истории экономической науки, которому будет присуждена Нобелевская премия».*(7, с. 1).

Со второй половины 30-х годов работами Леонтьева заинтересовалось правительство США. У основателя «нового курса» президента Рузвельта были грамотные экономические советники, и они оценили возможности нового метода для государственного регулирования экономики, особенно при ее структурной перестройке в ходе войны и после ее окончания. В 1943-1945 годах Леонтьев был назначен руководителем Русского экономического подразделения стратегических служб в Вашингтоне, планируя поставки в СССР по «ленд-лизу».

С помощью своего метода Леонтьев сумел разработать наиболее эффективные способы оказания помощи Советскому Союзу. Методику Леонтьева применили в годы войны военно-

воздушные силы США. Таблица «затраты-выпуск» для экономики Германии помогла им выбирать цели для бомбардировок. В 1943 году Леонтьеву позвонил президент Рузвельт, встревоженный мрачным прогнозом послевоенной конверсии промышленности, которая вызовет массовую безработицу, и попросил его сделать объективный анализ ситуации и дать мотивированный прогноз, что будет с промышленностью после окончания войны. Леонтьев как бы предвидел, что такой вопрос будет задан, и с началом военных действий убедил Бюро трудовой статистики заняться сбором данных для новых таблиц по структуре американской экономики 1939 года. Таблицы были составлены, и на их основе началось планирование перехода американской экономики на мирное производство. Используя свой межотраслевой анализ, Леонтьев показал, что как бы ни сокращалось производство вооружений после войны, спрос на сталь не уменьшится, а возрастет благодаря неизбежному расширению строительства.

Окончилась война, Леонтьев вернулся в Гарвард и в своих статьях и докладах обратил внимание на все усиливающиеся монополистические тенденции в американской экономике. Представители корпораций посчитали это вмешательством в их дела, и метод Леонтьева попал в опалу. Этому способствовали и сложные отношения Василия Леонтьева с большинством американских экономистов, которые не без оснований видели в нём конкурента. Но к тому времени труды учёного уже приобрели международную известность, его методологию стали использовать во многих странах мира. Именно Леонтьева считают отцом - основателем японского «экономического чуда». Благодарные японцы после кончины Леонтьева выкупили его архив и создали мемориальный музей знаменитого экономиста. При жизни его наградили самым почетным орденом «Восходящего солнца» за научные работы, содействовавшие ускорению экономического развития страны.

Когда Италия пригласила Леонтьева разработать перспективный план развития транспорта, то правительство страны приняло специальный закон, разрешающий иностранцу проводить столь ответственную работу.

Метод «затраты-выпуск» доказал свою полезность в качестве аналитического инструмента в сфере региональной экономики США, стал стандартной операцией для крупных городов страны, отдельных фирм и управления межотраслевой экономики США.

Однако, не зря говорится, что нет пророка в своем отечестве. Леонтьев резко выступал против экономической

политики президента Р. Рейгана, либерализации свободного рынка и идеи о том, что свободный рынок сам по себе решает все проблемы. Он говорил: *«Представим, что капитан, уволив большую часть команды, приказывает поднять паруса и, дождавшись сильного попутного ветра, дующего в ту сторону, где корабль ждет максимальная прибыль, отдает команду отправиться в путь. Заодно он приказывает рулевому оставить штурвал, не мешать ему свободно крутиться, предоставляя кораблю возможность плыть, куда дует ветер. Многих пассажиров такое путешествие может позабавить, но не стариков, больных, бедняков, спущенных за борт в дырявые шлюпки»*(8, с. 2).

Василий Леонтьев всегда подчеркивал, что он русский и родина его Россия, а самый дорогой для него город в мире – Санкт-Петербург. Но советские идеологи Леонтьева не уважали. Лишь в годы хрущевской оттепели началось оживление советской экономической науки, стали переводить и издавать труды ведущих западных экономистов, в их число попали и книги Леонтьева. Несмотря на то, что приезд в СССР видных зарубежных экономистов был в то время большой редкостью, в конце 50 –х годов Василий Леонтьев был приглашен в СССР и прочел лекцию в Институте мировой экономики и международных отношений в Москве. О том, как проходила эта лекция, вспоминает известный советский экономист и писатель А.В. Аникин: *«Небольшой и неудобный зал во временном помещении института, занявшего старое здание в Китайском проезде, оказался забитым до отказа. Помимо новизны самого факта выступления иностранца и известности имени Леонтьева, людей привлекало то, что он был русский и собирался говорить на русском языке. Леонтьев оказался приятным, мягким, слегка склонным к иронии человеком, который чувствовал и вел себя в непривычной обстановке непринужденно и просто. Его русский язык был свободен и интеллигентен, лишь изредка в нем чувствовались следы длительной оторванности от живой языковой стихии. Труднее ему давалась наша экономическая терминология, отчасти сложившаяся в годы его отсутствия в России. Леонтьев быстро завоевал симпатии аудитории, в которой преобладала молодежь, умело и просто рассказывал о сути своего метода и его перспективах. Щедро отвечал на многочисленные вопросы и, как мне показалось, остался доволен встречей»*(9, с. 3-4)). После лекции Леонтьева окружила толпа молодых ученых, и он с удовольствием стал отвечать на вопросы в этой неформальной обстановке. Как утверждает А.В.Аникин, в ходе первого визита на

родину Леонтьева принимали в Госплане, институте экономики АН СССР и ряде других учреждений, где он обстоятельно беседовал с их руководителями. По результатам этого визита в СССР Леонтьев опубликовал обстоятельную статью «Спад и подъем советской экономической науки». В России эта статья увидела свет в его книге «Экономические эссе. Теории, исследования, факты, политика»(5).

Как только были учреждены Нобелевские премии по экономике, Василий Леонтьев стал одним из первых претендентов на эту престижнейшую в мире награду. Однако, получил ее только в 1973 году со следующей формулировкой научных заслуг: «за развитие метода “затраты – выпуск” и за его применение к важным экономическим проблемам». Леонтьев стал вторым выходцем из России - лауреатом Нобелевской премии по экономике. За два года до Василия Леонтьева этой премии был удостоен Саймон (Семен Абрамович) Кузнец. Если Леонтьеву удалось получить высшее образование на родине, то Семена Кузнеця исключили из университета в Харькове, поскольку его отец когда-то владел небольшим магазином. Через два года после Леонтьева Нобелевскую премию по экономике получил советский ученый Леонид Канторович. Интересно отметить, что как Леонтьев, так и Канторович в разные годы окончили экономический факультет Петроградского университета. С тех пор ни один российский ученый даже не номинировался на Нобелевскую премию по экономике.

В год своего семидесятилетия Василий Леонтьев покидает тихий академический Кембридж и переезжает в Нью-Йорк. Здесь, в местном университете он организовал и возглавил Институт экономического анализа и вплотную стал заниматься проблемами мировой экономики. Об интересе к этой глобальной проблеме и путях ее решения Леонтьев рассказал в своей Нобелевской лекции, которую по традиции читают все лауреаты этой премии. В то время Леонтьев возглавлял грандиозный проект по исследованию структуры и перспектив мировой экономики при помощи его метода. Проект осуществлялся под эгидой ООН, его результаты были опубликованы в 1977 г. под названием «Будущее мировой экономики». Книга была переведена на 10 языков, в том числе и на русский.(11) Проект представлял собой гигантскую модель типа «затраты- выпуск», в которой мир был поделен на 15 регионов, в каждом из них оценивались на перспективу до 2000 года потребности в основных видах сырья, потоки товаров и капиталов между развитыми и развивающимися странами. В той же Нобелевской лекции Леонтьев предложил использовать свой

метод для оценки загрязнения окружающей среды и средств, необходимых для ее очищения.

Ученый любил парадоксы. Наиболее известный из них - так называемый «парадокс Леонтьева», заключающийся в том, что, если принять во внимание прямые и косвенные затраты в процессе воспроизводства, то экспорт для США оказывается более трудоемким и менее капиталоемким, чем импорт. Это означает, что хотя в США очень сильна инвестиционная сфера и высока заработная плата, они импортируют капитал и экспортируют труд.

После своего первого визита на родину Василий Леонтьев стал «въездным» в СССР, а после его распада и в Россию. Почти каждый раз он стремился побывать в своем родном городе и приветствовал возвращение ему старого названия. В 1991 году тогдашний мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак предложил создать в нем Мировой Центр социально-экономических исследований, и Василий Васильевич с удовольствием дал согласие присвоить Центру его имя. Ныне это одно из немногих в России независимых научных учреждений, которое существует на собственные средства, заработанные разработкой и внедрением научных проектов в России и за ее пределами. Василий Васильевич долгие годы, вплоть до своей кончины, принимал активное участие в его работе.

Центр организовал грандиозное чествование 100-летия со дня рождения Леонтьева не только в России, но и на международном уровне. В Санкт-Петербурге на доме, где до отъезда в Германию жил Леонтьев, была установлена мемориальная доска. В 2005 году по инициативе Леонтьевского центра была учреждена международная Леонтьевская медаль в номинации «за вклад в реформирование экономики». Медалью награждаются как отечественные, так и зарубежные деятели, внесшие существенный вклад в экономику. В России среди награжденных мы встречаем имена Е.Т. Гайдара. А.Л.Кудрина, А.Б.Чубайса, ныне опального бывшего советника В.В.Путина по экономике А.Н. Илларионова, а также ряд других известных российских и зарубежных ученых.

Была начата подготовка, а затем издан трехтомник его избранных сочинений(10).

Кроме Нобелевской премии, Василий Леонтьев был удостоен многих наград и членства в самых престижных научных сообществах мира. Он был избран и в Российскую Академию наук (РАН) вначале ее иностранным членом, а затем академиком РАН. Санкт-Петербургский и Московский университеты присвоили ему степень почетного доктора наук.

Он любил путешествовать, ловить рыбу, многие свои выступления в России заканчивал следующим: *«Я увлекаюсь парусным спортом и, когда объясняю студентам, как функционирует экономика страны, сравниваю ее с яхтой в море. Чтобы дела шли хорошо, нужен ветер, – это заинтересованность. Руль государственное регулирование. У американской экономики слабый руль. Нельзя делать так, как говорил Рейган: поднимите паруса, пусть их наполнит ветер, и идите в кабину коктейли пить. Так нас и на скалы вынесет, разобьет яхту вдребезги. У России сейчас наоборот: ветер не наполняет паруса, а тогда и руль не помогает. Я думаю, что более правильно делают японцы. У них, конечно, есть частная инициатива, но и государство играет большую роль, влияя на развитие экономики в лучшем направлении. Из всех капиталистических стран, у которых в настоящее время можно чему-то научиться, я бы выбрал не США, а Японию»*(5, с. 12).

Василий Васильевич Леонтьев ушел из жизни в 1999 году.

Его жена Эстелла Маркс пережила мужа на шесть лет и скончалась в июне 2005 года в возрасте 97 лет. Будучи известной американской поэтессой, она еще при жизни, кроме сборников стихов, написала и издала биографию семьи Леонтьевых(12). Несмотря на то, что книга жены Василия Леонтьева вышла двумя изданиями, в ряде источников ее авторство приписывается его матери.

Газета *New York Times* опубликовала некролог, в котором Эстелла характеризовалась, как любимая жена Василия Леонтьева, мать Светланы Альперс, бабушка Бенджамина и Николаса Альперсов и их жен Карин и Катрин и прабабушка Нояха, Миры, Алины и Исаака.

Автор считает своим долгом выразить самую глубокую признательность Эрнсту Зальцбергу за ценные замечания к первой редакции статьи, которые позволили дополнить и улучшить ее.

Чикаго

Литература

1. *Каледина С.А. , Павлова Н.Ю.* Семья Леонтьевых в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1992, № 1.
2. *Каледина С.А.* В.В. Леонтьев и репрессии 20-х годов // Репрессированная наука. Вып. 2, Спб. Наука, 2003. Стр. 187-194.
3. *Митюрин Дмитрий.* “Мы ведь вас расстрелять можем”: Василий Леонтьев в ГПУ на Гороховой улице // *Родина*. 2008, № 11. С. 87-90.
4. *Гранберг А.Г.* Василий Леонтьев в мировой и отечественной науке //

Экономический журнал ВШЭ (Высшей школы экономики). 2006, № 3. С 471-492.

5. Леонтьев В.В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты, политика. М., 1990. С. 11

6. *Leontief Wassily*. The structure of American economy, 1919-1929: an empirical application of equilibrium analysis. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1941 (first edition); New York, Oxford University Press, 1951 (second edition).

7. Гэлбрейт Джеймс К. Памяти Василия Леонтьева // *Проблемы теории и практики управления*. 1999, №3. С. 1

8. Там же. С. 2.

9. VIVOS VOCO: Аникин В.А. Василий Леонтьев или экономика на шахматной доске // *Природа*. 2000. № 7.

10. Трехтомник трудов В.В. Леонтьева:

Т.1. Общеэкономические проблемы межотраслевого анализа. М., Экономика, 2006.

Т. 2. Специальные исследования на основе методологии «Затраты-выпуск». М., Экономика, 2006.

Т.3. Избранные статьи. М., Экономика, 2007.

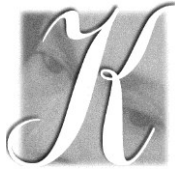
11. The future of the world economy: a United Nation study by Wassily leontief et al. New York : Oxford University Press. 1977

12. *Leontief Estelle*. Genia &Wassily: a memoir. Rhinebeck, N.Y., 1983 (*first edition*). *Leontief Estelle*. Genia &Wassily: a Russian-American memoir. Somerville, Mass., Zephur Press, 1987 (*second edition*).

Юлия Драбкина

Полбедаы

оптит июнь. Расплавлен потолок.
Кипящий воздух разум истолок.
Всё умерло – воскреснет после лета.
По Аленби фланируют киты.
«Куда? Откуда?» - спрашиваешь ты.
Но те, смеясь, уходят от ответа.
Невидимые маги всех мастей
на сотни лет грядущих новостей
в большой блокнот записывают сводки.
К полудню солнце входит в полный раж,
лучами плотно штопая пейзаж,
как штопают последние колготки.
Порebritки дымятся и горят,
горят дома, поставленные в ряд.
Уткнувшись носом в грязную подушку,
бродяга то ли умер, то ли спит,
а рядом, напевая, царь Давид
вывешивает небо на просушку.
Такие, брат, нестройные дела.
Из Яффо голоса колокола,
напрасно призывая ветродуя.
Душа полдня играет болеро
в шкатулке микрогорода Зеро,
где у прибрежной линии иду я,
не чуя ног, по кромке голубой,
впустую рассыпая за собой
густые кириллические знаки...
Так серенькой пичужке не дано,
усевшись на раскрытое окно,
выстукивать трактат о Пастернаке.

Потому не пишу о любви, что уходят под воду
расписные ее города, выстилаясь по дну,
что, заранее зная прогноз, в штормовую погоду
глубину океана замерив, тотчас утону.

Потому не пишу о душе, что ее постояльцы,
закипев от кессонной болезни, лежат в забытьи,
только мелкий уродливый бес узловатые пальцы
запускает без устали в рыхлые раны мои.

Потому не пишу о болезни гнетущего слова,
доходящего с кашлем и кровью до горла к утру,
что из всех мировых словарей мне не надо другого,
а единственно верное, видимо, не подберу.

Было б явственно проще без этих троих и полезней -
только тихие версты на гладкой пологой судьбе...
А в тебе – ни любви, ни особой души, ни болезни,
почему, почему ж я все время пишу о тебе?

Проснешься через тридцать-сорок лет,
внезапно растерявшись - где ты, кто ты?
Знакомая дорога в туалет,
под раковиной в кухне нечистоты;
крадешься, скрипом старых половиц
наигрывая что-то под Шопена;
сосед, красноречиво краснолиц,
дрянное пойло сёрбаёт степенно
под домом, в провонявшем зипуне,
с густой стеклянной тяжестью во взгляде;
пометом голубиным на окне
прогноз как приговор написан на день.
Схватив портфель, слетаешь вниз на раз,
забросив мамин ключ в почтовый ящик;
старушки, несмотря на ранний час,
на лавочку присев, глаза таращат...

И далее, и все в таком ключе
банальном – вот, мол, счастье априори,
и никакого опыта вообще,
и ни одной из каверзных теорий...

Как правильно - не знать, что все пройдет,
во времени, в пространстве, в человеке,
что много-много лет тому вперед,
в другой стране, в другом окне и веке
ты будешь удивленно наблюдать,
осознавая данную как милость
подсвеченную солнцем благодать,
что ничего такого не случилось,
что дышишь и покуда не убит,
а просто опален житейской домной;
и родина спросонья заболит
нешадной болью, режущей, фантомной...

У соседей за дверью входною
каждый день колыбельный мотив -
здесь живут, высочайшей ценою
за семейный уют заплатив.
А вдали – видишь, небо лилово? -
там другие, мои берега,
для таких, продающих за слово
и нутро, и тепло очага.
Ведь судьбой, как лицом инородца,
невозможно совсем пренебречь:
видно, горечь без спроса дается,
как прямая судебная речь.
И меж тех берегов ни ответа,
ни совета, ни света, ни дна,
только, в белую пачку одета,
одинокая прима-луна,
вечный писарь небесной конторы,
опускает сочувственный взгляд,
словно старая мать, пред которой
неизбывной виной виноват.
Кто-то кистью невидимой чертит,
подгоняя тропинку к реке,
по дороге то боги, то черти
норовят погадать по руке.
Кривят рожи ночные усадьбы,
разъяренных собак отвязав.
Поскорей до реки добежать бы,
прикрывая от страха глаза,
и живую водою напиться.

Но, смеясь, отражает вода
страшноглазую, черную птицу -
у таких не бывает гнезда.
Вот – рукою подать – благоденствие:
ухватись и впадешь в забытье.
Вот висит уже сотое действие,
ни в кого не стреляя, ружье.
Вот подсчеты: потеряно, пропито,
разбазарено столько-то дней,
конвертация личного опыта
происходит с годами больней.
А, плевать! Лучше выйду на улицу,
все плохое закрою на ключ.

Город. Пасмурный вечер сутулится
от синеющей тяжести туч.
Бог Потопа на небе куражится,
под ногами – река широка.
Я промокла. И счастлива, кажется:
и родители живы пока,
и мелькает гроза фотовспышкой,
и глаза все еще горячи,
и ребенок прижался под мышкою -
а других и не надо причин...
Горизонт золотистою граппою
заливает закат-винодел,
дождь оконные стекла царапает,
доводя до двухсот децибел
силу звука в природе. Но где его
перекрыть тишиной островной...
Лужа корчит лицо лицедеево,
поднимаясь от ветра волной.
До чего же твое праотечество
суетливо, отец Авраам:
чуть зима - и бежит человечество
врассыпную, скорей по домам,
то молитвы, то детские жалобы
вперемешку бубня на бегу.
Да и я о своем рассказала бы,
только вслух не могу, не могу,
безвозвратно теряю звучание,
стоя в центре людской толчеи.
И бессрочная эра молчания

наступает на пятки мои.

Если скажешь, останусь у ночи
охранять, как собака, порог,
разойдусь по земле, если хочешь,
серой грязью солдатских сапог,

если хочешь, больной и горбатой
буду жить по чужим городам,
назначай справедливую плату –
всё, что есть, не жалея отдам,

побреду по пустыне босая,
стану высохшим руслом реки,
пусть, достойных любя и спасая,
мне никто не протянет руки,

если хочешь, отсутствием чуда
накажи недоверчивый дух,
если надо – молчанием буду:
ни строфы, на бумаге и вслух,

хочешь, буду последним на свете
из рабов, не считая за труд,
только Ты поклянись мне, что дети,
наши дети до нас не умрут...

На пустой остановке, одной из своих переправ,
позабыла Пандора потрепанный старенький ящик.
Аккуратно останки надежды оттуда забрав,
я уйду незаметно.

Я сяду в трамвай дребезжащий
и поеду назад.

Загудят, затрещат провода
на наречии детства. Окажется, сколько ни странствуй,
все дороги уводят в безумие (это туда,
где разлажены связи и время в раздоре с пространством).
По пути промелькнут: на веревках гирлянды белья,
в синих лавочках двор, где стоит аромат самогонки,

где, уже не чужая, судьба, но еще не моя,
у подъезда в кустах залегла, потирая ручонки,
где из окон знакомых на улице Кирова свет,
и не веришь глазам - это божья внезапная милость:
видишь - машет своим молоточком в сапожничкой дед,
видишь - бабушка грустно над швейной машинкой склонилась.
Невозможно понять, что за век, что за месяц и год.
Впрочем, что мне? Имеет значение только минута...
Одиноким трамвай по знакомому кругу идет,
не найдя среди прочих возможных вернее маршрута.
И в попытке умерить озноб обмотавшись плащом,
прижимаюсь к стеклу, на рассудок едва уповая.
И горит светофор на развилке времен, и еще
далеко до безумия - десять минут на трамвае.

Задремала, забыв распуścić полотно,
поутру Пенелопа-ткачиха.
Бесконтрольное время сбежало в окно
и в резиночку прыгает лихо.
И поскольку не вертится шар голубой,
можно жизнь наблюдать как чужую.
Я тебя не боюсь – поиграем с тобой,
дай резинку тебе поддержку я.
Чтоб не слышать, как буднично щелкнет затвор,
пошумим на дворежном безлюдье,
по слогам начирикивают приговор
меж ветвей воробьиные судьи.
Не гляди, не сбивайся, считая по три -
у тебя и лицо святотатца...
А повыше возьмешь - в середине замри,
не спеши, не спеши приземляться,
до тех пор, пока Кронос держать взаперти
не устал разъяренных циклопов,
дай мне чуточку времени здесь провести,
до тех пор, пока спит Пенелопа,
не гаси второпях за грудиной свечу,
не веди к убивающей тайне,
умоляю тебя, я тебе приплачу,
лишь на завтрашний день не гадай мне,
ничего не хочу – я устала хотеть,
но и смерти покуда не внемлю:
так душа, перед тем, чтобы в небо взлететь,
постепенно спускается в землю...

Полбеды это, полбеды...
Погляди на него однажды,
как подносят стакан воды подыхающему от жажды,
как вливают глоток тепла под мучительную беседу,
если смерть еще не пришла, но уже написала: «Еду».

Объясни ему как никто – будь внимателен, тих и краток,
не вытаскивай долото, пусть торчит его меж лопаток,
за подмогою не зови – это мелочно и негоже,
пусть покорится от любви, повторяя «о Боже-Боже».

Будет плакаться – промолчи, так ему, дураку, и надо,
продублирую ему ключи, дай пароль от парадной ада.
Пусть ползет из последних жил, опершись на асфальт
руками,
пусть закончится как решил – постепенно, в девятом
грамме

не найдя для себя покой. Пусть, минуя седьмое небо,
позабудет, кто был такой, потому что никем и не был.
А потом – замети следы. Но киваешь, и долу очи,
и бормочешь под нос, бормочешь:
полбеды это, полбеды...

Крупницу кислорода зачерпнуть
в закат из ниоткуда тихо выйдешь.
Земля, приём, ответьте кто-нибудь,
на хинди, эсперанто или идиш.
Молчат. Остаток солнечной зимы
с шипеньем умирает в Иордане.
Смотри туда, однажды так и мы,
но не сейчас,
когда-нибудь,
когда-ни...

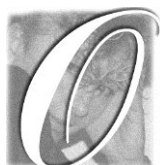
Когда скривит земное время рот,
по-блядски напوماженный и яркий,
нас будут ждать у адовых ворот
(«Жидам собраться в 9 возле арки»)
Угрюмый город - сер, осиротел -

задержит вдох, приспустятся знамёна,
и все придут, и мы с тобой в хвосте,
и нас по списку сверят поименно.
И бог, оставив в сторону стакан,
наполненный бессилием до края,
как есть - sentimentalный старикан,
всплакнет, по-детски сопли вытирая.
Прислушайся, как бьется о карниз
мелодия скрипично-дождевая:
то капли божьих слёз спадают вниз.
Лишь на такую скрипку уповая,
старательно учу ее азы,
и ей не в такт, затягивая действо,
всё льется, льется русский мой язык
сквозь призрачное сито иудейства.

Борис Гулько

Призрак коммунизма

Обсуждение шло хорошо, по-деловому. Илларион Неделин испытывал сердечную симпатию к своим коллегам по Политбюро, радовался разумности их доводов. Это были не замшелые старики времён до Развала, на которых он когда-то взирал с иронией во времена семейных вечеров у телевизора, а открытые велениям бизнеса современные люди.

В те, доразвалыные времена, молодой Илларион Неделин, член парткома Московского Университета от философского факультета, носил репутацию лёгкого свободомыслия. На чём основывалась эта репутация – было не вполне понятно. То ли на том, что при обсуждении на собраниях гнусных вопросов вроде солженицынского или сахаровского, Илларион выступал не среди первых, а когда всё необходимое уже было сказано по несколько раз, и речи его оказывались короче, чем у других. То ли на многозначительности во взгляде, приобретённой во время дискуссий на тёмные темы на кафедре гносеологии, когда Илларион и сам бывал не уверен что понимает, о чём говорит. То ли в использовании мудрёных слов, характерном для его профессии. Эта репутация, не мешавшая карьере, льстила Иллариону.

Когда начался Развал, и ребята из КГБ ринулись приватизировать страну, Неделин поотстал, и неожиданно обнаружил себя в руководстве партии.

Являясь человеком слова, а не дела, он остался в той редкой области, где приватизировать было, собственно, нечего. Идеология, которой раньше владела партия, стала принадлежать каждому, кто желал её. И такая легкодоступность ранее столь оберегаемой «субстанции» делала её жрецов, хранителей и распространителей весьма уязвлёнными как по части относительности морали их «субстанции», так и по части доставляемой этой «субстанцией» грубой материи.

О последней, то есть о деньгах, и шла речь на заседании Политбюро. Докладывал Всеволод Краюхин, экономист-практик развитого социализма, после исчезновения последнего из природы, представлявшегося «экономист-теоретик». Обсуждалось использование недвижимости, приватизированной партией. Предложение Краюхина было интересным – открыть Музей Мавзолея и сувенирный магазин непосредственно в Мавзолее. Экономист-теоретик рисовал головокружительные финансовые перспективы – «кто не приобретёт что-нибудь на память в Мавзолее?» Но какие-то аспекты вызвали сомнения. Лезла в голову знаменитая строка поэта Вознесенского: «Уберите Ленина с денег». Иллариону представлялось – мумия вождя в саркофаге, сосредоточенное на вечной мысли восковое лицо, освещённое двухсотваттными лампами, а рядом киоск, торгующий матрёшкой Ленина, внутри которой матрёшка Сталина, внутри которой Хрущёв... Следуя современной партийной политике, а также давним наставлениям бабушки, Илларион посещал по праздникам Церковь и прочёл Новый Завет. Сейчас он вспомнил, как Иисус изгонял из Храма менял.

Краюхин между тем перечислял проблемы, связанные с проектом. Наиболее серьёзная – место. Нужны кассовый зал, две уборные – мужская и женская.

Тут Неделин перебил докладчика. «Саркофаг вождя придётся вынести из Мавзолея», – торжественно произнёс он и добавил уже в деловом тоне: «Это решит и проблему места, и этические проблемы, возникающие при коммерциализации Мавзолея. Предлагаю параллельно с музеем Мавзолея создать «Передвижной Мемориал Ленина». Умение находить рубленные формулировки вроде «Передвижной Мемориал» отличали Неделина и вызывали у товарищей уважение.

- Вы думаете, что «Передвижной Мемориал» тоже может приносить доход? – осторожно вступил в дискуссию бывший рабочий Анчоусс. Илларион сомневался, был ли когда-то рабочим Анчоусс. Скорее «бывший рабочий» – это качество, в котором Анчоусс вступил в эту жизнь. Хотя какие-то детали бывшего рабочего у Анчоусса присутствовали: характерная внешность, детство, проведённое в коммуналке с отцом-пьяницей и соседями-хулиганами.

- Чтобы «Передвижной Мемориал» начал приносить доход – отвечал бывшему рабочему экономист-теоретик – потребуются дополнительные расходы – аренда помещений, обслуживающий персонал.

- Я против дополнительных расходов, деньги могут быть разворованы – заявил бывший рабочий, не доверявший в этом мире никому, даже своим друзьям по партии. В глазах его блеснул классовый огонь ненависти к нетрудовым расходам.

- Без дополнительных расходов нам придётся хранить гроб, извините, саркофаг, по частным квартирам. Да и плата за посещение вождя будет доставаться владельцам квартир, а не партии, – возразил бывшему рабочему космонавт Севрюгин. Красное лицо и постоянно вздувшиеся вены на висках Героя Советского Союза говорили то ли о последствиях перенесённых перегрузок при подготовке к полётам, то ли о злоупотреблении спиртным.

- А сколько можно будет брать с посетителя за посещение вождя, – оживился бывший рабочий, – я думаю, долларов по сто?

- Посетителями будут, очевидно, в основном иностранцы, – отозвался Илларион, – меньше тысячи, правда, не с посетителя, а с семьи, брать будет нелепо.

- А не снизит ли такая дороговизна количество людей, способных увидеть вождя – заволновался опять Анчоусс.

- И во сколько раз, ты думаешь, снизит? – занялся расчётами космонавт.

Да раз в десять, – расстроено предположил бывший рабочий.

- Но в этом случае мы получим те же деньги, – уверенно заявил Севрюгин, законно гордясь своей смыслённостью. Заседавшие закивали головами и заговорили, что, да, мол, получим те же деньги. Анчоусс, увидев это, перепроверять расчёты космонавта не стал, согласившись на сумму в тысячу долларов.

В ходе последней дискуссии, внимательный читатель мог заметить, произошло важное изменение. Севрюгин начал называть потенциальных хранителей саркофага «мы», и все присутствовавшие приняли такой поворот. Финансовая привлекательность предприятия была очевидна, однако члены Политбюро начали ощущать неожиданную тяжесть на душе. Выразил её Краюхин.

Начав после Развала посещать, как и другие ведущие деятели партии, церковь, Всеволод вскоре отринул христианство как ещё одну еврейскую выдумку и примкнул к последователям традиционного национального языческого культа. Поэтому перспектива иметь в доме покойника, вместе с привидениями, домовыми, упырями, оборотнями, да мало ли ещё чего притащит

за собой тело небезгрешного Ильича, заставила его покраснеть, захватать, аж лысина вспотела, и, наконец, произнести:

- Всё ж таки... покойник в доме...

Над столом, покрытым зелёным сукном и уставленным бутылками с Боржомом и с кока-колой, повисла тишина. «Неужели такой финансово интересный проект рухнет?» – забеспокоился Неделин.

- А почётный караул, – торопливо заговорил Севрюгин – деньги на него выделены государством. Часовые должны находиться у саркофага круглосуточно, и мумия должна ярко освещаться.

Космонавт говорил волнуясь и громче, чем обычно. Видно было, он пытался отогнать недобрые чувства, выраженные столь нелепо косноязыким Краюхиным.

Образ человека с ружьём, да ещё при ярком освещении, быстро всех успокоил. Нужно было решать другие технические вопросы. Кто будет включён в число хранителей «Передвижного Мемориала»? – Генеральный секретарь и двенадцать членов Политбюро. – Единогласно. – Как долго саркофаг будет стоять в квартире каждого из Хранителей? – По месяцу... Не очень хорошо. Курс партийной учёбы и все циклические процессы в партии занимают обычно год. А тут вдруг тринадцать месяцев. И число какое-то не очень хорошее.

- Будем рассматривать доходы от доступа к саркофагу как тринадцатую зарплату, – вспомнил бывший рабочий Анчоусс замечательный экономический стимул эпохи развитого социализма. «Прекрасная формулировка», – с уважением подумал Неделин, голосуя «за».

- В каком порядке члены Политбюро будут хранить «Передвижной Мемориал»? Все приняли разумное предложение Генерального секретаря – порядок определяется стажем в партии. Наибольший стаж оказался у Неделина. Угодив в армию после школы, Илларион сразу проник на идеологическую работу, и уже к концу своего первого армейского года был принят в члены. Теперь эта проворность делала его Первым Хранителем.

Илларион сидел за письменным столом и работал. Настроение было приподнятым. Вдоль дальней стены кабинета, закрывая собой нижние полки стеллажей, заполненные его прижизненными произведениями, лежал в саркофаге вождь. В ногах мумии, освещённый двумя яркими лампами, стоял навывтяжку, и, кажется, не дышал, часовой. За день караульные сменялись несколько раз, на ночь оставляли одного. Поскольку

караульные, следуя строгой инструкции, всегда молчали и смотрели в одну точку, то есть вроде бы и не смотрели, Илларион начал воспринимать их как принадлежность саркофага, и, даже, как некое проявление тела вождя. То есть вождь был как бы уже не совсем мёртв, а, в какой-то своей ипостаси, и вечно жив. Зато безмолвный и бездвижный часовой был, вроде, и не совсем жив, отдавая, кажется, часть своей витальности не до конца умершему вождю. «В этом», – рассуждал Илларион, – «наверное и заключён высший смысл почётного караула.»

Поступили уже две заявки на посещение «Передвижного Мемориала». Предприятие обещало стать прибыльным. К тому же на Хранителей, повышая их авторитет среди партийцев, начал падать отблеск величия вождя – «как на часовых», – говорил себе Илларион.

Работа над статьёй «Русская идея в трудах и делах Нечаева» продвигалась споро. Неделин был увлечён исследованием Русской идеи, доказывая в своих последних статьях, что этой идее западные выдумки либерализм и демократия чужды. А то, что это уже доказал сто лет назад Бердяев, делало задачу ещё более приятной. «Мы с Бердяевым», определял авторство идеи Илларион и испытывал законное уважение к себе.

Сверхзадачей своей Иллариону виделось показать, что Коммунистическая партия является учреждением национальным как по форме, так и по содержанию. Постройку здания своей теории наш философ начал с противоречивой, хотя и симпатичной ему личности автора «Катехизиса революционера».

Ход мыслей Неделина был прерван появлением Капиталины, его старшей дочери. Капа после недавнего развода временно жила у родителей. Она уже три недели работала развлекателем в модном ночном клубе «Белый медведь» и пользовалась там большим успехом. Домой Капа возвращалась утром и спала до конца рабочего дня людей обыденных профессий.

- Отец, кто-то взял мои украшения. – Капа сразу перевела разговор в неприятный регистр. – У меня из шкафа пропала шкатулка.

В кабинет вбежала младшая дочь философа восьмиклассница Олимпиада, подозрительно быстро узнавшая о пропаже.

- Не брала я ничего, и где ты прячешь свою шкатулку, не знала, – заявила она.

«Ещё бы она сразу призналась», – с одобрением подумал Илларион.

- Кто же, если не ты, мог взять шкатулку? – спросил он младшую дочь.

- Да хоть твой мертвец! – нагло заявила та, резким жестом указав на саркофаг. В отличие от других членов семьи, Оли крайне отрицательно отнеслась к переезду в их квартиру «Передвижного Мемориала».

Вечер прошёл во взаимных обвинениях, скандале и склоке. Илларион был рад моменту, когда Капиталина, быстро переодевшись и накрасившись, умчалась на работу, и он мог спокойно отправиться спать.

Легко сказать «спокойно». Перед мысленным взором Неделина всё время возникал жест Оли в направлении мумии – «Мертвец твой...» Ему вспоминалось, что в тот момент выражение до боли знакомого лица, сосредоточенное на вечной мысли, изменилось, и облик его, как бы, посуровел. В голову лезло знаменитое начало «Коммунистического манифеста»: «Призрак бродит по Европе...» Чёрт знает с чего, в такой тихой всегда квартире всё время что-то поскрипывало и постанывало. Илларион вспомнил из Маяковского: «Двое в комнате – я и Ленин – фотографией на белой стене». Уже тогда имел свойство являться.

Неделин стал вспоминать средства против оборотней. «Чеснок... осинового кол... крест. Где бы взять крест?» Илларион вспомнил, что с недавних времён жена его начала носить серебряный крестик. Промучившись пару часов без сна и припомнив немало исторических событий, из-за которых обитатель саркофага имел все резоны являться в виде упыря, Илларион переполз широченную кровать. Жена спала на боку, обратив к супругу своё могучее тело задом. Илларион, исхитрившись, расстегнул замочек. Цепочка с крестиком упала на простыню. Подобрал её. Расположив крестик на средней фаланге указательного пальца выставленной вперёд правой руки и зажав в кулаке цепочку, Илларион отправился босиком навстречу неизвестности...

Покинув спальню, он обнаружил, что из-под двери комнаты старшей дочери пробивается свет. Не дыша, «как часовой», почему-то подумал Илларион, он прокрался к этой двери и толкнул её. Сначала глаза, отвыкшие от света, распознали лежащий на полу карабин. Потом его владельца, прощупывающего, очевидно, в поисках драгоценностей, содержание взнито.

Илларион онемел – «как часовой», опять мелькнула мысль. Потом спазм отпустил горло, и Илларион произнёс: – «... это...»

Караульный подхватил свой карабин, и, как дуновение ветра, улетел на свой пост.

Илларион двинулся в кабинет к «Передвижному Мемориалу». Из спальни вышла супруга, на ходу запахивая халат на обильном теле, а из своей комнаты выбежала Оли. Видно, дуновение ветра, подобно которому передвигался часовой, сопровождалось громом, разбудившим семью.

Илларион грома не слышал. Подобно сомнамбуле, двигался он к саркофагу. Достигнув его, Илларион упёр палец, на котором был укреплен крестик в огнеупорное стекло, покрывавшее саркофаг, примерно напротив носа гения. Две нижние фаланги пальца от напряжения побелели. Как для контраста, лицо часового было багрово, а выпученные глаза смотрели, как и положено, за саркофаг.

- Это... – опять заговорил Илларион, – это... Это он научил тебя воровать? – вдруг заорал он. – Отвечай, это он? – Побелевший палец философа обвиняюще тыкал в стекло.

- Папочка, успокойся – услышал он голос дочери, – он не может говорить. Он на посту.

«И действительно», осознал Илларион, «он же на посту».

Бездвижный и безмолвный часовой по-прежнему ясно символизировал бездвижие и безмолвие мумии. Лишь крайняя форма смущения, читаемая на его багровом лице, символизировала непонятно что. Ибо никто не знает, испытывают ли стыд в загробном бытие.

В замершем сознании философа опять почему-то пронеслось почти что марксово: «Призрак бродит по квартире. Призрак коммунизма...»

2001-2012

Борис Курланд

Фантик

- Тернер, проснись. Хватить дрыхнуть.

Полленькая девушка по имени Оля, она же Ляля Молчанова, энергично трянула соседа по студенческой скамье. Лекция по органической химии подходила к успешному завершению.

Яша, с трудом открыв глаза, уставился на неровные ряды формул и уравнений, выписанных мелом на доске. Наталья Степановна, декан химфака, женщина строгого вида в синем монотонном костюме, с блеклыми волосами, собранными в скучный валик, поставила жирную точку в конце уравнения и повернулась лицом к аудитории. Профессиональным взглядом окинула присутствующих, задержалась на черноволосом студенте, глядевшим на нее осоловело и недоуменно.

Яков Тернер, самый плохой студент на потоке. Один его внешний вид чего стоит: всегда в рубашке, расстегнутой или застегнутой, в зависимости от точки зрения, лишь на половину пуговиц, да и те держались на длинных разлохмаченных нитках, как на честном слове. Вечно спадающие брюки отчаянно цепляются за ремень под выдающимся животом, старомодный пухлый портфель с оторванной ручкой торчит из-под локтя, словно разбухшая папка бухгалтера. Его старание и прилежание соответствовали общему впечатлению нелепой расхлябанности внешнего вида.

На химфак Яша пошел учиться по настоянию отца - мастера красильного цеха текстильной фабрики. Пейсах Тернер вечно ходил с окрашенными в разные цвета ладонями, от него и одежды, даже чистой, всегда резко пахло кислотами и прочими химикалиями.

- Я сам-то не учился, не сложилось, - выставив перед собой ладони с изъеденной кожей, разглагольствовал Пейсах, - до всего дошел сам, с великим трудом, собственным умом. Зато ты выучишься на специалиста, получишь диплом, будешь работать на фабрике начальником, а не рядовым мастером, как я.

Яша химию совсем не любил, вернее ненавидел. Студент мечтал совсем об иной стезе, он чувствовал иное призвание - сочинять стихи. С раннего детства дивные строки возникали в его кудрявой голове, волшебным образом выстраиваясь в стихи, оды и поэмы. Едва освоив азбуку, мальчик записал первое в своей жизни стихотворение.

Яша завел тетрадку, куда записывал свои произведения. С годами его творчество составило несколько толстых тетрадей. В пятом классе школьник тайком послал стихи в детский журнал, откуда пришел вежливый отказ. Зато в восьмом классе небольшую поэму, посвященную летним каникулам, напечатал столичный юношеский журнал. В одно мгновение Яша стал местной знаменитостью. Молодого поэта приглашали читать стихи на слетах пионеров, местная газета напечатала первую подборку стихов.

Ляля укоризненно посмотрела на сокурсника.

- Ты снова проспал лекцию.

Никакой реакции, словно горохом об стену.

- Наталья Степановна с трудом выдержала, чтобы не сделать тебе замечание. Пару раз ты даже всхрипнул. Можно подумать, ночи напролет посвящаешь учебе, так и до красного диплома недалеко.

Студент с трудом сдержал очередной зевок.

- Надоело все до чертиков. Свободные радикалы, анионы, катионы, гидролиз. Скучища. Если бы не родители.

Яша вздохнул. Его бы воля, он мог быть сейчас студентом второго курса литературного института.

- Только через мой труп, - категорически заявил Пейсах, услышав о желании сына. - Мы с мамой не смогли получить достойное образование, не до того было в годы войны. Наш единственный сын должен иметь такую специальность, чтобы прокормить себя и будущую семью. Все твои вирши не стоят ломаного гроша. Что за профессия - стихи кропать? Сколько тебе заплатили за последнюю публикацию, пятнадцать рублей? Ты слышишь, Белла, аж пятнадцать рублей. Целая страница местной газеты, сверху до низу заполненная строками «выдающегося» поэта Тернера Я.П., и за все про все - полтора червонца.

Белла промолчала. С мужем лучше не спорить. Да и как ему понять сыновью тягу к творчеству, если он сам за всю жизнь не прочитал ни одной книги. С раннего детства жил только работой. Неизменна была и размеренная схема его жизни - дом, работа, шахматы. Два раза в неделю Пейсах брал в руки подарок фабричного начальства за пятнадцать лет безупречной работы -

большую шахматную доску с фигурами из слоновой кости. По вторникам, надев чистую рубашку, он отправлялся в шахматный клуб, где проводил несколько часов в баталиях на клетчатой доске.

Ляля озабоченно посмотрела на приятеля. А что если его и вправду выгонят? Этот неуклюжий парень ни на что не годился. Но у него был талант. В этом Ляля была совершенно уверена. Как-то Яша дал девушке почитать предварительную подборку стихов, которые он намеревался послать в крупное московское издательство. Оля не сразу оценила его мастерство, она тайком отнесла тетрадку школьной учительнице по литературе. Анна Николаевна вернула подборку через несколько дней.

- Твой друг очень талантлив, он видит мир неординарно. Не так как другие - через призму обыкновенности. У него редкий дар, надо полагать врожденный.

Учительница призналась:

- Я даже переписала для себя несколько стихов. Мне хотелось бы познакомиться с молодым человеком, как его зовут?

- Тернер Яков. Учится со мной на одном курсе.

- Чужой среди своих, - заметила Анна Николаевна.

Ляля не совсем поняла последнее высказывание, но сам факт переписки стихов интеллектуальной наставницей поразил девичье воображение.

Дома она попыталась показать тетрадку матери. Лидия Антоновна пренебрежительно отказалась.

- Твой приятель и так мне надоел. Через день слышу его имя. Ты поменьше бы таскалась с ним, разве у вас на курсе нет других парней? Поищи себе друга на физфаке, на математическом.

- Чем он тебе не подходит? Нормальный парень, только спит на лекциях.

Лидия Антоновна посмотрела на дочку. Наивная, совсем как она сама в детстве. Пока родителей не репрессировали. К счастью, тетка забрала к себе, поменяла фамилию, выдала за собственную дочь. А иначе. Вместо почетной и весьма прибыльной должности завотделом контроля винно-водочной продукции, сидела бы сейчас за станком в глухомани, вбивала гвозди в подошвы кирзовых сапог или оборачивала продукты газетной бумагой в сельском магазине.

Лидия вовремя вступила в партию, мужа себе подобрала по расчету. Прежде чем познакомиться с будущим супругом, навела справки. Старший лейтенант Всеволод Молчанов был холост, по бабам не шлялся, выпивал в меру. Несомненным преимуществом потенциального жениха было наличие покровителя в лице дяди, начальника местного гарнизона в чине

генерала. Данное обстоятельство означало будущее продвижение по службе и своевременное получение очередного звания, а в случае передислокации гарнизона, исключалась вероятность исчезновения в провинциальной глуши.

На праздничном вечере, посвященном дню Советской Армии, Лидия пригласила старшего лейтенанта на вальс. Стойко выдерживая постоянное давление на новые туфли, женщина не дала руке партнера освободиться до самого вечера.

- Послушай, Ляля, ты многого не понимаешь. Мы - коренные русские, твой отец недавно получил звание полковника, до генерала путь не так долог. Мне по партийной линии намекнули на получение в ближайшем будущем должность директора завода. Твоя дружба с Пейсаховичем не совсем вписывается в рамки нашей семейной жизни. Мягко говоря.

- Ты сама говорила: - приглашай друзей к нам в гости, у человека должно быть много друзей. Твои слова.

Нос у Ляли покраснел, губы задрожали. Лидия брезгливо взглянула на дочку. И в кого она удалась, размазня такая, надо быть с ней потверже.

- Ляля, я скажу это только один раз. Ноги твоего приятеля не будет в нашем доме. Все они смотрят в сторону Израиля, рано или поздно уедут туда. Помяни мое слово. Для них Россия не родина, пустой звук. Мы - патриоты, а они во время войны отсиживались в Ташкенте.

На следующий день девушка подсела к Яше в студенческой столовой. Будущий поэт с увлечением поедал котлету с гречневой кашей, обильно политой коричневым соусом.

- Яша, давай сачканем с завтрашних лекций.

Юноша отрицательно покачал головой.

- Завтра обобщающая лекция перед контрольной работой по синтезу неорганических материалов. На меня деканша и так глаз положила. Сдать бы на трояк, и на том спасибо, - вычищая тарелку куском хлеба, мечтательно вздохнул студент.

- С экзаменом я тебе помогу. Сядем в читалке, будем учиться по моим конспектам, в твоих каракулях разобраться невозможно.

Яша с некоторым удивлением посмотрел на подругу. Ляля уговаривала его свалить с занятий, да еще во время важной лекции. Не совсем обычное поведение для примерной студентки.

- А куда пойдём? В кино ничего интересного, «Фантомаса» уже три раза видели. Погода дождливая, говорят, ожидается снег.

- Пойдем ко мне. Родителей по утрам нет дома. Мама на работе, у папы на носу учения, с утра до вечера торчит в части.

Яша не донес кусок хлеба до рта.

- Твоя мама, если узнает, закатит большой скандал. Ты мне сама говорила. Чем я ей не понравился?

- Мама не узнает. Посидим у нас часик, я тебя «Киевским» тортом угощу. В холодильнике лежит после папиного дня рождения почти нетронутый.

Против такого довода Яша устоять не мог. В общежитии, где он делил комнату еще с четырьмя студентами, общим туалетом, в котором вода замерзала при низкой температуре, и кухней с пустыми полками, пожить было нечем.

Квартира Молчановых с первого взгляда производила впечатление достатка: толстые ковры на полу и стенах, импортная полированная мебель, массивная хрустальная люстра. На чешских полках много книг, судя по одинаковым обложкам, подписные издания.

Вначале студент чувствовал себя не очень уверенно, каждую минуту ему казалось, что Лидия Антоновна вот-вот откроет дверь, но постепенно чувство страха прошло.

Ляля притащила толстый альбом, усадила Яшу рядом с собой на мягком диване, покрытом китайским шелковым покрывалом.

- Смотри, вот я, - подруга ткнула пальцем в черно-белую фотографию.

Маленькая девочка в коротеньком пальтишке, на ногах гольфы, на голове тирольская шапочка с помпоном.

- Это мы в Германии, мне исполнилось четыре года. Папин родственник, влиятельный генерал, устроил нам выезд за границу. Его мама попросила, прибахлится хотела. Оттуда мы привезли почти все, что имеется сейчас в квартире. Там я немного выучила немецкий язык. А здесь маленькой принцессе примерно лет пять.

Принцесса перевернула еще несколько листов альбома. Яшу после нескольких кусков «Киевского» торта мало интересовали снимки незнакомых людей. Он с удовольствием бы подремал.

Ляля тряхнула приятеля как тогда, на лекции.

- Не засыпай, покажу тебе что-то интересное.

Девушка прошла в свою комнату, вернулась отсюда с большой картонной коробкой, перевязанной красной лентой.

- Вот, посмотри.

Коробка была набита шуршащими бумажками разнообразных оттенков и размеров. На всех, без исключения, были напечатаны рисунки.

- Фантики?

- Начала коллекционировать в Германии. Дети редко выходили из военного городка, делать особенно было нечего. Вот мы и соревновались, кто соберет больше конфетных оберток. Менялись, играли в das Pfanderspiel - игру в фанты. А какие незабываемые вкусы был у сладостей, не передать. Необходимые слова мы выучили первым делом. Die Praline, шоколадные конфеты, die Karamelle, и так понятно.

- А как леденцы называют по-немецки?

- Der Lütschers, между собой мы их называли лотхеры. Взрослые всегда смеялись, услышав «давай махнем два лотхера на один бонбон». Когда мы вернулись в Россию, за мои фантики давали кучу советских: «Белочку», «Гулливвер», «Золотой ключик».

Ляля порылась в куче бумажек, вытащила одну.

- Моя любимая обертка. Когда я буду свободной, обязательно поеду на место, изображенное на фантике. Представь рай земной, цветочные парки, по садовым дорожкам разгуливают павлины с распущенными хвостами, а над ними весело порхают бабочки.

Яша увидел островок, покрытый густой зеленью, клумбы с цветами, фонтанчик, яхты на причале. Павлинов и бабочек он не обнаружил. Название острова протянулось готическим шрифтом по периметру - «Der Insel Mainau».

Девушка отложила коробку в сторону, уселась вплотную к приятелю.

- Яша, скажи честно, я тебе нравлюсь, хоть немного? Такая, как я есть. Полная, неуклюжая, нерасторопная. В детстве мама всегда прятала сладости, а когда я находила сокровище, то набивала полный рот конфетами, шоколадом - объедалась до тошноты. От этого, наверное, и поправилась. Дети надо мной всегда смеялись, дразнили «толстухой», «жиртрестом». Я хотела в спортивный кружок записаться, вес сбросить, так тренерша меня на смех подняла.

Ляля прильнула к студенту всем телом, он почувствовал на губах первый в своей жизни поцелуй, сладкий от «Киевского» торта, мокрый и солоноватый от слез.

- Пойдем в родительскую спальню, - девушка потянула Яшу за собой в глубину комнаты за солидной двустворчатой дверью.

Декан химфака первой узнала о происходящем. Утром, по дороге в университет, Наталья Степановна из окна троллейбуса заметила Тернера, шагающего в сторону, противоположную учебному заведению. Женщина сошла на ближайшей остановке и быстрым шагом поспешила за нерадивым студентом. Вскоре Яша обнаружился, он стоял на автобусной остановке и, подняв голову, наблюдал за окнами дома напротив. На прошедшую мимо деканшу Тернер не обратил внимание. Наталья Степановна вошла в ближайший магазин, оттуда, через стекло витрины, увидела спину студента, входящего в подъезд дома, за которым он так пристально наблюдал.

В деканате завкафедрой проверила адреса местных студентов второго курса. «Молчанова О.В., Красноармейская улица, дом тридцать два, квартира десять». Наталья Степановна послала секретаршу принести журнал посещаемости кафедры органической химии, второй год обучения.

Молчанова - два пропущенных занятия на прошлой неделе, опоздания через день. Теперь посмотрим у Тернера. Полное совпадение в числах, опозданий еще больше.

Ляля исподлобья смотрела на заведующую кафедрой. Зачем её вызвала к себе вечно сосредоточенная, хмурая и неулыбчивая женщина?

- Оля, буду откровенна. Мне неприятно говорить об этом, я не понимаю, что общего между тобой и Тернером. Я просмотрела твои анкетные данные. Уважаемая семья, отец военный, мама - член партии, занимает руководящую должность. Мне кажется, ты могла бы найти себе более подходящего друга. Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду?

Оля была в полном смятении, она ожидала получить выговор за пропуски, опоздания. Но, оказалось, разговор идет совсем о другом.

- Я не понимаю, Наталья Степановна, о чем вы говорите. Почему я не могу дружить с тем, с кем хочу? У меня хорошие оценки по всем предметам. Если вы имеете в виду пропуски лекций, обещаю, больше такое не повторится.

Завкафедрой брезгливо поморщилась. Девочка либо не понимает, либо прикидывается.

- Хорошо, Молчанова. Возьми себя в руки. Впредь, никаких опозданий, иначе буду вынуждена вызвать тебя на заседание комитета комсомола.

Лидия Молчанова у входа в дом наткнулась на соседку. Дородная женщина несла в каждой руке по внушительной авоське, полной продуктов. Женщины поздоровались.

- Лидия Антоновна, - соседка поставила поклажу на тротуар, - давно хотела зайти к вам поговорить. Но не в присутствии Лялечки.

- А что случилось, Вера Семеновна? - встревожилась Лидия.

- Понимаете, я случайно увидела через окно, к вашей дочери по утрам приходит какой-то парень, мне кажется студент. Полный на вид, пальто расстегнуто, разбухший портфель под мышкой.

- Не понимаю, о чем вы говорите. Ляля по утрам ходит в университет, почему вы решили. Возможно, парень тут живет, снимает комнату. Дом большой, столько соседей поменялось за последние годы. Вы уверены, что он входил в нашу квартиру?

Вера Семеновна не нашла нужным рассказать соседке, что сама лично видела через дверной глазок молодого человека, входящего в квартиру напротив. Она решила подсластить пилюлю.

- У них определенный распорядок. Обычно студент выходит первым, ждет на остановке автобуса, вон той, напротив дома. Минут через десять выходит Ляля, затем молодые люди вместе садятся в автобус.

Лидия почувствовала учащенное сердцебиение.

- Извините, Вера Семеновна, у меня голова...

Не закончив фразу, женщина прошла мимо соседки и поднялась в квартиру. На следующее утро Молчанова поехала в университет. Наталья Степановна ждала её в своем кабинете.

- Спасибо, что согласились принять меня в такую рань, - в голосе Лидии слышались нервные нотки.

- Я знаю, почему вы пришли, Лидия Антоновна, - деканша придвинула госте журнал посещаемости. - Я случайно обнаружила и раскрыла эту постыдную историю.

Лидия быстро обнаружила совпадение в записях. Соседка сказала правду.

- Скажите, Наталья Степановна, - осторожно спросила она, - этот Тернер, он хороший студент?

- Что вы имеете в виду?

- Например, он может быть отстранен от занятий за плохое поведение, неуспеваемость. Моя Лялечка сама не понимает, что творит, этот парень пользуется её наивностью. Я обратила внимание, что из холодильника исчезают продукты, мне не жалко,

слава Богу, мы с мужем зарабатываем вполне достаточно. Оленька наверняка подкармливает его от всей души, а он её... использует.

Голос Лидии сорвался, глаза покраснели. Она боялась произнести вслух более страшное слово.

- Я проверю возможные варианты, - уклончиво ответила Наталья Степановна, - попробуем пропесочить Тернера на общем собрании, затем вызовем на беседу в комитет комсомола. А там, видно будет.

- Никакого упоминания нашей фамилии не должно быть, - испугалась Молчанова, - упаси Бог, узнают в горкоме партии или у Всеволода в полку.

Ночью Лидия сурово, по-армейски, приказала мужу привести в дом солдата срочной службы, русского, желательно из хорошей семьи. В самые ближайшие дни.

Алексей Резунов не сразу понял приказ командира полка.

- Я и моя жена приглашаем тебя в гости, познакомиться с нашей дочерью. Гражданская одежда имеется? Очень хорошо. Вопросы? Нет вопросов. Сегодня в шесть часов вечера явишься по этому адресу. Увольнительную получишь на пропускном пункте.

После обеда Лидия приказала дочери одеться во что-нибудь «поприличнее».

- Мы собираемся пойти на спектакль московского театра.

Ровно в шесть часов в дверь позвонили. В дверях стоял широкоплечий парень.

- Вам к кому? - спросила Ляля.

- Семья Молчановых здесь проживает?

- Да. А вы кто?

- Разрешите представиться - Резунов, Алексей.

- Оля Молчанова, - ответила девушка, ничего не понимая.

- Вы уверены, что не ошиблись адресом?

- Никакой ошибки, - послышался бас хозяина. - Проходи, Алексей, чувствуй себя, как дома.

Следом за мужем в прихожую вошла Лидия, быстрым взглядом оценила гостя. Симпатичный, высокий, белобрысый. Судя по тому, как нерешительно стоит у двери - не наглый. Всеволод тщательно проверил биографические данные: приличная семья, отец - директор школы, мать - младший научный сотрудник. Оба русские.

- Добрый вечер, Алексей, - женщина протянула руку, - Лидия Антоновна, мама Оленьки. Очень приятно познакомиться. Оля, - она повернулась к дочери, проводи гостя в гостиную.

- Проходи Алексей, - поддержал жену полковник, завязывая галстук на шее. - Оля, окажи внимание гостю, пока мы с мамой окончательно не будем готовы.

Супруги вернулись в спальню, прикрыв за собой дверь. Оля неловким жестом пригласила Резунова пройти в гостиную. Девушка почувствовала, как краска заливает её лицо. Родители пригласили незнакомого парня в дом, ведут себя с ним так, словно он друг семьи, а ей не сочли нужным ничего сообщить, даже не предупредили о визите.

Молодые люди уселись на диван, от смущения не глядя друг на друга.

- Вы учитесь в университете? - нарушил молчание гость. - Мне товарищ полковник сказал.

- Что отец еще рассказал обо мне «интересного», хотелось бы узнать поподробней.

Алексей несколько удивился резкому тону девушки.

- Ничего особенного. Сказал, что вы отличница, интересуетесь искусством, художественной литературой, поэзией. Я ведь тоже интересуюсь искусством, но не в прямом смысле.

- Не понимаю.

- Я увлекаюсь чтением биографий и мемуаров художников, писателей, композиторов. Меня интересует, каким образом исторические личности пришли к осознанию своего таланта, решились посвятить жизнь своему призванию. Я несколько раз перечитывал книгу Джорджо Вазари «Жизнеописания», историк излагает в ней биографии знаменитых художников, скульпторов и архитекторов эпохи Возрождения. В каждом таком жизнеописании, прежде всего, я ищу «начало» - отправную точку, обратный отсчет, как при запуске космических кораблей.

Оля немного успокоилась. Она всегда представляла солдат однообразными, лишенными индивидуальности личностями. Кто согласится, чтобы тобою весь день командовали: ходить - куда скажут, делать - что прикажут? Молчанов по праздникам брал дочку в гарнизон, она стояла рядом с другими детьми вдалеке от шеренг, похожих на серые заборы из шинелей и фуражек. Оказывается, и среди солдат есть интересные люди.

- Мы передумали, - объявила Лидия, входя в гостиную, - остаемся дома, вместе поужинаем. Вы, молодые люди, пока посидите, посмотрите телевизор. Ляля, покажи Алексею свою коллекцию фантиков, а пока, мы с отцом быстренько накроем на стол.

Подготовка оказалась на удивление короткой. Оля поняла, что мать действует по заранее составленному плану.

После ужина мужчины вышли покурить на лестничную площадку.

- Ляля у нас славная, - полковник выпустил несколько колечек дыма, плавно уплывших в темноту лестничного пролета. - С детства никаких проблем, почти не болела. Краснуха, корь, пожалуй, все. Жаль, времени у меня было недостаточно для неё. Всё служба и служба. Разъезды, командировки, учения. Один раз отсутствовал больше месяца, в Чехию направили. Мы там танками прошли, словно по полю. Кто против нашей армии устоять может.

Резунов не знал, что сказать. Неожиданная близость к командиру полка вызывала в нем двоякое чувство. С одной стороны, служить ему будет легче, с другой... Девушка выглядела симпатичной, домашней, но не более того. К тому же фигурой не вышла, полновата, на танцах к такой не подошел бы. Ему больше нравились высокие, стройные, длинноногие.

Молчанов, похоже, угадал мысли солдата.

- После демобилизации, что делать думаешь, планы имеются?

- Пока не решил, родители уговаривают поступать в строительный институт. По правде говоря, не очень хочется. Мне больше армия нравится.

- У меня знакомства имеются в столичной военной академии. Престижное заведение, только для избранных. Если надумаешь.

Алексей придавил окурок каблуком ботинка.

- Мне пора возвращаться в полк, товарищ полковник, уже поздно, увольнительная кончается.

Молчанов по-отечески положил руку на плечо солдата. После нескольких рюмок коньяка, он мог позволить себе расслабиться.

- Резунов, в данный момент ты под моим командованием. Поедешь в часть на служебной машине. - Скупой улыбнувшись в свете тусклой лестничной лампочки, полковник добавил приказным тоном: - Завтра в девятнадцать ноль-ноль тебя будет ждать служебная машина жены.

Утром Лидия на работу не пошла, с озабоченным видом крутилась по дому, исподволь наблюдая за дочерью. Оля встала, как обычно, позавтракала, несколько раз прошлась по квартире, всякий раз вроде бы случайно оказываясь у окна, выходящего на остановку, с нарочитым безразличием спросила мать:

- Mam, a ты на работу сегодня не собираешься? Уже почти девять часов.

- А у тебя что, нет занятий?

- Мы сегодня позже начинаем, «англичанка» заболела.

- Вот и хорошо. Я вызову машину, вместе поедem. Когда тебе надо на занятия?

Оля из окна видела Яшу, приятель маялся на автобусной остановке, переминался с ноги на ногу, терпеливо дожидаясь условного знака. Обычно, оставшись одна, девушка задергивала занавески на окне, выходящем на улицу. Ночью шел мокрый снег с дождем. Пока студент брел к условному месту, ноги несколько раз проваливались в глубокие лужи. Вода просачивалась через дырочки шнурков, вызывая неприятное чувство дрожи от озноба и холодной сырости.

Не дождавшись приглашающего знака, Яша уныло побрел в университет, шмыгая простуженным носом и хлюпя мокрыми ботинками. Оля появилась на второй паре, но им не удалось поговорить. После занятий, к Олиному удивлению, на выходе её подждал дядя Чаплин. Так в семье прозвали водителя матери. Щуплый мужчина с тоненькими усиками под крючковатым носом, он предано служил семье много лет. Модели автомобилей менялись, от маленького «Запорожца» до солидной «Волги», но водитель оставался все тот же. С годами Чаплин превратился в чуть ли не члена семьи. Водитель возил Лялю по всевозможным кружкам, сопровождал к врачам, в предпраздничные дни помогал Лидии делать покупки, по выходным вывозил семью за город. Своих детей у водителя не было, он нередко называл Олю «доченькой».

- Что ты здесь делаешь? - удивилась девушка.

- Лидия Антоновна приказала доставить тебя прямоком домой. Давай в машину.

Оля поискала взглядом Яшу.

- Я лучше пешком пройду, для здоровья полезно.

Чаплин отворил дверь автомобиля.

- Мама сказала: «Прямо домой». Ты же знаешь, с Лидией Антоновной лучше не спорить.

Вечером вновь пришел Алексей. Лидия вручила молодым людям два билета.

- МХАТ приехал на гастроли, дают «Три сестры» Чехова. Билеты давно распроданы, но знакомая для нас постаралась. Лучшие места - партер, третий ряд.

Следующим утром Лидия вновь отвезла дочку на занятия. Яша на лекциях не появился, длительное ожидание на остановке

под ледяным ветром в мокрой обуви сказалось на его здоровье. К вечеру у него поднялась температура, из носа потекло, тело заломило ноющими болями. Соседи по комнате налили стакан перцовки с красным стручком, плавающим в стакане, как золотая рыбка в аквариуме, накрыли парой тощих студенческих одеял. Яша потел всю ночь, неоднократно вставал и обтирался полотенцем, всякий раз промокавшим до нитки. Проснулся он поздно, с трудом побрел в поликлинику. Участковый врач, посмотрев на покрасневший нос студента, установила диагноз - «легкая простуда». Выписала бюллетень на два дня, язвительно заметила:

- Студенты вечно притворяются, наверняка, контрольная работа на носу.

Пейсах приехал за сыном, помог ослабевшему Яше спуститься по лестнице. Домой добрались под вечер. Белла озабоченно пощупала лоб сына, позвала знакомого врача, который без особых усилий определил двустороннее воспаление легких. Выписал антибиотик, посоветовал поставить банки, обещал заглянуть через день.

Оля пыталась понять внезапную причину пристального внимания к себе. С утра сопровождение усатым водителем, в университете неожиданное внимание заведующей кафедрой. Наталья Степановна постоянно нагружала студентку заданиями: нарисовать таблицы с химическими формулами, подготовить доклад для коллоквиума, навести порядок в лаборатории. Каждый день Ляля напрасно ждала появления друга. Староста группы сообщил, что Тернер заболел, вернется после новогодних каникул.

Яша появился на занятиях за несколько дней до Нового года. Выглядел он плохо - бледный, похудевший, пиджак свисает с плеч, сползающие брюки грозят свалиться в любой момент.

Общежитие опустело, студенты разъехались по домам. Яше ужасно захотелось увидеть Лялю, хотя бы на минуту, поздравить с наступающим праздником. Последний вечер старого года опустился на город, разукрашенный цветными огнями и праздничными елками. В десять часов вечера студент вышел из общежития и направился к дому на Красноармейской улице. Яша остановился на знакомой остановке автобуса и посмотрел на ярко освещенные окна дома напротив. Ему показалось, что в окне третьего этажа появилась девичья фигура, занавеска задернулась, тень исчезла в глубине квартиры. Потоптавшись, Яша перешел дорогу, поднялся по лестнице и остановился перед дверью под номером десять. Нажал на звонок.

Дверь отворилась, в проеме стояла Оля.

- Привет, Ляля, хочу поздравить тебя с Новым годом. Я очень скучаю по тебе.

- Кто там пришел? - послышался из глубины квартиры мужской голос.

- Ненормальный, мама только что подъехала к дому, - скороговоркой прошептала Ляля, - уходи скорее.

За спиной девушки показался незнакомый парень, внизу, на лестничной клетке послышался женский голос. Яша развернулся и поспешно поднялся по лестнице. Ему казалось, женский голос упоминает его имя, следует за ним. На самом верхнем этаже студент услышал голоса в одной из квартир, открыл незапертую дверь и вошел внутрь. В гостиной за праздничным столом, заставленным, как и полагается, всевозможной едой и напитками, заседала молодежная компания, человек в двадцать, а может и больше. Рыжеволосый парень, сидящий с краю, увидев Яшу, поспешно встал.

- Некрасиво опаздывать, - рыжий, не давая вымолвить слово, помог гостю снять пальто и бросил его поверх перегруженной вешалки. - Мы уже пропустили пару рюмашек за старый год, ну да ничего, сейчас штрафную накатишь, и будем вместе догонять.

Яша попытался объяснить радушному хозяину, что он тут случайно, он извиняется и сейчас уйдет...

- Мальчики, не стойте в проходе. Ваня, устрой человека, я с кухни ничего не могу пронести, - сделала выговор девушка с подносом в руках.

Ваня усадил новоприбывшего на свободную табуретку рядом с длинноволосым парнем. Тот настраивал гитару, пытаясь расслышать в общем гуле звучание струн. На появление Яши почти никто не обратил внимания, пару гостей кивнули головой в знак приветствия, а одна девушка дружелюбно помахала рукой.

- Друзья, - длинноволосый взял громкий аккорд, - споем нашу любимую. До курантов еще полчаса.

Гитарист провел по струнам, поднял голову, набрал воздух.

*Много путей свободы
На истрепанной карте,
Мы выйдем в любую погоду
Мир покорять.*

Тернер изумился. Он написал эти стихи, когда ему было пятнадцать лет под влиянием книги Хейердала «Путешествие на Кон-Тики». Бумажка с текстом пропала, кто-то из одноклассников взял переписать стихи, но к Яше она так и не вернулась.

*Прихватим с собой романтику,
Наполним рюкзак песнями,
К черту пошлем семантику.
Небо протрем рукавом.*

Песня закончилась дружным тостом за будущие походы. Яша выпил за компанию, съел винегрет с холодцом, вновь выпил, закусил колбасой. Гитарист освободил место, давешняя девушка подседа поближе, назвалась Тасей. Под звон кремлевских курантов все дружно чокнулись, кто стаканами, кто рюмками, некоторые парочки уже бесцеремонно целовались. Яша увернулся от поцелуя в губы новой знакомой, ловко подставив щеку. Веселье набирало размах. Под одобрительные возгласы присутствующих Ваня влез на табуретку и быстрыми движениями вывернул несколько лампочек на люстре. Квартира погрузилась в интимную темноту, лишь мерцающий экран телевизора проектировал «Голубой огонек». Воспользовавшись моментом, Яша выскользнул в прихожую, нащупал свое пальто в груди одежды.

- Далеко ли собрался, браток?

Голос хозяина послышался совсем рядом.

- Извини друг, я в вашей компании случайно оказался. - Яша растерянно пытался подобрать подходящие слова. - Неудобно получилось, ввалился без приглашения, с пустыми руками.

- Куда ты пойдешь, чудак, оставайся с нами. Твоя компания, моя компания - какая разница. Мы, русские, всегда рады гостям. Выпивки на всех хватит до утра, еды тоже. Человек не должен быть один в праздничную ночь. Оставайся, вон Тася на тебя глаз положила.

Яша спустился по лестнице, миновал двери на третьем этаже и вышел в новый год.

Лицо Беллы не предвещало ничего хорошего.

- Яша, мы хотели с тобой посоветоваться. Мы с папой долго сомневались, много думали, взвешивали, прежде чем решиться. Ты помнишь тетю Нюсю? Она прислала нам вызов.

- Какой вызов?

- Приглашение в Израиль на постоянное место жительства.

Яша недоуменно посмотрел на маму. В доме эту тему никогда не обсуждали. Конечно, он слышал, что знакомые, соседи, приятели родителей эмигрировали в Америку, Германию, Израиль. Какое он имеет отношение к чужой стране, он родился и вырос здесь, его родной язык русский, он воспитан на русской культуре. Стихи пишет на родном, русском языке. А как же Ляля?..

- Никуда я не поеду, мама. Нам нечего делать в Израиле. Мне и здесь неплохо. Кроме того, я учусь, ты забыла об этом? На втором курсе университета.

Белла вздохнула. Она предупреждала мужа, мальчика надо готовить постепенно, а не так - огорошить сразу в лоб. У Яши чувствительная натура, может от потрясения глупостей натворить.

- Мы пока не уезжаем. Вначале подадим документы, там видно будет. Не всем дают разрешение. Некоторым отказывают, особенно имеющим отношение к секретной работе.

- Мама, какие могут быть секретные объекты в нашем городишке. У папы на работе варят краску для танков, не иначе! С каких пор вы решили подниматься? Папа работой доволен, а тебе требуется постоянное наблюдение кардиолога.

Белла промолчала, она не собиралась раскрывать сыну истинную причину такого скоропалительного решения.

Лидия Молчанова появилась на пороге дома Тернеров без всякого предупреждения. Белла не сразу сообразила, что нужно этой надменной, ухоженной, одетой в дорожную дубленку женщине. Лидия не сочла нужным представиться, для неё темноволосая, похожая на цыганку женщина с набухшими руками не представляла опасности.

- Ваш сын ухаживает за моей дочкой, они вместе учатся на одном факультете. Скажу откровенно: мы с мужем категорически против. Еще конкретнее: мы не хотим, чтобы Олечка имела какие-либо отношения с вашим сыном. Мы примем все меры, чтобы этих отношений более не существовало. Вы должны поговорить с Яковом, он обязан оставить Лялечку в покое.

Белла почувствовала ноющую боль в сердце.

- Почему вы не скажете прямо, что вас не устраивают отношения дочери с евреем. Так будет честнее. Зря вы приехали в такую даль сообщить мне об этом, могли бы и письмом. Можете успокоиться - мы скоро уедем в Израиль вместе с нашим сыном. А теперь, прошу вас, уходите из моего дома. Немедленно.

Вернувшийся домой Пейсах почувствовал еще на пороге резкий запах валерьянки. Тем же вечером супруги приняли решение.

В университете учеба шла по расписанию, наступила весна, не за горами летняя сессия. Яше и Оле удалось перебраться несколькими фразами на очередном субботнике.

- Я слышал, у тебя друг появился, - Яша сделал вид, что сгребает в кучу почерневшие за зиму листья.

- Отец познакомил, привел из гарнизона. Яша, я скучаю по тебе, только ничего сделать не могу. Меня словно красными флажками обложили, как волка загоняют куда-то, не оставляют одну даже на пять минут. Что с нами будет?

- Не знаю, ничего не знаю, прости. Мы собираемся уезжать в Израиль.

Из группы студентов вынырнула Наталья Степановна, ловко втерлась между молодыми людьми.

- Пойдем, Олечка, - она взяла студентку под руку, - поможешь девочкам.

Когда Ляля вернулась домой, родители ждали её в гостиной.

- Алексей попросил у нас твоей руки, - торжественно сообщила Лидия, - мы с папой, конечно же, согласились, - она вытерла театральным жестом невидимую слезу. - Надеюсь, ты знаешь, как себя вести, - добавила женщина требовательным тоном, - Алеша придет вечером с официальным визитом, ты должна быть дома. И, пожалуйста, без глупостей.

Когда Яша вернулся домой на летние каникулы, Пейсах сообщил сыну о получении разрешения на выезд.

- Много времени у нас нет, примерно до середины августа. Надо оформить документы, получить визы, закончить необходимые формальности. От тебя требуется немного: послать объяснительное письмо в деканат, на военной кафедре получить справку об освобождении от воинской службы и сдать комсомольский билет.

День отъезда в Израиль семьи Тернер совпал с днем свадьбы Оли и Алексея.

С утра в доме Молчановых царил предпраздничная суэта. Пришли специально нанятые специалисты - лучшая в городе портниха по пошиву свадебных платьев, визажист-косметолог с набором импортных помад, кремов и красок для наведения макияжа, распорядительница церемонии бракосочетания, фотограф.

Лидия выбрала для свадьбы самый шикарный ресторан города «Садко», расположенный на центральной площади города. Меню было заказано особенное, гости ожидали серьезные: партийные чины высшего ранга, руководство завода, директора соседних предприятий, командный состав гарнизона. Кроме родственников и друзей, пригласили Наталью Степановну, старосту группы и соседку Веру Семеновну с мужем.

Семья Тернер собрала пожитки в короткий срок. Везти с собой разрешалось по одному чемодану с ограниченным весом на каждого. Пейсах аккуратно обернул шахматную доску материалом, принесенным с фабрики, вложил в отдельную коробку. Групповые снимки вывозить не разрешалось, поэтому Яшины школьные фотографии оставили у дальней родственницы. Немногие домашние электротовары продали, книги раздали знакомым. С трудом набралось три чемодана. Распаковав коробку, Пейсах решил везти шахматную доску в руках. Возникла проблема с Яшиными рукописями, власти запрещали их вывозить. Общих тетрадей, исписанных корявым почерком, набралось не менее десяти.

В пять часов вечера свадебная кавалькада покинула дом Молчановых. Колона из пяти украшенных цветами и лентами машин торжественно двинулась в сторону Дворца бракосочетания. Лидия заранее договорилась, что их церемония будет последней в тот день. Без спешки, без посторонних взглядов, в солидной обстановке, только родные и близкие.

Семья Тернер в это же время высадилась из пригородного поезда на городском вокзале. До посадки на нужный им поезд дальнего следования оставалось чуть больше двух часов. Расположились на лавках в зале ожидания, Белла вынула пакеты с едой, разложила домашнюю снедь на куске картона. Яша есть отказался. Он уселся в стороне, пролистал тетради со стихами. Недовольно наморщил лоб, вырвал чистый листок и начал быстро строчить.

Закончив писать, Яша встал.

- Пойду прогуляюсь, вы не волнуйтесь, я вернусь к отходу поезда.

- Куда ты, - встрепенулась Белла, - не дай Бог, опоздаешь, будут крупные неприятности. Все документы у нас на руках.

- Пройдусь мимо университета, когда еще увижу родную альма-матер.

Яша не пошел в сторону университета. Пройдя два квартала, повернул к центру города, минут через пятнадцать подошел к зданию, украшенному неоновой вывеской «Ресторан Садко» на фоне героя сказки с гусями в руках. Большие окна ресторана были задернуты плотными шторами, через которые пробивался матовый свет. У края тротуара припарковался ряд одинаковых черных машин.

Небольшая группа водителей попыхивала сигаретами.

- Шикарную свадьбу закатили богатеи, - молодой парень в клетчатой рубашке сплюнул на землю. - Нам здесь кантоваться не

иначе как до полночи. А может и позже. Хоть бы поесть вынесли, жрать до смерти хочется. Мы здесь хуже собак.

- Брось ворчать, Громов, - отозвался другой курильщик. - Вдруг начальник выползет на четвереньках из ресторана, а тебя нет. Погонят в три шеи.

Присмотревшись, Яша узнал в ворчуне знакомого по новогодней вечеринке.

- Ваня, можно тебя на минутку?

Рыжий тоже вспомнил давешнего гостя.

- Привет, Яша. Что ты здесь околачиваешься? Простых смертных, таких, как мы с тобой, на такую свадьбу не пригласят.

- К университету подбросишь?

- Сейчас каникулы, что там делать?

- В машине расскажу.

Громов ловко рулил по улицам города, срезая углы, проскакивал неизвестными Яше переулками. Бывший студент с тоской смотрел на мелькающий за окном город, знакомые улицы, кинотеатр, площадь Победы, Дворец спорта, мост через реку.

- Ты в новогоднюю ночь как оказался в нашей компании?

- Ваня коротко гуднул зазевавшемуся пешеходу. - Я тогда сразу сообразил, что ты чужак, лицо у тебя было тоскливое, напуганное, не новогоднее.

Яша рассказал водителю о происшедшем между ним и Олей. Рыжий проскочил на красный свет, притормозил у здания химфака.

- Ну, брат, у тебя и история, нарочно не придумал. Просто душу наизнанку выворачивает, жаль сделать ничего нельзя. Они сейчас гуляют, гады, тебя к ней не подпустят.

- У меня к тебе просьба. Брось вот это письмо в почтовый ящик Молчановых. Пусть Оля прочтет. Я через час уезжаю в Израиль с родителями, больше с ней никогда не увижусь.

Ваня со злостью ударил кулаками по ободу руля.

- Да я бы на твоём месте... Да я бы.

- Ты можешь сделать мне еще одно одолжение, - Яша прервал водителя. - У меня с собой тетради, рукописи с моими стихами. Вывозить не разрешается. Сохрани у себя.

На вокзале Яшу встретили озабоченные родители. Лица их были встревоженные, мама, похоже, расстроена до слез.

- Где ты пропал, у тебя совесть есть? - Пейсах потряс сына за плечи. - До отправления поезда пятнадцать минут. Ты подумал о маме с её сердцем, еще немного, пришлось бы «скорую» вызывать.

На перроне уезжающие и провожающие смешались в одну гомонящую массу. Белла прощалась с подругами, Пейсах расставался с друзьями, другие отъезжающие грузили чемоданы, сумки и баулы, передавали их через головы, впихивая в узкую дверь тамбура. Яша стоял у открытого вагонного окна, безучастно наблюдая за предотъездной суетой - ему не с кем было попрощаться.

В дверях здания вокзала показалось белое пятно, оно парило над толпой, словно одинокая чайка над морем - морем голов. По пути движения чайки люди замолкали, останавливались, удивленно поворачивались вслед пробирающейся сквозь толпу девушке. Яша побежал по узкому коридору вагона, бесцеремонно расталкивая пассажиров торчащих у окон и в дверях купе, и спрыгнул на перрон.

Перед ним стояла Ляля: в белом свадебном платье, с фатой на голове, на безымянном пальце поблескивает новенькое обручальное кольцо. Бледное лицо девушки, покрытое разноцветными пятнами и размазанными полосами косметики, капающей на белые кружева, излучало отчаяние. Невеста схватила Яшу за руки, судорожно прижала их к своей груди.

Вокруг, казалось, воцарилась тишина. Люди замерли, пораженные необычной картиной. Ляля ничего не слышала и никого не видела, она торопливо и бессвязно шептала любимому, словно заклиная:

- Яша, не уезжай, я люблю тебя, я не хочу выходить замуж. Меня родители заставили. Я только тебя люблю, Яша. Давай убежим, вдвоем убежим, куда глаза глядят. Прямо сейчас. Пожалуйста, Яшенька, не оставляй меня. Если ты уедешь, я тебя никогда не увижу, никогда.

Краем глаза Яша заметил ошеломленные лица родителей, сочувствующие взгляды незнакомых людей, проводника, замершего у ступенек вагона.

- Я тоже тебя, - он не успел договорить, резкий гудок паровоза поглотил слова юноши, лязгнули сцепления, напоминая об отходе поезда.

Широкоплечий парень в праздничном костюме резким движением выхватил невесту из Яшиных рук, решительно потащил девушку за собой. В ожившей толпе мелькнуло лицо Громова в ореоле рыжих растрепанных волос, который пытался помешать парню, крупный мужчина в военной форме резким движением сбил водителя с ног. Белая чайка мелькнула в последний раз и исчезла навсегда.

- Провожающих просят покинуть.

Повторный гудок паровоза заглушил крики проводника. Вагон дернуло, провожающие поспешно прыгали со ступенек на платформу, пассажиры так же поспешно поднимались в тамбур. Состав тронулся, невидимая рука судьбы затянула Яшу в глубину вагона.

Полный солидный мужчина сидел на скамейке напротив здания химического факультета, наблюдая за главным входом. Прошло почти тридцать лет с той поры, как он покинул учебное заведение. За прошедшие годы мало что изменилось. Прежний вид портило высотное здание из стекла и бетона, не соответствующее общей панораме строений еще дореволюционного периода.

Наконец-то он увидел знакомое лицо. Женщина почти не изменилась: седые, чуть поредевшие волосы обрамляли голову все тем же валиком, спина, правда, сгорбилась, но походка осталась такой же целеустремленной. Он позвал ее по имени-отчеству. Она удивленно взглянула на него, не узнавая.

- Добрый день, Наталья Степановна, - поздоровался мужчина. - Яков Тернер, ваш бывший студент.

Женщина застыла, она явно не знала как себя вести. Потом кивнула головой.

- День добрый, господин Тернер. Не ожидала встретить вас после стольких лет. Узнать трудно, но если приглядеться.

Голос бывшей завкафедрой изменился, в нем появились старческая хрипотца.

- Давайте присядем, Наталья Степановна, уделите мне несколько минут, если вы не торопитесь. А еще лучше, пообедаем в кафе напротив, не возражаете?

- А куда мне торопиться, дома никто не ждет. Я с удовольствием.

Бывшая забегаловка, где он когда-то проглатывал на скорую руку пончики с повидлом и пирожки с мясом, запивая жгучим чаем, превратилась в современное кафе-ресторан, оформленное в стиле «модерн». Изящные столики, мягкие стулья с вычурными спинками, вдоль стены протянулся бар, из невидимых динамиков лилась музыка.

Яша заказал себе кофе. Наталья Степановна долго изучала меню, большинство блюд были ей явно незнакомы.

- Раньше проще было, шницель, сосиски, яичница с колбасой, - пожаловалась она, просматривая страницы, - а тут, «суши», «харусаме», язык сломаеть.

Яша с трудом сдержал улыбку. Подошедший официант терпеливо объяснил: «харусаме» - лапша, которую изготавливают из картофельного крахмала.

- Ладно, попробую, - махнула рукой женщина, - и принесите побольше хлеба. Черного. Что не доем, заберу с собой, - доверительно сообщила она. - На государственную пенсию не проживешь. В университет хожу по привычке, покручусь, часок-другой, по аудиториям, поболтаю со знакомыми преподавателями, все веселее.

- Наталья Степановна, расскажите про Олю Молчанову. Все, что знаете.

Бывшая завкафедрой явно ожидала услышать подобную просьбу.

- Тогда, в свадебном зале произошло нечто необычное. Такое не забывается. Жених и невеста сидели во главе стола, как и полагается. Веселье в полном разгаре, музыка, тосты, официанты бегают. В зал вошел рыжеволосый парень, позже выяснилось, что он водитель одного из гостей. Парень подошел к невесте и что-то сказал ей на ухо. Оля встала и пошла вслед за ним. Никто на это не обратил внимания: гости были заняты едой, выпивкой, разговорами. Прошло несколько минут, жених забеспокоился, бросился к выходу. На улице другие водители сообщили ему, что невеста уехала вместе с рыжим в неизвестном направлении. Жених поспешно вернулся в зал, взял с собой двух ребят покрепче и помчался следом за беглянкой. Через полчаса жених и невеста вернулись. Ляля вся растрепанная, платье в пятнах, фата держится на одной шпильке, краска на лице - словно маска клоуна в цирке. Лидия Антоновна не растерялась, подала знак, музыка грянула, гости ринулись танцевать. Короче, замяли это дело.

- Что дальше было?

- Оля забросила учебу, депрессия у нее началась. Целыми днями никуда не выходила. Потом пошли беременности, Ольга рожать не хотела, каждый раз делала аборт. Тогда Лидия Антоновна устроила ей домашний арест - заперла дочку на ключ, пока та не родила. Дома рожала, специально привели акушерку и врача. Боялись, в больнице сделает что-то с собой. Но, как первенца родила, сразу успокоилась. Как будто жизнь к ней вернулась. Повеселела, стала гулять с ребенком, ходить на спектакли, в кино, в санатории ездила. Мы с Ольенькой несколько раз сталкивались в концертном зале, в городской библиотеке, один раз встретились на свадьбе знакомых, она всегда делала вид, что меня не замечает. Поступила на вечернее отделение

филологического факультета, закончила с отличием. Потом родила девочку.

Яша подозвал официанта, заказал еще порцию еды для собеседницы.

- Где же она теперь?

Бывшая преподавательница пожала плечами.

- Никто не знает. В один прекрасный день забрала детей из школы и исчезла.

- Исчезла?

- Уехала в неизвестном направлении. Муж разыскивал по всей стране, но не нашел. Такие дела.

К столику подошла молоденькая официантка.

- Вы будете господин Тернер, поэт?

Яша утвердительно кивнул головой.

- Я вас узнала, недавно по первой программе показывали документальный фильм, посвященный вашему творчеству.

Девушка протянула меню.

- Можно получить автограф? Вот здесь, на обратной стороне.

Яша размашисто подписался, проставил дату.

- Пожалуйста.

- А вы знаете, мой отец, Иван Громов, когда увидел вас на экране, долго вспоминал, а потом сказал, что вместе с вами праздновал Новый год на Красноармейской улице.

Прятели сидели на крыльце одноэтажного дома, отделанного кирпичом. Громов разлил водку по стаканам.

- Выпьем за встречу, сколько лет прошло. Ты почти не изменился, полысел немного, а животик у тебя и тогда был. А я - инвалид, авария лоб в лоб, водитель грузовика заснул за рулем. Чудом жив остался. К счастью, Тася рядом днем и ночью была и есть. Без неё.

Ранее Яша с трудом узнал в расплывшей женщине с небрежно крашеными волосами давешнюю знакомую. Хозяйка ушла в дом, оставив мужчин наедине.

Иван выпил свою порцию залпом, стукнул пустым стаканом по столу.

- Теперь вожу инвалидную коляску. Примерный водитель, не превышаю скорость. Эх, да что мы все обо мне. Ты, Яша, расскажи лучше о себе, как да что. Семейей обзавелся, дети имеются?

- Нет, так и не женился. Я, как бомж, мотался по разным странам, жил в Израиле, Америке, Франции. Нигде не мог найти

себе место. Преподавал в университетах, одно время увлекся буддизмом, несколько месяцев провел в Гималаях, а в последние годы обосновался в маленьком городишке на юге Италии. Женщин было много, в основном, конечно, поклонницы, только я никогда не знал, любят они меня или мою славу. Каждая при расставании просила написать стихотворение на память и подарить книгу с автографом. По образному выражению одной из них «это лучшее вложение капитала».

- А что ты про бывшую любовь не спрашиваешь?

- Мне деканша Наталья Степановна все рассказала. Оля исчезла на просторах России.

- А у меня ее координаты имеются.

Яша вздрогнул, настолько нереальной казалось ему возможность вновь увидеть прежнюю любовь.

Ваня продолжал:

- Мы с Лялей тайком поддерживали связь, в основном по телефону. После аварии, когда в больнице лежал, она постоянно забегала навестить. За несколько дней до побега позвонила, назначила встречу. Было это в обеденный перерыв, она тогда в редакции заведовала литературным отделом. Встретились в проходном дворе, все боялась, что мамаша за ней следит. Ваня, говорит, не могу больше так жить, дом не дом, семья не семья. Если бы не дети. Смотрю, вся дрожит, вот-вот заплачет. Тогда я полез во внутренний карман пиджака и вынул конверт. Тот самый. Со стихами твоими.

- Ты же должен был бросить письмо в почтовый ящик.

- Правильно. А если бы его нашла Лидия Антоновна?

Короче, Оля прочитала написанное, побледнела, и сказала как бы самой себе: - теперь я знаю, как жить дальше. А через пару дней испарилась.

Громов вновь наполнил стаканы.

- За любовь. Настоящую. После аварии я не мог подняться по лестнице, в туалете пришлось дверной проем расширять, коляску таскать туда-сюда. Сплошные неудобства. Тася мне тогда и сказала: «Мы вместе до самой смерти».

Яша собрался уходить.

- Ваня, тетради мои со стихами, они сохранились?

- Тем же вечером Оля поднялась к нам и забрала рукописи.

Утром я надел куртку, а там, в кармане, толстый пакет с деньгами. На них купили этот дом.

Редакция столичного журнала «Гегга книга» пустовала. Свежий номер вышел два дня назад, сотрудники приходили в себя

после очередного аврала. Частных подписчиков было мало, журнал существовал за счет библиотек, большое книжное издательство на цветном вкладыше постоянно рекламировало новые книги. Министерство культуры задерживало денежные переводы уже несколько месяцев.

Тернер постучал в стеклянную дверь с табличкой «Ответственный секретарь Назарова М.И.». Женщина лет сорока, не отрывая взгляд от экрана компьютера, недовольно пробурчала:

- По вопросам размещения материала обращайтесь в рабочие часы в литературный отдел.

Яша уселся на стул, не дожидаясь приглашения.

- Прошу прощения за вторжение, мне нужна информация о вашей сотруднице. Ольга Вячеславовна..., фамилии, к сожалению, не знаю.

- Она уволилась с работы две недели назад. Простите, но я занята.

- Могу я получить ее адрес или телефон.

Назарова поняла, что просто так не избавится от назойливого посетителя.

- Напрасно теряете время. Ольга уехала за границу, несколько дней назад.

- Куда?

Женщина пожала плечами.

- Никто не знает. Она всегда была такая, скрытная, за все годы работы в редакции ни с кем не подружилась. Отработает положенные часы - и до свиданья. В анкете записаны двое детей, но я их не видела, да и другие сотрудники тоже. Мы про ее личную жизнь вообще ничего не знали. Работала добросовестно, никакой задержки, материал всегда готов вовремя. Никогда не соглашалась остаться сверхурочно, даже на час. А вы ей кто будете?

- Мы случайно познакомились на литературной конференции. Помнится, она интересовалась поэзией.

- Не просто интересовалась. Ольга просто помешалась на Якове Тернере, вы слышали о таком поэте?

- Я больше интересуюсь публицистикой.

- Тернер не просто поэт, он - знаменитость, лауреат конкурсов, переведен на десятки языков. Почетный член различных академий и тому подобное. Говорят, был выдвинут на Нобелевскую премию.

- Вы сказали, что Ольга «помешалась».

- Другого слова не нахожу. Принесла однажды в редакцию общие тетради, старые, потрепанные, со следами

жирных пятен на листах. Предлагала напечатать «Сборник ранних стихов Тернера». Утверждала, что это оригиналы. Вы можете в это поверить, оригиналы Тернера! Да они на вес золота.

- Она предлагала напечатать стихи, а вы отказались.

- Откуда у рядовой сотрудницы взялись оригиналы Тернера? Мы с главным редактором сразу решили - фальшивка.

- Спасибо, что уделили мне внимание. Кстати, у вас наверняка имеется биография поэта, интересно взглянуть на столь выдающуюся личность.

Назарова повернулась, сняла с полки увесистый том.

- Пожалуйста. «Литературная Энциклопедия», последнее издание.

Яша не знал о существовании подобного издания. Он раскрыл книгу на нужной странице, пробежал глазами статью. Родился, учился, живет, автор книг. На крупной фотографии он был в смокинге, вероятно, снимали в Лондоне, на Пушкинском фестивале. Межу листами застряла скомканная бумажка, неизвестный читатель использовал конфетный фантик в качестве закладки.

- Спасибо.

Тернер аккуратно расправил конфетную обертку, провел пальцами по выцветшей от времени картинке с изображением острова, сунул фантик в нагрудный карман и положил раскрытую книгу на стол.

- Вы знаете, Ольга вас не обманывала. Эти стихи я написал много лет назад. Мы с ней тогда учились в университете.

Секретарь оторвалась от экрана компьютера, ошеломлено посмотрела на мужчину, затем перевела взгляд на фотографию. Глаза женщины распахнулись, рот приоткрылся, словно она собиралась что-то сказать, но Яша этого уже не видел. Он стремительно шагнул к выходу, ощущая в груди легкое тепло, словно от прикосновения детской ладошки.

Фреда Калин

Мы с тобой два берега...

приоткрываю глаза, совсем чуточку. Вижу над собой его лицо. Панически силюсь оживить слабеющий от ласк рассудок. Чувствую, что моё рожаемое в муках решение оборачивается юркой змейкой и вот-вот ускользнёт. Но ведь, если сжигать мосты, то сейчас. Неужто так срочно, что хоть сию минуту из постели выскакивай?..

Но я не могу себя заставить... и мне хорошо...

Жизнь шла своим чередом, пока тридцать-три года надо мной склонялось, переходя от желания к самозабвению, от самозабвения к нежности, лицо моего мужа Петеньки. Любовь, счастливый брак - музейная редкость. Но Пети нет уже больше двух лет, и лежу я сейчас в крепких объятиях другого.

- И, слава Богу, - не устаёт повторять моя мама, - для женщины хуже одиночества только смерть. Отцу до твоего Пети хоть и было, как мне до принцессы анжуйской, а всё равно, жизнь без него пустая.

Мама права, только всё сложилось бы иначе, куда проще, если б другим оказался не он, а, например, наш старый друг Фрэнк. Фрэнк - американец, профессор физики, джазмен и жизнелюб. Во время Петинной болезни он помогал всем, чем мог. А после похорон, когда я напрочь развалилась, часто навещал и пытался вытащить из моего добровольного затворничества. Как правило, безуспешно. Он уже много раз иносказательно, но недвусмысленно выражал своё отношение ко мне.

- Я согласен пожить здесь скульптурой, - часто шутит он, прислоняясь спиной к стене, занятой моей небогатой художественной коллекцией. Или ещё, - По закону химии именно непарный электрон участвует в создании связей. - При этом он набрасывает на клочке бумаги мужчину со знаком плюс и женщину со знаком минус.

- Это я непарный электрон?

– Да. А я положительный заряд и... мужчина тоже, - и смеётся.

Фрэнк и в самом деле положительный, но в постели-то я не с ним, а с другим. И уже третий раз. И мне яснее солнечного флоридского дня, что если опять позволю довести себя до вершины плотского наслаждения, то уж точно не смогу вскочить и твёрдо заявить, а теперь, мой милый, нам пора расстаться! Глупое моё тело потом ещё минут пятнадцать будет жадно цепляться за слабеющие всплески уходящей эйфории - такая уж реакция. Он же, воспользовавшись снижением уровня моего интеллекта до аморфно-вегетативного, приведёт себя в порядок, сварит кофе и на подносе с белой салфеткой водрузит его передо мной. И лимонную корочку (по-нашему *lemon twist*) не забудет прикрепить к позолоченному краю тонкой фарфоровой чашки.

- Извольте-с, Королева! Испейте-с кофейку, заваренного Вашим покорным слугой. Или Вашим верным рыцарем? Это уж как Вашей Светлости будет угодно.

Я такой тон не люблю – мне холопство даже в шутку противно, но... ухаживать он умеет. Просто асс. Затем сядет у моих ног на уголок кровати, возьмёт гитару, переберёт струны своими бледными, длинными пальцами и запоёт, тихо так, проникновенно, «Мне тебя сравнить бы надо...».

Эту песню я услышала в нашу первую интимную встречу. Во вторую он спел «Я встретил вас...». Если не поставлю точку прямо сейчас, то думаю, он споёт «Ты только одна, ты одна виновата, что я до сих пор не женат». Я печёнкой чувствую, к этому идёт. Вообще-то я дама рациональная - печёнку в советчиках не держу, но сейчас мне не разобраться, это она или всё же голова нашёптывает, - Спой ему «Мы с тобой два берега у одной реки...». И побыстрей. - Но чьим бы этот голос ни был, ужасно трудно это сделать, а позже, боюсь, действительно не смогу.

Любой нормальный человек спросит, а зачем? Что плохого в том, что за тобой красиво ухаживают, а возможно и любят? В том-то и дело: не только ничего плохого, а соломоновы копи хорошего, но проблема в том, что он *из тех*. По крайней мере, этими двумя словами её определила моя подруга Нина.

Когда Петечка ещё был жив, мы как-то собрались большой компанией и смотрели хоккейный матч между США и Россией. Он тоже присутствовал. Познакомились мы лет пять назад в доме у общих приятелей. Они его знают по Нью-Йорку со времён его пребывания на посту то ли советского консула, то ли представителя СССР в ООН.

Американцы проиграли: на последней минуте русские забили решающую шайбу, и счёт стал 2:3. Он был единственный, кто радовался. Кричал, наши забили, наши вышли в финал. «Наши» для меня уже более четверти века американцы, а для него были, есть и будут русские.

Мама говорит, это мелочи. - Он умница, интересный, тебя обожает, а ты носом крутишь. Ой, докрутишься. - И снова, - Хуже одиночества ничего, доченька, не бывает.

- Да я, мамочка, уже больше двух лет одна и ничего...

- Не-е-ет, - тут она, поднимает палец. Я этот палец с детства не переносу. Он означает, ты не знаешь, почём фунт лиха, но смотри, гонор не поубавишь, получишь сполна. - Первый год ты душой ещё с Петенькой была – в каждом углу только его и видела - а на второй этот стал вокруг тебя увиваться. Ты хоть с ним и не встречалась, а вниманье получала. И цветы на праздники, и звоночки телефонные. В театр он нас с тобой два раза приглашал. Между прочим, на самых лучших местах сидели.

Это правда, но ведь всем доподлинно известно: советский дипломат – это всегда или КГБ, или ГРУ, или МИД, или какие там ещё у них заведения с тем же уклоном. Для меня они все были одним миром мазаны – все враги.

- Да он уже три года как в отставке. На пенсии, - приводит веский довод мама.

Итак, я сплю с врагом в отставке, на пенсии - это, конечно, меняет дело. Сама, сама виновата: полезла в постель не к доброму американцу, а к закоренелому *совку*. И теперь не знаю, как из неё выбраться. То есть знаю, но о-о-о-чень не хочется.

Он начал оказывать мне повышенное внимание, как только я сбросила своё чёрное оперение, то есть через год после ухода Пети. Мама, правда, говорит, что раньше, но я не помню. Я тогда совсем замороженная была, ничего не замечала. Как будто по лицам, домам и вообще перед глазами провели серо-коричневой кистью – всё размазалось. В душе тоска, а вокруг болото – жизнью называется. Встаёшь, ложишься, ходишь, ешь, даже улыбаешься – робот в человеческом облици. С чёрной одеждой я рассталась не потому, что осознала, что Пети нет (н-и-г-д-е на поверхности Земли?) и он никогда больше не войдёт в наш дом - это для меня непостижимо - просто надоело отвечать на вопросы, выслушивать соболезнования. В Европе, если носишь чёрные джинсы, чёрный свитер и чёрную юбку, считай, что ты всегда прилично и уместно одет. Во Флориде же те, кто *всегда* в чёрном, то ли хотят подчеркнуть свою особенность, щегольнуть утончённостью, то ли имеют для этого причину – трагическую,

например, или религиозную. Трагическая у меня есть, но мне не по душе, когда своё горе носят, как повязку на рукаве. Он, видимо, когда перестал меня видеть с головы до ног в чёрном, решил, что доступ разрешён и начал за мной ухаживать. Не нагло, но интенсивно и открыто. На вечеринках занимал мне место рядом с собой, танцевал только со мной, а если я отказывалась, сидел рядом, и мы просто болтали. Сначала он звонил раз в неделю, потом каждый день, а теперь и по два, и по три раза на день. Я должна честно признать, он первый, кого я начала различать в однообразном месиве людей и предметов, цветов и звуков. Мама говорит, он вернул меня к жизни. Я ненавижу избитые выражения, но в какой-то степени она права. Во всяком случае, он стучал и стучал в заколоченную дверь моих эмоций (звучит напыщенно, но передаёт ситуацию), пока из неё не стали выпадать гвозди и она не приоткрылась.

Целый год нас связывали взаимный интеллектуальный интерес и удобство компании-эскорта, что немаловажно для одиноких людей. Он тоже вдовец – жену потерял семь лет назад. Сказал однажды, что она умерла нехорошо. Я не поняла, что это значит, но спросить не решилась.

Всё было просто, пока полтора месяца назад он не заехал за мной и мы не отправились на очередные приятельские посиделки. После трёх лет полного отсутствия секса (последний год Петинной болезни мы только обнимали друг друга), видно, бес попутал: я положила руку на молнию его синих джинсов. (Сама-а, сама виновата!) Он на мгновение замер и тут же, не взглянув в мою сторону, съехал на пустынную парковку Сити-банка. Чтоб приятели нас не ждали, он позвонил и сказал, что у нас сломалась машина, но в помощи мы не нуждаемся. Тут я глупо подвечерно хихикнула. Чтоб у мамы не было инфаркта, я позвонила и предупредила, что останусь у Нинки, а Нинке сказала, что если позвонит мама, я в ванной. На этот раз глупо хихикнул он. Утром, когда я немного пришла в себя от вечерних восторгов и ночных ласк, он мне спел «Мне тебя сравнить бы надо».

А ведь я верю в принципы: например, ни в Дюбай, ни в Египет, ни в Норвегию ни ногой, потому что они ведут антиизраильскую политику. Мне говорят, глупо – антисемитизм есть везде. Согласна. Но туда, где он государственная политика, не поеду, ни одного своего кровного цента им не отдам. А тут, меж шелковистых простыней постели бывшего *совка*, мои принципы вдруг решили отдохнуть. И отдыхали без малого тридцать-девять часов подряд.

Следующие три недели я себя грызла, почему с ним. Ведь если уж приспичило, лучше бы с Фрэнком... Но в том то и дело, что с Фрэнком ни разу не приспичило. Этот хоть и постарше Фрэнка, и ростом пониже, но у него сквозь дипломатическую корочку так-о-о-ой анимализм пробивается... Вообще он учёный – экономист, но есть в нём что-то военное. Я легко могу его представить в мундире и начищенных до блеска чёрных сапогах, как мой отец на старой фотографии.

Странно, что в его поведении нет и намёка, на то, что мы не одного поля ягоды. Он как будто и не догадывается, что, выходя из одних и тех же советских джунглей, мы представители разных кланов. Он из горилл, которым разрешалось бегать на свободе, раскачиваться на лианах и срывать бананы по своему выбору, а я из шимпанзе, которые куда бы ни сунулись - наталкивались на прутья клетки.

- Перестань резонёрствовать, он просто не из тех, кто портит себе кровь сравнительным анализом судеб приматов, - объясняет Нина. - Ты ему нравишься - здесь и сейчас - и баста. Конечно, - сделав паузу, добавляет она, - ему бы хотелось на тебе жениться ещё и для американского гражданства.

Я уже тридцать лет как американская гражданка, а он, хоть и работал годами за границей, остаётся гражданином России. По мнению Нины, сейчас многие россияне стараются приобрести второе гражданство, в особенности американское. Ей виднее. Она часто ездит в Россию по бизнесу, то есть, как и мой теперешний любовник (конечно, любовник - называйте вещи своими именами, мадам) живёт одной ногой здесь, другой там.

- То есть ему было бы выгодно на мне жениться?

- Понимаешь, неуверенность в завтрашнем дне и возврат Путина здорово повлияли. Никому не охота обратно в тюрьму и беззаконие. – Нина закуривает. - А вообще, таких как он в Москве теперь отправляют в тираж. Он ведь, как мы с тобой, выходец из России ушедшей эры. У него хоть и квартира, и дипломатическая пенсия, и старые связи, но всё это на приспущенном уровне... напоминает наполовину слутую шину. Ты обратила внимание, как возмущённо и с каким пафосом он говорит о молодых русских миллиардерах? – Нина раздражается своим особым хриплым смехом заядлого курильщика. - Можешь не сомневаться, он им завидует по-чёрному. Ведь это он и иже с ним ещё недавно представляли высший эшелон общества, а сейчас в России всё просто: мало денег - пардон, господин бывший дипломат. Вам, что не по карману на Sotheby купить яйца Фаберже и подарить Кремлю? А куда ж Вы тогда, мало-уважаемый, лезете? Но, -

акцентирует она, - ты должна понимать и ценить, что всё это не мешает ему оставаться желанной партией для женщин за сорок-пять. А их ты-ся-чи... и там, и тут... сама знаешь.

На днях зашла к маме – я это часто делаю, чтоб ей было, для кого готовить. Она борщ наливает, а сама бубнит, что встретить такого мужчину, когда тебе за пятьдесят, и не с хвостиком, а с хвостом, это редкое везение.

- Но, мамочка, редкое везение мне один раз в жизни уже выпало. Такое дважды разве бывает? – спрашиваю я и вижу как на маминной любимой зелёной скатерти с коровами, пасущимися по краям, расплзается мокрое пятно. И когда это только кончится?

- Всё бывает. Ты только Нинку свою поменьше слушай, иначе всю жизнь так и прорыдаешь. Она хоть и умная, но стерва.

- Мам, ну за что ты её так не любишь? Она ведь правду говорит.

- Ой, доченька, правда у всех такая разная. Муж у неё дурак, а у тебя и Петя был умница, и этого уж кем-кем, а дураком не назовёшь. Она тебе завидует, а потому всё *так* поворачивает, что вроде она тебе добра желает, а ложку дёгтя добавить не забудет.

Мама Нинку терпеть не может, а я её мнению доверяю. Меня, правда, удивило, ему-то чего Путина бояться? Он сам столько лет принадлежал к органам того же толка.

- Оттого-то и боится, что знает, какие орлы из тех пенатов выходят, - не задержалась с ответом Нина.

- Вообще-то ради гражданства он мог бы жениться и на Татьяне, - попыталась возразить я.

- И женится... если ты пошлешь его подальше. Не веришь – проверь.

Татьяна тоже одинокая, тоже американка - только я вдова, а она разведённая. Внешне интересная и обеспечена неплохо. Они знают друг друга ещё с тех пор, когда она была замужем, а он женат. Не знаю, встречались ли они раньше, но она при каждом удобном случае с ним заигрывает. А если называть вещи своими именами, то просто нагло лезет. Он же ведёт себя подчёркнуто вежливо: ни на её прозрачные намёки, ни на загорелую грудь, вываливающуюся на три четверти из модного сарафана, не реагирует. Она ему свои телеса чуть ли не под нос - он же смотрит исключительно ей в глаза. А как она отойдёт, накрывает мою руку своей и качает головой, мол, нелепая она, героиня не его романа. Он как-то сказал, не люблю, когда за мной охотятся – я сам охотник. Может он меня и выбрал, потому что после Петюниной

смерти я ни его, ни Фрэнка, никого другого от столба не отличала. Все на одно лицо, все ненужные.

В его участившихся намёках на женитьбу тема гражданства не проскальзывает, но я, Нинкины слова запомнила: кожей чувствую, хочется ему получить американскую зелёную карточку. «Печёнкой, кожей...» - это с моими-то рациональными, инженерными мозгами...

И ещё меня гложет, что хотя и по рождению, и по гражданству, и по «посылу» он русский, но я чувствую в нём присутствие еврейской бабушки. Я его дважды спрашивала, не было ли евреев среди его предков. Он это категорически отрицает, а мне кажется, что были. Разрез глаз у него красивый, иудейский.

Мама опять-таки уговаривает, - Ну какая тебе разница? Предположим, были у него дедушка или бабушка евреи, а он привык это скрывать, чтоб карьеру себе не портить. И так привык, что забыл. - Эх, мамочка, прирождённая ты моя соглашательница, разве такие вещи забывают? Их не забывают, а забывают в самый дальний уголок памяти... чтоб не мешали жить. Стесняться, а тем более отказываться от своих корней - по мне последнее дело.

- Опять ты со своими принципами. Ты же помнишь, как сказал кто-то умный, все люди евреи – просто одни признались, а другие нет. Ну, так он из *не* признавшихся, подумаешь.

- Подумаешь? Но ведь это значит, что он стесняется признать свою кровную связь с тем народом, с той социальной группой, к которой принадлежу я.

- Тебе мужик нужен или социальный работник? Он тебя любит, а не народ.

То есть получается, я для него исключение. А исключение, как известно, подтверждает правило. А правило-то гласит, что евреи плохие, и их надо ненавидеть и уничтожать. Свою малейшую принадлежность к моему клану он отрицает, а меня, этакую фиалку, расцветшую на мусорной свалке, желает любить и лелеять.

- Но, мамочка мой народ, который ему мусор, что в топки бросали – и миллионами - мне цветочная клумба.

- Ну, ты сейчас договоришься до того, что он фашист, который готов нас всех отправить в крематорий.

Тут я прикусила язык. А действительно, ведь мать права, если начать из частных фактов делать глобальные выводы, можно договориться до чего угодно. Индуктивная логика – опасная штука. И вообще, история знает бесконечное количество примеров, когда люди из враждебных стран, станов, и слоёв общества женились и жили... Долго ли и счастливо?

Боже мой, что же делать? У меня уже всё внутри поднимается – ведь ещё минута, и я вцеплюсь в него руками и буду умолять, ещё - ещё... И слова ему буду такие говорить, от которых, он меня сожмёт так, что слёзы навернутся. И у него тоже - я знаю, видела. И разве смогу я после этого вдруг подскочить, одеться и ласково так сказать, знаешь, дорогой, прощай, мы с тобой два берега? Да ни мне из себя такое не выдавить, ни он не поймёт, о чём я. Только что на девятом облаке вместе побывали (мелочь конечно, но: мне девятое облако – ему седьмое небо), от счастья дышать не могли, и вдруг я ему этак ласково, - Ты, когда в МГУ учился, меня еврейку в университеты дальше порога не пускали. – Загибаю мизинец. - Ты, когда кандидатскую в шикарной московской квартире писал, мы с Петей за Полярным кругом на квартиру зарабатывали. – Загибаю безымянный. - Тебя в Америку дипломатом послали, а мы с двумя чемоданами и маленьким ребёнком нищими иммигрантами сюда приехали. - Идёт средний. - Ты бывал в гостях у американских звёзд, как представитель «великого Советского Союза» - они ведь коммунистов обожают - а мы не могли себе позволить купить билеты на их концерты. - Указательный. И так далее и тому подобное – да тут обеих рук не хватит. Я гарантирую, у него на всё это ответ найдётся. И убедительный. Это ведь не его вина, что у реки Советский Союз мы жили на разных берегах – он на сытом элитном, а я на тощем интеллигентском - диссидентском. Мы и теперь живём на разных – только река другая, США называется. Теперь я на высоком берегу оказалась. За тридцать лет, мы с Петюней стали олицетворением *American dream*, как, впрочем, большинство иммигрантов нашей волны. Вкалывали, как проклятые, вот и достигли, что не только купальников стало больше одного, но и машин, и квартир. Петюня мой, светлая голова, последние двадцать лет собственной фирмой управлял. Он, кстати, Петю очень уважал. Всегда с ним заговаривал, когда мы попадали в одну компанию. Хотя, кто знает, может информацию пытался выудить, ведь он тогда пребывал на своей дипломатической службе. Вообще-то до того, как его завербовали на дипломатическую работу, он был кандидатом экономических наук. Это я говорю «завербовали» - он говорит «пригласили».

–А Вы пробовали отказаться? – спросила я, когда мы ещё были на Вы.

–Отказаться? Зачем? – Он посмотрел на меня с искренним недоумением. – Это была одна из самых интересных и высокооплачиваемых работ.

– Да, но ведь это означало писать доносы на всех, с кем Вы встречались... и на коллег, наверное, тоже, – не без труда выдавила я, потому что у самой копошилось гнусенькое сомнение, а ты бы отказалась, будь ты на его месте тогда?

– Да какие доносы? О чём вы, Сашенька? Отчёты писал. Они, конечно не только экономический анализ включали, но и с кем встречался, что узнал, какое впечатление от увиденного, но при чём тут доносы? Донос – это когда ты пишешь или говоришь что-то с целью кому-то навредить. Я никогда себе такую цель не ставил – жизнь слишком коротка и прекрасна, чтоб её растрчивать на подлости. Америку я всегда любил и люблю. И даже в советские времена докладывал обо всём объективно, что от меня и ожидалось. Мне хотелось, чтобы наши хорошее перенимали, а не грязь всякую выискивали.

Вот опять: для него «наши» - это Россия. Страна, в которой мы оба родились и из которой мне посчастливилось удрать. Для меня она кафкианская империя, а для него - родные пенаты. Он бывший советский аппаратчик. Так, по-моему, называли людей, вкушающих от пирога советской власти (из словаря: *Аппаратчик – номенклатурный сотрудник административного или партийного аппарата, выполняющий определённые функции*). То есть по советским временам, государственная элита - синоним партийной элиты.

- А членом партии Вы были?- продолжила я допрос.

- Конечно, был, - ответил он с лёгкой усмешкой. Смотрел уверенно: глаза туда-сюда, как мыши под колпаком, не бегали. – Это то, что мне в нём нравится: не самоуверенность, а спокойная уверенность в себе. – А Вы знаете кого-то из той жизни, кто бы многого достиг, не вступив в партию?

- Знаю. Пётр Капица и Андрей Сахаров, например.

Он не рассмеялся, а расхохотался. – Вы мне льстите, Сашенька. Я не отрицаю, я человек не без способностей, но всего лишь *кандидат* экономических наук. Как говорится, что отпущено Юпитеру, не отпущено быку. Но если для Вас это важно, в девяностом году я с партией расстался, после чего ещё десять лет оставался на дипломатической работе в США и Англии. Где, кстати, нередко почитывал лекции об экономической несостоятельности социализма. Но должен признаться, переубедить ни американских, ни английских студентов мне не удалось. Они защищали социализм с пеной у рта. *Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait*. Если бы молодость знала, если бы старость могла, - перевёл он тут же, чтобы я не успела почувствовать себя неловко из-за незнания французского.

Он, конечно, джентльмен. Нет в нём ни наглости, ни тем более грубости, а сила есть. Я отдаю ему должное: из всех моих русскоговорящих знакомых он самый образованный, самый масштабно-мыслящий, самый интеллигентный, обаятельный... А что это я раскудахталась? Самый да самый...

Я пытаюсь открыть глаза... и не могу. Ах, как становится тепло. И приятно. Как хочется покрепче его обнять и позволить себе быть просто женщиной, а не политиком-аналитиком. Мама говорит, – Он умница, интересный, носится с тобой, как с писаной торбой, а ты носом крутишь.

Опять «мама говорит», да что же это со мной? Мама, Нина, печёнка... Наедине с собой, когда разум не замутнён ни беспощадно-справедливыми ремарками подруги, ни увещательного-угрожающего тоном мамы, когда сердце не плавится под его утонувшим в мохнатых ресницах взглядом, я стараюсь анализировать наши отношения хладнокровно и объективно. Отношения!? Ха-ха, какие-то полтора месяца.

Получается, что нас разделяла сначала пропасть социально-экономической несправедливости, а затем стена социальной несовместимости. Живя в одной стране, играя в одни и те же игры (помните казаки-разбойники, классики, расшибалочку), говоря на одном языке, он вырос, не задумываясь о таких как я, а я, презирая таких как он. Казалось бы, мы не должны ни симпатии испытывать друг к другу, ни интереса. А мы, пожалуйста, интересуемся – да ещё как! И во всех областях, плоскостях и округлостях. О том, что в его руках я таю, как масло на сковородке, я уже не говорю, но мы и по телефону иногда часами болтаем. О чём? Да обо всём. Вспоминаем песни, фильмы, киноартистов, книги. Он помнит намного больше меня. Благодаря ему, в памяти всплыло многое из того, что я когда-то читала и видела, но забыла в высоковольтном (я инженер-электрик) потоке кардинально изменившейся жизни. Он читает стихи Пастернака так, как если бы написал их сам - доносит смысл и звук каждого слова – они становятся осязаемыми. А недавно мы едва не повздорили, когда он вспомнил заключительную фразу из «Тимура и его команды», *Ты о людях всегда думал, и они тебе отплатят тем же.*

- Обрати внимание на двусмысленность этой фразы, - горячился он, - «отплатят тем же», то есть тоже будут о Тимуре думать? Не-е-е-т! Ведь Ольга не говорит Тимур, ты людям делал добро, и они тебе воздадут добром. Почему? Потому что, когда в сороковом Гайдар писал «Тимура», он наблюдал, как *кто-то-о-тебе-думает* отправляло людей в застенки и на расстрел. Кроме

того, само слово «отплатят» предполагает в первую очередь реванш и только вторично мирную отдачу задолженности. Ты ведь читала «По ту сторону добра и зла»?

- Читала, но помню плохо.

- Напоминаю, там Ницше рассуждает о том, что мораль, то бишь понятия добра и зла - а уж сколько, их вдалбливают и церковь, и школа - чужды природе в принципе. Мораль для человека не база, а надстройка, поэтому он с такой лёгкостью может перейти на зоологический уровень, то есть по ту сторону добра и зла. Ведь миллионы и миллионы не испытывали угрызений совести, сдавая соседа властям, и зачастую без всякой выгоды для себя - паук не чувствует себя виноватым если в его паутине погибла не только муха, необходимая ему для пропитания, а ещё десять.

Тут у меня вскипела кровь. – Я не понимаю, ты что пытаешься оправдать Ваню, который сдавал Васю не за понюшку табака?

- Я не оправдать пытаюсь, а понять.

- А что тут понимать? Да, я вспомнила, Ницше говорит, что ни травы, ни звери, ни реки не имеют морали - для них понятия добра и зла не существует. Но человек-то не бездумный колосок. Человек – моральное животное. Он живёт в мире добра и зла с момента появления на свет. Гитлер на основе нищезанятия построил идеологию фашизма, а ты им пытаешься оправдать людскую подлость. Ту, на которую намекал Гайдар. Так что ли?

- Да не оправдать, а понять. Я хочу понимать свой народ.

Вот опять: советский народ я перестала считать своим ещё лет за десять до того, как мне удалось оттуда убежать, а ему он и сейчас свой.

- Знаешь, немцы за аморальное поведение своего народа до сих пор просят прощения у всего мира, а *твоему* народу не приходит в голову перед самим собой извиниться. Для сталинских преступников Нюрнберг не состоялся ни посмертно, ни при жизни.

- Но мой народ – это и твой народ, мы ведь из одной страны, из одного го-ро-да...

Я попыталась объяснить, как и почему его народ давным-давно стал не моим, но он только отмахнулся; сказал, - Бездоказательно, а главное противоречиво: то вы евреи жалуетесь, что из вас делают изгоев, то отбрыкиваетесь, когда вас включают на равных. - Я не нашла, что возразить - доля правды в этом есть. Взять хотя бы меня – комок противоречий: разглагольствую о принципах и при этом лежу в постели с человеком, для которого наши – это не мои, а ваши – это наши, а родина, выбросившая

Вавилова и Мандельштама на помойку, как дохлых собак, и сейчас мать.

Мне необходимо что-то вспомнить, сию же минуту, что-то очень важное. Да, вот оно... недавний разговор с той же Ниной.

- Ты, конечно, выходи за него замуж, - она затягивается сигаретой, уже третьей. - Мать твоя права, такие мужики на дороге не валяются. - Тут она делает паузу и, усмехнувшись, добавляет, - Прекрасен будет ваш союз... если только тебя не волнует, что останься ты в России, у тебя было бы куда больше шансов оказаться не в его спальне, а в его кабинете... Естественно, по ту сторону письменного стола, где лампа.

И опять голос мамы (как же меня достали эти голоса, а всё потому, что ищу лазейку), - Не слушай Нинку, она тебе просто завидует. - Может быть, но машину он водит так, будто от кого-то удирает, а недавно, когда он горячо критиковал российский беспредел и на его лице чередовались правота и праведность, я вдруг ясно представила его сидящим в президиуме собрания, на котором меня осуждают то ли за неявку на субботник, то ли за измену родине, то ли за то, что я вообще существую...

Тут я слышу, как моя глотка издаёт звук, напоминающий всхлип оборвавшейся струны, а ломающийся голос хрипит, - И-з-з-ви-и-и-ни, я должна вст-а-ать.

Его руки продолжают сжимать мои плечи - мои руки их отталкивают. Мои ноги напрягаются, отталкиваются от его коленей и, описав дугу в воздухе, касаются пола.

- Почему? Подожди ты минуту... ты с ума сошла-а-а! - рычит его голос.

Моя правая рука вырывается из его. Левая подхватывает со стула клубок белья и платье, а босые ступни несут моё тело в туалет. Я захопываю дверь и, дрожа, опускаюсь на край ванны. Свершилось! Сердце бьётся как сумасшедшее. На душе муторно. Так было, когда я впервые узнала Петин диагноз. А в висках стучит, я должна была это сделать, должна, должна. Почему должна? Кому должна? Нине? Человечеству? Просто знаю, что должна. Себе.

Десять месяцев спустя:

Мы с мамой сидим на свадебном обеде. Два часа назад он расписался с Татьяной. Отказаться от приглашения было невозможно. Моё отсутствие было бы замечено - ведь совсем недавно он держал руку не на её плече, а на моём - и превратно истолковано. Одни скажут, что я злюсь на Татьяну за то, что она увела у меня мужика. Другие, что острая на язык, я ему такое сказала, что он не хочет меня видеть. Третьи ещё до чего-нибудь

додумаются, а так, я присутствую и всем своим видом изображаю радость за счастье новобрачных.

- Видишь, я же тебе говорила, ему американской прописки хотелось... не ты, так Танька, – победоносно шепчет Нина. Я согласно киваю. Никогда никому я не стану рассказывать, что он звонил мне... сегодня утром. Сказал, здравствуй и стал читать Блока *Она стройна и высока*. Потом долго молчал. Молчала и я.

– Всё равно не понимаю, - наконец выдохнул он.

– Я н-н-не могу объяснить д-д-до конца, п-п-прости меня, - заикаясь, выдавила я. Мне хотелось крикнуть, «потому что ты *из тех!*», но он бы всё равно не понял. Прощай, я, кажется, сказала молча.

С того дня, как, запутавшаяся в своих одеждах и бессвязных объяснениях, я выскочила из его квартиры, мы больше не встречались. Пару раз случайно столкнулись в кино и на очередном дне рождения у приятелей. Я поступила правильно - разделявшая нас река Советский Союз давно высохла, но созданные ею берега мне не сдвинуть, не соединить - только вот остерегалась не того, чего следовало. Я-то волновалась, что среди шелковистых простыней его постели останутся мои принципы, а остался - сейчас скажу клише – кусочек сердца. Боюсь, что при каждой случайной встрече буду испытывать щемящую пустоту под левой лопаткой. Что ж... такова плата за молчание голосов у меня в голове.

Елена Матусевич

Отпущение грехов

ет, я все-таки пойду. Не хочется, ломится, ленится, нежится, держит. Нет, надо. Для Нее, из-за Нее, как будто с Ней. Тихо закрыть дверь, мои спят. Дождь, лужи, прыг-прыг, троллейбус, любимый, вечный, десятка. Пришла, надеваю платок. Слева, в глубине, вялая вереница блеклых платков и трясущихся голов. У Нее тоже дрожала голова, я это впервые заметила в 5 лет, в автобусе, только потому, что мне пришлось сесть сзади. Я как будто и сейчас еще сижу в том самом автобусе. А тогда я сразу поняла значение моего открытия: я сильнее Ее, а значит, надеяться мне больше не на кого. Она не может перестать трясти головой. Она никогда не перестанет.

Очередь на исповедь, самая странная из очередей. Несколько мужчин, неподвижных, никто ни на кого не смотрит. Очередь длинная, по бокам есть стулья. Старушки присаживаются или опираются о стену. Чистые платья, плохая обувь. Женщина с азиатскими чертами, в завязанном иначе платке, беззвучно плачет в стороне, закрыв лицо руками.

В очереди царит беззвучная учтивость. Все смотрят в пол. Здесь это от деликатности. Я отвлекаюсь, изучаю лица. В голове толкотня, внутри пусто. Зря пришла. Собор наполняется людьми: где-то треть мужчин. Молодых и не очень, но ни одного старика. Некоторые входят и сразу выходят, быстро, нервно, почти бегом. Многие остаются стоять стадом сзади, поближе к выходу. Пытаюсь сосредоточиться, уходить жалко, завтра улетаю. А тут еще эта старуха сбоку, тычет и тычет в меня острым концом ветхого нескладного зонтика, который она никак не может оставить в покое. Я пытаюсь от нее отодвинуться, но она сразу двигается за мной, и снова тычет. И кому здесь нужен ее зонтик? Я собираюсь открыть рот, но она неожиданно повисает у меня на руке, наваливаясь всем телом и больно впиваясь ногтями. Она тянет меня к земле, заставляя пригнуться: «Деточка, подведи меня к священнику». Слепая.

Ее исповедь длится недолго. Остаток службы она радостно висит у меня на рукаве, я подвожу ее на причастие и к кресту. Литургия кончилась. Бабушки бросают в корзинку давно обесцененные монетки. Дьякон тоскливо поводит глазами, все, что ли? Крупный, дорого одетый мужчина кладет большую сумму. Трое бритых парней шепчутся в углу, платят за панихиду и деликатно ставят большую свечку.

- Моя слепая двигается в направлении дверей. Сильный дождь, ее зонтик только мешает. Я вру, что мне в ту же сторону. Мы идем, я пытаюсь обходить лужи, но она все равно несколько раз наступает своими кривыми крепкими ногами прямо в воду, и ее туфли и тряпичные чулки набухают от воды. Она как будто не замечает, улыбается, с удовольствием опираясь на мою руку.

- А вы всегда на службу ходите?

- Всегда, деточка, а как же. Нужно.

- Может, вам нужно что-нибудь? Как вы живете?

Она сразу собирается, краснеет, торопливо отвечает, что ей ничего не нужно, что у нее все есть, пенсия и дети поест приносят. Она говорит о детях, о сыне-сердечнике, о дочке. Потом о внуках-студентах. Все навещают ее, ей повезло.

У нее деревенская речь, откуда она?

- Муж на завод устроился, потом нас привез. В деревне-то мы оголодали совсем. У меня пятеро деток было. Мой-то в 41 погиб. Ну, я одна с пятью детьми и осталась. Да вот, три могилки, деточка, три могилки, на Смоленском тут, рядышком.

- Это в блокаду?

- Да. Три девочки было. Одна-то, я за водой ушла, воды надо было. Одну ее оставила. А что сделаешь? Воды надо было, кто пойдет? Ну и она больно близко к огню заигралась, холодно же, ну, платье, видно, и загорелось. Когда я вернулась, она уж сгорела вся. А другие две девочки, 4 и 5 годков, с голоду померли. Одна, та, которой 4, я так и помню, «Мамочка, говорит, мне так умирать не хочется». Не хотела, так не хотела! Я их всех рядом похоронила, навещать удобно.

Потом она спрашивает про меня, оживляется, дивится. Кончается дождь. Вдруг – яркое солнце. Мы пришли. Она отделяется от меня легко, без сожалений. Она довольна.

- Смотри-ка, какой день сегодня хороший, тебя вот встретила, проводила меня, спасибо. Ну, всего хорошего.

- Вас в квартиру проводить?

- Да нет, зачем это? Коммуналка. Соседка у меня такая плохая женщина, бьет меня. Надоела я ей, 84 мне уже, зажилась. И не болею, ослепла только. И что подделаешь? Сын болен, дочка моя

ее смерть как боится. Приходят, когда той дома нет. Ну, Господь с тобой, иди.

Я топчусь, не в силах уйти. Наконец, поворачиваюсь. Вслед слышу ее веселый голос:

- Ты там осторожно, в Америке-то!

Я постараюсь.

Мальчик и мороженое

(из цикла *Путевые заметки*)

Автобус более или менее застрял. С моего места не было видно, отчего мы встали. Мой сосед не говорил по-английски и мучительно стеснялся моего присутствия. За окном был незнакомый город, а перед самыми глазами городской парк, где шли какие-то небольшие строительные работы. В момент нашей вынужденной остановки небольшая группа рабочих делала перерыв на обед или скорее ужин. Мужчины расселись, кто где мог, достали пакетики с едой. С ними был маленький мальчик лет четырех, сын одного из рабочих. Ситуация для Индии обычная. Ребенка некуда девать и он целыми днями торчит на стройке. Все строительные рабочие — мигранты из самых бедных и отсталых районов Индии. Так, в отеле, где я жила, семейная пара рабочих часами носила на голове тазы с кафелем и другими материалами вверх и вниз по лестнице. С ними были двое очень маленьких детей, оставленных по целым дням играть в пыли перед отелем. Игрушек у них не было, и они забавлялись веточками, камушками, и всем тем, что попадется. В свой единственный перерыв родители усаживались на траву перед отелем, и играли с детьми. И мать, и особенно отец, обходились с ними с большой нежностью. Однажды я дала детям шоколадку. Они оба вцепились в нее, но мать, с достоинством поклонившись мне, поделила ее пополам. Дети, видимо никогда шоколада не видавшие, ели его вместе с фольгой. Я испугалась, но они постепенно выплюнули фольгу, и все обошлось.

Здесь же был только этот мальчик, которому рабочие вскладчину купили мороженое эскимо. Я видела, как они вкладывали мелкие монетки в руку его отца. Теперь мальчик стоял в оцепенении, зажав в ручке палочку, и не решался начать. Смеющиеся рабочие подбадривали его и жестами показывали, как нужно укусить.

Вытянув вперед шею, зачем-то встав на цыпочки как будто до мороженого надо было еще дотянуться, мальчик тихонько понохал кончик эскимо. Рабочие прыснули со смеху. Отец присел перед ним на корточки и что-то сказал. Наконец

мальчик попробовал и во всем парке, во всем городе, наступила благоговейная тишина. Были только мальчик и мороженое. Рабочие молча смотрели на него и улыбались. Счастье обволокло площадку нежным сиянием.

Мальчик ел, смеля, мороженое подтаивало, капало, мальчик смеялся. Теперь от лакомства остался только небольшой белый кусочек, нетвердо висящий на оголенной палочке. Тут мальчик перестал есть и замер. Счастливо улыбнувшись, вытянув перед собой руку с палочкой, он медленно, боясь уронить белый кусочек, подошел к отцу. Тот принял бесценный дар тихо, без слов, облизал палочку, нагнулся к мальчику, прижал его и палочку к груди и заплакал. Рабочие отвернулись и взялись за лопаты. Автобус тронулся.

Учитель рисования

(из Школьного цикла)

Все знали, что у учителя рисования несчастье и относились сочувственно. С ним судьба сыграла злую шутку — у него было трое детей. То есть должно было быть только двое, да и то случайно, по недосмотру и мягкотелости, а тут, бац, близнецы, шутка природы, и получилось неслыханное, передаваемое из уст в уста приглушенным, соболезнующим шепотом, таким, каким говорят «у него мама умерла»: мол, побойтесь Бога, у человека трое детей! Те, которые это слышали в первый раз, отказывались верить и говорили осуждающе что-то типа «Зачем это?» или «Как же это?» И тогда им объясняли про несчастье с близнецами, и все становилось ясно: попался человек, пропал. «А ведь красивый мужчина, молодой, вы подумайте», так говорили женщины. Мужчины ничего не говорили, но думали: «Да, жалко мужика». Или еще, «ну, уж со мной такой номер не прошел бы». И ведь мог бы бросить жену с тремя детьми, как любой нормальный поступил бы на его месте, его бы всякая оторвала «в одну секунду и с восторгом», как убежденно говорила моя мама. А он бегал по трем школам учителем рисования и его окружал ореол мученической святости.

Он был высокий, зимой и летом ходил всегда в кожаном пальто, и волосы носил подлиннее, ну, то есть по тем временам вообще длинные, вызов обществу. Школьная администрация оставляла это без внимания, рисование, все знали, это не предмет. И он бегал в шикарном, но холодном пальто, и, хоть школы находились рядом, все равно не успевал, вечно опаздывал, и шагал по школьной лестнице через ступеньки. Как говорили, ему не хватало часов, а троих ненасытных детей, предательски

исковеркавших его жизнь и карьеру художника, надо было кормить. Я так себе это и представляла: они сидят, эти дети, а он им кашу из котла поочередно в рты запихивает. И как я завидовала этим детям, что их трое и у них есть такой папа, который их не бросил, как бросили половину из нас в нашем классе, хотя мы и были всего в единственном числе. Я часто видела его бегущим с портфелем по улице. С ним здоровались, но он никого из нас детей не знал в лицо. Однажды я его увидела с этими злополучными близнецами в парке. Они спали в специальной двойной коляске, а он сидел на лавочке и читал. После этого видения уважение к нему перешло в трепет.

Когда мы заходили в класс, он уже там был. Фамилия у него была Орлов и мама говорила, что он потомок крепостных. Наверное, это ее утешало. Он сидел и читал. Он никогда не отрывался от книги и, распознавая по звуковым эффектам, что мы уже сели, доставал, не отрываясь от книги, из огромного портфеля куб, шар и пирамиду из папье-маше, ставил их, не глядя, перед собой на стол и говорил нам: «Так, рисуем натюрморт, линейкой не пользоваться, сразу два поставлю, оценивать буду по теням». И продолжал читать. Я мучилась с тенями, которые с тех пор не люблю и игнорирую, и завидовала аккуратным, чистеньким натюрмортам моих одноклассников. Мои были мокрые от избытка воды, расплывчатые, грязноватые, бурые какие-то, а главное кубы и пирамиды у меня всегда были отчаянно кривые, кособокие, прямо перекошенные. Но он ставил пятерки мне, а не им, с презрением отодвигая даже безупречный листочек безупречной девочки Тани Жариковой, глядя на которую загадочное слово «прилежность» обретало смысл.

А потом был тот день моей жизни. Мы, как всегда, выстроились в конце урока к его столу со своими серыми художествами. Орлов, в очередной раз ставя мне загадочную и глубоко незаслуженную в глазах общественности пятерку, впервые поднял на меня глаза и сказал: «Тебе надо бы заниматься рисованием». Почти теряя сознание от счастья и гордости, я ответила, что уже занимаюсь. Он еще раз посмотрел на меня, отдал листок и сказал: «Хорошо». Хорошо! Еще бы не хорошо! Это значит, можно жить, это значит, меня приняли туда, куда принимают не всех, куда никогда не принимают и не примут всех, и только там можно жить, и только там я буду жить!

Я вышла из кабинета и стала спускаться, как пьяная, по лестнице. Вверх поднимался, перешагивая длинною ногами через две ступеньки, огромный старшеклассник. Не заметив меня, он, проходя мимо, прижал к перилам мою правую руку. Стало

больно, я выдернула пальцы. Три пальца оказались сломаны, и я долго не смогла рисовать.

Без проблем

Нет, у меня проблем не было. Никаких. Ничего такого. Ну, били. Но, во-первых, всех бьют. Во-вторых, надо же иметь причину. В-третьих, причины этой я не знал и оттого защищался слабо. А так, нет, мне никто ничего не говорил. У меня была нормальная советская семья, полная. У нас ведь есть полные и неполные, то есть официально счастливые и официально несчастные. Моя была счастливая. У нас все было, как у людей: двое детей, 5 лет разница, измученная хозяйством, работой и грубым мужем мама, мрачный, всегда всем недовольный отец, ну и черепаха.

Была у нас, однако, одна особенность. С анализами. Они были, но не те. Больше мне никто ничего не объяснял. Причем они были не те с самого начала, хотя я лично их, никуда не сдавал. Этими анализами объяснялись многие несправедливости моей жизни, например то, что в то время как другие дети могли бегать во дворе, я, из-за этих самых анализов, должен был зубрить французское условное наклонение, играть на скрипке и учиться в физико-математической школе. На все мои просьбы о помиловании мне неизменно повторяли: «учи, у тебя и так анализы плохие». Однажды, в детской поликлинике, я услышал, как доктор сказал маленькому мальчику, что его анализы прямо не узнать, и мама мальчика расцеловала и доктора и мальчика. Судя по всему, с моими анализами такой поворот событий не допускался. Мало того, их можно было даже ухудшить. Моя бабушка так мне и говорила: «Не усугубляй свою ситуацию», а мать отца упрекала маму за то, что та испортила ее сыну своими анализами анкету. Еще эта моя бабушка уверяла, что мама должна быть счастлива, что ее взяли замуж «несмотря ни на что». Мама старалась, но получалось неубедительно. Когда же я интересовался у мамы тайной наших с ней плохих анализов, мама только гладила меня по голове и трагически шептала «бедный ребенок». Когда я взялся, в классе этак шестом, за медицинский справочник, то обнаружил, что единственным диагнозом хоть как-то подходящим к моим анализам был диабет: мне вечно отказывали в сладком. Прочитав о страшных последствиях этой болезни, ранней смертности, гангрене и дурном запахе изо рта, я пришел в ужас, и мамини слова «бедный ребенок» обрели новый, чудовищный смысл. Стало очевидно, что когда взрослые мне без усталости повторяли «учись, а то тебя никуда не возьмут», имелось в

виду мое состояние здоровья. Моя тройка по физкультуре только подтверждала мое прозрение. Когда я, много позже, узнал истинную причину, то, в сравнении с надвигающимся диабетическим кризом, она не произвела на меня сильного впечатления. Евреем все-таки можно жить, особенно если хорошо учиться!

Владимир Савич

«Табуретка Мира»

Роман в рассказах

(окончание. Начало в №7/2012 и сл.)

Allegro moderato

Дирижер симфонического оркестра, внешне напоминающий актера из сериала Карл Маркс в молодые годы, сидел за инструментом и разбирал партитуру.

В дверь кто-то требовательно постучал. Дирижер взглянул на часы.

- Кого это черт пригнал в такой час? Работать не дают... - раздраженно заворчал он, щелкая входным замком.

На пороге стоял уважаемый лет пятидесяти человек. Широкополая фетровая шляпа. Дорогой кожаный плащ. Представительный черный кейс. Классический тип хозяина жизни.

- Лев Ефимович? - осведомился гость. - Капельман? Добрый вечер. Я к вам по делу.

И без излишних китайских церемоний незваный гость прошел в комнату. Игнорируя приглашение присесть, занял лучшее кресло. Любопытным взглядом осмотрел квартиру.

- Да. Неказисто живут у вас дирижеры, - печально покачал он головой. - Непрезентабельно. Квартирка темненькая, мебелишка никудышненькая! Ну что ж будем улучшать, укрупнять, причесывать, одевать...

- Укрупнять! - Лев Ефимович затряс головой, точно мокрый пес. - Я не понимаю, милейший...

- Сейчас поймете. - Гость, хлопнул себя по колену. - В нашем городе (визитер озвучил название населенного пункта, из которого он прибыл) недавно скончался дирижер симфонического оркестра. Слышали?

- Да, конечно, конечно. Редкого таланта был человек.

- На все сто! - согласился гость. - Однако же мертвым упокоение, а живым пробавление, так сказать, хлеба насущного.

- Это вы о чем?

- О том, уважаемый Лев Ефимович, что музыкальная общественность нашего города хотела бы видеть за дирижерским пультом оркестра вас! Вы молоды, талантливы, опять же из музыкальной, так сказать, династии. Ваш дед! О-го-го! Вот это место из Allegro moderato, - гость пропел музыкальную фразу. - Ведь в его в его исполнении это же просто фантастика! Нечто запредельное! Я бы даже сказал - криминальное!

- Дедушка мой истинно музыкальная вершина, - согласился Л.Е. Капельман. - А я так, музыкальный прыщик! Потому-то мне бы не хотелось выезжать на его имени. Достаточно того, что все вокруг только и говорят, что внешне я вылитый дедушка.

- Согласитесь лучше походить на деда, чем на соседа, - весело скаламбурил гость. - Потом, никто и не собирается вас вывозить. Вы же не стог сена какой-то! Ну как, согласны? По глазам вижу, что да! Тогда по рукам!?

- По рукам! - согласился Капельман.

- Тогда извольте черкнуть вот здесь ваши инициалы, - незнакомец вытащил мелованный лист с казенной печатью, шелкнул авторучкой. - И в путь-дорогу!

Лев Ефимович подмахнул контракт. Бросил в чемодан нехитрые пожитки. Купил билет. Дирижер был человеком замкнутым и необщительным, поэтому серебристый лайнер улетел без провожатых...

- Наш-то новый! Ничего себе! Не смотри, что молодой, а нотку чувствует и ритмик держит, - похвалила после первой репетиции нового дирижера скупая на слово первая скрипка оркестра.

Не прошло и месяца, как Льва Ефимовича уже превозносила не только первая скрипка, но и вся музыкальная общественность города. На костистом теле Льва Ефимовича завязался жирок. В портмоне завелись денежки, в записной книжке - любовные адреса, телефоны приятелей, но музыка! музыка в его жизни стояла на первом месте.

Как- то в полдень Лев Ефимович шел по городу и прокручивал в голове новую музыкальную вещицу. Ноги (в отсутствие занятой бемолями-диезами головы) затащили его к черту на рога. В грязный, темный, глухой район города. Капельман осмотрелся. Неподалеку пыхала неоновая вывеска "Resto Bar" Дирижер толкнул дверь заведения. В середине зала

стоял напоминавший гроб бильярдный стол. В темном углу Элвисом Пресли хрипел музыкальный аппарат. Ноздри щекотал неприятный запах прогорклого пива и застоявшегося табачного смрада.

- Извините, любезный, могу ли я заказать такси? - поинтересовался у бармена Капельман.

- Без проблем.

Бармен придвинул посетителю аппарат. Лев Ефимович выбил нужные цифры.

- Ждите - машина скоро будет, - пообещал милый женский голос. Дирижер, чтобы как-то убить время заказал пиво и сел за столик у окна. Не успел он пригубить бокал, как дверь заведения скрипнула. В зал вошел малорослый, грузный молодой человек с мутным взглядом и текущей слюной. Он заказал бокал пива. Осмотрелся и валкой медвежьей походкой направился к приграничному с "дирижерским" столику. Сдул пену. Отхлебнул. В нем проснулся оратор:

- ...это я сейчас му-му-ду-ду на дудочке играю. А раньше я знаешь, кем был?

Дирижером тайного симфонического оркестра... У меня там клонированные Моцарт с Рахманиновым играли! Такое, брат ты мой, выдавали! Ого-го-го!

Вскоре язык его стал заплетаться. Послышались какие-то бессвязные междометия, мы-гы-тры... Финал монолога ознаменовался страшным грохотом. Лев Ефимович обернулся. Человек лежал на полу, широко раскинув руки. Капельман устремился ему на помощь.

- Бросьте, бросьте, - остановил его бармен. - Не беспокойтесь, мы все сделаем. Вскоре подошел охранник бара, и "оратора" переместили на улицу. Работники вернулись в зал. Туловище, несвязно бормоча, осталось лежать под тенью развесистого дерева.

- А это кто? - поинтересовался Лев Ефимович.

- Да песнярик! Безобидный шиз! Сидит тут неподалеку у культового заведения. Милостыню просит. Бьет себя бубном по голове. На дудочке играет. Поет ту-ту-у-у-у. Точно паровоз гудит. Народ ему кое-какую мелочь бросает. Он попоет час-другой и заснет. Тут его конкуренты и потрошат. Иногда оставят ему немного серебра. В такие дни он идет сюда. Выпьет и начинает баянить, ну в смысле, гармонить свой бред.

- Вот так интермеццо! - скривился Лев Ефимович. - Вот так форт с пьяно! В консерватории, говорите, учился, а живет на улице!

- Ну, что вы, - успокоил Капельмана официант. - Квартирка у него тут неподалеку имеется. Он сейчас очухается малость и пойдет к себе. И, правда, не прошло и получаса, как "шиз", кряхтя, встал на ноги и побрел по пустынной улице. Лев Ефимович расплатился, вышел из бара и двинул за ним...

С этого дня жизнь Льва Ефимовича, как по взмаху чьей-то невидимой дирижерской палочки, сделала кругую модуляцию. Метаморфозу, приведшую в натуральный шок музыкальную общественность города. Все свое свободное (да и служебное) время Лев Ефимович стал посвящать уличному попрошайке. Снял ему прекрасную квартиру. Приличный дирижерский оклад и многочисленные гонорары пустил на костюмы от Гуччи, обувь от Версаче... новейшие лекарства. При этом сам стал одеваться в одежды, вышедшие из моды как минимум лет пятьдесят тому назад. Вечерами с неподдельным вниманием слушал его воспаленный бред о тайном оркестре и клонированном Бетховене.

- Зачем вы это делаете? - недоуменно спрашивали немногочисленные знакомые. - Ведь этот гардероб нужен вашему дурачку, как медведю лыжи! Неужели вы не понимаете, что от дебилизма не существует лекарств!?

- Не называйте его так. Вы его совсем не знаете. Он не дурачок, а гений... и то, что я для него делаю сущий вздор. Я перед ним в неоплатном долгу!

В ответ знакомые недоуменно разводили руками.

- Левушка! Ну куда ты пропал? - томно вздыхая, спрашивала Льва Ефимовича давнишняя знакомая. Я так соскучилась! Когда же ты обнимешь свою киску! Может быть сегодня?

- Я занят, - отказывался Лев Ефимович. - У меня встреча.

- Опять с этим придурком? Послушай Левочка, - Дамочка фривольно хихикала. - Может, ты сменил секс ориентацию?

- Нет, так дальше жить нельзя! Так можно поставить под удар график международных гастролей! - заявила как-то после сорвавшейся по вине дирижера репетиции духовая часть оркестра и продудела Льву Ефимовичу вульгарное доремидоредо. Духовиков поддержали струнники. В прессе замелькали подметные письма, наконец, Льва Ефимовича вызвал директор тетра.

- Лев Ефимович, дорогой вы мой, что с вами происходит? - ласково обняв дирижера за плечи, спросил он. - Вокруг вас ходят странные разговоры. Вы что, и впрямь дружите с шизом?

- Не смейте его так называть! - топнул ногой дирижер. - Он не шиз. Он гений!

- Очень может быть, но продажа билетов катастрофически низкая. Лев Ефимович, милый вы мой! Возьмите себя в руки! Вспомните чеховскую палату номер шесть! Ведь если так будет продолжаться и дальше, то я попросту буду вынужден отстранить вас от руководства коллективом. Все ваши предшественники, Лев Ефимович, покидали дирижерский пульт, только как говорится, вперед ногами! Не нарушайте традицию, Лев Ефимович. Не нарушайте! - Директор дружески хлопнул Льва Ефимовича по плечу и добавил: - с завтрашнего дня жду от вас улучшений. Однако дирижер не только не улучшил обстановку в оркестре, но и вовсе бросив работу, уехал с "песняриком" в зарубежную архисовременную клинику. Дня через три пришло сообщение о смерти песнярика, а за ним уведомление о самоубийстве дирижера. Лев Ефимович сбросился с балкона своего гостиничного номера. Л.Е. Капельмана быстренько схоронили. Повздыхали, покрутили у виска... Назначили нового дирижера и если бы не питавшая симпатии к дирижеру первая скрипка, то о Льве Ефимовиче и думать бы позабыли.

- Ну что вы в самом деле ходите, - болезненно скривился следователь, когда в очередной раз увидел силуэт первой скрипки оркестра. - Я же вам уже сто раз говорил, и еще раз повторю. Это обычное самоубийство. И предсмертное письмо - тому свидетельство. Сколько раз мы его уже с вами читали? Пятьдесят пять? Девяносто девять?

Первая скрипка молча кивнула головой.

- Ну, Бог с ним, прочтем в сотый - юбилейный! Следователь стал декламировать подчеркнутый желтым фломастером текст письма.

-... человек, которого многие называют песняриком, был моим сокурсником по консерватории. Из зависти к его таланту и неистребимого желания быть всегда первым, я убил этого человека. Он, каким-то таинственным образом выжил, а может, воскрес? (Следователь поморщился, точно разгрыз горошину черного перца). Я встретил его в этом городе в образе уличного попрошайки. Я пытался исправить ошибку молодости... В моей смерти прошу никого не винить.

Следователь снял очки, устало спросил:

- Ну и какого рожна вам нужно?

- Мне надо знать истину! Я навел справки. Дело в том, что Лев Ефимович ни с каким песняриком в консерватории не учился. Жизненные дороги Льва Ефимовича и этого несчастного никак и никогда не пересекались. Здесь что-то не так! В этом деле, выражаясь музыкальным термином, нет коды!

- Возможно, - согласился следователь. - Но есть и другой вариант. Сбрэндил ваш дирижер. Слетел с резьбы. Навыдумывал, черт его знает что! Вы ведь, творческие люди, большие мастаки по этой части.

- Очень может быть, - согласилась первая скрипка. - Но почему он это выдумал. Вот вопрос! Тут явно какая-то тайна.

- О! Это уже не ко мне, - замахал руками следователь. - Это к окультисту, магу, Гарри Поттеру, но лучше всего оставьте вы это дело. Все эти тайны, фантазии, легенды и прочая, прочая, поверьте моему опыту, доведут вас либо до цугундера, либо и вовсе не дай, конечно, Бог, до погоста...

Вскоре за этим разговором оркестр, которым некогда руководил Лев Ефимович, приехал на гастроли в заокеанский город.

После концерта известный когда-то музыкант (скрипач-виртуоз), пригласил к себе в гости первую скрипку оркестра.

- Прошу вас. Старый виртуоз ввел гостя в гостиную. Уютно потрескивали свечи. Огонь от камина плясал на фужерах бакарского хрусталя. Овальный стол был сервирован белоголубым мейсенским фарфором. Зажурчало разливаемое в бокалы вино. Застучали вилки и ножи. Зазвучали музыкальные термины: *модерато*, *тон*, *гармоника*...

- Вы сегодня несколько вульгарничали в *allegro moderato*, - дурашливо погрозил первой скрипке старый виртуоз. - В некотором смысле даже издевались: вот, мол, я какой! Хотя, положа руку на сердце, я и сам в молодости любил ввернуть вздорные, порою идущие против принципов отечественной скрипичной школы и противоречащие звуковым намерениями автора, новшества... не раз, знаете ли, били меня критики, но по счастью выжил. Чего не скажешь о вашем прежнем дирижере - Капельмане. - старый виртуоз горестно покачал головой. - Печальная, печальная история. Такой молодой человек и... Я ведь хорошо знал его семью. Вместе с его дедом учился в консерватории. Редкостного таланта был музыкант, ни к ночи будет помят, дьявольски мощного таланта! Да и ваш дирижер не без искры Божьей! Мощное, сбалансированное звучание оркестра. Тонкое понимание текста. Еще бы пару лет и это была мировая величина. Царство ему небесное. Земля пухом. Старый виртуоз поднял свой бокал, пригубил вино, коснулся батистовой салфеткой губ, спросил:

- Я слышал много версий его смерти, но что же произошло на самом деле?

- Не знаю, - ответила первая скрипка. - Вроде самоубийство, но какое-то необычное, странное... Видите ли, в последнее время Лев Ефимович вел себя, как бы это выразиться... Неадекватно. Пожалуй, так. Мне почему-то казалось, что он живет какой-то чужой, не своей жизнью. Это трудно объяснить, но после его встречи с этим несчастным в нем поселился другой человек. У него даже голос изменился! Проскальзывали слова, жесты, манеры, которые вышли из обихода лет пятьдесят тому назад. Творческий почерк Льва Ефимовича стал совсем иным. Как бы это выразится... м-м-м... сволочным, пугающим и при этом безумно интересным. Знаете, когда стоишь на балконе высотного здания и долго смотришь вниз, то возникает желание сигануть.

- Это прямо как у Ницше, - улыбнулся хозяин особняка. - Если долго смотреть в бездну, то бездна начинает смотреть на тебя!

- Истинно! Тянет, зовет, да так, что ты даже видишь свое исковерканное тело: вывернутые руки, размноженную голову. Вы знаете, а может быть мне только казалось, но ото Льва Ефимовича, особенно в последние дни его жизни, тянуло холодом бездны. Я даже хотел было предложить ему показаться моему знакомому психологу. Ведь за исключением этого несчастного "песнярика" он был по-настоящему близок только со мной. Хотел, но в итоге посчитал это неэтичным. Потом, ей-ей вряд ли бы ему кто-то помог. Я имею в виду физическое здоровье. В творческом же такое вмешательство могло бы, пожалуй, и навредить. Но это все лирика, а началось все с того...

И первая скрипка стала рассказывать историю Л.Е. Капельмана.

- Что вы говорите! - изумился старый виртуоз, как только прозвучал финал истории. - Этого не может быть! Просто чертовщина, какая-то! Мне кажется, вы правы, говоря о том, что он трансформировался в другого человека! Ведь то, что навешал на себя ваш дирижер. Ну, в том смысле, что он кого-то столкнул с высотного здания - это же все имело место много лет назад с его дедом и... впрочем, лучше я вам покажу фото героев той давней истории.

Хозяин встал, открыл створку массивного буфета, достал фотографический альбом, вытащил пожелтевшую от времени фотографию. Гость взглянул на нее, и в ту же минуту лицо ее сделалось белее столовой скатерти, руки задрожали, губы стали жадно хватать воздух.

- Что с вами!?! - изумился старый виртуоз. - Вам плохо!?

- Нет, нет, нет. Все хорошо! Не беспокойтесь, - сделал глоток вина, заверил хозяина гость. - Дело в том, что на этой фотографии запечатлен наш дирижер Лев Ефимович Капельман с тем самым попрошайкой-шизофреником!

- Да нет, что вы! Засмеялся хозяин. Этой фотографии, поди, уж лет...

- Конечно, конечно! Я понимаю, что это фото сделано не вчера и даже не год назад, но лица просто потрясающе идентичны.

- Вполне допускаю, - согласился хозяин особняка. - Более того, я даже думаю, что трагическая история, приключившаяся с вашим дирижером, как не выглядит это фантастически, и есть финал той давней истории.

Все, что произошло в те далекие уже дни, рассказал мне как-то бывший партийный руководитель нашей консерватории. Он эмигрировал лет тридцать тому назад. Жил тут неподалеку. Мы иногда за рюмочкой обсуждали нашу тамошнюю жизнь. Так вот, что он поведал мне перед своей, помяни господи его душу, кончиной...

В нашей консерватории трагически погиб студент. Молодой человек - дарования, я вам скажу, необыкновенного. Божественного, право слово. Упал с крыши высотного здания. Следов насилия на теле погибшего обнаружено не было, что дало основания квалифицировать дело как самоубийство. Ну, самоубийство - не убийство. Карать некого! Так вот наутро, - рассказывал мне секретарь, - приходит к нему дедушка вашего, упокой господи его душу, - старый виртуоз перекрестился. - Капельмана. И давай каяться. Тогда ведь у нас партийные секретари вроде церковных батюшек были. Так, мол, и так, товарищ секретарь, никакой это не суицид, а самое, что не наесть настоящее убийство. И совершил его я.

- Как ты!?! Ведь вы же были друзья, что называется, не разлей водой! - изумился секретарь. - С чего тебе его было убивать!?!

- Из зависти и желания быть первым! - ответил дедушка вашего дирижера.

Секретарь изумленно спросил:

- И как же ты это сделал? Ведь он упал с крыши высотного здания. Ты что его туда, силком, что ли затащил?

- Нет, не силком. Я все рассчитал. Придумал какой-то праздник. Ну, как водится за праздник нужно выпить. Я предложил, мол, давай поднимемся на строящуюся высотку. Выпьем и пейзажем полюбуемся. Оттуда такой вид - закачаешься! Поднялись. Выпили. Я его легонько так и подтолкнул в пропасть,

а сам, как ни в чем не бывало, вернулся в общежитие. Думал, что легко переживу это преступление, однако, всю ночь чертики кровавые перед глазами скакали. Нет не смогу я с такой ношей жить.

- Я, - говорил мне секретарь, - где-то слышал, что мессию должен родить мужчина. Так вот в те минуты я думал, что я именно тот мужчина и есть. Такие у меня в животе случились колики. Это же не просто убийство! Это же ЧП.

- Слушай, - сказал ему секретарь, немного очухавшись. Ты того, посиди пока здесь, а я скоро вернусь. И побежал секретарь в НКВД, к тамошнему партийному деятелю - давнишнему своему приятелю.

- Вышак пареньку твоему ломится, - выслушав рассказ, авторитетно заявил НКВДист. Ну, и тебя соответственно по головке не погладят и орденом, как сам понимаешь, не наградят. Ты, давай посиди пока здесь, а я схожу к руководству - посоветуюсь. Может мы чего, и решим в его, твою и нашу всеобщую пользу. Ты же ведь говоришь что он талант, гений, а нам ими швыряться, как ты понимаешь, не годится. Гениальный исполнитель - это, брат, валюта! Кроме того, и дельце у нас одно интересное намечается.

Я думаю, - внес свое дополнение старый виртуоз, - что он с лихвой затем отработал свое прощение. Концертировал он во всех крупнейших театрах мира. Оставил после себя гигантское количество записей. Впрочем, *revenons a nos moutons*, то есть секретарям. Минут через пятнадцать секретарь НКВДистов вернулся и говорит:

- Айда! Показывай мне своего Раскольниковца, я с ним побеседую.

Консерваторский секретарь запер их в своем кабинете. Часа два они там толковали. - О чем они так беседовали, того я сказать не могу, но думаю, что уговорил он новоявленного Сальери молчать...

Через какое-то время его перевели в столичную консерваторию. Он пришел ко мне попрощаться.

Стал у окна. Долго молчал, потом говорит.

- Лучше бы я к вам не приходил, а сразу наложил на себя руки.

- Ну, ну, - принялся успокаивать его секретарь. То, что произошло, то произошло. Нужно продолжать учиться, жить...

- А кто же за все за это ответит? - требовательно спросил Раскольников-Сальери.

- Ты талантливый человек, - ответил ему секретарь. - Можно сказать музыкальный гений. Тебя, я уверен, из-за этого и простили! А ответят? Те, кому надо, тот и ответит!

- Внуки мои ответят, - мрачно предрек гений и вышел из кабинета.

Секретарь усмехнулся и бросил ему вдогонку:

- Ты вначале детей заведи, а уж потом о внуках думай.

На следующий день в молодежной газете были опубликованы материалы дела о злостном убийстве талантливого юного дарования. *"Троцкистско-зиновьевские собаки покусились не просто на личность, писал журналист-молодежник. Они подняли руку на молодое советское искусство!"* Вот такая невеселая история, - старый виртуоз красивым жестом тронул свои седины. - Впрочем, не будем о грустном. Давайте-ка, я вам лучше свою оранжерею покажу! Я, знаете ли, увлекся цветами на старости лет. Они безгрешны как ангелы и дети. Пойдемте, я вам их покажу...

Они вышли из зала. Проворный слуга принялся убирать стол. Вскоре на нем осталась лежать только фотография, с пожелтевшего глянца которой на опустевшую комнату смотрели красивые, счастливые, улыбающиеся молодые люди...

Год, век, вечность

1

Он часто заходит в этот магазин старых пластинок на многолюдной улице большого города. Ему нравится перебирать пожелтевшие, истрепанные конверты, вглядываться в фотографии знакомых певцов на обложках. В этом есть что-то от случайной уличной встречи с давно позабытым школьным товарищем. Огорошенный, вы мучительно силитесь вспомнить, кто бы это мог быть? Вы до предела напрягаете свою память, вслушиваетесь в прокуренный, глуховатый говор собеседника и вспоминаете "Ба, да это Юрасик из 10-б, рубаха-парень, сорвиголово, вождь мечта старшекласниц. Придя в себя от этого открытия и оправившись от конфуза, до вас вдруг доходит ... " Эх, брат, эко потрпало нас безжалостное время"...

Больше всего его знакомых находится в секции Rock, с нее он обычно и начинает, но сегодня решил полистать раздел "French music".

Пластинка Эдит Пиаф такая старая, что на ней даже истерлась дата выпуска. Шарль Азнавур - диск, датированный 1963 годом.

Мирей Матье, Далида - "пласты" выпуска начала семидесятых. Он уже отходил от стенда, как взгляд его привлекла пластинка "Джо Дасен" Запись 19..., последующие цифры были замазаны черным фломастером. Фотография тоже выгорела, но на ней все еще была видна застенчивая белозубая улыбка и вьющаяся мелким бесом копна волос. Когда-то он видел такую же пластинку, держал её в руках, завидуя кучерявой бестии, глядевшей на него с глянцевої поверхности конверта. Но было это далеко и от этого магазина, и улицы, и города, и страны, совсем в другой, потерянной навсегда жизни. Но ведь что-то же осталось в памяти. Но что? Почти ничего. "Хрущовка" на окраине. Запах кислой капусты, горелого лука...

Он, не раздумывая, отдал названную продавцом сумму и, не задерживаясь более на этой "ярмарке вчерашнего дня", отправился домой...

Дома он сварил кофе. Добавил в чашку немного коньяку...

Алмазная игла легла на шершавую черную поверхность. Плавающим гитарным звуком наполнилась квартирная тишина.

Tu sais, - сказал певец.

2

- Ты знаешь, - больше всего я люблю розы, мороженое и Джо Дассена, - сказала она ему в первый день знакомства. Они познакомились на институтской вечеринке, и он вызвался проводить её до дома. Они шли по шумному проспекту. Он - не лишенный привлекательности молодой человек, одетый в лишенную модельером самобытности куртку. Она - стройная эффектная блондинка, укрытая в черный кожаный плащ, отражавший блики уличных фонарей.

- Мороженое я тоже люблю, правда, сливочное и к розам вроде бы не имею заметного негатива. Но я не понимаю, как можно любить Джо Дассена! - возразил он. - Другое дело Заппу, Дилана или на худой конец Лео Самерс, но Дассена! Все эти "Елисейские поля", " Индейские лета". "Си тю не экзистэ па" Это же дикий эстрадикус советикус. Да и внешне он напоминает скорей нашководившего бесенёнка, чем певца.

- Неправда, - решительно возразила она. - Он милашка! Он шармер! Не чета некоторым, - и она с усмешкой скользнула взглядом по его унылым мокрым башмакам. - А какой голос! Мягкий, обволакивающий, глядящий и чуть шероховатый, как велюр. А какой у него французский язык! Боже, какой язык!

Французский язык! Лицо его сморщилось на манер печеного яблока. Разве это язык? Другое дело английский - герб, фейс, флет, фак. О! Пардон я кажется, увлекся.

- Ничего, - успокоила она. Ты так говоришь, потому что не знаешь французского.

- Кто? Я не знаю! - воскликнул он. - А что его знать: седуксен, пермедол, закидон и шерше ля фам. Вот и весь французский!

- Да, это вполне богатый задел для предметного разговора о тонкостях французской речи, - ответила она с саркастической улыбкой. Она имела право на сарказм, французский для неё был как родной. Учила его в спецшколе, и сейчас в институте иностранных языков...

Осенний вечер переходил в ночь. Свет автомобильных фар скользил по мокрому дорожному полотну, отчего дорога походила на огненную реку...

- А вот и мой дом, - сказала она, указывая на серую в подтеках девятиэтажку.

- Пока, - бросила она на прощанье. И звук её шагов стих в подъездных сумерках.

- А она очень даже ничего, - подумал он, поворачивая к остановке. - Только с таким куртецом... И он с ожесточением страхнул с рукава мокрый желтый лист. - Шансы мои сведены практически к нулю! Розы и мороженое за неимением франков, долларов и банальных рублей отпадают автоматически. Стать Дассеном...

И он перерыл музыкальные и кино журналы.

Дассен, писали там, родился в известной артистической семье. Рос в богемном окружении. В доме всякий вечер - джаз и артистическая тусовня. Окончил университет в Мичигане. Изучал иностранные языки. Санскрит и, кажется, русский. Писал для "Плейбоя". Снимался в кино, но бросил и неожиданно запел мягким, сочным речитативом, который сводит с ума детоспособного возраста женщин и чиновниц от советской культуры. "И здесь вы, "пролетарий над Парижем" - усмехнулся он, закрывая последнюю страницу. Что вы - лицо с отсутствующим прошлым и сомнительным будущим - можете противопоставить такому сопернику? - мучил он себя вопросами. Писать для "Плейбоя", когда даже за его хранение можно получить приличный срок!? Изучать санскрит? Но где достать учебник, если даже букварь продают по справке ГОРОНО.

В итоге, содрав с дрянной магнитофонной записи гармонию и слова нескольких Дассеновских песен, он спел их на вечеринке, которую в небольшой компании отмечали у нее дома.

Et si tu n'existais pas - перебирал он гитарные струны.

- J'essaierais d'inventer l'amour

Грустная улыбка лежала на ее губах.

- Naotre les couleurs du jour Et qui n'en revient pas. - отчаянно грассируя, закончил он.

Пластиночный портрет, глядевший на него из-под стекла книжной полки, скривился в иронической улыбочке.

Гости хлопали и уверяли, что он поет лучше оригинала.

Неплохо, - сказала она. И что интересно, в твоём произношении есть нечто бельгийское.

Это была его маленькая победа над большим французским сердцеедом. Нужно было не мешкая развивать и углублять прорыв. Он взял в руки краски и кисти.

- Тебе на память, - сказал он, разворачивая выполненный им портрет Дассена.

- В твоей манере быстрых и сочных мазков есть что-то от импрессионистов. Что-то светло-печальное - рассматривая портрет, сказала она. - Но я не пойму, почему у Дассена черты твоего лица?

- Ты права - это не совсем портрет французского шансонье. Это... - Он перешел на французский. - C'est ma fantaisie.

Прощаясь, она впервые за время их знакомства поцеловала его.

И это поцелуй мог означать только одно. Он выхватил стратегическую инициативу у кучерявой французской бестии.

Но тут же последовало два крупных поражения.

В купленной им для неё новенькой запечатанной пластинке Джо Дассена оказалась запись речи Л.И. Брежнева, произнесенной им перед рабочими завода им Лихачева. С трудом и с жуткой переплатой добытые у кассы театра два билета на концерт Д. Дассена в Москве дома оказались клочками меловой бумаги.

Сломленный, раздавленный неудачами он решил порвать эту ни к чему не ведущую связь. Стороной обходил её дом, перестал звонить...

С последней их встречи прошло уже порядочно времени, он уже стал забывать об этом глупом увлечении и бессмысленной борьбе с кудрявым шансонье, но как-то летним утром в одной из новостей, передаваемых "Свободой", он узнал о смерти Джо Дассена. Тогда он решил позвонить ей, но телефон, издавая протяжные гудки, молчал. Он ходил под её окнами, но окнами смотрели на него немymi зашторенными стеклами.

А назавтра он узнал, что и её больше нет. Она умерла. Как? Никто толком не знал. По городу курсировали небылицы одна затейливей другой. Его даже вызывал следователь...

- Колись, парень. Иначе у тебя могут быть неприятности, - увещал его колючеглазый опер.

- Они у меня уже есть, - грустно отвечал он.

- Но они могут перерасти в О-о-очень серьезные. А ты еще так молод. Так молод! - Следователь с опечаленной завистью качал плешивой головой.

- Лучше бы проиграл я, - ответил он тихо.

- Что ты сказал... - Но опера перебил вошедший в кабинет дежурный по РОВД и положил на стол сыщика ученический листок.

Следователь провел по нему взглядом. Повертел в руках. Проверил на свету. Потер пальцами и, подшив к следственным бумагам, хранившимся в пухлой папке, запер в огромный в полстены сейф.

- Ништяк, студент, пока свободен. Опер хитро улыбнулся и указал на дверь.

Позже он узнал, что было на том ученическом листке, даровавшем ему свободу.

"On ira oц tu voudras, quand tu voudras

Et on s'aimera encore lorsque l'amour sera mort"

Вот так, строчкой из знаменитого Дассеновского шлягера, все стало на свои места. И стрекотом пишущей машинки судебного секретаря была поставлена последняя точка в уголовном деле по факту самоубийства...

3

День похорон выдался жарким и безоблачным. Выгоревшее от жары солнце с трудом пробивалось сквозь насыщенную зелень росших на кладбище деревьев. Было тихо. Изредка ветер доносил шум трактора и голоса людей с ближнего от кладбищенского двора поля. Кипели уборочные работы. Но ничто не нарушало торжественного спокойствия смерти - ни тракторное тарыхтение, ни птичий щебет, ни сочувственный шелест листвы.

Он ушел со двора, как только услышал, напоминающие бетховенские аккорды, глухие звуки падающих на гробовые доски комьев сухой земли. Пыльной дорогой шедшей меж выгоревших листов кукурузы он пошел к трамвайной остановке. О чем думал в те тягостные минуты: о жизни, смерти - сегодня он уже этого не помнит, но помнит, как сидя у трамвайного окна, он увидел на горизонте, вылинявшего летнего неба, плывущие на встречу, друг другу два темных облака. "Может быть, одно из них - это она" - подумал он. Ночью над городом разразилась гроза...

"De ce que je t'ai dit ce matin-la
Il y a un an, y a un siecle, y a eternite"

Песня закончилась. Иголка забежала за границу звуковой дорожки. Пластинка отчаянно зашипела.

"Ты помнишь, когда это было? Всего лишь год назад, век, вечность..." - спросил он певца, с грустной улыбкой глядевшего на него с пластиночного конверта, и выключил проигрыватель.

Пора, пора, порадуемся...

Рождественские праздники смены веков в североамериканском городе Маниуполисе выдались на редкость теплыми. "Апокалипсис!" - кричали предсказатели. "Last days!" - поддерживали их вещатели. Обыватель клевал на эту лапшу, как карп на кукурузу, и косяком валил в многочисленные апокалипсические секты. Партийные интеллектуалы, напуганные перспективой потери значительной части электората, жарко дискутировали и вырабатывали новую национальную идею, а пройдошливые олигархи втихаря рыли хитроумные антиапокалипсические бункера. Аранжировщик Филипп Киряев ничего не рыл и ни с кем не спорил, он лежал на кровати и думал: "Нет, убей меня гром, но вчерашние контрабандные виски были далеко не виски. От виски так в висках наутро не свербит и в суставах не крутит. Натуральный сахарный первач - хуже всякого апокалипсиса! Ни жить, ни работать не хочется!"

А работать было надо, ибо на попитре и так уже лишних два дня лежал заказ от русских лабухов городской подземки. Киряев тяжело вздохнул. Встал. Ополоснул небритую поверхность лица и присел к инструменту. Однако ко второму такту дело застопорилось, а к четвертому и вовсе бекарнулось. "Лечиться!" - воскликнул аранжировщик и выдернул шнур из розетки.

Умная машина с радостью откликнулась на это предложение (с таким колотуном в суставах пользователь мог запросто нанести ей непоправимый вред) и, затрещав контактами, быстро погасла...

По дороге в пивбар Киряева застал снег. Крупные снежинки, медленно кружась, падали на еще теплую землю и умирали, превращаясь в грязное месиво. "Первый снег нового века, как поэтично. Надо бы окучить эту тему", - подумал Филипп, присаживаясь за столик.

В пабе "Аквариум" все было как обычно. Кадушки с широколиственными искусственными растениями. Жирный, лоснящийся как морской котик, бармен. Полыхающий огоньками

музыкальный автомат. Вялые, безынициативные посетители и мигающая рождественской звездой синтетическая елка.

Киряев с сердечной тоской смотрел на эту картину и размышлял: "Родина джаза. Цитадель рока и такая убогая фантазия. Ну и народ! Никакой импровизации! Мертвое царство! Ни звука, ни пука! Автомат разбить, что ли, или бармену пятак начистить? Нет, не поймут. Не оценят. Полный голяк. И зачем я только сюда рвался, бодая башкой железобетонные стены и чугунные портьеры. Непонятно-о".

Прошла минута, пиво не несли. Киряев принялся выстукивать по столу грозную дробь. Бармен, зачуввав недовольство, обнадеживающе улыбнулся.

- Ты лыбу мне не дави. Ты пиво носи, ихтиандр недоделанный! - зло пробурчал Киряев.

Вскоре появилось пиво. Надо признать, здешнее пиво так себе: вкус не тот, плотность слабоватая. Спасает только одно: шумит и пенится оно как настоящее. Киряев сделал убедительный глоток и продолжил размышления: "И раки тут есть и кальмары. Барменши ничего, но чего-то все-таки тут определенно не хватает. У нас бывало в ЦП ни раков, ни ивасей. Разливищицы - что тигровые акулы: сунь палец, оттяпают руку, и при этом простой, приветливый народ: Валера Леший, Ваня Домовой. Рыла свиные, воняет как от китобойного судна, а заговорят - Плевако отдыхает. Что ни мысль, то глыба. Кантовская глубина! А кругозор? Большая Советская Энциклопедия! "Roland" бы отдал, за встречу". Киряев тяжело вздохнул и с тоской глянул на входную дверь: "Брось чудить, в этом "болоте" не то, что чуда, чука (драки) приличного не дождешься!"

Он уже отводил взгляд от стеклянного квадрата входной двери, как дверь неожиданно отворилась, и на пороге возник весьма странный субъект. Одет он был в старомодную, эпохи кооперативов и индивидуальной трудовой деятельности, "Аляску". На голове имел мохнатую шапку, что называется, из "ондатровой собаки" и прозываемую в здешних краях "Федорой". За спиной посевероамерикански крупный брезентовый рюкзак, а на ногах "подбитые" серебристой фольгой спортивные борцовки. Адаптировавшись к мутному "аквариумному" освещению, человек заказал пива и двойную порцию итальянских сосисок с зеленым горошком. Киряев с нескрываемым любопытством смотрел на посетителя, в котором легко угадывался эмигрант, скорей всего соотечественник.

Вскоре принесли пиво и сосиски с зеленым горошком. Человек поднял бокал, внимательно изучил пенную усадку и,

оставшись доволен разливом, приступил к сосискам. Поиграв ножом, решая, очевидно, какой из двух быть первой пущенной под лезвие, он остановился на колбаске, лежащей по его правую руку. Выглядела ли она более аппетитно, или это была рука providения, неизвестно. Выбор был сделан и итальянская свиная колбаска, еще, может быть, несколько дней тому назад бывшая мило похрюкивающим существом с розовым пятчком и крученым хвостиком, жалобно пискнув, под лезвием мельхиорового лезвия развалилась на две истекающие жиром половинки. Вид льющегося тука раздражил человека до неистовства. Зрачки расширились, руки задрожали. Даже щетина на его "Федоре", как показалось Киряеву, встала дыбом, а брезентовый рюкзак рельефно округлил бока. Едок отбросил нож и принялся длинными музыкальными пальцами сдирать с колбаски её непрочные доспехи и проворно отправлять аппетитно курящиеся куски под свои мощные крепкие белоснежные клыки и резцы.

Вскоре от сосиски остался лишь жалкий целлофановый хвостик, на который с ужасом взирала ожидающая своего часа оставшаяся на тарелке соседка. Она как будто даже напряглась, как бы готовясь дать отпор, жадному едоку, но что она могла противопоставить, эта небольшая начиненная мясным фаршем крепость: ну соскользнуть раз-другой с вилки, ну обжечь едока горячим жиром. Разве это могло что-то изменить в её судьбе? Правильно, ничего. Поэтому от нее не осталось даже и хвостика! Человек слегка отстранился от стола, сытно икнул и осоловевшим взглядом нажравшегося кота, осмотрел картину учиненного им сосисочного погрома. Затем победитель свиных колбасок поднял пивной бокал и стремительно перелил его содержание к себе в желудок.

Ох уж эта человеческая память - засушенный цветок ли, пожелтевшее ли письмецо, жест ли, улыбочка... будоражат наши воспоминания и возвращают к жизни давно минувшие дни. Такой глоток мог сделать только один человек на свете, и человека этого звали Вениамин Лосик...

Железнодорожная станция областного города Незнамска была типичным образчиком коммунистического вокзалостроения. Желто-грязное здание с облупившимися колоннами, а в нем билетная касса, киоск "Союзпечать", длинный ряд изъезженных задами деревянных скамеек и ресторан, прозванный незнамцами "Свиное рыло".

Все это, в сочетании с резким запахом хлора из общественного туалета, паровозными гудками, диспетчерскими объявлениями, создавало настроение дороги, атмосферу встреч и

расставаний, иллюзию насыщенной и живописной жизни где-то там, за поворотом, за серой линией железнодорожных пакгаузов. Поскольку как в самом городе Незнамске, так и в его привокзальном ресторане жизнь была скучной и унылой, как железнодорожные шпалы.

Казалось, так будет всегда. Но! Но все преобразилось в ресторанном зале, когда здесь обосновался муз. коллектив "Голубой Экспресс", когда минорную тишину общепитовской точки разбудил хриплый баритон певца Вениамина Лосика. Это был еще молодой, но уже довольно потасканный полными блондинками и фруктовыми суррогатами человек. Мастер вокальных импровизаций и сомнительного свойства финансово-деловых комбинаций. В тонких чертах лица и осанке В. Лосика вы могли найти что-то от римского патриция времен упадка империи, а в манерах и лексиконе легко угадать станционного обходчика эпохи развитого социализма.

Но не этот симбиоз бича и шляхтича принес Вене симпатии ресторанной публики. Успех таился в вокальном, а главное фотографическом сходстве Вени с певцом Михаилом Боярским. Впрочем, все эти детали не так уж важны. Важно другое, а именно то, что с появлением Вени обреченный на безвестность ресторан, неожиданно стал самым посещаемым местом в городе. Кроме того, в смехотворно короткие сроки, было обновлено вокзальное здание, и на облицованные мозаикой колонны с опаской писали даже привокзальные псы! Между жившими некогда в мире и согласии городскими швейцарами, начались нездоровые трения за получение "хлебного" места в гардеробной популярного ныне ресторана. Официантки давали трехзначные взятки, а на "сытную" директорскую должность претендовали даже райкомовские работники!

...Пока, пока, - неслось по стонущему в экстазе залу. - ...Пора, пора, порадуемся, - летал Венин голос вдогонку строительным поездам, уходящим на восток и вослед эмигрантским составам, убегающим на запад. И это незамысловатое "Пора, пора порадуемся..." звучало как оправдание выбранной цели, как залог будущего счастья: где-то там, за поворотом, за серой линией железнодорожных пакгаузов.

Обгоняя поезда, бежали годы. Мели метели, звенели капли. Летом на вокзальной клумбе зацвели "городские цветы" и "листья жгли" (популярнейшие песни М. Боярского) сырыми осенними вечерами на близких к станции огородах. Неизменным было одно - ежевечерне поющий Вениамин Лосик. Казалось, так будет всегда, но ничто не вечно под луной, а тем более под

ресторанной крышей. "Что это, зоопарк?" - изумился Лосик, получая как-то на "парнас" банкноты с изображением зайцев, медведей и кабанов. "Вениамин Лосик художник, а не зоотехник!" - кричал солист "Голубого Экспресса" и щедро тратил поднятых "лосей" на отходную. "Пора, пора, порадуемся!" - спел Веня с подножки спального вагона и исчез за поворотом, за серой линией железнодорожных пакгаузов...

- Веня! - радостно воскликнул Филипп. Человек в "Федоре" оглянулся:

- Филя? Кирик? Ну, я качую! - с рок-н-рольной хрипотцой воскликнул солист Лосик, и живописно завис на груди бывшего клавишника "Голубого экспресса".

- Ну, как ты, чувак? - оторвавшись от приятельской груди, продолжил Веня. - Покажись. Ну что сказать - хорош, колоритен. Лабаешь?

- Да есть немного, - ответил Киряев.

Дальнейший разговор, как водится среди людей, давно не видавших друг друга, состоял из вздохов, ахов и профессиональных слов: лабня, жмур, кочум и парнас. Вскоре запас воспоминаний иссяк, их ведь у лабухов, по сути дела, не так уж и много (количество выпитого, сыгранного, перепробованного), и разговор потихоньку скатился в рутину повседневности.

- Ну, по кровавой Мэри! (водка с томатным соком) - воскликнул аранжировщик. - Или шампанского!

Веня на мгновение задумался.

- Да не тушуйся ты, - подбодрил его Киряев, - я башляю.

- Нет, лучше пиво. Я местное шампанское не того, верзвое оно какое-то.

- Да тут все верзвое! - воскликнул Киряев. - А пиво? Разве ж это пиво! Урина это, а не пиво! Да, что говорить, тут даже и полынь не растет!

- Не шахни, сосиски тут ничего!

Киряев неопределенно качнул головой. Друзья сдвинули бокалы.

- Ну, как ты? Давно здесь? - отдышавшись, поинтересовался аранжировщик.

- Да около года, - протянул Веня.

- Как года! Ты же еще в начале 90-х тронул. Где ж ты отирался все это время?! - изумился Киряев.

- Лучше сказать, где меня не было, - бывший солист "Свиного рыла" тяжело вздохнул. Жил в Польше. Торговал электрическими лампочками. Пел в Кракове под аккордеон шлягер "На Варшаву падает дождь". Творческий и пенензовый крах, и как

следствие, нелегальный переход польско-германской границы. Не поверишь, Филя, но в меня стреляли! Отделался легким ранением в область головы. Вот сюда, - Веня снял "Федору". - Весь в колючках, грязи и пороховой копоти предстал пред жандармским управляющим. Филя, если бы ты видел его цуру! Если б ты видел тот фейс! Поверь, я даже пожалел, что меня не грохнули при переходе тамошние "карацупы". Жил в Берлине, Мюнхе. Приторговывал автомобильным хламом и пел под шармань "День Победы", за что был жестоко бит местными пацифистами в кованых ботинках. Потом Париж! Ну что тебе сказать за Париж. Противоречивый город. В нем есть все плюс 256 сортов сыра. Теперь скажи, на кой такому городу еще и такой поц, как Веня Лосик! Год сижу здесь. Как добрался, лучше не спрашивай. Как живу, - Веня горестно вдохнул. - В полной тохес, чувак. Полной! Поначалу подался в беженцы. Но КГБ давно уже не канает. Религиозные притеснения интересны разве что "Адвентистам седьмого дня", да и то да первого собрания. Можно было бы проканать по еврейской линии, но из идиша я знаю только поц и тохес, а из иврита не знаю даже и этого. Ну и что ты прикажешь делать с такими данными творческой личности в мире чистогана с вывернутыми карманами? - Веня вопросительно взглянул на Киряева. Филипп незвучно зашамкал губами. - Правильно, - остановил его Лосик. - Есть два варианта. Первый малопривлекательный, но перспективный, а именно, податься в сексменьшинства. Но это пока в стадии разработки. Ты, кстати, женат?

- Нет, - ответил Киряев.

- Ситезуешь?

Филипп сделал обиженное лицо.

- Ну, в смысле гражданство имеешь?

- Да вроде как...

- Отлично! - воскликнул Лосик.

"Надо будет менять флэт, и заблокировать телефон", - подумал Киряев, прекрасно понимая, куда клонит этот мастер жизненных импровизаций.

- Ну и второй, - продолжил Лосик, - более привлекательный, но менее перспективный. То бишь, поджениться. Пока выбрал второе.

- Дамочка из наших? - полюбопытствовал обрадованный аранжировщик.

- Ну, ты даешь чувак! Наша - верный голяк! Разденет без всяких перспектив.

- На тутошной! - изумился Филипп. Веня утвердительно качнул мохнатыми ресницами.

- Ничего?

- Как тебе сказать, вроде ничего. Только "левая" немного.

- Коммунистка? - воскликнул подзабывший былые определения Филипп.

- Хуже брат! - буркнул Лосик. - Куда как хуже!

- Сексуальные аномалии, - Киряев хитро подмигнул.

- Не совсем так.

- А что ж?

- Стремительно развивающийся отъезд на почве маниакального преследования здорового образа жизни.

- А чё это?

- Да хрен его знает. Что-то вроде вегетарианства. Конкретней - фортиссимо хвощей и полный бекар на бацилу (мясо). Вполне стал соответствовать своей фамилии, еще немного и откину копыта. Пустой желудок разжижает кровь и нарушает творческую деятельность!

- What problems! - удивился Филипп.

- А куда денешься, бумаги позарез нужны. Без ксивы, старый, только открытый космос. Вот и кушает Веня - "туфю".

- Это еще что за феня такая!? - удивился аранжировщик.

- Туфя, Филя, - Веня поморщился, - как тебе объяснить.

На вид не описать, на вкус - не за столом будь сказано. Короче, хуже лабни без парнаса! - И бывший солист ансамбля "Голубой экспресс" сделал кислую мину.

- А это что, бунт плоти? - и Филипп указал на целлофановые ошметки.

- Отличный вопрос! Меткое сравнение! Незнамская школа! - восклицал Веня. - Отпросился пописать, пока моя "гну" стоит в очереди за экологически чистым сеном!

Несколько минут он молча глядел за окно, где выглянувшее из-за облаков солнце с аппетитом пожирало снежные хлопья нового столетия.

- Ops! А вот и моя антилопа чешет. Сейчас буду отшинкован, по самую кочерыжку! - испуганно вскричал Веня Лосик, увидев за стеклом сухопарую даму в мужских байковых шароварах.

- Let me introduce you to my friend Phil, hundred years, hundred winters, так сказать, не виделись.

Дама была представлена аранжировщику. Это была средних лет женщина с тяжелым выступающим подбородком, печальным коровьим взглядом в бесцветных глазах и

полиэтиленовым, забитым пучками травы, пакетом в руках. Она и впрямь походила на африканскую саблерогую антилопу.

- Pleased to meet you here, - дама протянула свободную руку.

- Me too, - Киряев пожал костистую, как птичья лапка, женскую ладонь.

Филипп хотел, как водится, сказать о погоде, скидках на рождественскую распродажу... - What is this, - оборвала его дама и указала на вкусно пахнущие сосисочные останки. Шансы на иммиграционные бумаги, стали стремительно падать. Веня неожиданно приосанился, лицо его окрасилось легким румянцем, голос окреп, глаза засверкали. Киряеву вдруг показалось, что сейчас Лосик взгреет эту вздорную антилопу и за туфю, и за салат из ботвы, и за отсутствие ивасей, и искоренения полыни из местной флоры... Но Киряев глубоко просчитался.

- Да я только горошек, душа моя, колбасу вот он кушал! - воскликнул Веня, указывая антилопе на опешившего товарища. Я ему говорю "it's not good it's not good", а он мне - "delicious, delicious", еще и меня упрашивал съесть. Насилу отбился!

Филипп хотел возмутиться, потом подумал: "Да будет с него. Какой с контуженного спрос!" Веня говорил еще довольно долго, но уже больше терминами и определениями, которым мог бы позавидовать лектор-диетолог из общества медицинских знаний. Вненациональные слова: туфю и килокс использовались В. Лосиком только с английскими прилагательными в превосходной форме: more then и Best of, а русские борщ и сало с отрицательными частицами no, never. Блистательный спич был закончен "глубокомысленным" афоризмом: "Скабрзное берло, чувак, мешает тонкости восприятия мира!" Дама была удовлетворена. Шансы на иммиграционные бумаги спасены.

Киряев согласно закивал головой и подумал: "Эко тебя, братан, зацепило!" В этом соглашательском кивке Венина сожительница, очевидно, узрела акт глубоко покаяния, и предложила Киряеву тотчас же откусать у четы рождественской "Туфи".

- Поехали, май фрэнд, поверь, не пожалеешь. Лорен (Веня указал на саблерогую антилопу) из этой самой туфи такие кренделя выписывает, поца с два ты где съешь такое. А салат с ботвы! Блеск, я тебе отвечаю. Морса выпьем - ячменный колос с лимоном. Обычно мы пьем его на ночь, но по такому случаю бухнем в обед. Я тебе еще и "скидочный" купон на килокс подарю.

Киряев представил себе весь этот арсенал блюд и напитков и категорично отказался.

Друзья стали прощаться. Дама пошла к выходу.

- Правильно сделал, что бекарнул, - негромко сказал В. Лосик. - Три дня, как минимум, блевал бы, а то и больше. Ну, я побежал. Я тебе на днях позвоню, - и, напевая мотив песни "Пора, пора, пора, порадуемся на своем веку...", исчез за поворотом, за серой линией кирпичных домов.

"Сегодня же надо начинать искать новый флэт и тотчас же блокировать телефон", - решил Киряев.

Спустя несколько минут стол был пуст, протерт антибактериальной салфеткой и о неожиданной встрече уже ничего напоминало. Лишь в шершавых, как вохровский тулуп, саксофонных нотах, доносящихся из муз. автомата, угадывалась мелодия старомодного шлягера: "Пора, пора, порадуемся..."

Аббатская дорога

Пролог

Когда Валентин был ребенком, он, кажется, любил осень. Впрочем, он вполне нормально относился и к зиме и к лету. Младенческая жизнь очаровательна тем, что в ней нет пристрастий. Маленькому человеку решительно все равно, падает ли за окном снег, или теплый летний ливень барабанит по дряблой коже асфальтных луж. Но детство заканчивается, и в жизнь входят расчет и пристрастия. Она начинает делиться на белое и черное. На Пушкина и Ницше. На "Столичную" и "Московскую".

Первые слабости закопошились, в Валькиной душе лет в семь. К восьми он уже стойко не любил сентябрь.

- Опять в тюрьму, - ворчал он всякий раз, собирая к первому сентября свой дерматинный ранец. - Ненавижу сентябрь!

- Гляди Валик. Кали будешь брахаться, ён табе заделать, - ворчал на это Валин дедушка.

- Чаво заделать? - передразнивал деда внук.

- Козью морду, во чаво - спокойно отвечал дед, сворачивая козью ножку и начиняя её душистым самосадом.

- Кто? - непонимающе спрашивал Валентин.

- Верасень, - спокойно отвечал дедушка.

- Ты что, дед, с печки что ли упал, - усмеялся Валентин. - Ты хоть Фрейда-то читал?

- А на хрена мне твой Хрейд здауся. Я и без Хрейдов тваих ведаю, шо нельга лаяться на Божье.

- А ты почитай, почитай, на ночь хорошо помогает, - увещал Валик деда, застегивая портфельную застежку.

Дед грустно вздыхал. Долго гасил самокрутку и уходил в свою комнату. Потом он и вовсе ушел из жизни. Черты его

доброе лица, а с ними и его тихие неторопливые речи стали стираться из внуковой памяти.

Но не читавший Фрейда дед оказался прав. И теперь всякий раз, когда приходит этот коварный, разноцветный месяц, Вили не говорит - ненавижу, он просто открывает стеклянную полку книжного шкафа и извлекает виновницу своих воспоминаний. Виниловая пластинка в старом потрепанном и пожелтевшем конверт. Четверка людей на полосатой зебре перехода Лондоновской улицы Abbey Road....

1

Запутавшись в тюлевой занавеске, луч проник в узкую, как школьный пенал, комнату. Он привычно заскользил по облезлой стеной штукатурке и разбудил Валентина. К моменту описываемых событий это уже был рослый и уверенный в себе молодой человек, чья неаполитанская внешность плюс видоизмененное на западный манер имя Вили служили объектом домогательств молоденьких студенток и немолодых, но состоятельных гомосексуалистов.

Вили нехотя открыл глаза и посмотрел в окно. Там не спеша разворачивалось теплое сентябрьское утро. Проснувшаяся с хозяином комната наполнилась трамвайными звонками, шарканьем дворницкой метлы и голосами многочисленных жильцов блочно-панельного дома.

- Катька, слухай сюды, - высунувшись из окна, обращался к сожительнице рецидивист Мотора, - ты того, больше красный портвяк не бери.

- А чем тебе красный не в масть, - удивилась сожительница.

- Да рожа после него, аж зеркало кривиться, - хмуро объяснил рецидивист.

- А на кой тебе на нее глядеть? Ты что, цуры своей уголовной никогда не видал? - крикнул ему с палисадника подполковник Спиридонов.

Слышь, ты базары-то фильтруй, а то не посмотрю, что ты старый. Выйду и шнуфт твой ментовский...

Сиди ужо, злыдень, - оборвал его Спиридонов, - а то я тебе выйду. Я таких, как ты, видал-перевидал. Я таких урок на восемь множил, а потом делил..., - полковник на секунду задумался и, зашамкав пересохшими губами, произнес - на пять.

- Опять, б..., рубашку не погладила. Хер я в грибы поеду - перебил Спиридонова отставной майор Вася.

- А на кой ты там кому упал. Ты что в рубашке, что без - сморчок-сморчком. Одно слово - бледный спирохет, - негромко

крикнула Васина жена. И от этого вскрика балконное стекло зашлось мелкой противной дрожью.

Противный звон оконного стекла окончательно разбудил Валентина.

- Так, пора пробуждаться, - сказал он и легко, сразу на две ноги, спрыгнул с кровати.

Сегодня Вили был дома один. Это было счастье.

Счастье не в том, чтобы тебя понимали, а в том, чтобы утром безраздельно владеть туалетом и ванной, - сказал он, подставляя ладони под упругую водную струю. Ополоснув лицо, Вили, стал неторопливо, подобно опытному мастеру кисти, ровными и сильными мазками наносить на розовые щеки приятно пахнущую заграничную пену. Сладковатый запах щекотал ноздри и будил подсмотренные в мягко-эротическом журнале "For man only" фантазии.

Вскоре в музыку падающих вод и урчание сантехнических труб вкрался вибрирующий звук телефонных трелей.

Фыркая и стирая на ходу благоухающие остатки импортного крема "Калинос", Вилли зашлепал к недовольно рычащей на шатком трюмо телефонной трубке. Короткий соединительный щелчок, и мембрана прогундосила аденоидальным голосом невидимого собеседника

- Ты что там, оглох! Битый час к тебе прорываюсь.

- А кто это?- спросил Вили.

- Кто-кто, "черт с письмом". Ты что, забыл, о чем договаривались? Проснись и пой. Ты диск заказывал или нет?

- Какой диск? Ты кто? - обеспокоенно переспросил Вили.

- Ну, чувак, ты точно с коня упал. Это же я. Расслабься и шевели извилинами, - телефонная труба мерзко хохотнула.

Спрятанный где-то в проволочных телефонных лабиринтах хохоток мог принадлежать только одному человеку. Одни называли его "ржавый" и держали за шестерку. Другие - "Апельсин" и бросали на оперативные разработки по борьбе со спекуляцией. В кругу Вилиных знакомых звонившего звали Рыжий Мефистоклюс.

Нет, Вили ни о чем не забыл.

Дело было вот в чем. Студенческой стипендии Вили всегда катастрофически не хватало. Жить за счет пожилых гомосексуалистов он не мог в силу иной секс-направленности, альфонсировать не позволяла неистребимая гордость. Поэтому приходилось фарцевать, то есть приторговывать. Джинсами, помадой, пластинками... Рыжий предлагал немислимую цену 90 рублей за "девственно" чистый "Abbey Road " Такое выпадает не

часто. Да её только на записях через две недели окупишь, а через месяц и в "запиленном" состоянии она легко уйдет за рубль двадцать (120 р.)

- Да, конечно, в 2 часа в парке у памятника Пенису Эдмундовичу (как меж собой называли пластовики Феликса Дзержинского). Цена-то остаётся прежней? - переспросил он в заключение.

- Чувак о чем речь! Как и договаривались девять - ноль (90 р.). - Мембрана, щелкнув, оборвала разговор.

Вили посмотрел на ходики, висевшие у телефона. Десять утра. Времени еще была прорва (у молодости всегда есть время) Часть его он потратил на придание своему пеналу черт некой эстетической завершенности. Затем звонил друзьям, приглашая их к шести на процедуру лишения невинности пластинки. Жарил скворчащую на рублевой колбасе яичницу. Пил, сидя на балконе, пиво. Курил, глядя, как деловито копаются в детсадовской песочнице голуби и дети. И все это время его не покидало чувство неосознанной тревоги.

- Фрейдизм какой-то, - думал Вили, стряся с карманов мелочь и направляясь к киоску союзпечати.

- Валик, а ты что сегодня гранит науки не грызешь?- удивленно спросил у него киоскер.

Так я же, Федорыч, в стройотряде месяц гранитил, - объяснил ему Вили.

- А - протянул продавец и, сонно поеживаясь, протянул покупателю газету "Советский спорт".

Федорыч, ливерку-то в гастроном завезли? - поинтересовался, Вили.

А шут их знает. Что-то вонючее сгружали. По запаху думаю что зельц, - ответил Федорыч.

Киоскер оказался прав. В гастрономе на всю длину мясного стеллажа раскинулось украшенное рубленными свиными головами зеленоватое поле гастрономического гибрида под названием зельц.

- Полкило, - попросил Вили.

Брошенный на весы зельц дресливо задрожал и замер на отметке 750 грамм.

Отвешивать не буду, - предупредила продавщица. Вили, согласно кивнул.

2

- Здоров, "собак", - сказал Валентин, обращаясь к бродячему, бездомному псу, жившему в лабиринтах дворовых сараев. Вили иногда подкармливал этого пса, а за заботу собака

платила человеку живым интересом к его причудливым монологам на философско-эстетические темы.

- Тревожно мне, "мальчик", - обратился, Вили к собаке. От сошедшихся в собаке кровей, мастей и раскрасок никто с точностью не мог установить её пола. "Мальчик" - сказала как-то промышленлившая на бутылках старая алкоголичка Васильевна. Так с той поры и повелось. Как говорится, устами младенцев и алкоголиков глаголет истина, ибо кличка эта как нельзя лучше отражала положение вещей. Да же если и предположить, что собака была кобелем, то с такой внешностью, какой наградила его природа, шансы потерять псиную невинность у Мальчика равнялись нулю.

- Настроение - как к венерологу идти, - вздохнул Вили. Собака понимающе кивнула головой.

- Может, дело в осени? Как думаешь, пес? Я, брат, знаешь ли, дико не люблю сентябрь. А ты? - и он протянул псу кусок зельца. Мальчик соглашательски замахал хвостом.

- Нет, старый, тут дело не в осени, - продолжил Вили свою мысль, - тут, друг, дело в одном неприятном человеке, на встречу с которым я собираюсь. Темная лошадка этот Рыжий Мефистоклюс. Ты его, часом, не знаешь? - обращаясь к псу, спросил Вили. Собака беспокойно наострила уши.

- Не знаешь? Ну, так я тебе расскажу. Ходят о нем, пес, всякие дурные разговоры. Будто бы все его фантастические "доставания", от кальсон до унитафов, организуют "Рыжему" чекисты или блатные и называется это, старина, по-чекистски - оперативная разработка, а по фене - подстава на лоха. Я бы в ни жизни, слышь собака, ни в жизни, не стал бы связываться с Рыжим, но цена за пласт уж очень хороша. Так, братец, хороша, ну, как для тебя ливерка. При слове ливерка обвислые уши дворняги приняли очертания пика Коммунизма.

- Но кто не рискует, псина, тот не ездит в Монте-Карло. Ты был в Монте-Карло, пес? - При слове Монте-Карло собачьи уши виновато опали и стали походить на придорожные лопухи. Видимо, название Монте-Карло псу ни о чем не говорило. Вили еще посидел немного на торчащем из земли куске бетона, глядя, как аппетитно сжирает животное кулинарные изыски развитого социализма. Затем нехотя встал и медленно пошел к трамвайной остановке. Собака оторвалась от своей трапезы и печально смотрела ему вслед.

3

Ровно в 2 часа, шурша разноцветным лиственным ковром, Вилли появился у памятника. Мефистоклюс был на месте с

пакетом в руках. Вокруг не было ни души, только бронзовый памятник Пениса Эдмундовича, хмуро кося глаза к переносице, осуждающе смотрел на Вили.

"Ну, вот все в порядке, все будет хорошо", - подумал Вилли, но на всякий случай отвел свой взгляд от бронзового свидетеля.

Без лишних слов перешли к делу. Дрожащей рукой Вили вскрыл пленку и извлек черную шербагую поверхность пластинки на солнечный свет. Диск был безупречно нов и покорно лежал на Вилиных руках, играя солнечными бликами.

Что, поймал кайф? - заметил Рыжий - У меня товар что надо. Пластинка - муха не сидела. Одно слово, девственница, - и, как утром в трубку, мерзко хохотнул.

Достав из джинсового кармана 9 красных рублей (как меж собой называли десятирублевки), Валентин передал их в конопато-волосатые руки продавца. Помусолив бумажки, Мефистоклюс мотнул своей рыжей гривой и исчез в боковой дорожке парка. Летящей походкой, удачливого человека Вилли устремился к парковому выходу. Он уже видел чугунный рельеф парковых ворот, когда сзади послышался топот тяжелых шагов. Острая всепроницающая боль, распадаясь на искры и всполохи, сковала тело. Ощущение было такое, как будто огромный гвоздь, пройдя сквозь тело, пригвоздил Валика к асфальтовой дорожке. Последним, что помнил Вили, был ускользящий из рук пластиночный пакет, чьи-то размытые тени и гулкий топот удаляющихся башмаков. Все это вскоре потонуло в каком-то ватном тумане, в котором Валентин разглядел лицо своего умершего деда.

- Верасень, - сказал дед и растаял в наступившей темноте.

4

Вили, открыл глаза. Дико болела голова, и сухая горечь жгла распухший язык. Если бы не запах касторки, эфира и четкие контуры стенной газеты "Хирургия", Вили бы подумал, что он очнулся после хорошего бодуна. Он пошевелил пальцами рук и ног, убеждаясь в их сохранности. Затем, осторожно поднимая руку, поднес её к ноющей голове. Рука уткнулась в плотную, как капустная кочерыжка, повязку.

- Глянь, малый очухался - сказал кто-то рядом. А потом громко стал звать медсестру. Вскоре, цокая супортированными шпильками, шурша халатами и шаркая полиуретановыми подметками в палату втиснулось великое множество медработников. Среди них особо выделялся моложавый человек с кулаками и внешностью колхозного коновала. Он забавно

жонглировал эбонитовым молоточком и диктовал какие-то профессиональные термины быстро пишущей медсестре.

- Ну, малый, будешь жить? - спросил он напоследок и высоко подбросил свой молоток. Сделав замысловатый пируэт, молоток скрылся в кармане халата.

На улице уже совсем стемнело. Зажглись фонари, причудливо закачав на больничной стене голые ветки. Валентин с интересом смотрел на этот фантастический танец и, убаюканный его замысловатой хореографией, задремал. Дверь, противно заскрипев несмазанными петлями, оборвала зародившийся было сон. В проеме, освещенная коридорными огнями, стояла мать. Всклипывая, она подошла к кровати.

- Не надо, мама, - попросил её Вили.

- Хорошо, - пообещала мать и спрятала носовой платок.

- Ну, что там есть нового? - Вили, взглядом указал в направлении окна. Мать принялась сбивчиво рассказывать о событиях последних дней. Из её слов выходило, что Вилиным состоянием интересуются, огромное количество людей в разных концах необъятной страны. Звонила бабушка из Мелитополя, тетя Лиля из Кривого Рога, дядя Миша из Череповца, некий таинственный Игорь Максимович из Москвы и, наконец, следователь товарищ Черепанов из районного отделения милиции. Последняя новость вызвала живой интерес на осунувшемся лице Валентина.

- Ну и чем же интересовался этот любопытный человек? - поинтересовался он, приподымаясь на локтях.

- Да лежи ты, - остановила его мать. - Ничего страшного, просто спрашивал, что ты делал в парке, - ответила мать

- И что же вы ответили? - беспокойно спросил её сын.

- Сказала, что не знаю, - и она беспомощно развела руками.

- Напрасно, надо было сказать, что я собирал гербарий.

- Хорошо, сынок, в следующий раз так и скажу, - пообещала мать. - Хотя знаешь, следователь как-то туманно намекал, что в парке ты якобы занимался спекуляцией. Это правда, Валик? - настороженно поинтересовалась она.

- Ну, что вам на это сказать, мама. Безусловно, в каждом предположении кроется частица истины.

- Так значит ты все-таки, несмотря на наши с отцом просьбы, по-прежнему торгуешь? - заволновалась мать.

Я не торгую, мама. Я несу культуру в массы, - ответил Вили, - а это две больших разницы.

- Тоже мне, миссионер выискался, - мать чуть улыбнулась.

- Да уж, что-то наподобие новоявленного Сан-Валентина, - кисло улыбнулся Вили.

- Ну, ничего, - приободрилась мать, - главное ты, Слава Богу, жив, - и свободной от авоськи рукой она сделала некое круговое движение, не то перекрестилась, не то отогнала от себя назойливую муху, - а дальше, как ты говоришь, прорвемся.

- Да я вот тут тебя гостинцев принесла, - мать стала дрожащими руками вынимать из авоськи кульки и пакеты. Кульки издавали дразнящий ноздри запах куриного бульона. Пакеты дурманили ароматом ливерных пирожков. Валентин вдруг вспомнил о "Мальчике".

- Мама, - вскрикнул он и прикоснулся к материнской руке. Я вас очень прошу, купите, пожалуйста, ливерки и покормите собаку.

- Какая собака Валик? Сейчас тебе надо думать о себе, а не о какой-то собаке.

- Ну, во-первых, не о какой-то, а о "Мальчике", - поправил мать Валентин, а во-вторых, исходя из ваших же слов, обо мне волнуется, чуть ли не полстраны, включая и славные органы по борьбе со спекуляцией.

- Да уж, - подтвердила мать.

Ну, вот видите, а собакой не интересуется никто. Понимаете, мама, никто! Согласитесь, что это не есть хорошо, - и Вили несильно сжал материнскую ладонь.- Так вы купите Мальчику колбасы? - уже в дверном проеме поймал её Вилин вопрос.

- Ладно, - пообещала мать и закрыла за собой дверь.

Утром в палату влетел Вилин приятель Мотыль.

- Одноклеточный, как же ты мог так лажануться? - закричал он с порога. - Ты что, не понимал, с кем связываешься. Я же тебя предупреждал, что может быть подстава. Предупреждал?

Вили согласно кивнул головой.

- Ты дыней то особо не крути. Побереги, что в ней еще осталось, - заботливо сказал Мотыль и, вздохнув, добавил - хотя, судя по тому, что ты отмочил, в ней ничего и не было.

- Из вас, my friend, мог получиться очень неплохой диагностик, - улыбнулся Валентин.

- Не знаю, какой бы из меня вышел диагностик, но контора меня уже по твоей милости трясет.

- И чем же интересуются доблестные рыцари идеологические ристалищ? - настороженно спросил Валентин.

- Ну, mon cher ami, вам бы, да не знать их интересов. Они столь же обширны, как и Красноярские лагеря. Слыхали о таких?

- В следующий раз скажешь своим энциклопедистам, что я собирал гербарий, - оборвал его Валик и трагически вздохнув, добавил: дороговатый, правда, гербарий получился.

- Ну ладно, ты давай не пыли, и главное - не колись, а там глядишь, что-нибудь и сварганим. Народ тебя любит, - уже у порога крикнул Мотыль.

- Присмотри за "Мальчиком", - попросил его Валентин.

- Пардон, май херц. - Мотыль с беспокойством уставился на травмированного

- Ну, чего ты таращишься. Мальчика что ли не знаешь? Пес бездомный, что во дворе моем живет, - пояснил Вили.

- Нет, mon colonel, вас явно, положили не в то отделение, - присвистнул Мотыль. - На дворе грядут репрессии, - и Мотыль указал в направлении городского отдела МВД, - а он про какого-то пса плетет!

- Репрессии приходят и уходят, а пес может сдохнуть с голодухи. Согласись, что это не есть very well, - и Вили отвернулся к стене.

- Резонно, - сказал Мотыль, запирая за собой дверь.

5

Вскоре однообразные больничные дни Валентина, стали скрашивать два молодых человека в серых двубортных костюмах - Петр Александрович и Александр Петрович.

Петр Александрович носил в петлице университетский ромбик и походил на положительного кино героя. Александр Петрович, напротив, имел лицо вечного переэкзаменовщика, а в петлице значок, спортивного общества "Динамо".

Первое время люди деликатно интересовались здоровьем, а затем переходили к вопросам. Но через несколько дней сменили тактику. Вначале задавали вопросы, а в конце интересовались самочувствием.

Вопросы их не были отмечены особой оригинальностью и интеллектуализмом. Они сводились в основном к одному: "Что ты делал в парке у памятника Феликсу Эдмундовичу?"

- Колись, сука, - орал переэкзаменовщик Александр Петрович.

- Валентин, вы же комсомолец, - зывал к Вилиной совести интеллигентный Петр Александрович.

- Дмитрия Попанакиса знаешь? - перебил его Александр Петрович.

- Попанакиса, - удивленно спросил Валик, соображая, кто бы это мог быть. Нет, не знаю, хотя впрочем, первая часть слова мне что-то напоминает.

- Не знаешь, говоришь. Хорошо! А Рыжего?

- Какого рыжего, Бродского, что ли? - Вили недоуменно вскинул взгляд на Александра Петровича.

- Какого еще Бродского? - насторожился обладатель динамовского значка. Фамилию, адрес, телефон знаешь? - и, выхватив из бокового кармана блокнот, Александр Петрович приготовился к записи показаний.

- Не надо, - сказал ему Петр Александрович и заслонил ладонью блокнотный листок.

- Да ты че, Петюня? - непонимающее взметнул кустистые брови Александр Петрович.

- Я тебе потом объясню, - ответил ему Петр Александрович.

- В шутки решили играть с нами Валентин, в бирюльки. За дурачков нас держите? Не выйдет, милейший, - улыбнулся Петр Александрович.

- Во-во, - перебил его Александр Петрович, - мы таких фраеров на восемь множили и на ... опер зашамкал губами, что-то вычисляя, ... пять делили. Понял, мазурик?

Вили мотнул головой

- Ну, тогда ближе к делу, - сказал Петр Александрович.

- А какое, собственно, дело? - поинтересовался Вили.

- Дело о том, что пластиночками вы, Валентин, иностранными в парке имени т. Дзержинского спекулировали и через это вам там головку и повредили. Не так ли, любезный? - спросил Петр Александрович.

- Каких пластинок? - обозначая удивление, поинтересовался Вили.

- Ну, это вам лучше знать, Валентин, - заулыбался Петр Александрович.

- И нам доложить, - встрял в разговор Александр Петрович.

- Если вы полагаете, что я занимался, как вы выразились спекуляцией, то вы, "господа", напрасно теряете со мной время, - ухмыльнулся Валик. - В парке я ... - Но ему не дал договорить интеллигентный Петр Александрович.

- Ну не будете же вы утверждать милый Валентин, что собирали в парке гербарий?

- Петр Александрович, вы что, телепат? - и Вили удивленно уставился на следователя. - Ибо именно это я желал вам сообщить.

- Ну, зачем вы смешите меня, Валентин, - перебил его Петр Александрович, - к чему студенту пединститута гербарий. Вы же не на ботаника учитесь.

- Петр Александрович, - улыбнулся Валентин, - вы произвели на меня впечатление интеллектуального собеседника, но своим нелепым заявлением все смазали. Ведь вам, Петр Александрович, как интеллектуалу, должно быть известно, что я учусь на педфаке, а, следовательно изучаю естествознание. Обладатель институтского ромбика слегка стушевался.

- Ну что же, ноль один в вашу пользу, - оправившись, сказал он. - Хотя у нас имеются свидетельские показания, что в парке вас не тычинки с рыльцами интересовали.

- Уж не железного ли Феликса - ехидно спросил Вили.

- Ты че, малый, от ранения совсем что ли нюх потерял, - оборвал его Александр Петрович. - Ты хоть понимаешь, на что замахваешься? На что руку поднимаешь? Да я тебя сейчас в воронку и в обшак на нары. Там тебя урки в миг вылечат. Понял меня, падла?

- Понял, - миролюбиво поднимая, руки сказал, Вили, - и делаю заявление. Пишите. Первое, ни о каких пластинках я ничего не знаю. Второе - в парке я собирал гербарий. Сортируя тычинки и пестики, споткнулся о корягу, упал... и Валентин решительно отвернулся к стене.

Динамовский значкист еще долго кричал, обещая отправить Валентина на зону, где из Валентина он очень быстро трансформируется в "Валюшу". Однако вскоре голос его стал терять убедительную мощь, и значкисты, хлопнув, дверью ушли.

6

Вили выпил таблетку элениума и задремал. Во сне к нему пришел беспризорный пес "Мальчик". Собака смотрела на Валентина своими умными, грустными глазами и голосом Александра Петровича говорила.

- Вили, ты не колись. Если тебя посадят, пропаду я брат, как пить дать пропаду, - собака, вздохнув, замолчала. Затем продолжила, но уже голосом Петра Александровича, - Да и Александр Петрович прав.

Это почему же? - полюбопытствовал Валентин.

Ну почему, почему. Да ты сам посуди. При той кормежке, что дают на зоне, там и вправду за месяц-два можно легко трансформироваться в Валю - и собака, глубоко вздохнув, притихла. Затем, подняв, полные слез глаза и незнакомым голосом попросила:

- Ты держись Валик, слышь держись, мы же с тобой еще к этому Моте Карло должны съездить.

- К какому Моте? - недоуменно спросил Вили.

- Ну, про которого ты мне накануне рассказывал.

Вили рассмеялся. Собака радостно замахала хвостом.

Бравый дуэт походил еще пару дней, страдая и упрасывая травмированного сознаться в торговле пластинками. Но Валентин был неумолим.

Эпилог

К середине октября, когда больничный сквер уже облетел листвой, Вили, переступил порог дома.

Первое, что бросилось, ему в глаза, была фотография Битлов (с приписанной надписью по-русски - "От мальчика"), пересекающих полосатую зебру перехода на глянцевой обложке альбома "Abbey Road".

Черная суббота

Субботний февральский день клонился к вечеру. Чудный был день: теплый и солнечный. Оживленно чирикали воробьи. "Шаг один от февраля до марта" - сообщал неоспоримую истину уличный репродуктор, южный ветер разносил её по городу. После обеда погода изменилась. Подул норд-вест, небо заволокло тучами, стихли птицы, отключили репродуктор и лужи покрылись колкой ледяной синевой. К ночи обещала грянуть метель.

- Нам морозы ерунда и метели не беда. Была б в кармане капуста (ударение на последнем а) - напевал фарцовщик Фима Пиранер, съезжая по ледяной горке на аллее сквера имени героев Челюскинцев.

- Ты что, старый, совсем озверел? Хочешь чтоб я по твоей милости всю оставшуюся жизнь на бездетный налог работал!?!? - возмутился поджидавший Фиму молодой человек.

- Не понял?

- Чего ты не понял! Ты на часы посмотри. Полчаса лишних тебя дожидаясь. Так до простатита и до бездетности недалеко!

- Я думаю это не страшно, - успокоил его Фима. - Земля, мон шер, катастрофически перенаселена!

- Земля может и перенаселена, зато лекарства дорогие, - возразил человек.

- Это мы поможем. Так и быть по пяточку с пласта на цитрамончик сбросим, - великодушно пообещал Ефим Пиранер.

- А по чирику? - заторговался молодой человек.

- Я же сказал на лекарства, а не на похороны!

Покупатель слегка стушевался, и, глянув на Фимин полиэтиленовый мешок "Montana", спросил:

- Диски притаранил?

- А как же!

- Засвети.

- Легко!

И Фима ловко извлек из Montana две пластинки, с глянцевых обложек которых на мир глянули оскаленные черепа, скрещенные берцовые кости и истекающая кровью надпись - "Black Sabbath". Холод и скудное освещение придавали дискам дополнительную эффектность и нужную ценовую стоимость. Покупатель был испуган, повержен, смят и, забыв о лекарствах и обещанной скидке, не торгуясь, полез за деньгами.

Жизнь вот-вот должна была подарить Фиме маленький праздник. Он уже видел себя в теплом, уютном и красивом ресторанном зале. Уже тонкие чувственные ноздри его осязали в морозном воздухе запах салата ассорти, говяжьей отбивной и картофеля фри, как вдруг музыкальные Фимины уши зафиксировали в морозной тишине скрип чьих-то башмаков. Ефим прислушался и обомлел. Так уверено и нахально могли скрипеть только подошвы оперативников.

- Спекулируем? - обратился кто-то к Фиминой спине.

Пиранер обернулся и увидел "никакого" человека. Нет, человек был, но описать его было невозможно. Не белесый, не чернявый, не маленький, не большой. Ни эмоций, ни чувств, ни шрама, ни ссадины на отсутствующем лице. Глаза тусклые. Пальто бесцветное. Шапка на голове из неведомого меха. Самый опасный тип конторщика! От такого не отговоришься, не откупишься. "И где это только кантора таких находит! - подумал Фима. А может он не конторщик? - мелькнула спасительная мысль. Сегодня же суббота!"

- "Байкал, Байкал я Таймыр, как меня слышите? Прием". - развеяла Фимины надежды трещавшая в кармане пальто "никакого" рация.

А вы, собственно, кто? - поинтересовался Фима.

- Считай что никто, - беззвучным голосом произнес "никакой" и грозно нахмурил то, что у нормальных людей называется бровями.

- Так не бывает.

- Бывает. Сумку покажи, - И он потянулся к полиэтиленовому пакету.

Такой многообещающий лимоново-коньячный, антрекотово-танцевальный вечер грозил обернуться протоколами,

допросами и кто знает, может и тюремными нарами. Последнее обстоятельство пугало более всего.

"По-моему, то, что я сейчас сделаю, произведет на опера неизгладимое впечатление. Подумаешь, годом меньше, годом больше!" И Фима сильно пнул конторщика носком "салононовского" ботинка под пах и со скоростью пущенного Фаиной Мельник ядра полетел, кружа и петляя по заснеженным улицам многомиллионного города. "Щучкой" брал он заборы. Накатом - лестничные марши. Шаг был твердым. Толчок мощным. Ветер гудел в ушах, а клаксоны авто причудливо волновали спинномозговую жидкость...

Силы покинули Фиму. Ноги сделались ватными. Толчок вялым. В ушах звенело. В груди першило.

- Финиш, - определил Фима и рухнул под фундамент одиноко стоящего здания.

- Сушите сухари и не сучите пятками, гражданин Пиранер! Ваше будущее представляется нам таким же безрадостным и шершавым, как стены этого строения! - ехидничал Фимин внутренний голос.

- Ну, это мы еще будем посмотреть! - возразил Фима и, поднявшись на ноги, принялся соображать, куда его занесло...

"Финиш" представлял собой небольшой окруженный строительством квадрат. Серое казенное здание (не то райисполком, не коммунальная контора) и старые тополя у его стен, несомненно, доживали последние дни. "А что здесь есть такое?" - подумал Фима, увидев входящих в строения людей. Он поднял глаза на надпись, висевшую над входом.

- "Да это же синагога! Глухая окраина! Это ж сколько я отмахал! На книгу Гиннеса, не меньше! А народ чего тут струится, до пасхи вроде еще далеко? Ба! Да сегодня же суббота! Шабес! То-то я думаю, отчего непруха катит! Как там сказано в Книге Книг: шесть дней делай дела, а в седьмой день - суббота покоя, священное собрание! Может зайти помолиться, попросить Бога отвести беду? Сказать что я... Нет там, наверное, контора пасется, заметут раньше, чем рот успеешь открыть. Я лучше тут попрошу. Господи прости и помилуй мя грешного, - быстро зашептал Фима, - не по злему умыслу, ни корысти для, торговал я в субботу. Видят небеса исключительно от человеколюбия. Ефим задрал голову к темному небу. - Попросил человек - "Фима, достань!" Я достал. Попросил принести в субботу, я принес. Фима же добрый! Фима никому не откажет!

- Фима, не могли бы вы, достать для меня джинсовый костюм? И что я ему должен ответить? Нет, и пусть человек век

ходит в одежде от фабрики "Червонный коммунар"? Фима не отказывает, потому что Фима знает, как сидит на человеке лапсердак от этого "Коммунара". Фима идет и делает человеку нормальные брюки. Фима, могу я надеяться на французскую косметику? Ну разве может Фима отнять у человека надежду! Фиме жалко, что она должна портить свои голубенькие глазки химическим карандашом фабрики "Сакко и Ванцетти".

Долго стоял Пиранер, под стенами синагоги и, безбожно путая Шма Израэль с Богородице Дева радуйся, вымалывал у далекого, спрятанного тяжелым занавесом ночных облаков, благого, всепрощающего, и всеильного, как обком партии Бога прощения.

Подул ветер, и Пиранер почувствовал, как сквозь промокшую джинсовую рубашку омерзительно покалывает кожу забравшаяся сквозь складки импортной куртки зимняя стужа...

Есть в одном многотысячном жарком ближневосточном городе, в слиянии его первостепенных проспектов, громозвучная, многоязыковая, похожая на вечно штормящее море, площадь. По середине носятся, дымя и клаксона: грузовики, автобусы, ваны, такси, частники и велосипедисты, а по берегам живописно раскинулись: лотки, палатки, рестораны, огромные магазины и массажные кабинеты. Штия кара бэ шекель! Ахмар яра ян! Безоль, безоль, - манит и кличет вас к себе экзотический восточный берег. Sale 50%!!!! Колоссальные скидки для олим!!!! Беленкин это здесь! - пестрит плакатами и транспарантами сдержанный западный. От площади во все стороны разбегаются многочисленные узенькие тесные восточные улочки-лабиринты. Они тоже усеяны магазинами, оздоровительными салонами, закулочными, лотками и киосками, но шума на них меньше, и цены значительно ниже.

На одной из таких улочек, вытекающей из северной оконечности площади, есть небольшой магазинчик грамзаписи. Торговая площадь у него небольшая, но зато выбор товара колоссальный, между нами говоря, в нем есть даже один запрещенный в городе композитор. Efim's musical collection гласит надпись над стеклянной с китайскими бубенцами дверью. Шесть дней недели магазин работает весьма бойко и кажется, приносит его владельцу неплохой доход. "Барух ха Шем!" - как говорят в том городе. Продавцы вежливы, а гостеприимный хозяин всегда предложит чашечку духмяного кофе, но в пятницу, после полудня, все меняется, и Ефим Пиранер начинает обходительно выпроваживать покупателей.

- Фима, скажите, правда, что у вас есть этот... - и покупатель негромко шепчет фамилию запрещенного композитора.

- Правда, - отвечает Пиранер.

- Могу я им располагать? - интересуется покупатель.

- Можете, но только приходите послезавтра. А сейчас миль пардон, я закрываю. Шабес!

А вы что ж, делаете Шабес? - удивленно вскидывает бровь покупатель.

Фима усмехается и, достав с полки диск английской группы "Blak Sabbath", начинает рассказывать произошедшую с ним зимним субботним днем много лет тому назад историю.

"Что-то случилось..."

Темно-красная портьера школьной сцены слегка раздвинулась, и в образовавшуюся щель проклюнулись огромные биноклярные очки ведущего школьного вечера - Яши Ампулы. Обведя рассеянным взглядом битком набитый зал, Яша тревожно выпалил - "Что-то случилось?!" Настроившаяся кайфануть публика настороженно притихла. От Яши можно было ожидать всякого.

- Где случилось? - испуганно вздернув бровь, спросил директор.

- С кем случилось? - поддержали его учителя.

Перепуганный собственным заявлением, конференсье дресливым голоском произнес, - "Спокойно, ребята, и вы товарищи взрослые, тоже спокойно, - не надо паниковать и пятиться к пожарному выходу. Поскольку ничего особенного, ни где, и ни с кем не приключилось. "Что-то случилось...", - называется песня, которую для вас исполнит наш школьный вокально-инструментальный ансамбль "Романтики".

Портьера разъехалась... Руководитель школьного ансамбля, клавишник Боря Светушкин, пальцами отбил счет, и на зал рухнули хиты из репертуара супермодного в ту пору певца В. Ободзинского "Что-то случилось", "В моем столе", "Восточная песня"...

Сколько лет прошло, а Боря и по сей день живо помнит тот далекий вечер. Разве такое можно забыть! Новенькая, только накануне концерта, распечатанная ионика "Юность". Сотни вперившихся в тебя глаз...

Концерт окончился. Противно проскрипев несмазанным шарниром, пыльный занавес спрятал ВИА "Романтики" от заведенного шлягерами школьного молодняка, долго еще сотрясавшего школьный паркет тяжестью венских каблуков и

супортированных шпилек. Пригрозив кое-кому снижением аттестационного балла, а некоторых и попросту вышвырнув из зала, директор шелкнул выключателем. Притихший зал погрузился в густые сумерки весеннего вечера. Облегченно вздохнул паркет, устало раззявив рты, присмирели деревянные кресла, и мутный глаз взошедшей луны осветил вздернутую бородку гипсового бюста, пустыми глазами глядящего на вышедших из подполья мышей. Время от времени ветер еще приносил в зал обрывки разговоров и взрывов смеха, рассыпающейся в лабиринтах прилегающих к школе улиц, публики. Но вскоре стихли и они...

Тяжелые, похожие на жуков дождевые капли лениво скользили по оконной глади институтской аудитории, и, срываемые холодным северным ветром, летели умирать в темный колодец институтского двора. В тот дождливый день бывший клавишник Боря Свет, а ныне старший преподаватель кафедры истории КПСС Борис Григорьевич Светушкин, принимал экзамен у группы заочников. От окна тянуло сыростью, от ответов студентов - скукой. Спасаясь от свалившегося на него дискомфорта, старший преподаватель с тоской смотрел на безлюдную улицу, вспоминая тот далекий вечер, из своей юности...

"Какое паршивое лето выдалось в этом году" - подвел итог своим воспоминаниям Борис Григорьевич и переместил взгляд на подошедшую к преподавательскому столу студентку. Экзамен проходил на факультете начальных классов, так что подавляющее большинство составляли девушки. Это обстоятельство слегка компенсировало унылую картину за окном.

Б.Г. Светушкин не любил холодный дождь летом, зато хорошеньких женщин любил в любое время года. Ни карты, ни выпивка, ни общество бородато-высоколобых мудрецов не впрыскивали в Бориса Григорьевича столько адреналина, сколько самая на первый взгляд пустяшная и мимолетная интрижка. А романов же, интрижек и всяких там авантюрок в жизни у закоренелого холостяка (30 с маленьким плюсом) Б.Г. Светушкина было недостаточно.

Подошедшую к столу девушку Борис Григорьевич видел впервые. В этом не могло быть и доли сомнения. Поднаторелый за годы службы на ниве просвещения, преподавательский взгляд цепко фиксировал новизну форм и грациозность женских линий. Будь то стажер, новичок или опытная студентка заочница.

- Ну, допустим, я мог пройти и не заметить этих глаз, в которых тихо догорает юношеская непосредственность. Положим,

мог не обратить внимания и на эти очерченные неброской помадкой тонкие губы, где давно и прочно обосновался холодный женский расчет. Но пройти мимо такой восхитительно груди и не сфотографировать её в своих извилинах! Нет, этого определенно не смог бы! - приблизительно так размышлял Борис Григорьевич, скользя по взглядам по декольтированной кофточке студентки...

Боже, что это была за грудь! При одном воспоминания о ней сердце Бориса Григорьевича и сегодня начинает колотиться, как хвост у обеспокоенной чем-то кошки.

Плеснув из шербатого графина мутноватой воды, Светушкин выпил. Налил студентке и, подвинув, к ней стакан, с легкой игривостью спросил: - "Ну-с, что там у нас?". Намекая интимным "у нас" и предложенным стаканом воды, на некую особую расположенность к отвечающей.

- О снятии большевиками лозунга "Вся власть Советам!" - учуяв в голосе преподавателя интимные нотки, проворковала студентка.

- Ну, что же, очень интересный вопрос, - сказал Борис Григорьевич, и, стараясь быть равнодушным, добавил, - для вас, я думаю, он будет нетрудным.

- Вы полагаете?

- Уверен, - Борис Григорьевич заглянул в зачетку и, улыбаясь, добавил: Инга Ромуальдовна.

- Тогда я с вашего позволения начну? - спросила студентка и смело, закинув, нога за ногу, оголила розовый язычок чулочной застежки. Борис Григорьевич почувствовал, как ускоренно заработали его сердечные клапаны... Светушкин знал цену этому ускорению. Любил и всегда его искал. Он почти не дышал, и, забыв о своем преподавательском долге - следить за ответом - голодным удавом вперился в маленькую деталь женского туалета.

Инга начала издалека. Так обычно начинают знающие свою реальную цену старшекурсницы либо студенты-заочники, присланные из сферы правоохранительных органов. Ответ носил отвлеченный характер, изобилуя не цифрами и лозунгами эйфорического 1917 года, а цитатами и выдержками из последнего пленума ЦК КПСС. Отдыхая взглядом на призывно розовеющей детальке женского туалета, Светушкин задумчиво улыбался. С аграрных вопросов Нечерноземья, студентка неожиданно метнулась к "Смутному Времени"... На Лжедмитрии, Борис Григорьевич встрепенулся и как укушенная оводом лошадь затряс головой.

- Минуточку, минуточку, - с уязвленным профессионализмом, перебил отвечающую Светушкин.

- Инга, - и преподаватель снова заглянул в зачетку, - Ромуальдовна, добавил он. Мне очень импонирует, то, что вы ищите истоки русского освободительного движения в глубине веков, но нельзя ли чутьточку поконкретнее.

- Что вы имеете в виду? - спросила Инга, и чуть подалась к преподавательскому столу, представляя на обозрение Бориса Григорьевича нежно-воздушную ткань кружевного бюстгальтера. Это было выше всяких сил. Светушкину показалось, что он теряет сознание.

Борис Григорьевич отвел взгляд и, уставившись на огромную дождевую каплю, ползущую по стеклу, сказал. - "Конкретней - это значит конкретней. О снятии большевиками лозунга "Вся Власть Советам", кажется, так сформулирован вопрос в билете. О надойности и поголовье крупного рогатого скота, мы побеседуем с вами в другой раз".

- Когда? - непринужденно бросила студентка. Вопрос был несколько вульгарно-прямолинеен, и романтическая, тонкая душевная организация Бориса Григорьевича запротестовала.

- Послушайте уважаемая Инга Ромуальдовна, - чуть дрожащим голосом заговорил, старший преподаватель, - давайте договоримся, что вопросы здесь буду задавать я. Итак, вы готовы отвечать на вопрос билета? Да или нет?

Студентка молчала. Светушкин протянул ей зачетку. Она уходила, приятно шурша чулочным капроном. Оставшиеся студентки были не столь выразительны и отвечали по существу. Вскоре Борис Григорьевич сложил бумаги в элегантный кейс и, захлопнув за собой жидкую фанерную дверь аудитории, спустился в вестибюль...

На дворе уже кончился дождь... Солнце многоцветно ломалось в асфальтных лужах...

У массивной входной институтской двери Светушкина кто-то окликнул. Борис Григорьевич оглянулся... Перед ним стояла давешняя студентка. Черный по фигуре лайковый плащ и чуть небрежно повязанная в густых, цвета зрелой пшеницы волосах, шелковая паутинка косынки делали ее похожей на рекламную диву, с обложки лимитированного журнала "Америка".

Старший преподаватель Светушкин может быть впервые в жизни не знал, что делать. Он смущенно теребил свой кейс, глупо пляясь не на призывно глазееющую на него кожано-капроновую красавицу, а на сидевшую за фанерной перегородкой в синем застиранном халате вахтершу.

- Борис Григорьевич, мне показалось, что вы были слишком предвзяты ко мне сегодня! - вопросительно глядя в преподавательские глаза, смущенно поинтересовалась Инга.

Светушкин оторвался от фланелевого вахтерского халата и посмотрел на студентку. В её глазах искрилась маленькая жемчужная слеза, а ярко красные коготки нервозно теребили кромки шелковой косынки. И столько очарования! Столько искренности было в этом тихом взгляде, что Борис Григорьевич тотчас же позабыл о вульгарности заданного накануне студенткой вопроса. "Когда?"

- Дурак ты, Боря! Каналья и свинья! Тебе это даже вахтерша скажет. Разве такому нежному и воздушному существу нужны твои глупые, пыльные лозунги! Её дело...! Да что говорить теперь, говорить! Ты это дело, Боренька, опрометчиво проворонил! - скользя взглядом по эффектной собеседнице, костерил себя Борис Григорьевич.

- Нет, по-моему, я был объективен, - отозвался он. И чуть подумав, добавил, - Впрочем, через два дня у меня экзамен в параллельной группе, так что милости прошу.

- погодите, Борис Григорьевич, - девушка слегка коснулась его плеча. Зачем же откладывать на послезавтра то, что мы можем сделать уже сейчас. Логично?..

Вечер прошел в кафе гостиницы "Горизонт". Заходящее солнце лениво купалось в бокалах с шампанским.

Затем была комната на двоих. И божественный вид на вечерний город. В углу глуховато пела песни В. Ободзинского комнатная радиолка... Борис Григорьевич, дымя папиросой, смотрел на город. "Что-то случилось..." - пел В. Ободзинский. "С ней и со мной..." - заявлял певец темному комнатному зеркалу, в котором отражались бледные контуры преподавателя истории КПСС. Певца перебивали визг шин и клаксоны машин. Шум большого вечно движущегося мегаполиса долетал и сюда на 17 этаж гостиницы "Горизонт". Борис Григорьевич добавил мощности, и в разошедшихся аккордах незамысловатой и старой уже песни, ему показалось, что не машины и люди бегут за окном, а сам дом плывет им навстречу в вечерней синеве уходящего дня. Черный, как антрацит, диск закончил свой бег, и игла виновато заскреблась в его бороздках. Светушкин обернулся.

- Вы знаете, Инга, а ведь я когда-то играл эту песню в школьном ансамбле "Романтики", - задумчиво сказал Борис Григорьевич, и, ностальгически вздохнув, добавил, - на ионике "Юность. Инга саркастически улыбнулась, блуждая массажной щеткой в пшеничном поле своих золотых волос. Старшему

преподавателю не понравилось игнорирование трогательных воспоминаний. Он было хотел, осечь этот неуместный для столь трепетных минут сарказм, но в это самое время в дверь негромко, но требовательно постучали...

Шлепая босыми пятками по холодному паркету, Борис Григорьевич остановился у дверной дерматиновой плиты.

- Кто там? - спросил он.

- Проверка паспортного режима, - развязно ответили с коридора. Борису Григорьевичу показалось, что паркетный пол уходит из-под холодных преподавательских ног. Облокотившись о дверной косяк, он негромко сказал. - "Вы, по-видимому, ошиблись номером?".

- Немедленно откройте, - рявкнули за дверью.

Светушкин обернулся и посмотрел на Ингу. Но та по-прежнему блуждала в пшеничном поле своих волос.

- Кто это? - шепотом спросил он у неё. Инга неопределенно пожалала обнаженным плечом...

Борис Григорьевич щелкнул английским замком. На ярко освещенном пороге стояло двое моложавых мужчин... Первое, что заметил напуганный старший преподаватель - блестящие квадратики значков мастеров спорта в лацканах их бостоновых пиджаков.

- По-видимому, тренера. Ищут своих загулявших подопечных, - облегченно подумал Светушкин, но, скользнув взглядом по их мускулистым рукавам и обнаружив на них алые повязки, понял, что обрадовался он преждевременно.

- Предъявите ваши документы гражданин, - требовательно попросили у Светушкина, "крылатые мастера".

- А собственно, по какому праву, - попытался защищаться старший преподаватель кафедры КПСС.

- Гражданин, я ведь вам русским языком говорю. Предъявите паспорт, - повторил должно быть старший. При этом его безудержный голос звучал жестко, и, казалось, был готов в любую минуту взорвать коридорную тишину. Б.Г. Светушкин обреченно побрел к лежавшему на гостиничном кресле пиджаку.

В нем он нашел несколько мятых рублей, да членскую книжку "Всесоюзного общества знаний"

- Это все? - спросили пришедшие, - повертев краснобокую книжицу в руках.

- Все... - и Борис Григорьевич виновато развел руками.

- В таком случае вам придется пройти с нами.

- Никуда я не пойду! - решительно заявил старший преподаватель.

- Тогда вас отсюда выведут, - рявкнул старший. И в доказательство своих намерений добавил, обращаясь к напарнику - "Товарищ лейтенант вызывайте наряд".

Тот, кого назвали лейтенантом, исполнительски бойко сунул руку в боковой карман.

- Товарищи, товарищи - заискивающе залепетал Светушкин, - погодите, зачем же так. Давайте как-то по-доброму. Мы же советские люди, а значит, сможем договориться, - и Борис Григорьевич зачем-то снова полез в карман пиджака.

- Мы-то советские, а вот как ты, член "общества знаний", оказался в ведомственной интуристовской гостинице? - переходя на "ты" спросили у Светушкина, "мастера".

Борис Григорьевич с удовольствием ответил бы на этот вопрос, но попросту не знал на него ответа.

- Инга, - бросился он к занятой своей прической девушке, объясните им, как мы сюда попали.

Студентка медленно подняла глаза на испуганного доцента Светушкина.

- Борис Григорьевич, как же я могу объяснить, сказала она, - У меня ведь не сдан зачет по вопросу о снятии большевиками лозунга "Вся Власть Советам!".

- Инга, ну при чем тут большевики, - раздраженно вскричал Борис Григорьевич. Дело касается моей репутации, а вы о каких-то лозунгах...

- Но уважаемый товарищ Светушкин, - перебила его Инга, - в не меньшей мере страдает и моя!

- Да, да, конечно, конечно, - виновато забормотал Борис Григорьевич.

Инга протянула синенькую книжицу смущенному преподавателю, а сама вышла к пришедшим. Через несколько минут дверь закрылась. "Льет ли теплый дождь..." - запел В. Ободзинский.

- Инга? это нехорошо, - мрачно сказал Борис Григорьевич, - я, пожалуй, пойду.

- Ну, куда ты пойдешь, Барсик? - томно сказала Инга, - ведь ночь на дворе.

- Какой Барсик? Мы разве на ты? - удивленно спросил Борис Григорьевич.

- Давно, - сказала девушка. И, положив наконец грузную расческу, тихо добавила, - так давно, что ты даже не заметил, "Котик".

Вскоре Бориса Григорьевича зачем-то вызвали в маленькую комнатку институтского отдела кадров, где с ним в

течение часа беседовал (О целесообразности сотрудничества старшего преподавателя Светушкина с органами КГБ!) вальяжный, но довольно симпатичный человек. Борис Григорьевич, брыкался необъезженным жеребцом, бил кулаком, аки подковой, по мощной поверхности дубового стола, качал права, говоря о гражданских свободах, о Хельсинских договоренностях, но сидящий перед ним человек был невозмутим и с детской чистотой в глазах смотрел на раскрасневшегося от праведного гнева старшего преподавателя кафедры КПСС.

- Все? - спокойно спросил он, - когда, Светушкин исчерпав все мыслимые аргументы в свою защиту, возмущенно замолчал.

- Все, - согласно кивнул Борис Григорьевич.

- Ну, раз все, - подвел итог неизвестный, то я даю вам неделю на размышления.

- Нет! Нет! Нет и нет! Я русский интеллигент! Стукачом не был и никогда им не стану! - пафосно вскричал бывший клавишник ВИА "Романтики".

- Воля ваша, спокойно ответил симпатичный собеседник. Только вы уж не обесцудите любезный Борис Григорьевич, но вам, к сожалению, придется расстаться с вашим рабочим местом. Согласитесь с такими моральными качествами, вы попросту не в силах нести в студенческие массы вечное, доброе... Ну и далее по тексту!

Шесть дней Борис Григорьевич молча негодовал, негромко покрикивая в квартирном одиночестве о Хартии прав человека, а на седьмой день плюнул и, отрекшись от всех своих доводов, написал, - "Источник сообщает..."

Все годы, пока Инга училась в институте, Борис Григорьевич хлопотал за Ингу перед преподавателями и писал "Источник сообщает...". Все эти сладко-мучительные годы он говорил себе - "Все, это в последний раз" и снова оказывался в гостиничном номере с видом на шумный бульвар. В дверь по-прежнему часто барабанили, хотя Борис Григорьевич давно уже был на "Ты" со стукающимися.

На шестом году, вскоре после получения диплома, Инга как-то постепенно стала исчезать из жизни Бориса Григорьевича...

Однако последнюю ночь на Родине Б.Г. Светушкин провел с Ингой, в их уютной комнатке на семнадцатом этаже ведомственной гостиницы "Горизонт" В ту ночь никто не стучал...

Прошло уже очень много лет, как Борис Григорьевич живет в другом городе и даже совсем в другой стране. Он постарел и уже почти забыл о том, кем он когда-то был. У него

есть крыша над головой, сотня другая в кармане... А что еще надо человеку на пороге старости?

Но кто из нас знает, как и где настигает нас память? Прошлое поймало Бориса Григорьевича в эмигрантской компании. Кто заказал эту старую песню "Что-то случилось"? Кто захотел, чтобы отлаженная, спокойная жизнь бывшего участника ВИА "Романтики" зашаталась, стремительное увлекая Бориса Григорьевича в прошлое? На эти вопросы нет ответа, только с того вечера Светушкин затосковал. Он даже толком и сам не знал, о чем тосковал. То ли по ушедшим дням, что уже никогда не вернутся. То ли по той уютной комнате в интуристовской гостинице с видом на ночной проспект. А может и вовсе по ненавистным ему некогда словам, - "Источник сообщает..." Светушкин долго маялся, думая, что это пройдет... Не прошло... Тогда Борис Григорьевич позвонил. К телефону подошла Инга.

- Инга, это я, - волнуюсь, сказал бывший старший преподаватель.

- Котик, куда ты пропал? - отозвалась Инга. Это прозвучало так, как будто Борис Григорьевич лишь на минуту выходил за сигаретами. Спустя несколько дней Б.Г. Светушкин уже сидел в самолете: пил коньяк, пьянел, споря с соседом о судьбах России...

Былое встретило Бориса Григорьевича новыми домами и незнакомыми лицами, мелькавших мимо него людей. Только деревья гостиничного сквера, да сама гостиница не изменились и по-прежнему стояли на том же месте. Он остановился, провел чуть дрожащей от волнения рукой по шершавой стене и открыл парадную дверь. После значительных перемен на городских улицах казалось, что здесь в этом вестибюле время бросило свой якорь. Полированные столики у окна. Подозрительная холодность в глазах администратора. Швейцар с хмурым взглядом отставного майора Госбезопасности. Проститутки с манерами валяльщиц местного прядильного комбината и сутенеры с желтыми зрачками хронических печеночников. Одним словом все, решительно все было как прежде.

Я бы хотел номер, - и, назвав цифры, Светушкин протянул паспорт. Заметив меж голубоватых паспортных страниц зеленую окантовку 50-долларовой купюры, администратор одобряюще кивнул головой. И тотчас, как из-под земли, подле Бориса Григорьевича возник молодой человек - ей-Богу, если бы не ливрея и форменная кепка, его смело можно было принять за налетчика. Натренированно подхватив чемодан, молодой точно

птица взмыл с Борисом Григорьевичем на искомый семнадцатый этаж...

Борис Григорьевич вошел в номер и понял, что время все же движется вперед. Гостиничная комната здорово изменилась. Со стен исчез скучно-серый накат и трехрожковая люстра. Из "ванной" - советский унитаз. В потолочных высотах негромко жил джаз... До Светушкина наконец дошел непонятный ему смысл слова "евроремонт". Хотя к моменту появления Бориса Григорьевича "евроремонт" уже носил следы русского присутствия. "Козлы" - красовалось оно на туалетном фарфоре. Светушкин разделся и позвонил в ресторан. Вскоре в комнате возникло "Советское шампанское" и мятые конфеты "А ну-ка отними".

- Родина! - грустно констатировал Светушкин и сунул официанту пятидолларовую купюру. Официант горячо поблагодарил, но уходить не хотел: терся у двери, рассказывая Борису Григорьевичу о последствиях приватизации и "Черного Августа". Светушкин сунул еще пятерик...

Приодевшись в рентовый токсидо, Борис Григорьевич спустился в вестибюль. На улице уже было темно. Шурша шинами, к гостиничному ресторану подъезжали роскошные "Мерседесы" и строгие "Ягуары" Круша вечерний ледок полиуретановыми каблуками, из них выходили норковые дамы и твидовые мужчины. Уличные фонари вздрагивали и искрились в их бриллиантовых украшениях. Ядовито-синяя "Лада" и вышедшая из неё дама в потертом демисезонном пальто явно диссонировали на фоне этих бриллиантовых бликов.

- Котик, - закричала дама. Борис Григорьевич обернулся. Боже, что делает с нами время! - подумал Светушкин, улавливая в окликнувшей его женщине знакомые черты.

- Инга! - с фальшивой радостью в голосе воскликнул он. - Ты совсем не изменилась, - и Светушкин протянул ей букетик подснежников. Они обнялись. На Борис Григорьевича пахнуло старостью.

- Барсик, - нежно шептала Инга, - узнаю своего "Котика": нежного и обходительного. Она долго терлась своей дряблой щекой о руку Бориса Григорьевича, распространяя нестерпимый запах дешевых цветочных духов.

Потом они сидели в номере. Светушкин пил кислое шампанское и слушал предпочитавшую "Столичную" Ингу. Бывшая студентка пьянела и вульгарно развалья в велюровом кресле, рассказывала о своей жизни. Бывший старший

преподаватель прослушал лекцию о ваучерах и дефолте, экономическом обвале и финансовом кризисе.

- Вот если бы ты мне так же бойко, о снятии лозунга "Вся Власть Советам" в свое время рассказывала, - думал Борис Григорьевич, глядя на разошедшуюся в политической полемике любовницу.

- Жизнь, Барсик, дали, а жить не дают! - сказала в заключение Инга. Борис Григорьевич понимающе кивнул. Затянувшись сигаретным дымом лицензированного "Marlboro ", Инга притихла. Борис Григорьевич поднялся и, как в тот далекий день, когда он впервые появился в этой комнате, подошел к окну. Где-то далеко внизу, ревя моторами, визжа тормозами и дребезжа трамвайными путями, резво бежал неутомимый городской проспект. На соседской крыше, как символ перемен, самовыражалась неоновая реклама. Мускулистым херувимом зазывала она беспечных граждан на лазурные берега. Светушкин грустно смотрел на этого новорусского Аполлона и думал.

- Зачем я здесь? Зачем, бросив дела, сижу с этой стареющей теткой, и слушаю какой-то бред о ценах на навоз! Разве за этим я сюда приехал?

- А собственно чего ты хотел? - ответил Светушкину рекламный красавец. Чтобы это испещренное алкогольными прожилками лицо было таким же привлекательным и свежим, как много лет тому назад? Или может ты желаешь пощекотать свои нервы забытой фразой "Источник сообщает?.. - и Борису Григорьевичу показалось, что у Аполлона мелькнула красная повязка на рукаве. Светушкин обернулся и уныло посмотрел на захмелевшую Ингу.

- Ну, что это я все о невеселом, да о нерадостном! А ты помнишь Барсик, какие здесь были ночи! - она романтично закатила глаза и громко икнула.

- Да, да конечно мне бы да забыть, - мягко ответил ей Борис Григорьевич.

- Ну, так я тогда пошла в ванную, Котик!?

- Конечно, конечно. Ванна это хорошо! Солнце, воздух и вода.. - усмехнулся Борис Григорьевич. Инга ушла и вскоре шумно плескаясь под душем, призывно принялась напевать неизвестную Светушкину песню - "Позови меня с собой..."

Борис Григорьевич загасил настольную лампу, включил привезенную с собой запись В. Ободзинского.

- Что-то случилось... - запел подзабытый гостиничной комнатой певец.

- Позови меня с собой..., - перебил его хмельной голос, несшийся из ванной.

- С ней и со мною, - известил В. Ободзинский.

- Я приду сквозь злые ночи - многообещающее заверил кого-то глуховатый женский голос. Борис Григорьевич оживился.

- Все не так уж плохо, старина, - стаскивая себя токсидо, заверил себя и неоновго красавца бывший доцент исторических наук. И это убеждение подтверждала и стремительно набиравшее обороты сердце, и мирно журчащая в дебрях финской сантехники вода, и дребезжащий на рельсовых стыках трамвай и магнитофонный певец, настойчиво уверявший Бориса Григорьевича том что - "Что-то случилось..."

- Бай, - задергивая оконную портьеру, попрощался Светушкин с рекламным херувимом. И в это самое время в европеизированную гостиничную дверь негромко, но требовательно постучали. Борис Григорьевич замер. Во рту появилась позабытая с годами гортанная сухость. В коленно-чашечных суставах ожила представлявшаяся канувшей в лету подленькая дрожь. В сердце, отвыкшем жить под грузом фразы "Источник сообщает", наметились симптомы, близкие к фибрилляции желудочков (клиническая смерть). Крадучись приблизился Светушкин к дверному запору. Трясущимися и липкими от страха пальцами потрогал он замочную сталь и, приложив щеку к холодному дверному косяку, превратился в сплошное ухо. За дверью стояла тревожная без шорохов и звуков тишина. Но Борис Григорьевич знал, что там, за крепкими лакированными дверями, запертыми стальным язычком надежного английского засова, стоит беда: липкая, дрожащая тревога, серой гладью официального листа, точится она сквозь дверную щель, грозя Светушкину позабытыми словами - "Источник сообщает..."

- Вот вам, - и "сделав рисунок" (поднятый вверх третий палец) стучащимся, Борис Григорьевич набросил легкий плащ и пожарным выходом выскользнул из номера...

Встревоженные человеческой ногой, беспокойно загудели металлические марши. Их жалобные и горькие звуки еще не успели затихнуть в зыбкой тишине апрельского вечера, как Борис Григорьевич уже сидел на борту авиалайнера и, беспечно мурлыкая себе под нос прилипший мотив песни "Позови меня с собой...", смотрел на звездное небо, раскинувшееся за иллюминатором.

Алекс Тарн

Треугольник рационализма

(Чернышевский – Набоков – Рэнд)

ынешний интерес к воззрениям Айн Рэнд не сразу становится понятен, особенно если принять во внимание ее упрямый, несколько даже пугающий рационализм. Торжествующий гимн разуму звучал непререкаемой истиной в XIX веке, но начал последовательно давать петуха уже с началом XX-го, каковое начало, по сути, следует датировать не сменой восемнадцати на девятнадцать в порядковом числе столетий Общей эры, но летом 1914 года, то есть первыми тактами увертюры всемирной резни, задолго до своего финала залившей кровью все прежние надежды на разумное поведение *Человека Разумного*.

В этом смысле популярность Рэнд и ее главного романа «Атлант расправляет плечи» не может не вызывать законного удивления. Ведь эта книга вышла не одновременно с «Что делать?», а без малого веком позже, в 1957 году – уже после самых масштабных (хотя и не самых последних) преступлений фашизма и коммунизма. Зачем кому-то понадобилось возвращать читателя к убогим фантазиям Н.Г.Чернышевского о «разумном эгоизме» – фантазиям, исторически ставшим важной составной частью того утопического гумуса, из коего позже выросли нацистские и большевицкие теории «единственно правильного» переустройства человеческой жизни?

«Разумный эгоизм», рационализм, наивная уверенность в том, что мир однозначно, то есть исчерпывающе соответствует нашему восприятию (или, по выражению Рэнд, «А есть А»)… Лучше всего это заблуждение, переходящее в неизлечимую болезнь духа, описал Владимир Набоков в своем романе «Дар», в Четвертой главе, целиком посвященной Чернышевскому. Не могу отказать себе в удовольствии привести пространные цитаты из

этого замечательного текста, впечатляющего как точностью, так и красотой высказывания (что, как правило, взаимосвязано).

«Кажется, ныне одни марксисты еще способны интересоваться призрачной этикой, заключенной в этой маленькой, мертвой книге, – писал Набоков три четверти века спустя выхода главного творения Чернышевского. – Легко и свободно следовать категорическому императиву общей пользы, вот "разумный эгоизм", находимый исследователями в "Что делать?". Напомним ради забавы домысел Каутского, что идея эгоизма связана с развитием товарного производства, и заключение Плеханова, что Чернышевский всё-таки "идеалист", так как у него получается, что массы должны догнать интеллигенцию из расчета, расчет же есть мнение. Но дело обстоит проще: мысль, что расчет – основа всякого поступка (или подвига) приводит к абсурду: сам по себе расчет бывает героический!»

Всякая вещь, попадая в фокус человеческого мышления, одухотворяется. Так облагородился "расчет" материалистов: так материя у лучших знатоков ее обратилась в бесплотную игру таинственных сил. Этические построения Чернышевского – своего рода попытка построить всё тот же перпетуум-мобиле [Чернышевский с юношеских лет был одержим идеей построения вечного двигателя (А.Т.)], где двигатель-материя движет другую материю. Нам очень хочется, чтоб это вертелось: эгоизм-альтруизм-эгоизм-альтруизм... но от трения останавливается колесо. Что делать? Жить, читать, думать. Что делать? Работать над своим развитием, чтобы достигнуть цели жизни: счастья. Что делать?»

«Ныне одни марксисты...» – ага, как же... – не угадал Владимир Владимирович. Книга Рэнд вышла двумя десятилетиями позже «Дара», но в ней правит бал всё та же чернышевская маниловская интонация. Те же мечты, насмешливо описываемые Набоковым: «Помечтаем о фаланге, живущей во дворце: 1800 душ – и все веселы! Музыка, флаги, сдобные пироги. Миром правит математика и правит толково...»

Что сказать? – в романе Айн Рэнд и в самом деле предостаточно «музыки, флагов, сдобных пирогов». Прославление разума и его познавательных способностей звучит там тем более наивно, что почти не подкреплено никакими реальными, живыми, правдивыми деталями. Создается впечатление, что Рэнд элементарно не знает, о чем пишет, – ни о железной дороге, ни о металлургическом заводе, ни о людях; в ее описаниях всё «общо», всё по-бутафорски декоративно, нет ничего осязаемого,

материального, способного дышать. Ну ладно, писательница не знает, где у паровоза рычаг, а где дроссель... – это еще простительно. Но она и не догадывается, где у человека нос: все персонажи «Атланта» начисто лишены какой-либо индивидуальности. Хорошие одинаково прекрасны (естественно, тут на ход пера идут и античные боги, и золотые кудри, и стройные ноги и прочая пошлая лабуда); дурные – столь же одинаково дурны. Герои Рэнд даже потеют согласно заранее установленному стандарту: хорошие благоухают потом облагораживающего творческого труда, зато плохие воняют исключительно страхом и дурным умыслом.

Не правда ли, странно? На фоне столь пылкой любви к вещам материального мира и творящему их Разуму ожидаешь гораздо большего внимания к свойствам самих вещей. Ан нет, куда там! Любопытно, что ровно то же явление Набоков отмечает и у Чернышевского:

«Нам вообще кажется, что материалисты его типа впадали в роковую ошибку: пренебрегая свойствами самой вещи, они все применяли свой сугубо-вещественный метод лишь к отношениям между предметами, а не к предмету самому, т. е. были по существу наивнейшими метафизиками как раз тогда, когда более всего хотели стоять на земле...»

...Чернышевский объяснял: "мы видим дерево; другой человек смотрит на этот же предмет. В глазах у него мы видим, что дерево изображается точь-в-точь такое же. Итак, мы все видим предметы, как они действительно существуют". Во всем этом диком вздоре есть еще свой частный смешной завиток: постоянное у "материалистов" апеллирование к дереву особенно забавно тем, что все они плохо знают природу, в частности, деревья. Тот осязаемый предмет, который "действует гораздо сильнее отвлеченного понятия о нем" (Ч., "Антропологический принцип в философии"), им просто неведом. Вот какая страшная отвлеченность получилась в конечном счете из "материализма"!

Чернышевский не отличал плуга от сохи; путал пиво с мадерой; не мог назвать ни одного лесного цветка, кроме дикой розы; но характерно, что это незнание ботаники сразу восполнял "общей мыслью", добавляя с убеждением невежды, что "они (цветы сибирской тайги) всё те же самые, какие цветут по всей России"».

Этот убийственно точный анализ полностью применим и к роману Айн Рэнд. Она тоже тщится описывать отношения между вещами, будучи абсолютно беспомощной в том, что касается самих вещей. Парадоксальным образом проблема материалистов

заключается в том, что они понятия не имеют о материи! Рационалисты – о разуме! В то время как о столь уважаемых предметах следовало бы писать с должным вниманием к ним, ибо, что есть внимание, как не проявление уважения?

Ну, например, так:

«...был, кстати, нечистоплотен, неряшлив, при этом грубовато возмужал, а тут еще дурной стол, постоянные колики, да неравная борьба с плотью, кончавшаяся тайным компромиссом, – так что вид он имел хилый, глаза потухли, и от отроческой красоты ничего не осталось, разве лишь выражение чудной какой-то беспомощности, бегло озарявшее его черты, когда человек, им чтимый, обходился с ним хорошо...

...сам же не сомневался в своей непривлекательности, мирясь с мыслью о ней, но дичась зеркал; всё же иногда, собираясь в гости, или желая узнать причину неучтывого взгляда, мрачно всматривался в свое отражение, видел рыжеватый пух, точно прилипший к щекам, считал наливные прыщи – и тут же начинал их давить, да так жестоко, что потом не смел показываться».

Потом Набокова обвиняли за это мастерское, даже чересчур наглядное описание внешности и характера Чернышевского: зачем, мол, такой натурализм? Отчего мятежный Дух не упомянут? Помилуйте, господа, но вы ведь сами желали не о Духе, а о Материи... чего ж тогда стесняться прыщей? Прыщи – они тоже часть Природы, Жизни... или вы о какой-то иной жизни толкуете? И при чем тут мятежный Дух? Уж не идеалисты ли вы, Боже упаси?

На самом деле, четвертая глава «Дара» – вовсе не о Чернышевском-человеке; вряд ли Набоков стал бы размениваться на этот предмет исключительно ради самого предмета. Чернышевский требовался ему в качестве идейной альтернативы – убогой, приземленной, карликовой – альтернативы гигантской фигуре Отца. Отца, который олицетворяет в «Даре» истинный дар, свет и существо мира – прекрасного не вообще, а именно в каждой своей детали, в каждой вещи, одухотворенной фокусом человеческого внимания. «Судите сами, – словно говорит нам Набоков, – где пребывает высокая правда, а где низменная прыщавая ложь...»

У него самого нет на этот счет никаких сомнений:

«Как звать тебя? Ты полу-Мнемозина, полу-мерцанье в имени твоём, – и странно мне по сумраку Берлина с полу-виденьем странствовать вдвоем. Но вот скамья под липой освещенной... Ты оживаешь в судорогах слез: я вижу взор, сей жизнью

изумленный, и бледное сияние волос. Есть у меня сравнение на примете, для губ твоих, когда целуешь ты: нагорный снег, мерцающий в Тибете, горячий ключ и в иные цветы. Ночные наши, бедные владенья, – забор, фонарь, асфальтовую гладь – поставим на туза воображенья, чтоб целый мир у ночи отыграть! Не облака – а горные отроги; костер в лесу – не лампа у окна... О поклянись, что до конца дороги ты будешь только вымыслу верна...»

«Вымысел» тут – отнюдь не синоним лжи, но способ проникновения в существо мира, соединения с ним; парадоксальным образом правдой оказывается именно одухотворение пространства, в то время как «рациональный» взгляд Айн Рэнд (а до нее – Чернышевского) оборачивается враньем, унылым и поверхностным. Сравните вышеприведенный абзац Набокова и следующую цитату из диссертации Чернышевского (равным образом тут можно было бы привести и многочисленную речь-манифест Джона Галта из романа Рэнд):

«Прекрасное есть жизнь. Милое нам есть прекрасное; жизнь нам мила в добрых своих проявлениях... Говорите же о жизни, и только о жизни, а если человеки не живут по-человечески, – что ж, учите их жить, живописуйте им портреты жизни примерных людей и благоустроенных обществ».

Да бросьте вы, Николай Гаврилович (и примкнувшая госпожа Рэнд): не нужно ничего *живописать* – вполне достаточно поставить рядом два вышеприведенных абзаца... Не нужно, но ведь живописуют! Ведь откуда-то он все-таки берется, этот вульгарный, ограниченный, нелепый взгляд на мир? Вот версия Набокова о его, взгляда, происхождении – из той же Четвертой главы (версия эта, сделанная на основе дневников Чернышевского, кажется мне весьма правдоподобной):

«На Невском проспекте в витринах Юнкера и Дациаро были выставлены поэтические картинки. Хорошенько их изучив, он возвращался домой и записывал свои наблюдения. О чудо! сравнительный метод всегда давал нужный результат. У калабрийской красавицы на гравюре не вышел нос: "особенно не удалась переносица и части, лежащие около носа, по бокам, где он поднимается". Через неделю, всё еще неуверенный в том, что достаточно испытана истина, а не то – желая вновь насладиться уже знакомой податливостью опыта, он шел опять на Невский, посмотреть, нет ли новой красоты в окне. На коленях, в пещере, перед черепом и крестом, молилась Мария Магдалина, и лицо ее в луче лампы было мило, конечно, но насколько лучше полусвещенное лицо Надежды Егоровны! [жена

Василия Лободовского, друга Ч., в которую последний был тайно и платонически влюблен (А.Т.)]

На белой террасе над морем – две девушки: грациозная блондинка сидит на каменной лавке, целуясь с юношей, грациозная брюнетка смотрит, не идет ли кто... Разумеется, шейка у Надежды Егоровны еще милее. Отсюда важный вывод: жизнь милее (а значит лучше) живописи, ибо, что такое живопись, поэзия, вообще искусство в самом чистом своем виде? Это – солнце пурпурное, опускающееся в море лазурное; это – "красивые" складки платья; это – розовые тени, которые пустой писатель тратит на иллюминировку своих глянцевиных глав; это – гирлянды цветов, феи, фрины, фавны... Чем дальше, тем облачнее: сорная идея растет. Роскошь женских форм на картине уже намекает на роскошь в экономическом смысле.

Понятие "фантазии" представляется Николаю Гавриловичу в виде прозрачной, но пышногрудой Сильфиды, которая, без всякого корсета и почти нагая, играя легким покрывалом, прилетает к поэтически поэтизирующему поэту. Две-три колонны, два-три дерева – не то кипарисы, не то тополя – какая-то мало нам симпатичная урна, – и поклонник чистого искусства рукоплещет. Презренный! Праздный! И действительно, как же не предпочесть всему этому вздору честное описание современного быта, гражданскую горечь, задушевные стихи?

Смело можно сказать, что в те минуты, когда он льнул к витрине, полностью создалась его нехитрая магистерская диссертация "Эстетические Отношения Искусства к Действительности" (неудивительно, что он ее впоследствии написал прямо набело, сплеча в три ночи; удивительнее то, что он за нее, хоть и с шестилетним опозданием, так-таки получил магистра).

...борясь с чистым искусством, шестидесятники, и за ними хорошие русские люди вплоть до девяностых годов, боролись, по неведению своему, с собственным ложным понятием о нем, ибо точно также как ... аскету снится пир, от которого бы чревоугодника стошнило, – так и Чернышевский, будучи лишен малейшего понятия об истинной сущности искусства, видел его в искусстве условном, прилизанном (т. е. в антиискусстве), с которым и воевал, – поражая пустоту».

Итак, понятие о прекрасном у Чернышевского (и выстроенные на этой базе этические, экономические, философские воззрения) определяется элементарным невежеством, недомыслием, эстетической слепотой. Трудно удержаться от соблазна распространить этот вывод и на рационализм Айн Рэнд –

уж больно по-чернышевски плоско она звучит, когда берется рассуждать о Разуме, о Познании и о Природе. Так и слышится до боли знакомое диссертационное умствование саратовского семинариста: *«Милое нам есть прекрасное; жизнь нам мила в добрых своих проявлениях...»*

Но вернемся к вопросу, заданному в начале статьи: зачем? Зачем Рэнд понадобилось возвращать читателя к *«музыке, флагам, сдобным пирогам»* и прочим забытым снам Веры Павловны? И тут, отряхнув с ног прах провинциальной семинарии и приглядевшись, мы обнаруживаем важную деталь, резко отличающую Рэнд от Чернышевского: у них разные враги! Вот главный противник Айн Рэнд, о котором она пишет с нескрываемым отвращением:

«...вся промышленная система мира с ее великолепной техникой, тысячетонными домнами, трансатлантическими кабелями, роскошными деловыми центрами, биржами, ослепительной рекламой, со всей ее мощью и богатством, — вся она управляется не банкирами, не советами директоров, а небритым гуманистом из пивнушки в каком-нибудь подвале, типом с опухшим от ненависти лицом, который проповедует, что добро должно быть наказано за то, что оно — добро, что задача таланта — служить бездарности, а у человека есть одно право — существовать ради других...»

Гуманист? Враг? Неужели? Да-да, именно так. Главным врагом человечества, а, следовательно, и своим Айн Рэнд провозглашает ни что иное как гуманизм. Но позвольте, не гуманисты ли были светочем Чернышевского и его единомышленников (чьи основные постулаты Рэнд, в целом, разделяет)? Как же так вышло, что носители светоча по прошествии века обернулись злейшими неприятелями?

Ответ выглядит не вполне очевидным даже сейчас, когда мы имеем возможность в ретроспективе проанализировать идейную суть эпохи модерна – уж больно сильны старые стереотипы, приучившие нас, подобно собаке веры Павлова, истекать слюной при словах «гуманный», «гуманистический», «гуманизм». Тем более следует пользоваться каждой возможностью произнести это во весь голос: именно гуманистические идеологии, прекрасные по намерениям, но обернувшиеся катастрофой при реализации, послужили причиной самых больших несчастий, свалившихся на голову человечества. В принципе, можно было наблюдать это еще в младенчестве будущего монстра, при первой же удачной попытке захвата власти, когда гуманисты революционного Конвента, не колеблясь,

отдавали приказ сровнять с землей второй по величине город Франции – естественно, во имя светлого будущего человечества.

К счастью для лионских ткачей, в 1793 году у гуманистов не хватило технических возможностей, да и идеология нуждалась в куда более серьезной артикуляции, нежели романы Руссо и писания просветителей. Чем, собственно, и занялся последующий XIX век, ставший эпохой накопления и техники, и идей. «Свобода, равенство, братство!» «Человек – это звучит гордо!» «Средства производства принадлежат производителям!» «Мир народам, фабрики рабочим, землю крестьянам!» Кто мог знать, что из этих прекрасных гуманистических птенцов вылупятся Аушвиц и ГУЛАГ? Впрочем, уже тогда (1848) Энгельс писал о том, что реакционные «остатки европейских народов» (к коим основоположник марксизма причислял галлов, басков, бретонцев и южных славян) должны быть «безжалостно растоптаны». Да и писатель-социалист Герберт Уэллс в 1905 году утверждал, что «единственно разумная и логичная вещь, которая может быть применена к низшей расе, это ее полное уничтожение». А видный гуманист Бернард Шоу в 1933 году призывал травить «общественных паразитов» гуманным (то есть убивающим безболезненно) газом.

Я готов допустить сугубо благие намерения гуманистов ДО главных ужасов XX века, хотя даже такое допущение никоим образом не освобождает их от ответственности за злодеяния, совершенные по лекалам сотворенных ими гуманистических идеологий. Но как можно оправдать приверженность тем же убеждениям ПОСЛЕ, сейчас, в наши дни? Нацизм был осужден человечеством в Нюрнберге; коммунизм пока успешно избегает своего судебного процесса; социализм высокомерно пожимает плечами: при чем тут я? Но судить этих убийц следует не по частям, а всем скопом. Смертельная чума гуманизма еще ждет своего Нюрнберга.

Так что честь и хвала Айн Рэнд, которая уже в 1957 году с удивительной точностью направила обвиняющий перст в сторону истинного преступника. Но при этом нельзя не отметить, что источником этой поразительной зоркости стал всё тот же вульгарный рационализм, всё то же чернышевское преклонение перед Разумом! Почему? Да потому, что прошли времена Чернышевского, когда гуманисты были не меньшими рационалистами, чем он сам, то есть представляли собой естественных союзников. Тогда, как и автор «Что делать?», они не имели ни малейшего понятия о реальном мире, что не мешало им

считать свое восприятие действительности единственно разумным, а потому единственно верным.

Зато столетием позже, во второй половине XX века даже самые упертые идеологи не могли отрицать, что гладким торжество гуманизма выглядело лишь на бумаге. Какой же вывод был сделан на основе этого бесспорного наблюдения? Что гуманизм преступен? Что опасно считать человека Человеком, то есть обладателем истины в последней инстанции? Что Бог отнюдь не умер от того, что так провозгласил Ницше – кумир Айн Рэнд еще в бытность ею Алисой Розенбаум? Что гуманистическая модель никуда не годится?

Нет, признать такое означало бы признать поражение. Вместо этого гуманисты предпочли поступить, как мошенник, сметающий с доски фигуры за два хода до мата. Было объявлено, что причина несоответствия истин гуманизма упрямой реальности заключается не в их изначальной ложности, а в том, что в реальности истин не существует вообще – никаких. Истин нет; есть лишь однородный бульон статистических закономерностей, где ничего – ровным счетом ничего – не имеет разумного смысла. А коли так, то и за целевую общественную модель нужно принять не то, что логически следует из истинных закономерностей мира (как полагали прежние идеологи, современники Чернышевского), а то, какой бы мы ХОТЕЛИ видеть окружающую действительность. Вы ведь хотите, чтобы люди были равны? Вот и ведите себя так, как будто они равны. Вы ведь хотите, чтобы каннибалы усвоили принципы демократии? Вот и ведите себя так, как будто они усвоили... – и т.д., и т.п.

Иными словами, постмодерн предлагает человечеству включить *wishful thinking* и жить в воображаемом мире – причем, по прежнему гуманистическому кодексу; разница заключается лишь в том, что теперь никто не морочит нам голову истматом-диаматом, не уверяет во всесии Разума, но суть... – суть остается той же! Вот только для упертой рационалистки Айн Рэнд покушение на Разум оказалось категорически неприемлемым. Если *гуманиста разумного* она еще кое-как терпела, хотя и зачастую расходясь с ним относительно трактовки того, что именно следует считать за А в формуле «А равно А» (где, напомним, первое А – закон Природы, а второе А – его осознание Разумом), то *гуманист постмодернистский*, объявивший А несуществующим вовсе, уже не лез ни в какие ворота – особенно, в ворота Города Будущего. В глазах Рэнд вышеописанная смена модернистской тактики автоматически превращала «небритого гуманиста» в главного врага всего разумного человечества.

В самом деле, ничто не может взбесить истинного рационалиста больше, чем предложение жить согласно неким умозрительным идеалам, которые не только оторваны от реальности, но даже и не скрывают этого, а напротив, пропагандируют свою навязываемую искусственность. Вы ведь хотите жить в обществе, где у каждого есть дом? Тогда давайте закрепим это право законом. Пусть также никто не терпит неудач – вы ведь не хотите жить среди неудачников? Что ж, давайте примем акт об отмене банкротств. Что? Не хватает денег? Давайте напечатаем, а вдобавок немедленно издадим указ, запрещающий говорить о нехватке...

В 1957 году еще не было произнесено слово «постмодерн». Но если кто-то уже тогда мог понять, куда дует ветер, то этим провидцем должна была стать именно Айн Рэнд и именно в силу уникальной допотопности своего вульгарного рационализма, верность которому во всем мире соблюдала, наверное, лишь она одна. Вот уж действительно неисповедимы пути истины!

Нынешний читатель пролистывает «теоретические» выкладки на страницах «Атланта» с чувством неловкости за их автора – и правильно делает. Заслуженная популярность романа обусловлена совершенно иными его фрагментами: теми, где Айн Рэнд во весь голос отвергает навязываемый человечеству гуманистический подход, отказывается играть в постмодернистскую «хотелку», подменять сущее желаемым. Она словно говорит нам: «Раньше вас заставляли верить в мираж, называя его реальностью. Сейчас от вас требуют притвориться, будто мираж реален, убеждая при этом, что реальность сама приспособится к миражу. Но этого не произойдет никогда. Жизнь в мираже всегда чревата катастрофой, и вовсе необязательно ждать, когда мир взбесившийся лошадью в очередной раз вывернется из-под седла дежурного гуманистического бреда».

Или, цитируя роман: *«Мы не обязаны видеть мир таким, каким они хотят, чтобы мы его видели!»*

В этом ключ: мы не обязаны по-прежнему лить слюни на гуманистические идеалы. Протест требует смелости, хотя «диктатуру политкорректности», при помощи которой нынешнюю гуманисты навязывают человечеству свою мораль, не сравнить с кровавой гнусью диктатуры пролетариата или нацистского тоталитаризма. Сейчас смельчаки в худшем случае становятся жертвами запрета на профессии – по крайней мере, пока.

«Были времена, – говорит Айн Рэнд устами одного из своих героев, – когда люди боялись, что кто-нибудь раскроет их

секрет... Сегодня бояться, что кто-нибудь произнесет вслух то, о чем все и так знают».

Но надо именно вслух. Вслух и во всеуслышание. Тень должна знать свое место.

Если прозрение относительно главного врага пришло к Рэнд более-менее случайно, через заднюю калитку, то заслуга следующего открытия принадлежит уже исключительно ей: *«Процесс мышления есть моральный процесс».*

Это утверждение звучит настолько необычно, что многие проскакивают его, не заметив, хотя именно в нем заключается главный пафос романа, его важнейший идейный заряд. В самом деле, нас приучили думать, что моральные ценности относятся исключительно к области поведения, в то время как теоретические рассуждения – к таинственной сфере не то чистого разума, не то идеального философского пара. Что ваш собеседник может высказывать какие угодно соображения – да хоть мечтать об истреблении газом «общественных паразитов», на манер Бернарда Шоу, – и это никак не должно влиять на вашу моральную оценку этого человека. Почему? Потому, что одно дело – *высказывание*, и совсем другое – *действие*. Первое допустимо, а значит, можно спокойно продолжать пить чай и переходить на разговор о погоде. Зато с реальным палачом, который сыпет кристаллы реального Циклона-Б в реальную отдушину реальной газовой камеры, вы, без сомнения, никогда не сели бы за один стол.

Но логично ли это – особенно, в тех случаях, когда умозрительная теория прошла неоднократную проверку практикой, доказав при этом свою преступную аморальность? В тех случаях, когда последствия этой теории ясны вам как божий день? Неужели и тогда вы воздержитесь от моральной квалификации высказывания? Неужели и тогда скажете: «Ну так что ж, что взгляды у него сомнительные, зато какой человек приятный, старушек через дорогу переводит и кошелек со стола не украдет?»

Рационализм Айн Рэнд отказывается мириться с подобной логикой. Для нее, накрепко связавшей разум с нравственностью, не существует вышеописанного разделения на действие и суждение: первое равно второму, как А равно А. Да и возражения тех, кто приводит аргументы в пользу такого разделения, относятся скорее к практическим последствиям применения этого принципа. Мол, возможно ли клеймить голосующих за социалистов как моральных уродов – ведь их так много... Как будто распространенность подлости отменяет факт ее наличия. Как будто социалистические убеждения после НСДАП, РСДРП и

ВКП(б) не являются прямым свидетельством аморальности их носителя.

Гуманисты в романе Айн Рэнд не просто неправы – они мерзки и подлы; человеческая подлость видится ей прямым продолжением левого гуманистического мировоззрения. Для нее левый значит подлый, прямо и без экивоков. И тут самое время вернуться к Набокову – третьей вершине нашего треугольника. Потому что он, так или иначе, разделял ту же точку зрения, высказывая ее при каждом удобном случае, хотя и в иной, не столь очевидной форме. Разногласия Набокова с вульгарными режимами Советов и нацистов, а впоследствии – с лицемерной политкорректностью западных леваков, носили прежде всего эстетический, а значит, самый что ни на есть принципиальный характер.

Когда я думаю о том, почему Набоков избрал в качестве своей жертвы (ведь уничтожил, в самом деле уничтожил, растоптал в слякоть) именно Чернышевского, то не могу не прийти к выводу о глубоко личных мотивах. Владимира Владимировича оскорблял сам факт существования Чернышевского; забудьте даже вышеприведенную цитату о прыщах и онанизме – вот отрывок, который куда лучше выдает ревнивое чувство автора «Дара» по отношению к саратовскому парвеню:

«Другой Костомаров, профессор, где-то говорит, что Чернышевский играл в шахматы мастерски. На самом-то деле ни Костомаров, ни Чернышевский ничего в шахматах не смыслили. В юности, правда, Николай Гаврилович как-то купил шахматы, пытался даже осилить руководство, кое-как научился ходам, довольно долго возился с этим (возню обстоятельно записывая) и, наконец, наскуча пустой забавой, всё отдал приятелю. Пятнадцать лет спустя (помня, что Лессинг с Менделеевым сошелся за шахматной доской), он основал Шах-клуб, который был открыт в январе 62 года, просуществовал весну, постепенно хирея, и сам бы угас, если б не был закрыт в связи с "петербургскими пожарами". Это был просто литературно-политический кружок, помещавшийся в доме Руадзе. Чернышевский приходил, садился за столик и, пристукивая ладью (которую называл "пушкой"), рассказывал невинные анекдоты».

Казалось бы, зачем? Столько уже нанесено тяжких (и справедливых) ударов, противник распростерт на полу, причем так, что и не шевелится, к чему тогда еще и эта, столь незначительная деталь: хотел научиться шахматам, да не смог... ну так что? Ну, называл ладью «пушкой»... экое преступление, попробовали бы

вы, Владимир Владимирович, любимого Гоголя на ту же тему проэкзаменовать. В чем же дело?

А в том, что трудно сыскать в русской литературе большего рационалиста, чем сам Набоков. Ничей ум не блещет столь отточено и ярко в безупречной точности образов, в сложноподчиненном лабиринте предложений. Ничьи сюжеты не выстроены столь безупречно, ничьи рассуждения столь четко не освещены сверкающим лучом горделивой логики. Это ведь он не позволил себе ни разу, ни крылом, ни пером увлечься соблазнами мистического сумрака. Да и сопутствующие интересы Набокова лишь подтверждают глубоко рациональный характер этого таланта. Энтомология в принципе не существует без склонности к систематизации, классификации. Да и те же шахматы... вернее, даже не сами шахматы, предполагающие элемент состязания, борьбы, а именно шахматная композиция, то есть чистейший, беспримесный кабинетный анализ, логика замысла и расчет вариантов.

Итак – тоже рационалист? Тоже – но... не то же. Рационализм Набокова одухотворен глубоким эстетическим чувством, и это сразу возносит третью вершину треугольника на недостижимую высоту по сравнению с другими двумя, безнадежно застрявшими в вязкой глине убогого «общего» теоретизирования. Первичная основа набоковского бытия, плоть и кровь набоковской вселенной – Красота, в то время как Разум представляется ему необходимым инструментом познания Красоты, вскрытия ее сокровенных связей, этих кровеносных сосудов мира. В этом и заключается коренное отличие рационализма Набокова от рационализма Рэнд и Чернышевского, которые также полагали Разум инструментом – но всего лишь инструментом борьбы за выживание.

Понятно, что подобная профанация звучала попросту оскорбительно. Боже, как он должен был раздражать Набокова, этот вульгарный, узколобый, исполненный нелепого апломба семинарист, самым фактом своего литературного бытия дискредитировавший назначение Разума! Собственно, автор «Дара» и проговаривает свое истинное желание в описании сцены гражданской казни:

«Между тем Чернышевского поспешно высвободили из цепей, и мертвое тело повезли прочь. Нет, – описка: увы, он был жив, он был даже весел! Студенты бежали подле кареты, с криками: "Прощай, Чернышевский! До свиданья!" Он высовывался из окна, смеялся, грозил пальцем наиболее рьяным бегунам. "Увы, жив", – воскликнули мы, – ибо как не предпочесть казнь смертную,

содрогания висельника в своем ужасном коконе, тем похоронам, которые спустя двадцать пять бессмысленных лет выпали на долю Чернышевского».

Иными словами: как не предпочесть смертную казнь продолжению жизни этого ходячего унижения Разума? Как смириться с этой мелкой профанацией, с этим бубнящим, врущим, шутовским позором! А еще яснее: лучше бы этого Николая Гавриловича повесили, в самом-то деле! Что тут скажешь... – именно эта неподконтрольная ненависть, носящая характер страсти, лучше всего выдает и связь, и зависимость, и стремление вырваться, высвободиться – если не из подчинения, то, по крайней мере, из-под гнета нежелательной аналогии.

Впрочем, и набоковский «рационализм Красоты» заслуживает довольно серьезного упрека. Твердо следуя принципу эстетического одухотворения мира и собственной жизни, писатель последовательно избегал размышлений об истоке, генезисе, смысле Красоты. Возможно, ему казалось, что подобные поиски заведомо ни к чему не приведут вследствие недостаточной мощи Разума? Возможно, он помещал Красоту в принципиально иную, непостижимую сферу? Но оба этих предположения ставят под вопрос саму концепцию рационализма, напуская по углам картины столь ненавидимый Набоковым мистический полумрак. Прямым следствием этого противоречия стал эскапизм писателя, его демонстративное бегство в открыто декларируемую элитарность, в духовно и политически нейтральную Швейцарию мысли.

Чернышевский – Набоков – Рэнд. Странный треугольник рационализма, насквозь продравший ветхую ткань времени, вытянувший свои ребра над столетиями и континентами. Виллойск – Берлин – Нью-Йорк. Камера Петропавловской крепости – гостиничный номер над Женевским озером – каморка голливудской статистки (по иронии судьбы *statist* на современном публицистическом жаргоне означает еще и «сторонник государственного регулирования»). Поверхностность – глубина – визионерство. Идейный тупик первого, эстетский эскапизм второго, случайные открытия третьей. Эти писатели галактически далеки друг от друга. Они не схожи ни происхождением, ни уровнем таланта, ни судьбой, ни потенциалом мысли, ни ролью на исторической сцене. В жесткую геометрическую фигуру треугольника их объединяет лишь одно: рационализм. Рационализм и, как следствие, неудача в важнейшем деле, с которым неизбежно сталкивается каждый человек: в деле выстраивания адекватной картины мира. Ибо, лишь это дело

исполнив, можно, по выражению того же Набокова, *«достигнуть цели жизни: счастья»*.

Юрий Магаршак
Космос русской речи
в первых строках первой
строфы первой главы
поэмы Евгений Онегин

о, что известно с раннего детства, ослепляет. В том смысле, что не позволяет видеть то, что впитал с молоко матери – или же молоком Матери-Родины – таким, каким оно существует на самом деле. Это касается особенностей языка, с которым родился, краеугольных устоев нравственности, обычаев семьи и народа, поговорок и присказок. А также некоторых литературных отрывков. Которые слышал так много раз и с такого раннего возраста, и так много раз произносил сам, что, кажется, ты их еще до рождения знал. Чуть ли не на генетическом уровне. Как перелетная птица непонятно каким образом знает, куда ей лететь на зиму и возвращаться на лето, так и некоторые стихи. Особенно если они Пушкинские а ты - русский.

В данном случае я имею в виду знакомые с раннего детства слова самой известной поэмы из всех, которые когда-либо по-русски были написаны. А если еще точнее – самые первые ее строки в самой первой строфе. Таким образом, речь пойдет, как Вы уже догадались, о начале Евгения Онегина Пушкина. Которое, без сомнения, известно каждому, для кого русский язык родной: президенту и домохозяйке, академику и двоечнику, заключенному и охраннику, охраняющему его от свободы, олигарху и бомжу, рэкету и его жертве. Вот эти великие всем известные строки:

**"Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог".**

Ну и что ж тут такого может быть новенького? – справедливо спросит читатель. – Эти строки со времени их напечатания читали и наизусть знали наверное миллиард человек. А произносили и повторяли не менее чем триллион раз. Сотни тысяч раз читали со сцены и произносили по радио. А уж сколько человеко-часов их изучали и обсуждали не только на уроках литературы, но и на конференциях литературоведов и пушкинистов – не счесть! И что же, автор настолько самонадеян, что надеется, несмотря на то, что слова эти знакомы с детства каждому русскоговорящему человеку, отыскать в них что-нибудь новенькое? И он говорит об этом всерьез а не в шутку, без ерничанья и дураков?

Ответ: ну да, вроде получается так. Хотя в гордыне, по крайней мере по данному конкретному поводу, уличить себя никак не могу. А впрочем, судите сами. Или что то же самое, как говорил один теоретический физик: послушайте меня десять минут, и вы все поймете без объяснений.

Начнем с того, что мысленно вернемся на много лет. Заглянем в Советскую Школу в 8 Б класс. В котором на уроке литературы на третьей парте в ряду, который находится у окна, сидит вихрастый мальчишка. С такими густыми кудрями, что, в попытке их расчесать, не раз и не два расчески ломались. А теперь давайте настроим машину времени на тот самый момент, в который учительница литературы Антонина Степановна, как тогда (а может быть и сейчас) говорили, “с выражением” прочитала первые строки Евгения Онегина. Затем проговорила что-то банальное. После чего спросила, нет ли вопросов у школьников,

прежде чем пойти в изучении Пушкина дальше – как это положено по программе.

- У меня вопрос, Антонина Степановна – потянулась к небу рука вихрастого мальчугана.

- Вечно у тебя, Магаршак, вопросы – поморщилась классная руководительница. – Ну, спрашивай.

- Не кажется ли Вам, что первая фраза великой поэмы построена странно и неуклюже. *Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог, он уважать себя заставил.* Это все равно как если бы я написал в сочинении: учительница Антонина Степановна, она преподает литературу. Какую отметку вы бы поставили за такое начало? Тройку? Пятерку? Кол?

- Это у Вас, Магаршак, что-то не так. А у Пушкина все так. И у русской поэзии тоже.

- То есть Вам кажется, что если бы я например сказал: мой тяжелый портфель, он полон книг – то это написано было б пушкински?

- Не понимаю к чему ты, Магаршак, клонишь. Не хочешь ли ты сказать, что твой русский язык лучше чем у Солнца Русской Поэз-зии?

И в мыслях такого нет! Но может быть у этой фразы на самом деле была другая интерпретация. И Пушкин хотел сказать ей нечто совсем другое.

- И что же по-твоему, Магаршак Юрий, Александр Сергеевич Пушкин хотел сказать первой фразой своей великой поэмы? Может, расскажешь нам с классом? А мы притихнем и выслушаем.

- Ну если вы просите и настаиваете... **Давайте разберем первое предложение Евгения Онегина по членам предложения. Не возражаете?**

- **Не возражаю.**

Тогда начнем. Подлежащее дядя. Правильно?

- **Правильно.**

Дядя чей? Мой. Правильно?

Правильно.

Дядя что делал? Правил. Правил кого? Самых Честных. Правил когда? Когда не в шутку занемог!

- Как-как? Повтори-ка.

- Повторяю для тех, кто с первого раза не вник. Разбираем по членам предложения первую строку Евгения Онегина. Подлежащее дядя. Дядя чей? Мой. Дядя что делал? Правил. Правил кого? Самых честных. Правил когда? Когда не в шутку занемог!

Немая сцена. В воздухе повисла тяжелая советская тишина. За которой, как известно, неизменно следовал гром. А временами и молния.

- С ума сойдешь с такими учениками. Так что же, по-твоему правил – это глагол?

- Сказуемое. Стоящее в предложении там, где оно и должно быть. И все сразу становится понятно и ясно. Вы вслушайтесь! Воспринимая каждое слово в отдельности. Соответственно его смыслу.

мой дядя самых честных правил когда не в шутку занемог. Он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог.

Четко. Поэтично. И грамотно.

И какой же смысл по-твоему имеет предложение, которое начинает поэму?

- Да это же очевидно из того, что написано – если непредубежденно читать. Дядя Пушкина, человек без сомнения просвещенный, когда не в шутку занемог, стал делать то, чего, будучи здоровым, себе позволить не мог. Правил – в смысле наводил на путь истинный, а может быть и еще того круче: правил как в царское время правили на правеже, но только не кнутом, а словами! - даже самых честных из тех, кто вокруг него был. Не говоря уже обо всех прочих помещиках, которые над крестьянами издевались, как только позволяла фантазия. И этим своим достойным и обличительным поведением дядя Евгения Онегина, умирая, заставил себя уважать. Ведь в самом деле: лучшего способа для того, чтоб вызвать к себе уважение перед смертью, чем начать, наконец, говорить честно и пламенно, и придумать нельзя!

- Так дядя Онегина что же, по-твоему был... был... ну просто Чаадаев какой то?

- Вот именно! вольтерьянец и вольнодумец. Потому что говорить то, что думаешь, во времена Пушкина в России было смертельно опасно. И не только во времена Пушкина.

- Не хочешь ли ты сказать, Магаршак, что и в наше советское время...

- Ну вот, вы меня уже в Чаадаевы записали. Которого по приказу царя признали психически нездоровым. При этом впервые в российской истории верховная власть сообщила диагноз врачам, который медики затем послушно больному поставили. Прием впоследствии повторявшийся многократно. Включая эпоху культа личности Сталина. И даже после нее.

- Магаршак, да что вы такое мелете! – побледнела учительница. Вдруг вспомнив, что на ней, не только члене КПСС

но и секретаре парторганизации, лежит ответственность за происходящее на уроке. – Для того, чтобы доказать Вам, что вы неправы, достаточно вспомнить, что дальше – о чем мы будем говорить завтра – в той же самой первой главе сказано, что Онегин – второй Чаадаев. А если бы вторым Чаадаевым был дядя Онегина, то Евгений Онегин, получается, был бы Чаадаевым под номером три. Три, а не два!

- Так это ведь Вы сказали, что дядя Онегина был второй Чаадаев, Антонина Степановна. Пушкин этого не говорил. Зато посмотрите, в какие глубины Вас завели ассоциации с анализом всего лишь одной строки Евгения Онегина. И в какие эмоции. Сколько страсти, сколько ассоциаций! Взгляните в зеркальце – на вас же лица нет! А впереди ведь не только три строки первого четверостишья, но и следующая за ними пятая строка первой строфы: “Его пример – другим наука!” то есть: патриоты России, будьте честными, записывайтесь в ряды декабристов! – приобретает особенный смысл и вес, придавая пятистишию: да-да, именно не четверостишью, а пятистишью!! - законченность. После коей космичной преамбулы-камертона начинается Действие.

Класс заволновался, запрыгал и загалдел. Учительница же (классная руководительница между прочим) чувствуя, что теряет бразды правления над подрастающим на глазах поколением, повелительно произнесла: Не слушайте Магаршака, дети.

И обращаясь ко мне, авторитарно проговорила.

- Ты, школьник, очевидно, не знаешь, что у Крылова была аналогичная строчка: “Осел был самых честных правил”. Александр Сергеевич начал поэму по аналогии с басней великого баснописца земли русской! Что начисто убивает интерпретацию, которая тебе померещилась.

- Допустим. Но это бы означало, что Пушкин в первой же строке своего величайшего произведения заставил Онегина, пусть даже иносказательно, назвать ослом дядю, который по завещанию оставил Евгению все. Каким же мелочным и неблагородным при этом выступает Герой Русской Литературы!

- Ну вот, теперь, кажется, разобрались – подытожила Антонина Степановна по партийному, то есть авторитарно и без какой либо логики, незаметно стирая носовым платочком внезапно выступивший на щеках пот. – Надеюсь, у класса больше нет вопросов к учительнице?

Проходит секунды четыре. После чего над головами снова тянется чья-то рука.

- Ну что там еще у тебя, Магаршак?

Антонина Степановна, а ведь если предположить, что Пушкин вторил Крылову, то сразу бросается в глаза, что парафраз этот на самом деле не парафраз! Ведь у Крылова при внешнем поверхностном сходстве совершенно другая конструкция! Потому что у Ивана Андреевича после подлежащего “осел” стоит глагол “был”, что делает интерпретацию слова “правил” сказуемым невозможной. У Пушкина же глагола “был” в предложении, якобы аналогичном крыловскому, нет. Что разом уравнивает оба смысла: первый, что дядя Онегина был вольнодумцем, всех правившим, со вторым, что *Евгений Онегин* начинается с намека на басню с ослом. Довольно кстати сказать бестактного и странного для начала Великой Поэмы намека.

- Ну и зачем же Пушкину по твоему мнению было устраивать такую двусмыслицу?

То есть как это для чего? Чтобы убаюкать цензуру.

- Цензуру?

- Ну конечно цензуру! Первая глава была опубликована в 1925 году, когда друзья Пушкина уже готовили декабрьское восстание. И Поэт, с его сверхчуткой душой, улавливавший малейшие дуновения настроений в обществе, не мог не догадываться об этом.

- Таким образом становясь, написав первые четыре строки великой поэмы, в ряды декабристов? Это патриотично. Можете продолжать, Магаршак.

- Да я собственно главное уже высказал. Парафраз с Крыловым, о котором поэт как бы ненароком сам же наверняка и рассказал всем-всем-всем, чтобы поэму не запретили, и сбить цензоров и ищек, делает первое предложение – оно же четверостишие – утонченно двусмысленным. Причем двусмысленность эта уводит в глубочайшие и высочайшие бездны. Достойные начала величайшего произведения.

- Знаете Магаршак, я все-таки запрещаю Вам говорить. В противном случае мне придется-таки вызвать вас к директору школы. Чего ни Вам, ни мне ну абсолютно не надо.

Мальчик замолк, вглядываясь и вчитываясь в первую строфу Онегина на протяжении оставшейся половины урока. Мысли и образы – как сейчас помню и вижу их, милых, летучих, переплетающихся – носились, как бешеные, в голове, словно она была космосом. И только когда прозвенел звонок и ребята высыпали в коридор, подошел к одиноко сидящей училке. Обессиленной так, словно ее только что выпарили.

- Антонина Степановна. Кажется, я могу Вас обрадовать. Выдвинутая мною гипотеза, что в первой строчке Евгения

Онегина *правил* это глагол, наверное все же неправильна. Потому что интерпретация слова “правил” как глагола возможна только когда читаешь Пушкина устно. Если же читать стихи письменно, их не слышишь ушами, а видишь глазами. В русском языке написанное и услышанное почти всегда совпадают. За исключением Николаевского КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ. И по странному совпадению первых четырех строк поэмы Евгений Онегин, которую цензурировал не кто-то, а именно Николай! Если бы слово “правил” было глаголом, то в конце второй строчки должна была бы стоять точка. Или же точка с запятой, делающая предложение сложносочиненным. А там запятая. Что делает интерпретацию слова “правил” как глагола менее вероятной. Запятая – слишком легкий, почти невесомый знак для этого трактования.

- Вот видите Магаршак.

- Вижу. Что Пушкин играл первым и вторым смыслами, уравнив их в устном произнесении. Но по какой-то причине отдал предпочтение все-таки такому прочтению, которое не давало бы повода думать, что дядя Онегина вольтерьянец. Скорее всего, Поэт убрал точку с запятой или точку и заменил их на запятую, тем самым склонив весы понимания, на одной чаше которого лежит странноватый идиоматический оборот, а на другой четкое бунтарское предложение – в сторону безобидной нелепицы, потому что решил, что риск слишком велик.

И как же ты, мальчик – если твоя теория правильна – объясняешь беспринципность Александра Сергеевича в этом четверостишьи, которой у него никогда не было ни ранее ни позднее?

- Самым естественным образом. С 1824 года Пушкин находился в ссылке в Михайловском. А потому взвешивал каждую запятую и каждую точку на Весах Судьбы. Причем судьбы не онегинской, а своей собственной. А к 1925 году, когда читал верстку Первой Главы перед тем как она была впервые опубликована, решил, что если он решится поставить точку (после второй строки или же после первой) поэму наверняка запретят. И даже если всего-навсего завершит любую из этих двух строк точечкой с запятулечкой – его сошлют не в пример дальше, чем в собственное поместье, расположенное в 50 километрах от Пскова. Во глубину сибирских руд. Или еще того пуше: в вечную мерзлоту! Это же очевидно. Для того и поставил Александр Сергеевич в конце первой и второй строк симметрично равнодушные запяты, чтобы цензура и сам высочайший цензор государь Император, даже если б что-то почувствовали,

придраться ни к чему не могли. Вот только доказательств гипотезы у меня нет. И стало быть, ей суждено навечно остаться версией. Которая, наверно, как игра поразительными возможностями нашего языка немного воображение и поражает. Но не более этого.

Антонина Степановна устала на меня с такой тоской и таким ужасом, каких в ее глазах не видел ни ранее, ни позднее. Никогда не забуду этот ее отчаянный отеческий взгляд.

- Вам нельзя заниматься литературой, Магаршак.

- Почему?

- Потому что не забывайте, в какой стране вы живете. Филфак вам антипоказан категорически. Идите в математику или в физику. Там для вашей аналитической головы прямая дорога.

Юрий Магаршак, профессор физики. А также немножечко литератор. Несмотря ни на что.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Соня Тучинская

Лети, корабль, неси меня к просторам дальним...

*Вот меня с юности мучило желание
путешествовать, пожирать свет божий.*

Набоков

*...когда я говорю, что сладостно потом
о странствиях мечтать, о прошлом золотом,
и вдруг припоминать, в тревоге, в умиление
мучительном не то, что знать бы всякий мог,
а мелочь дивную, оттенок, миг, намек...*

Набоков

еликий русский путешественник, бытописатель и литератор, Петр Вайль, любил повторять, что «путешествовать и молчать об этом не только противоестественно, но и глупо». Настоящие заметки – результат моего действенного согласия с этой замечательной формулой.

В октябре 2010 года мы проехали по маршруту Сан-Франциско – Москва, Санкт Петербург, Хельсинки, Стокгольм, Копенгаген – Сан-Франциско.

Описания этих странствий никак нельзя использовать в практических целях в силу их абсолютной бессистемности. О главном – мимоходом, а то и вовсе ничего. О незначительных мелочах – в деталях. Почему? А черт его знает. Просто, по какому-то странному закону сознания запоминается «не то, что знать бы всякий мог», а какие-то неважные, но чем-то милые или забавные для нас пустяки. А через пустяки, как ни скрывайся, нет-нет, да и проглянет главное. Так что пишу без каких-либо ограничений по жанру или стилю, а как черт на душу положит. Но ведь и по местности передвигались примерно также, без загода проложенного маршрута. Заранее было куплено только два билета

- Сан-Франциско - Москва и Копенгаген – Сан-Франциско. Три недели внутри - "Иди, куда влечет тебя свободный ум...".

В этот раз мы почти не ходили по знаменитым художественным музеям (а только по пустующим, литературным или этнографическим), театры не посещали абсолютно (а только, концерты, изредка), да и на выставках, если и показывались, то редко. При этом, проходя мимо культурных объектов, своими глазами видели огромные массы москвичей, питерцев, и гостей обеих столиц, которые в дневное время устремлялись в музеи и выставочные залы, а в вечернее – к театральным подъездам.

Что же мы делали три недели? Так, ничего полезного. Любовались улицами, дворцами и отдельными зданиями, шатаясь по Москве, Питеру и северным столицам Европы. Передвигались между основными пунктами назначения на скоростных поездах и огромных, как гостиницы, паромов, и конечно выпивали и закусьвали - т.е. часто и подолгу сживали в разного качества едалянях. В Москве и Питере – с друзьями, в Стокгольме и Копенгагене – к сожалению, без оных.

Прекрасно сознаю, что фотографии у меня, того... оставляют желать. Текст, кстати, тоже, довольно своевольный и отрывочный. Тем не менее, мне ничуть не совестно представить его на суд читателя. Ведь для практических целей существуют путеводители. А мне остается, следуя максиме незабвенного Петра Вайля, приступить к рассказу о виденных мною городах и всеях, причем, именно в той последовательности, в которые я вступала в их пределы во время своего путешествия.

Москва

Рассказ о посещении дома-музея Толстого в Хамовниках и Герцена - в Сивцев Вражек, придется опустить. Слишком многое связано у меня с бывшими хозяевами этих московских особняков, и это многое не стыкуется с полушутейным форматом разговора, заданным вступлением. По той же причине не стану описывать чувства, испытанные во дворе ардовского дома на Большой Ордынке и у входа в цветаевский дом-музей – в начале Борисоглебского. Так уж вышло, что «гостя на земле» в одно и то же время, встретились они (на земле) только раз – в крошечной комнатке Ахматовой на Ордынке. Это было в начале июня 41-го. Никто еще не знал, что одной из них осталось «гостить» в этом мире совсем недолго. Что в последний августовский день того страшного лета, в забытой богом Елабуге... Здесь я, пожалуй, и остановлюсь.

А перейду к значительно более прозаическим вещам. Ресторан «Пушкинъ». Еще дома, готовясь к поездке, я поняла, что это потрясающее заведение нельзя обойти стороной.

Здание – великолепная имитация (или реплика) старинного московского особняка. В первый же день по приезде мы там завтракали. Коганы и Сережа заказали, помимо всякого всего, пшеничную кашу с тыквой. Я над ними очень потешалась, но на самом деле каша оказалась поистине райского вкуса. На следующий день - обедали. Свидетельствую как на духу, что «борщъ изъ гусиных копченостей с разными капустами» и «разстегай съ семужкою да визигою» – неоценимый вклад славян в историю цивилизации. Лица у официантов одухотворенные, чего не скажешь о большинстве посетителей. При этом, старомодная учтивость в обращении, но не чрезмерная, без назойливости. Тот, что обслуживал нас, обнаружил поразительное знание истории ресторанного дела на Руси. Оказывается, какое-то время назад, чтобы попасть официантом в "Пушкинъ", надо было владеть двумя иностранными языками и продемонстрировать достаточный обще-гуманитарный уровень. Мы решили, что "наш", без сомнения, был принят на службу именно в то время. Интересно, что «туалет» он именовал «уборной». Вот Довлатов бы порадовался. При нем нельзя было произносить такие слова, как «туалет» или «вкуснотища». Он и своих собственных детей за «туалет» жестоко карал.

Ресторанный зал на втором этаже – так называемая «Библиотека». Книжки из книжных шкафов брала в руки, вертела, нюхала - ну, чесслово, как настоящие, пушкинского времени. Как будто их рентную из музейных запасников. Хотя ясно сознаю, что «этого не может быть, потому что не может быть никогда». А

вообще-то, черт его знает. В сегодняшней Москве, так же как и в булгаковской, все может быть.

Короче, живущие и работающие сейчас в Москве, Лера и Илюша Коганы, три раза пользовались нами, как ширмой, для посещения этого сногшибательного места. Будем смотреть правде в глаза: ни в их Тампе, ни в нашем Сан-Франциско такого заведения нет и не будет. Они хотели нас поразить and they did!!

Все те же Коганы предложили нам пойти на выставку с интригующе-веселым названием «Куда король пешком ходил». С подзаголовком «Гигиена в контексте истории». Мы нашли, что отправиться на такую выставку после обеда в «Пушкине» было бы вполне логично. Выставка проходила в Государственном Историческом Музее по волнующему сердце адресу: Красная Площадь, дом 1. У входа мы увидели фигуру богини Гигеи

(покровительницы чистоты, от имени которой произошло слово "гигиена"), покоящуюся на гигантском рулоне туалетной бумаги. Вообще-то, этот претенциозно-наивный монумент не показался нам образцом хорошего вкуса, но мы все-таки купили билеты, о чем ничуть потом не пожалели.

Побродив по выставке, мы узнали о культурных особенностях самой что ни на есть деликатной стороны жизни разных народов мира и разных эпох, с X по XX век. Среди огромного количества любопытнейших экспонатов, был один, который особенно поразил мое воображение редким сочетанием изящества формы с глубиной содержания. Это русское деревянное "ретирадное кресло" (в просторечии - стульчак) николаевского ампира со скрытым ватерклозетом, позволявшее его состоятельному обладателю справлять естественные нужды и одновременно принимать гостей.

Хаотически бороздя переулки старой Москвы, мы неумеренно восхищались красотой московских особняков, не замечая новодела, на который нам указывали возмущенные Коганы. И это неудивительно: ведь мы – «гости столицы», в то время как они - коренные москвичи. Но если нам самим, безо всякой подсказки что-то откровенной пошлостью било в глаза, мы не ленились это «что-то» фотографировать. И, вот, поди ж ты, пригодились.

Пошлейшая «Пушкинская Ротонда» у Никитских Ворот. «Давайте потанцуем», - название бы подошло, правда?

«Обручалочка» - вывеска над магазином обручальных колец на Старом Арбате. Вообще, нигде пошлость не проявляется

как в названиях и вывесках. Крем для рук: «Бархатные Ручки». Салон Красоты: «Карамелька» и т.д., и так на каждом шагу.

В кубинском ресторане, куда нас по незнанию занесло, в меню почему-то наличествует окрошка (в октябре!!), селедка под шубой и вареники. Но по стенам развешаны фотографии полуголых кубинских красавиц. Совет: на Старом Арбате не надо обедать. Сама эта улица, воспетая Окуджавой – сегодня, увы – апофеоз пошлости. Пучеглазые матрешки в нескончаемых сувенирных лавках, наглые зазывалы (почему-то в качестве зазывал наняты негры в красноармейских ушанках) и толпы туристов, которые смотрят не на московскую жизнь, а на этих зазывал, матрешек и друг на друга. Памятник Окуджаве, якобы идущему по Арбату, «очень похож» и, вместе с тем, или именно поэтому - ужасен.

Вывеска на Кузнецком мосту. Все смешалось в доме Облонских: В баре/гриле под названием «КГБ» проводится выставка современных российских иконописцев «Свет Троицы»

По фотографиям видно, на какие пустяки мы обращали внимание. Но, один, государственной важности, хотя и незафотографированный объект, вернее, объекты, повергли нас в глубокий шок, когда мы направили наши стопы в Кремль. С изумлением чужестранцев мы увидели, что рубиновые звезды на башнях Кремля до сих пор не демонтированы!!! Я же, по наивности, была уверена, что их давно скинули. Установленные в разгар ежовщины, в ноябре 1937 года, они всю сияют и освещают... Поговорив с аборигенами, узнали, что в стране давно идет дискуссия, снимать звезды или нет. "Ведь к ним уже привыкли за 75 лет", - озвучил по телику мнение народа представитель знаменитой фамилии Никита Михалков!! Ну что сказать на это? Это, как если бы сегодня, по фасаду Бундестага пустить свастики с красивой подсветкой.

Переделкино

Как у всех, давно и прочно «подсевших» на семействе Чуковских, давно была мечта – поехать в Переделкино. Мечта сбылась. Поехали туда воскресным утром, на машине. Ехали через пламенеющее золотом и багрянцем Подмосковье. Для таких, как мы, кто годами не видит осеннего леса – уже радость. Коганы решили начать с дачи-музея Пастернака, а мы с Сережей двинули на кладбище.

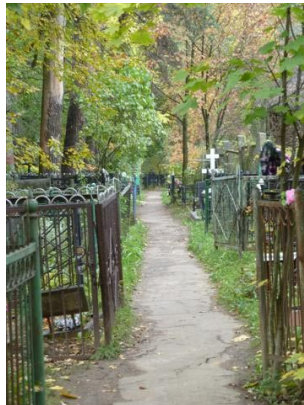

Так выглядит вход на переделкинское кладбище. На ржавой доске требование ссыпать мусор с могил только сюда.

Пошли по тропинке, ища указатель к могилам Пастернака и Чуковских. Указателя не было. Прошли минут 10. Вернулись. Прямо к кладбищу (через стоянку автомобилей) примыкает Резиденция патриарха всея Руси. На стоянку каждую секунду

подъезжали машины. Много молодых семей. Женщины с младенцами на руках. Видимо, в этот день в церкви при резиденции был обряд крещения. Молодые матери пересекали площадку как-то неуверенно, ступали слишком осторожно, как будто у них лезвия ножа, вместо ног, как у Русалочки андерсеновской. Приглядевшись, поняла, что осторожность не от того, что несли конверты с младенцами. Почти все они были в туфлях на ужасающе высоких каблуках. Такая мода нынче в Москве (да и не только в Москве, но нигде больше в Европе ей не следуют столь фанатически) на женскую обувь: закругленный нос, громадная платформа и невероятной высоты каблук-шпилька. Безобразно и к тому же опасно для здоровья.

Время шло, и, отчаявшись, мы стали спрашивать у прибывающих на крестины, не знает ли кто, в каком направлении могилы. Никто не знал. Возможно, что они вообще не подозревали о каких-то знаменитых могилах на этом сельском кладбище. Я успела мельком поговорить с несколькими пожилыми женщинами. У женщин истертые жизнью, страдальческие лица. Они мне рассказали, что приезжают сюда к старцу - отцу Илие. Что он заочно, по фотографии благословляет мужей-алкоголиков на излечение и они излечиваются.

Уже совершенно разуверившись в успехе, увидели вдруг двух молодых особ, очень уверенно углубляющихся внутрь кладбища вдоль правой ограды. Догнали. Спросили. Да, знают. Но только - к могиле Пастернака. А дальше я уже сама найду. Помнила, что Чуковские и Пастернаки лежат рядом. Обе женщины не по-здешнему смуглые, черноглазые, вполне прилично говорят по-русски, с каким-то милым и неопределимым

акцентом. Оказалось – журналистки из Барселоны. Живут в Москве и пишут для тамошней газеты или журнала.

По желтому ковру, под листопадом дошли до тех самых трех знаменитых пастернаковских сосен. С двух сторон от могилы Пастернака - плиты, под которыми лежит его жена, Зинаида Николаевна, и их общий сын Леонид Борисович Пастернак. Остановились. На вопрос, почему они здесь, девушки ответили, что любят Доктор Живаго. Стихов из него не знают. Вообще, стихов Пастернака не понимают. А у меня, как раз, все наоборот. Никогда не смогла себя заставить дочитать Живаго до конца. Стихами же из него жива до сих пор. Начала им рассказывать про Ольгу Ивинскую, (они не знали совсем об этом), про Малую Дачу, которую он снимал в соседних Переделках для нее, про то, как он ушел туда, к ней, с Большой Дачи, в свой последний Новый Год, как только куранты пробили 12. Про Лару из Живаго, что она составлена из З.Н. и Ивинской, почти поровну. Про то, как беременная на девятом месяце З. Н. умоляла его подписать вместе с другими писателями расстрельное письмо в 36-ом («Боря, пожалей ребенка»), а он не подписал, сославшись, что вырос в доме, где был культ Толстого. Девушки выказали невероятную заинтересованность, просили как дети: «Еще, еще нужно рассказать». Не могли понять, почему я с такой симпатией говорю о безалаберной, любящей дорогие заграничные тряпки Ивинской и с такой неприязнью - о практичной Зинаиде Николаевне. «Что

плохо, что она всегда имела обед?». Эта тема могла меня завести слишком далеко. И я предложила продвинуться вперед, к могиле Чуковского, имя которого им было неизвестно. Они согласились, но попросили прочесть что-нибудь из Пастернака. Прочла из «Августа». А из чего еще читать, здесь...

*..И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,
Нагой, трепещущий ольшаник
В имбирно-красный лес кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник.
С притихшими его вершинами
Сосуществовало небо важно,
И голосами петушиными
Перекликалась даль протяжно...*

Нет, понять до конца, до горловых спазм, почему это так прекрасно, нельзя никому, кто не говорит с детства по-русски. Вот, я сама, сколько не подступалась к стихам Одена, не понимаю, в какой момент получать удовольствие. А уже 20 лет в англоязычной среде.

Могилы Чуковского, его жены Марии Борисовны - в двух шагах от Пастернака. Справа от них – могоильная плита, Лидина. Крестов на этих могилах нет. Отец и дочь были убежденными атеистами. Собственно, ради того, чтобы постоять у плиты с именем «Лидия Корнеевна Чуковская», я сюда и приехала. Когда-то, она писала:

*"Вот так же будут на могиле
Сходиться и мои друзья*

*Печалься, что меня зарыли
И услышать меня нельзя.
И так же будут торопиться
На электричку, по делам,
И впечатленьями делиться
От новых радиопрограмм".*

Это место очень часто упоминается в дневниках Корнея Ивановича. Мария Борисовна умерла в 50-ых. 21 февраля, в каждую годовщину ее ухода, он приходил сюда вплоть до самой своей смерти, в 69-ом. «Вот и 8 лет миновало с тех пор как скончалась моя милая Мария Борисовна. Сегодня еду на ее могилу, как всегда растерянный, без какого-нибудь единого чувства... Все мое оправдание перед ней, что скоро, очень скоро я лягу навеки рядом с ней, искуплю все свои вины перед нею, вольные и невольные...»

После кладбища мы воссоединились с Коганами в ресторане с горьковским названием "Дети Солнца": по лестнице вверх, во втором (необычайно унылом, в сравнении с первым) корпусе Переделкинского Дома Творчества. Добротная, безликая еда. Назойливо блеет по кругу Демис Русис. На стенах криво развешенные в дешевых пластмассовых рамочках фотографии "деятелей культуры". Почему Демис Русис? Не знаю. Необъяснимо, особенно когда узнаешь, что имя ресторатора - Иван Панфилов, и что он ни кто иной, как сын кинорежиссера Панфилова и актрисы Инны Чуриковой.

Наконец, входим на территорию Дома- Музея Чуковского и идем бродить по участку.

Летний домик, без фундамента, который Корней Иванович подарил Лидии Корнеевне. В семье Чуковских его

называли "Пиво-Воды". Чтобы писать, ей нужна была абсолютная тишина. А на даче бесконечно гостили, шумели приходящие к дедушке Корнею дети, безобразил подросший племянник, Женя, с которым она не ладила.

В «Пиво-Воды» написана большая часть ее гениальной публицистики. «Прорыв Немоты». "Процесс исключения". Написаны уходившие в самиздат «Открытые Письма» в защиту Бродского, Даниеля и Синявского, Сахарова и до последнего дня ее жизни боготворимого ею Солженицына.

В этом месте нельзя не вспомнить ее стихи о себе. О своем даре.

*Маленькая, немощная лира.
Вроде блюда или скалки, что ли
И на ней сыграть печали мира!
Голосом ее кричать от боли.
Неприметный голос, неказистый,
Еле слышимый, сброшенный со счета.
Ну и что же! Был бы только чистый.
Остальное не моя забота.*

Как и договорились, встретились с испанскими девушками у Чуда-дерева, обвешанного настоящими детскими ботиночками. Лицеズрение этого дерева с сопутствующими разъяснениями вызвало у них детский восторг.

Вместе с ними и Коганами идем на экскурсию по Дому. Там Наташа. Чудная. «Мы все тут Чуковскими зараженные», - говорит Наташа, и я сразу ее люблю. Живет она в Клину. Оформлена второй ставкой сторожихой. Домой ездит раз в неделю. Простое, курносое лицо. Говорит изумительно, вольно переходя от главного объекта – Дома Чуковского – к друзьям дома –

Ахматовой, Пастернаку, Паустовскому, но неизменно возвращаясь к Дому с его уникальными экспонатами и к его Хозяину. Говорит, как говорят с друзьями, в формате диалога, а не начетнически. С особым удовольствием отвечает на вопросы о Солженицыне, который в этом доме несколько раз находил убежище. «Вот за этим столом Ал. Исаевич написал свое знаменитое «Письмо Вождям». Смотрю, трогаю, с благоговением. Студенткой его наизусть заучила, это письмо».

Спрашиваю ее об отношениях между отцом и дочерью. «Он ведь не любил Лиду, правда? Ценил, уважал, доверял, но не любил?». Не шарахается от вопроса. «Она ото всех, и особенно от отца, ожидала такого же мужества, которое для нее самой было будничным, ежедневным делом... Таких людей любить трудно. Но отец понимал, что называется, «масштаб личности», и изо всех своих потомков, именно ей и ее дочери, Елене Цезаревне, завещал архив и доходы от продажи своих книг, – отвечает Наташа. И добавляет: "Если бы не Елена Цезаревна, нам конец. У федералов на наш музей денег почти нет". В это время чужестранные девушки шепчут мне что-то в самое ухо. С трудом разбираю слова: "Мы дали ей вопрос (имеется в виду экскурсия в Музее Пастернака)– кто есть Ольга Ивински? Она нам дала ответ - это имя не должно здесь говорить".

Надо же. Как чувствовала, что не надо туда идти. И Коганы подтвердили, что там было скучно. Потому, что там нет такой Наташи. А, кажется, невестка З.Н. водит экскурсии. Она, правда, недавно переиздала переписку между З. Н. и Пастернаком.

Он так ее (З. Н.) любил когда-то, что ревновал к ней антресоли, которые сверху любят ее прекрасными плечами.

«Как то, что даже антресоль при виде плеч твоих трясло».

Ну, все, Остапа понесло. Надо остановиться, оставить место для Питера.

Питер

Путешествие из Москвы в Петербург» совершили на скоростном «Сапсане». Не помню, что играли 20 лет назад при отправлении с Ленинградского вокзала «Красной Стрелы», но за те годы, что я не передвигалась между двумя столицами на поезде, «новые песни придумала жизнь». На отбытие «Сапсана», в пафосной манере Краснознаменного хора гремит на весь вокзал знаменитая гамзановская «Москва»

Продолжается русский язык.

В ярком злате святых куполов

Гордо множится солнечный лик.
С возвращеньем двуглавых орлов

За пять часов дороги попутчики многое нам разъяснили,
про то, что здесь есть и что будет.

Само собой, возникает соблазн описать попутчиков... Но, нельзя. Надо переходить к делу. Необходимо только упомянуть, что попутчики наши, прознав, что мы давно не были в Питере, в один голос засылали нас в ресторан «Палкинъ», на углу Невского и Владимирского. В мою бытность там был кинотеатр «Титан». А в конце 19-го века здесь тоже был ресторан, которым владел один из представителей известной династии рестораторов Палкиных. Постоянными посетителями этого знаменитого места были Чайковский, Чехов, Куприн, Блок, Бунин, Менделеев, Достоевский. Это последнее обстоятельство и решило вопрос в пользу посещения «Палкина».

Ресторан «Палкинъ». В сортире много позолоты, как в церкви.

В воскресенье, в пять вечера, в огромном зале окнами на Невский был занят только один столик – наш.

Зато обносили этот единственный столик четыре молодца. По одному – на каждого едока. Почему зал был пустой – поняли слишком поздно, уже после того, как отобедали. Названия блюд в этом ресторане такие же помпезные, как и сортир, к тому же очевидное вранье: «МРАМОРНОЕ МЯСО ВАГЬЮ ОБЖАРЕННОЕ НА ВУЛКАНИЧЕСКОЙ ЛАВЕ». Цены астрономические. Еда, в отличие от названий, вполне заурядная. Халдеи навязчиво и притворно лебезят на один манер. Лица молодые, но стертые, как пятаки. Выражение на лицах - торжественное, как будто они высшей силою призваны тут служить. Весь обед утомляли перечислением полезных минералов и витаминов, которые содержат заказанные нами блюда. Как будто мы пришли в аптеку.

Вырвались из «Палкина» на Невский. Дождь, все мерзнут, а мне кажется, что дождь теплый. В первый день в Питере мне все

нравится, решительно все, без исключения. И так бывает каждый раз, когда я приезжаю в родной город. А за 20 лет эмиграции я приехала сюда уже в седьмой раз. Пешком идем на Лиговку, к Октябрьскому залу, на концерт Монсерат Кабалье. Друзья сделали нам такой подарок. С ужасом узнаю, что билет в 16-м ряду стоит 150 долларов. Зал, между тем, почти заполнен. Интеллигентных лиц почти нет. Где эти лица возьмут 150 долларов за один билет? Поет знаменитая дива, если это слово применимо к женщине 77-лет, с петербургским симфоническим оркестром, но дирижера привезла своего. Выходит, опираясь на палку. Вернее, он ее выводит. После каждой арии, так же медленно, держа его под руку, уходит за сцену. В конце, великая старуха не убоилась и выдала под восторженные выкрики из зала Хабанеру из Кармен!! Когда зал бисирует, она сидит, видимо, не в силах уже стоять, даже опираясь на палку. К ней бегут по проходам с цветами. Десятки людей. В основном женщины. Каждый подносител цветков страстно ее лобызает, вручая букет. Она, надо полагать, от этого в полном ужасе, потому, что дождь, осень, грипп.

Пока идем к Лиговке, видим бесконечные рекламы японской еды. Sushi Rolls называются здесь очень забавно - «роллы». Как видите, любой гражданин может пойти в Мастер Класс и бесплатно выучиться катать эти самые ролы, и тем самым приобрести модную и востребуемую профессию. Этот дикий перевод рекламы капучино выставлен в окне вполне уважаемой кофейни. Вообще, безграмотные, в силу абсолютно непрофессионального (дословного) перевода рекламы, вывески и билборды преследовали нас и в Москве и в Питере на каждом шагу. Да, что – билборды! Тот русский, на котором когда-то (лет двадцать тому) говорил, даже когда перебирал по части матерка, питерский народ, нынче в России не в ходу. Кругом, в магазинах, в метро то и дело слышны обрывки какого-то

дикарского новояза: креативные тренды, зафейсбученные френды и дешевые секонд-ханды. За что они так с «языком своей матери»? Дальше не пойду - не мой вопрос.

Вот оно, ЩАСТЕ.

После 10 октября резко похолодало, как это всегда бывает в Питере. Я помню это, до сих пор помню. А мы все тянули, пока было тепло, так и не успели покататься по каналам.

Канал Грибоедова. Встретились здесь с нашим институтским приятелем. (по ЛЭТИ). В те незапамятные времена, когда мне было 18, а ему пятью годами поболее, я была в него глубоко-безнадежно влюблена. Он мне только что показал фотографию любимого внука, а я, за неимением оных, хвастаюсь

перед ним августовской «Звездой», где опубликована «В переулке Ильича».

Подшли к дому номер 38 на Гороховой. Тот самый, помните, который «этот был большой, мрачный, в три этажа, без всякой архитектуры дом». Считается, что именно здесь Рогожин прирезал Настасью Филипповну. Но нас в этом доме ждала нечаянная радость. Там оказалось крошечное кафе с обычной (как когда-то) вывеской «Пышки». Мы, конечно, рванули вовнутрь, в момент позабыв о несчастной судьбе самой inferнальной из всех inferнальных героинь Достоевского. Там тоже все было, как раньше - т.е. простой стеклянный прилавок, а за ним пышки. Взяли только по одной (боялись поправиться, идиоты), щедро обсыпанной пудрой и к этому - по молочному коктейлю. И то и другое было точно такого вкуса, как когда мы поженились. За это неслыханное наслаждение мы заплатили не больше двух, трех долларов. Понимаете, к чему я клоню: а в "Палкине"...

Летний Сад закрыт на ремонт. Гуляли в Михайловском. Вдруг увидела, что старушка передо мной наклонилась над своим

правом ботинком, и пытается правой рукой (ручкой) застегнуть застёжку, левой опираясь при этом на палку. Помогла ей, через «Ничего, доченька, сама управлюсь». Бывший блокадный ребенок. Выжила. Живет одна, пока *“управляется”*. А башмачки у нее на липучках, между прочим, а не на каких-то старомодных шнурках. Слезающиеся глаза, бледное, в синеву, лицо, на котором выражение необычайной кротости. Хотела попросить разрешения сделать фотографию, но не стала, и сняла ее со спины, уходящую по дорожке сада. Нет ничего грустнее и поэтичнее, чем спины уходящих стариков.

Подвальные окна Лаборатории Бесконтактной Техники. Переулок Ильича переименовали обратно в Казачий Переулок. А в подвале, где так счастливо протекала описанная мною 30 лет спустя жизнь – теперь швейная мастерская. За углом, на Загородном, где была булочная, и к булочке, облитой сладко-белой помадкой можно было за 10 копеек прикупить благородный напиток белого цвета, отдаленно напоминающий кофе с молоком, там теперь интернет-кафе. Сидят молодые люди, барабанят как зайцы по клавиатуре. Пьют кофе-лате из высоких бумажных стаканов. Все как у людей. Я зашла туда и не сдержалась... заплакала от нестерпимо ярких воспоминаний...

Пошли по Загородному, по направлению к дому у Пяти Углов (Утюг). Дом памятный. Здесь жила Лидия Чуковская и Матвей Бронштейн. Я не знала, с какой стороны установлена мемориальная доска, с Рубинштейна или с Загородного. Стали искать. Нам в помощники (за определенное вознаграждение, разумеется) напросилась группа «свободных художников». У того, что стоит позади меня, тапки привязаны к голым ступням грязными веревочками. Все конченые, но все равно – люди, и довольно смысленные, живые, шуткуют, хотят блеснуть. Выговор у наших ленинградских алкашей чистейший. Беспримесный

питерский говорок, и все на «Вы» ко мне, исключительно на «Вы».

А меня это одно уже к человеку располагает... Услышав фамилию Чуковского, почему-то развеселились. Наверно подумали, - вот тетенька такая взрослая и дяденька седой, а интересуются глупостями. Муха-цокотуха, МойДодыр...

Один, самый живописный, отделился от группы, чтобы попросить меня о дополнительном вознаграждении за хлопоты по поиску доски. Убеждал он меня очень смешно: «Дайте хоть сколько, на поправку, и *эти* (презрительный взгляд назад, на оставленную группу) меня сегодня *обещутся*». Я вняла и дала. Просто объясняю, почему я так безобразно и неуместно скалю зубы под доской, установленной 26 марта 1997 года, с таким текстом: "В этом доме с сентября 1935 года жили: до мая 1941 г.

писательница Лидия Корнеевна Чуковская (1907-1996) и до ареста в августе 1937 г. физик теоретик Матвей Петрович Бронштейн (1906-1938, расстрелян). Здесь в 1939-1940 гг. была написана "Софья Петровна" - повесть о большом терроре". Формат этих заметок не позволяет рассказать о леденящей кровь истории времен ежовщины, случившейся с Лидией Корнеевной, когда она жила в этом доме. Интересующихся отсылаю к уникальному материалу опубликованному в 1999-м в «Звезде».

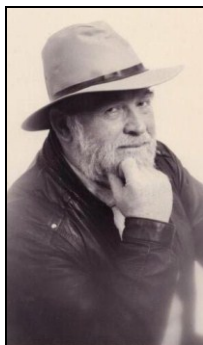
Пока пешком добрались до Театральной Площади – стемнело. Здесь, в славном, тихом заведении под неприятной вывеской «Театральное Кафе», с окнами на Мариинку и Консерваторию, мы провели последний питерский вечер. С нами были замечательные питерские люди: Самуил Лурье и его жена Эля. В продолжение темы: Лурье был близко знаком с Лидией Корнеевной, писал предисловия к книгам о ней. Теперь поддерживает отношения с дочерью Л.К., Еленой Цезаревной. Мы поведали ему о встрече с алкашами у Пяти Углов. А он, как будто бы восстанавливая некий необходимый баланс, рассказал, как добивался открытия этой самой мемориальной доски, писал для нее текст, и присутствовал при ее открытии. Еще он рассказывал ошеломительные вещи о верующих паломниках из Архангельска и других северных городов, которые почитают атеистку Лидию Корнеевну, как святую, и приезжают в Питер, поговорить о ней, дотронуться до нее через тех, кто ее знал. Почитают они ее за «Софью Петровну». За то, что первой (е 1939-ом) бесстрашно встала против Тотального Зла. Это какое-то новое движение в среде русского православия. «Разумные верующие», - как сказал Лурье. Кроме Чуковских меня с этой парой сближает еще одна тема: Герцен. Лурье принадлежат к тому маргинальному и на глазах исчезающему типу людей, которые читают Герцена просто так, для удовольствия, на сон грядущий. У нас начался разговор о

только что изданной книжке Ирены Желваковой о Герцене, которую я надыбала всего неделю назад в Доме Музее Герцена на Сивцев Вражек, в Москве. Оказалось - Лурье эту книгу рецензировал. В книге впервые в герценоведении детально говорилось о любовной переписке между Натальей Герцен и поэтом Георгом Гервегом. Письма в книге не приводились, но пересказывались. Это было условие потомков Герцена в Швейцарии. Иначе они не дали бы автору их прочитать. Перипетии этой самой (для меня) захватывающей в мире любовной драмы (просто оттого, что один из участников – Герцен!) пунктиром обозначены в «Былое и Думы». Я выразила мнение, что в новой книге взята неверная интонация. Дамская, наивно-восторженная и к тому же неумно патетическая, и потому - анти-герценовская. Лурье же, со своей стороны, заметил, что кроме благодарности, мы автору ничего не должны. Короче, три часа были проведены в разговорах самых для меня упоительных. Завтра – Хельсинки.

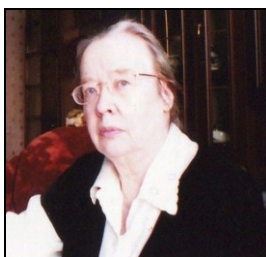
Сан-Франциско

Об авторах

Евгений Майбурд – экономист, автор статей по истории, религии, культуре.

Наталья Завойская – научный сотрудник НИЦ «Курчатовский институт», издатель трудов отца – академика Завойского.

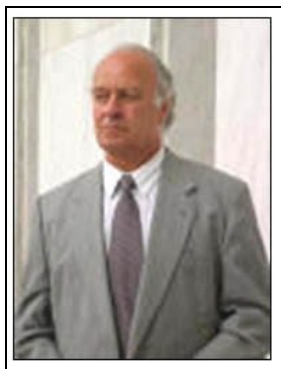
Эдуард Бормашенко – публицист, физик. Живет в Ариэле, Израиль.

Максим Кантор – российский художник и писатель.

Артур Штильман – скрипач, автор книг о музыкантах.

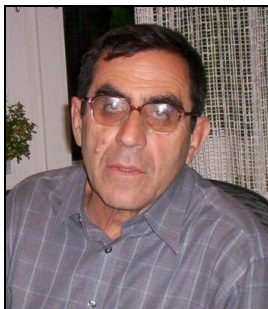
Виктор Юзефович – искусствовед, писатель.

Лев Мадорский – музыкант и учитель музыки, автор статей и книг на темы русскоязычной иммиграции.

Геннадий Несис – доктор педагогических наук, профессор, международный гроссмейстер ИКЧФ, сеньор-тренер ФИДЕ, международный арбитр, заслуженный мастер спорта России, заслуженный тренер России, литератор, журналист.

Юрий Фельдман – врач-психиатр, литератор.

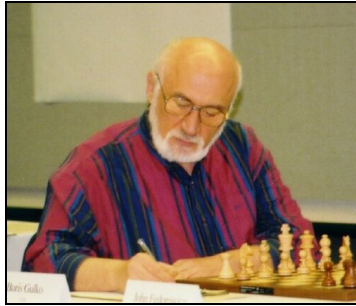
Игорь Ефимов – писатель, философ, издатель.

Илья Куксин – инженер гидролог, публицист. Живёт в Америке.

Юлия Драбкина – филолог, пишет стихи.

Борис Гулько – международный гроссмейстер,
профессиональный шахматист

Борис Курланд – доктор медицинских наук, поэт, писатель.
Автор двух книг. Живёт в Израиле

Фреда Калин – инженер, публицист

Елена Мазур-Матусевич – писатель, художник, филолог.

Владимир Савич – литератор

Алекс Тарн – литератор, переводчик, драматург.

Юрий Магаршак – президент нью-йоркской фирмы "Math Tech Inc, исполнительный вице-президент Международного комитета интеллектуального сотрудничества (Нью-Йорк).

Соня Тучинская – программист, публицист

Журнал «Семь искусств», сентябрь 2012
ред.-сост. Евгений Беркович
изд-во «Общества любителей еврейской старины»
Ганновер 2012, 414 стр. 20,05 а. л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер
Общество любителей еврейской старины